

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ

Сборник материалов
3-й международной научной конференции
23 марта 2016 г.

Курганский
государственный
университет

Библиотечно-издательский
центр
65-48-12

Министерство образования и науки Российской Федерации
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Курганский государственный университет»

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ
В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ**

Сборник материалов 3-й международной научной конференции

23 марта 2016 года

Курган 2016

УДК 801 (08)

ББК Зауралье Ш + 81, 2

У 59

Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах : материалы 3-й международной научной конференции (23 марта 2016 г.). – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – 284 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

В сборнике представлены материалы 3-й международной научной конференции, состоявшейся 23 марта 2016 года на кафедре английской филологии КГУ. В своих статьях участники конференции касаются различных аспектов проблематики типологических схождений и национального своеобразия в мировом лингвистическом и литературном процессе.

Материалы сборника можно рекомендовать как сформировавшимся исследователям, так и студентам, магистрантам, аспирантам, только начинающим свой путь в науке.

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук Д.В. Портнягин (отв. редактор), д-р филол. наук, доц. Н.Н. Бочегова, д-р филол. наук, доц. Н.Н. Цыцаркина, К.В. Козлов (техн. редактор).

УДК 801 (08)

ББК Зауралье Ш + 81, 2

ISBN 978-5-4217-0376-1

© Курганский государственный университет, 2016

© Авторы, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ежова Н.С., Закирова Н.Н. (Казань, Глазов) Образы природных стихий в романах А. Пушкина и Г. Сенкевича.....	9
Жукова И.М. (Курган) Художественный мир повести-сказки Пала Бекеша «Горе-волшебник».....	14
Лазарева Т.Г. (Курган) Образ Британии в поэме Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда»	19
Мирский Р.В. (Курган) Особенности пространственно-временной организации романа Ильи Бояшова «Армада»	24
Портнягин Д.В. (Курган) Физиогномика в новелле Ф. Шиллера «Преступник из-за потерянной чести»..	27
Садомская Н.Д. (Оренбург) Особенности поэтики исторического романа Г.Р. Хаггарда «Хозяйка Блосхолма»	31
Сысуева Р.П. (Курган) Заметки об орфографии мемуаров Н.И. Греча «Записки о моей жизни» (1866).....	37
Ульянин В.Ф., Тимофеева Т.Н. (Курган) Стилистические особенности произведений В. Гауфа и Ф. Кафки	40
Фролова Т.О. (Курган) Многообразие форм циклизации в цикле «Они жили долго...» Л. Улицкой.....	48
Цветков Ю.Л. (Иваново) Искушение символизмом: Стефан Георге и его последователи	55
Черменина Е.Н. (Санкт-Петербург) Тема Божьего промысла в романе К.С. Льюиса «Покоритель Зари»	62
Maral O. (Wien, Österreich) Blankvers in Goethes «Iphigenie auf Tauris» und Puškins «Boris Godunov»	67
Maral O. (Wien, Österreich) Die Motive des Lichts und der Dunkelheit in Grifel'naya Oda von Mandel'stam	75

КУЛЬТУРА. ТЕКСТ. ДИСКУРС

Галичкина Е.Н. (Астрахань) Аббревиация в актуальной и сетевой компьютерной коммуникации.....	84
Денисова Е.А., Лапина Ю.И. (Санкт-Петербург) Кодовое переключение в речи билингвов (на материале произведения Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта».....	88
Драгунова О.С. (Курган) Зауральская загадка как культурно-маркированный текст (по рукописи собирателя середины XIX века А.Н. Зырянова).....	93
Закирова Н.Н. (Глазов) Местнографичность «фольклорных страниц» В.Г. Короленко.....	98
Иванова О.И. (Якутск) Проблема скитальчества в рассказах В.Г. Короленко «Фёдор Бесприютный» и «Птицы небесные»	102

Клейменова В.Ю. (Санкт-Петербург)	
Интекст vs. Интертекст	106
Кривоногов А.В. (Курган)	
Речевое воздействие и манипулирование как феномен политического дискурса	111
Кувалина С.С. (Курган)	
Речевая агрессия в публицистике А. Проханова.....	114
Назарова Т.Б. (Москва)	
Кросс-региональная семиотика в составе англоязычного литературного произведения.....	117
Самойлова Г.М. (Курган)	
«Роман» Гоголя с Римом	122
Смакотина Т.М. (Курган)	
Некоторые аспекты метафоры в англоязычном математическом дискурсе	126
Фёдорова В.П. (Курган)	
Лабиринт исторических и мифологических мотивов в культуре села Сунгурова.....	132
Швед И.А. (Брест, Беларусь)	
«Текст ласточки» в белорусской традиционной культуре.....	137

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

Бочкарёва Н.С., Майшева К.А. (Пермь)	
Экфрасис рекламного плаката в романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»	145
Галичкина Е.Н. (Астрахань)	
Современные подходы к изучению лингвистического феномена билингвизма	150
Иванова Ю.Н. (Курган)	
Бытие языка в тексте	154
Кабыш В.И. (Курган)	
Процессуальные фразеологизмы в «Литературной газете»	159
Какзанова Е.М. (Москва)	
Человек в языке и термине: Платон и платонизм	165
Калачёва Е.В. (Курган)	
Антропология языка в герменевтической философии.....	171
Каликова А.М. (Астрахань)	
Разграничение грамматической и коммуникативной функции связки 是 (shì) в китайском предложении	175
Кириллова Т.С., Одишелашвили И.Р. (Астрахань)	
К вопросу о терминологической номинации	179
Кошелева О.Н., Солохина И.С. (Астрахань)	
Из истории появления новых терминов и профессионализмов в немецком языке как результата промышленного производства компьютеров в Германии	182
Мионова М.Ю., Киселёва С.В. (Санкт-Петербург)	
Метафоризация терминов английского языка (на примере инвестиционных терминов с содержательным ядром «компания»)	185

Носенко Г.Н., Кириллова Т.С. (Астрахань) Общепотребительная лексика народного врачевания.....	197
Maral O. (Wien, Österreich) Die syntaktischen besonderheiten in Otfrid von Weißenburgs «Evangelienbuch» ..	199

КОГНИВИСТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Бочегова Н.Н. (Курган) Этнокультурная специфика концептов повседневности	206
Казенас О.А. (Курган), Герэн Г. (Шато-Тьерри, Франция), Г.В. Казенас, Е.В. Казенас (Курган) Некоторые когнитивные аспекты терминологии настольного тенниса: русский, французский, английский языки.....	218
Киселёва С.В., Росянова Т.С. (Санкт-Петербург) Когнитивные аспекты исследования терминологии на современном этапе (на материале английской экономической терминологии)	224
Патов Н.А. (Санкт-Петербург) Значение экспериментов Ж. Пиаже для описания становления речи и когнитивных аспектов её развития.....	229
Сатина Д.Д. (Курган) Социально-психологический аспект темы игры в романе Дж.Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи».....	235
Украинцева Н.Е. (Курган) Концепт «природа» в фольклоре казаков Южного Зауралья	239

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Герэн Г. (Шато-Тьерри, Франция), Казенас О.А. (Курган) Аудирование как способ развития навыков общения на иностранном языке (Из опыта работы)	244
Герэн Г. (Шато-Тьерри, Франция), Казенас О.А. (Курган) Преподавание иностранного языка студентам неязыковых специальностей вуза: вопросы и ответы.....	248
Поманисочка М.А. (Курган) Топосы академического эссе.....	252
Порунцова Е.И. (Санкт-Петербург) Предупреждение и корректировка типичных лексико-грамматических ошибок монгологоворящих учащихся при обучении русскому языку как иностранному на уровне ТРКИ-1.....	259
Шихардина Л.Н. (Курган) Модель формирования межкультурной толерантности как личностного качества.....	261
Шмелёва Т.С. (Астрахань) Об отборе текстов для обучения профессиональному общению.....	266
Юркевич Л.Н. (Курган) Реализация акметехнологии формирования иноязычной медиакомпетентности	267
Сведения об авторах	276

CONTENTS

LITERARY CRITICISM AND PHILOLOGICAL ANALYSIS

Ezhova N., Zakirova N. Images of natural elements in the novels by A. Pushkin and G. Senkevich.....	9
Zhukova I. Artistic world of Pál Békés's fairy-tale novel «A kétbalkezes varázsló».....	14
Lazareva T. The image of Britain in Byron's poem «Childe Harold's Pilgrimage».....	19
Mirsky R. The characteristic of the special-temporal organization of Ilya Boyashov's novel «Armada».....	24
Portnyagin D. Physiognomy in F. Schiller's novelet «Der Verbrecher aus verlorener Ehre».....	27
Sadomskaya N. The poetical aspects/peculiar features of Haggard's historic novel «The lady of Blossholme».....	31
Sysueva R. Notes about the spelling of N. I. Grech's memoirs «Notes on my life» (1866).....	37
Ulyanin V., Timofeeva T. Stylistic features of works by W. Hauff and F. Kafka.....	40
Frolova T. The variety of cyclization forms in a series «Oni zhili dolgo...» by Ludmila Ulitskaya.....	48
Tsvetkov Yu. Temptation for symbolism: Stefan George and his followers.....	55
Chermenina E. Divine Providence in the novel by C.S. Lewis «The Dawn Treader».....	62
Maral O. Blankvers in Goethes «Iphigenie auf Tauris» und Puškins «Boris Godunov».....	67
Maral O. Die motive des lichts und der dunkelheit in <i>Grifel'naja Oda</i> von Mandel'stam.....	75

CULTURE. TEXT. DISCOURSE

Galichkina E. Abbreviation in actual (off-line) and Internet communication.....	84
Denisova E., Lapina Y. Code switching in the bilingual speech (on the basis of the novel «The French Lieutenant's Woman» by John Fowles).	88
Dragunova O. The transural riddle as the cultural marked text (based on the Zyryanov's manuscript (the middle of the XIX century)).....	93
Zakirova N. Local studies determinacy of «Folklore pages» of V.G. Korolenko.....	98
Ivanova O. Problem of a roguish style of life in the stories by V.G. Korolenko «Fyodor Bespriyutny» and «The Birds of heaven».....	102

Kleimenova V. Intext VS Intertext	106
Krivosnogov V. Speech influence and manipulation as a phenomenon of political discourse	111
Kuvalina S. Verbal aggression in A. Prokhanov`s journalism	114
Nazarova T. Cross-regional semiotics in the composition of the English language literary works	117
Samoilova G. Gogol's affair with Rome	122
Smakotina T. Some aspects of metaphor in English mathematical discourse.....	126
Fedorova V. The maze of historical and mythological motives in the culture of Sungurovo village	132
Shved I. «The text of the swallow» in the Belarusian traditional culture	137

LANGUAGE AND COGNITION

Bochkareva S., Micheva K. Ekphrasis of billboard in Fitzgerald`s novel «The Great Gatsby».....	145
Galichkina E. New approaches to studying linguistic phenomenon «bilingualism».....	150
Ivanova Yu. The genesis of language in the text	154
Kabysh V. Procedural phraseological units in «Literaturnaya gazeta»	159
Kakzanova E. A human being in the language and term: Platon and Platonism.	165
Kalacheva E. The anthropology of language in hermeneutic philosophy.....	171
Kalikova A. The grammatical and actual communication difference of the link word 是 (shi) in the Chinese sentence.....	175
Kirillova T., Odishelashvili I. To the question about terminological nomination.	179
Kosheleva O., Solokhina I. From the history of appearance of new terms and pro-fessional words in the German language as the result of industrial production of computers in Germany	182
Mironova M., Kiseleva S. Metaphorization of English terms (the case of investment terms with denotative nexus «company»)	185
Nosenko G., Kirillova T. The common vocabulary of native medical treatment.	197

Maral O. Die syntaktischen Besonderheiten in Otfried von Weissenburgs «Evan gelienbuch»	199
--	-----

COGNITIVE SCIENCE AND SOCIOLINGUISTICS

Bochegova N. Ethnospecific features of everyday culture concepts	206
Kazenas O., Guérin G., Kazenas G., Kazenas E. Some cognitive aspects of table tennis terminology: Russian, French, English.....	218
Kiseleva S., Rosyanova T. Cognitive aspects of studying the terminology at the present stage (the case of English economic terminology).....	224
Patov N. The value of the experiments of Jean Piaget in description of speech formation and cognitive aspects of its development	229
Satina D. Socio-psychological aspect of the theme <i>game</i> in the novel by J.D. Salin-ger «The catcher in the rye»	235
Ukrainitseva N. Concept «nature» in Cossacks folklore of South Zauralye.....	239

LINGUODIDACTICS

Guérin G., Kazenas O. Listening as a way to develop communication skills in a foreign language (A posteriori)	244
Guérin G., Kazenas O. Teaching a foreign language to university students of non-linguistic majors: questions and answers	248
Pomanisochka M. Topoi in academic essay.....	252
Poruntsova E. Prevention and correction of common lexical and grammatical mistakes of Mongolian-speaking students in teaching Russian as a foreign language to TRKI-1 level	259
Shihardina L. Model of building intercultural tolerance as a personal quality.....	261
Shmeleva T. On the selection of texts for teaching professional communication	266
Yurkevich L. Implementation of ICT technology to develop foreign language media competence	267
Information about the authors	276

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Н.С. ЕЖОВА, Н.Н. ЗАКИРОВА
(Казань, Глазов, Россия)

ОБРАЗЫ ПРИРОДНЫХ СТИХИЙ В РОМАНАХ А.С. ПУШКИНА И Г. СЕНКЕВИЧА

Аннотация: В статье анализируются исторические романы А.С. Пушкина и Г. Сенкевича о народных восстаниях в России и на Украине. Анализ произведений «Капитанская дочка» и «Огнём и мечом» в содержательном и идейном плане в трактовке крестьянских войн под предводительством Е. Пугачёва и Б. Хмельницкого дан в сравнительном плане. Писатели активно используют символику таких природных стихий, как земля, вода и огонь. В статье применены культурно-исторический, мифологический и компаративистский методы исследования произведений русской и польской литературы.

Ключевые слова: русская и польская литература, А.С. Пушкин, Г. Сенкевич, исторический роман, символика, природные стихии Земля, Вода, Огонь, Воздух.

Природные стихии Земля, Вода, Огонь и Воздух привлекали внимание многих писателей. В их числе – классики русской и польской литературы: «наше всё» А. Пушкин и нобелевский лауреат Г. Сенкевич (1846-1916).

Семантический мир писателей-реалистов многозначен и символичен при художественном воспроизведении таких социальных катастроф, как народные восстания под предводительством Емельяна Пугачёва и Богдана Хмельницкого. В исторических романах «Капитанская дочка» (1836) А. Пушкина и «Огнём и мечом» (1884) Г. Сенкевича по-разному взаимодействуют оппозиции: Земля и Вода, Огонь и Земля. В произведениях описаны конкретные лица, события и места, но через них передаётся вечное, архетипическое значение войны вообще и участвующих в ней героев. Архетипы-герои в обоих произведениях наполняются разным содержанием, постоянно обновляются, так как осознают, что их миссия – упорядочить исторический хаос и установить социальную справедливость.

При сопоставлении двух текстов можно обнаружить много общего. Например, в «Капитанской дочке» и в романе «Огнём и мечом» общее архетипическое в двух главных героях – скрытая богатырская сила – ассоциируется со стихией огня.

А.С. Пушкин о пугачёвщине как «неведомой силе»: «Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости видел он множество <i>огней</i> и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила » [4, с. 44].	Г. Сенкевич о Б. Хмельницком: «А между тем в обличье мужа сего было явно что-то необыкновенное – некая скрытая сила , которая точно <i>пламя жаром</i> , дышал весь его облик; некая железная воля, свидетельствовавшая, что человек этот ни перед чем и ни перед кем не отступит» [5, с. 30-31].
---	--

Как видим, в картине пугачёвского движения и в портрете Б. Хмельницкого авторы используют ключевое слово – **сила** и слова-спутники **пламя, жар, огни**, которые передают размах и мощь крестьянских войн, готовых, подобно вулкану, прорваться и преподнести поучительный урок власти, ущемляющей свободу, права и независимость простого люда как в России, так и на Украине.

Природные стихии в обоих произведениях являются ассоциатами социальных катастроф и духовных кризисов героев.

В пушкинской «Капитанской дочке» природные стихии раскрываются как символ исторических катастроф, жизненных потрясений, ставящих героев перед нравственным выбором. Так, в произведении напряжённо работает параллель: *снежная стихия – народная стихия* во время Пугачёвского восстания. Крестьяне разных национальностей были оторваны от **земли** и брошены в **стихию Огня**, сражений. Непрерывающиеся волнения крепостных крестьян и военных поселенцев создавали напряжённую ситуацию в России, рождали в рядах наивную веру в доброго царя, который осуществит крестьянскую реформу, отменит крепостничество. Пугачёв готов дать жаждущим земли, права, свободы. Сцена встречи Петра Гринева с будущим предводителем Пугачёвского восстания не случайна. *Буря – стихия*, способная лишить жизни любого человека в безлюдной степи. Не окажись рядом незнакомца, который хорошо знал дорогу, беда могла бы приключиться с Гринёвым и Савельичем, и сюжет романа имел бы другой характер.

Жестокие реалии, связанные со **стихией Огня**, важны в содержании романа «Огнём и мечом» Г. Сенкевича. С середины XVII века Украина входила в состав Польско-Литовского Королевства. Польские феодалы и шляхта угнетали украинский народ. Поляк, католик противостоял украинцу, православному. Началась гражданская война, и одно насилие порождало другое. Как А.С. Пушкин, так и Г. Сенкевич отразили массовый характер восстаний. Крестьяне Украины, сжигая сёла и города, сбегали навстречу Богдану Хмельницкому в Дикое поле. **Стихия Огня** вела их к кровавым жертвам. Польский реалист даёт возможность читателю взглянуть на события Украины середины XVII века с точки зрения противоборствующего лагеря, оценить действия казаков со стороны их противников. Субъективно освещается образ Богдана Хмельницкого и, безусловно, с авторской симпатией воспроизведены образы поляков: опытного командира и дипломата, рыцаря без страха и упрёка Скшетуского. Выразителен колоритный образ пана Заглобы, который спасает невесту Скшетуского и, наконец, пленяет читателя природным умом и обаянием Елена Курцевич, которая сохраняет любовь к своему избраннику.

Как «работают» в сопоставляемых текстах образы природных стихий, оппозиции «Земля – Вода – Огонь» представим в сравнительной таблице.

В романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»	В романе Г. Сенкевича «Огнём и мечом»
<p>1 Земля → Оренбургская степь → объект мечтаний крепостных → архетип Пути главных героев (выбор П. Гринёвым верной дороги во время бурана. Услуга Доброго Помощника – вожатого) → Дорога, которая шла по крутому берегу Яика (Ассоциация: Яицкое возмущение против правительства) → Поле с двумя столбами с перекладной (будущая неминуемая казнь восставших). Бурлацкая песня «Не шуми, мати зелёная дубровушка...», в которой есть строки со словами «православного царя»: <i>Я за тебя, детинушка, пожалую Среди поля хоромами высокими, Что двумя ли столбами с перекладной</i> [4, с.59].</p> <p>Стихия Земля тесно связана с архетипом Пути: вожатый во время бурана твёрдо стоит на полосе и, как добрый Помощник, выводит Савельича с Гриневым на постоялый двор. Пугачёва не страшит перепутье трёх дорог: он выбирает самую трудную, кровопролитную, с намерением отстоять социальную правду народа. Его Путь – это путь страданий, грабежей, насилий, любви к простому люду. Два раза он спасает жизнь Гриневу, понимает истинные причины не присягать ему, «Петру III», даёт молодому дворянину право нравственного выбора. <i>«Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи». Необозримые просторы степи, на которой живут дикие народы.</i></p> <p>2 Вода → эзопов язык: дождик («Будет дождик, будут и грибки») → Буран – символ будущих потрясений</p>	<p>1 Земля → стихия народа → Степь (Дикое поле) → Поместья польской шляхты → Местожителство украинцев → Сечь, Запорожье, республика казаков → Архетип Пути главных героев.</p> <p>Стихия Земли тесно связана со Стихией Народа. Вот как говорит поляк Зацвилеховский об украинском народе: <i>«Любой повод мог разбудить эти неудержимые стихии, скорые до грабежа и привычные к стычкам, без счёта случавшимися по всей Украине. А за толпами была Сечь, было Запорожье...»</i> [5, с.43].</p> <p>Народная стихия, как многоводная река, вот-вот доберётся до заветных днепровских порогов и вольётся в добровольную объединённую казацкую вольницу – Запорожскую Сечь, землю, на которой ковались героические характеры, товарищества, борющиеся за украинскую независимость и православную религию.</p> <p>2 В тексте работает ассоциация: весеннее половодье – людское половодье. Мятежные Кривоносовы полки: чернь, скученная пехота и конные запорожские сотни – все сметают на своём пути – Стихия Воды, Огня, Земли так слились, что неудачно выступившие войска Кривоноса – сторонника Богдана Хмельницкого – не смогли найти выход, брод, зашли в тупик и, растерянные, <i>«попрыгали в воду затем лишь, чтобы избежав мечей, найти смерть в трясилах и омутах»</i>. Ассоциация: вода – символ последнего прибежища проигравших сражение казаков.</p>

→ Кровавые лужи, в которых во сне скользил Петр Гринев.

Сон Гринева символичен. Вместо умирающего отца он увидел в постели «мужика с чёрною бородою», который ждал, что тот присягнёт ему, а матушка просила сына, чтобы тот поцеловал руку Пугачева как «посажённому отцу».

3 Стихия Огня выступает как символ опасности для **Земли**, символ мгновенности смерти людей, не принявших социальную правду Пугачёва.

«Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи вёрст за шестьдесят от крепости он видел множество огней и слышал от башкирцев, что идёт неведомая сила [4, с.44].

Накануне Пугачёвщины комендант Миронов допрашивал башкирца. При виде изуродованного бунтаря Гринев содрогнулся: *«Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали ещё огнём» [4, с.46].*

Огонь – символ ненависти к властям, готовности к новой мести. Не случайно Миронов сказал: *«Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах».*

Жёлтые воды – это место сражения Б. Хмельницкого с поляками. *«В битве при Жёлтых водах 6 мая 1648 г. Хмельницкий разбил авангард польских войск. Через десять дней (16 мая) поляки вновь потерпели поражение под Корсунем. Были разбиты их главные силы» [5, с.14, 15].*

3 В романе раскрываются честолюбивые мечтания князя Иеремии: *«Трупов не счесть, знамён, покрывших степь обагрённую, не счесть, а он попирает стопою тело Хмельницкого, и фанфары трубят победу, а голос их разносится от моря до моря... Князь вскакивает с пола и руки к Христу простирает, а вокруг головы его сияет некое красное свечение».*

Красное свечение, Огонь – предвестник будущей славы в мечтах князя Иеремии на чужбине – украинской степи [5, с.344].

«Невозможность примирения враждующих сторон и неизбежность кровавой и истребительной гражданской войны открылись Пушкину во всём своём роковом трагизме» [2, с. 219]. «Роман “Огнём и мечом” описывает восстание Богдана Хмельницкого, которое переросло в страшную кровопролитную войну со всеми чертами гражданской, религиозной и национально-освободительной» [3, с. 16].

Как видно, в «Капитанской дочке» Огонь противопоставлен Земле, в отличие от оппозиции «Огонь – Земля» в романе Г. Сенкевича.

По убеждению Ю.М. Лотмана, «из всех разрушительных стихий **в огне** в наибольшей мере выделены признаки мгновенности, эсхатологизма, что ориентирует этот образ, с одной стороны, на Апокалипсис, а с другой – на русский бунт» [1, с. 815].

Природные стихии в романе Г. Сенкевича (Земля – Огонь – Вода) переплетены друг с другом, тесно связаны со стихией украинского и польского народа, каждый из которых борется за свою правду. Перед читателями возникает колоритная картина Польши эпохи войны с Украиной, борющейся за политическую самостоятельность.

Итак, в обоих произведениях природные стихии (Земля – Вода – Огонь – Воздух) тесно связаны с патриотической идеей: борьбой с крепостничеством в «Капитанской дочке» и борьбой за христианскую веру и государственную независимость Украины в романе «Огнём и мечом». Природные и народные стихии тесно слиты с повествованием, они призваны высветить возникшие в разные исторические эпохи у народов в России и на Украине социальные и религиозные конфликты. Главное для читателей выяснить архетипическое значение войны, извлечь поучающие уроки истории, остановиться там, где начинается насилие над человеком неважно какой страны и какой национальности. Нельзя не согласиться с тем, что А. Пушкин и Г. Сенкевич – писатели-гуманисты, правдиво воссоздавшие на историческом фоне трагические судьбы людей, ярко запоминающиеся образы Емельяна Пугачева, Богдана Хмельницкого, призывают читателей ценить Мир на Земле, гармонию в отношениях между людьми разных национальностей, не ущемлять ничью свободу.

Список литературы

- 1 Лотман Ю. М. Образы природных стихий в русской литературе (Пушкин – Достоевский – Блок) // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб. : Искусство – СПб, 2003. – С. 814-820.
- 2 Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб. : Искусство – СПб, 2003. – С. 213-227
- 3 Лимонов Ю. А. Предисловие // Сенкевич Г. Огнём и мечом : роман / пер. с польского А. Эппле и К. Старосельской. – М. : Издательство «Эксмо», 2006. – С. 5-20.
- 4 Пушкин А. С. Капитанская дочка. – М. : Детская литература, 1987. – 127 с.
- 5 Сенкевич Г. Огнём и мечом : роман / пер. с польского А. Эппле и К. Старосельской. – М. : Издательство «Эксмо», 2006. – 736 с.

N. EZHOVA, N. ZAKIROVA
(Kazan, Glazov, Russia)

IMAGES OF NATURAL ELEMENTS IN THE NOVELS BY A. PUSHKIN AND G. SENKEVICH

Abstract: In article A. Pushkin and G. Senkevich's historical novels about popular uprisings in Russia and in Ukraine are analyzed. The analysis of the works "Captain's Daughter" and "Fire and a sword" in the substantial and ideological plan in interpretation of peasant wars under E. Pugachyov and B. Khmelnytsky's leadership is given in the comparative plan. Writers actively use symbolics of such elements, as the earth, water and fire. In article cultural and historical, mythological and comparative methods of research of works of the Russian and Polish literature are used.

Keywords: Russian and Polish literature, A. Pushkin, G. Senkevich, historical novel, symbolics, elements Earth, Water, Fire, Air.

И.М. ЖУКОВА
(Курган, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ПОВЕСТИ-СКАЗКИ ПАЛА БЕКЕША «ГОРЕ-ВОЛШЕБНИК»

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть основные тенденции развития жанра литературной сказки на примере повести-сказки венгерского писателя П. Бекеша «Горе-волшебник».

Ключевые слова: литературная сказка, художественный мир, художественное пространство.

Повесть-сказка «Горе-волшебник» Пала Бекеша (1956-2010) была впервые напечатана в Венгрии в 1984 году, на русский язык переведена в 2003 г. Т.И. Воронкиной. По словам переводчицы, «Горе-волшебник» – «литературная шутка автора» [1, с. 7]. В послесловии к изданию 2011 года (издательский дом «КомпасГид») Ирина Арзамасцева подчеркивает, что «выпускник Школы волшебников Жужик Шуршалкин старше на целых тринадцать лет Гарри Поттера, знаменитого ученика английской школы волшебников. Они могли даже познакомиться где-нибудь. Жужик не так могущественен, как Гарри Поттер, и может перепутать заклинания, зато он умеет совершать чудеса в обычном мире; он обитает по соседству и готов сразу прийти на помощь маленькому человеку, которому стало одиноко и грустно» [1, с. 203]. Думаем, что «Горе-волшебник» вызывает в памяти читателя целый «шлейф» ассоциаций с европейскими и русскими фольклорными и литературными сказками.

В художественном мире повести-сказки «Горе-волшебник» обнаруживается многообразие интертекстуальных связей как с фольклорной, прежде всего волшебной, сказкой, так и с литературной сказкой. «К литературным сказкам, – отмечает М.Н. Липовецкий, – очевидно, следует отнести те произведения, в которых аксиологически ориентированный тип концепции действительности, сложившийся в народной волшебной сказке,

представлен не как фрагмент художественного мира, а как его основание и структурный каркас и воссоздается через систему основных и факультативных носителей "памяти жанра" волшебной сказки. Уже не раз говорилось о том, что волшеббно-сказочная ценностная модель мира обязательно переосмысливается, на её фундаменте надстраивается образ современного художнику мира. Но жанровая специфика литературной сказки состоит именно в том, что это всегда такое художественное произведение, жанровой доминантой которого является "память жанра" волшебной сказки (сказочность)» [3, с. 160]. Наиболее важным, на наш взгляд, являются структурные имотивные заимствования. В повести-сказке «Горе-волшебник» сохраняется характерное для фольклорной волшебной сказки – противопоставление «своего» и «чужого». Точнее, герой Бекеша оказывается в ситуации «своё в чужом»: «Новостройка, Улица Фигля-Мигля Олеандрового. Районное управление волшебства и колдовства» [1, с.23]; «Между местными филиалами специализированной сети “Декоративные рыбки” и “Декоративные птицы” Жужик обнаружил полуоткрытую дверь; густая завеса паутины не позволяла ей распахнуться полностью. Помещению не полагалось ни окна, ни витрины, а над дверью на песчано-сером бетоне надпись полустертymi буквами гласила: “РУВОК”, что означало “Районное управление волшебства и колдовства” [1, с. 27]. Если «участковый волшебник» от тоски и одиночества «писал длинные письма бывшим однокашникам и зеленел от зависти, когда получал ответ. Карьерист-выскачка Квази Мир и обжора Толстопузик жили, как рыба в воде, как волшебник из сказки», то семилетний Илюша Кирюша страдал от насмешек одноклассников над его «чудным именем» и мечтал о «всамделишной сказке»: «Я хочу свою собственную сказку. Таковую, где все обо мне и про меня» [1, с. 40]. В то время, когда родители Илюши Кирюши «сидели перед телевизором, ничего вокруг не слыша и не видя», главный герой считает своим долгом помочь мальчику оказаться в сказке, которая «происходит на самом деле», «где все обо мне и про меня». Несмотря на репутацию «растяпы, недотепы и криворукового», Жужик достойно «отстаивает честь мундира» дипломированного волшебника: «Владея ремеслом с тысячелетними традициями, не заявишь же просто так, голословно, что сказки, мол, встречаются на каждом шагу» [1, с. 44].

Авторский замысел определяет структуру художественного мира литературной сказки как взаимодействие условно-реального и волшеббно-сказочного миров. Смеем предположить, что заглавие сказки «Горе-волшебник» является не только средством характеристики героя, но и формой самоиронии автора, попытавшегося воссоздать сказочный мир в блочной новостройке на окраине Будапешта с помощью начинающего волшебника из Районного управления волшебства и колдовства (РУВОК): «Никаких старомодных зачинов типа “жил-был на свете” – сразу приступаем к делу! Первое место действия нашей истории – школа волшебников, время действия – нынешнее, герой – Жужик Шуршалкин, дипломированный волшебник» [1, с. 9].

Для сказки П. Бекеша характерно взаимопроникновение волшебства и реальности. Горе-волшебник по распределению попадает из Сказочной страны

в новостройку на улице Фигля-Мигля Олеандрового, а реальный герой, первоклассник Илюша Кирюша, оказывается в волшебном мире сна и фантазии. Автор и герои по-разному видят и оценивают мир: авторская ирония звучит и в рассказе о Сказочной стране, и в описаниях новостройки на окраине Будапешта, а его герои находят волшебное в реальном мире, потому что просто верят в чудо. «Образ детства стал структурно значимым элементом художественного мира литературной сказки XX в. Он включает изображение мира детства, героя-ребенка, “детский” взгляд на мир и ориентацию на определенное читательское восприятие; соединяет конкретно-историческое и общечеловеческое» [5].

Художественный принцип «двоемирия» как характерный признак литературной сказки у П. Бекеша реализуется на уровне «события рассказывания» (формирование подтекста) и на уровне «события рассказа» (путешествие в сказку, сказка в сказке). Сказка помогает оценить повседневную жизнь, соединяет «детский» и «взрослый» смыслы произведения. По справедливому замечанию М.Л. Лурье, «взрослая адресация детских книг предполагает наличие в них не усложненной проблематики, а имплицитно выраженных смыслов, разворачивающихся как бы параллельно с собственно детским содержанием» [4, с.329-330]. Литературная сказка традиционно отражает современность, «время действия – нынешнее», со всеми его проблемами и особенностями. Повесть-сказка П. Бекеша активно взаимодействует с таким «внелитературным жанром» (термин М. М. Бахтина), как игра. Жужик и Илюша Кирюша «натываются на сказочные приключения там, где меньше всего рассчитывали их встретить». Местом их игры-путешествия становятся коридоры с длинными рядами дверей, выкрашенных в буро-коричневый цвет. Первым испытанием стало знакомство с королем, «у которого все королевство заключалось в малогабаритной квартире». Вопреки королевской воле снесли «замок на курьих ножках» и «на месте дворца построили химический завод, а в охотничьих угодьях разместили цистерны с серной кислотой. Газеты же отделались одной фразой: “наш город получил новый химический комбинат!” Получил! От кого, спрашивается? А чего лишился? Сумбур Первый содрогался от рыданий» [1, с. 57]. Услышав трагическую историю короля и его верноподданных, герои готовы разыскать принцессу Лореаль, «всем красавицам красавицу, из всех умниц разумницу, старости усладу», и сразиться с одиночеством – самым страшным врагом изолированных в малогабаритных квартирах жителей новостройки: «Попробуй отыскать человека среди тьмы тьмущей одинаковых дверей, коридоров, лестничных клеток и мусорных контейнеров!» [1, с. 58]. Десятиэтажный дом, в котором лифт «не работает», оказывается «фундаментом» сказочного мира, созданного горе-волшебником Жужиком и малышом-первоклашкой: «Жужик Шуршалкин поправил лямки рюкзака и в душе приготовился к первому в своей жизни подвигу. Освободить из заточения плененную принцессу для начинающего волшебника все равно, что для начинающего китобоя отловить первого в своей жизни кашалота» [1, с.100].

Пространство воображаемого мира наполняют живые существа, вымышленные и реальные. В современном литературоведении широкое распространение получило понятие «бестиарий», которое происходит от латинского «bestia» – зверь. В Древнем Риме бестиарием назывался борец с дикими зверями на арене цирка, в средние века это понятие обозначало литературный жанр, «в котором приводилось каталогизированное описание внешнего вида и повадок реально существующих и порожденных человеческой фантазией животных, образы которых сопровождалась аллегорическими истолкованиями, каждое из которых было религиозной или моральной максимой, которую можно извлечь из повадок либо облика того или иного зверя» [2, с. 14]. Под художественным бестиарием мы будем понимать «все многообразие живых существ, которые наполняют художественное пространство заведомо воображаемого мира, придавая ему зримость, осязаемость и красочность – одновременно выполняя задачи художественно-антропологического свойства, будучи всегда в той или иной мере иносказанием человека» [2, с. 15].

В школе волшебников Сказочной страны готовят «мастеров своего дела, способных творить чудеса». Директор школы Великий Рододендрон в качестве наглядных пособий использует традиционных сказочных героев: лягушек, хранящихся в кармане его мантии, джиннов – «крохотных козявок», «расфасованных – расованных по бутылкам и наглухо запечатанных». Так, изучая элементарные заклинания, волшебники учились превращать лягушку в принцессу. Перепутав заклинание («Крак» вместо «Квак»), Жужик чмокнул лягушку в нос и пережил удивительные метаморфозы: «Лягушка в тот же миг обернулась принцессой дивной красоты, а незадачливый волшебник превратился в лягушку. Распластавшись на полу перед красавицей принцессой, крохотный и совсем зеленый, он тупо моргал выпученными глазами. А сердобольная принцесса, сжалившись над горе-волшебником, решила ему помочь. Взяла уродца на руки и поцеловала его. Теперь изначальное положение было восстановлено» [1, с. 13]. В экзаменационной пещере горе-волшебник «очутился нос к носу с драконом, грозно изрыгающим пламя». Это был Сигизмунд Самозванный, дракон-пенсионер Рудольф Малый, панически боявшийся мышей. «Тысячелетиями похищал он принцесс одну другой краше и колошматил рыцарей, рвущихся освободить несчастных девиц, а когда вышел на пенсию, подрядился в школу волшебников наглядным пособием, чтобы не сдохнуть со скуки» и «чтобы не позориться, он взял псевдоним: Сигизмунд Самозванный, по его мнению, должно леденить в жилах кровь» [1, с. 19]. Выпускники школы, «профессионально освоившие белую, красную, черную и зеленую магию, а также общественные науки», получали дипломы из искусственной драконьей кожи и распределение на работу. Церемонию распределения традиционно вел волшебный шмель Очумель, состоявший в услужении у Феи удачи: «Снует туда-сюда меж двумя котлами и наугад выхватывает бумажки, соединяя имя претендента с местом работы» [1, с. 24]. Места работы должны распределяться сугубо беспристрастно, но Жужик сомневается в объективности происходящего, так как «всем известно, что

волшебный шмель Очумель и дракон Сигизмунд заядлые радиолюбители, а стало быть, держатся заодно. Волшебный шмель тоже затаил на меня злобу. Такого невезучего, как я, днем с огнем не сыскать» [1, с. 24].

Игра и сон расширяют пространство, позволяют героям пересекать границы между реальностью и волшебно-сказочным миром и получать знания о жизни. Неуловимый Трескун-в-Трубе, или Тарахтящий Тролль, создающий оглушительный грохот и треск в трубопроводе, оказался говорящей малюсенькой белой мышкой с длинным хвостом: «По прихоти судьбы, а не по собственной воле сделалась я тарахтящим чудищем. Я нырнула в котел, рассчитывая хоть чем-нибудь поживиться, потому как живот подвело от голода. А дверца возьми и захлопнись! С тех пор я и мечусь по трубам вверх-вниз в поисках выхода. Трубы-то железные, вот и грохочут, как сотни трещоток и барабанов, куда ни сунься. Судите сами, разве моя вина в том, что я всего лишь хотела выбраться из этого кошмарного лабиринта!» [1, с. 172].

Путешествуя с пятого этажа на десятый в поисках принцессы, «начинающий волшебник и мальчик в небесно-голубой пижаме» превращаются в ежиков и знакомятся с многочисленными жильцами: с пожилой супружеской парой Одуванчиком и Мимозочкой; с бабушкой Ирмой, ведьмой на пенсии; с участковыми джиннами, Джинном Папашей и Джинном Сыном; с членами Великого Братства Проводников, телеантеннами Антоном и его возлюбленной супругой Антенной; с Великим Изготовителем ключей; с гофмейстером, стольником, Придворным Шутом; с маленьким призраком Каплей-Крохой. Новые знакомые демонстрируют нравственные и социальные ценности: доброту, отзывчивость, любовь, искренность, верность.

Жужик понял, что «волшебнику место в гуще жизни, ему нельзя отрывать от масс» [1, с. 86], «что там какой-то дракон по сравнению с непробиваемой железной дверью, что такое каморка в башне по сравнению с квартирой на 10-м этаже, полная опасностей пещера рядом с неисправным лифтом, а злобный чародей и черный маг по сравнению с Тарахтящим Троллем? И, вообще, как сравнивать сравнимое с несравнимым?» [1, с. 200].

Через приключение автор приводит своих героев к пониманию, что «все оборачивается к лучшему, что всем хватит места под солнцем, в том числе и для королевского двора».

Список литературы

- 1 Бекеш П. Горе-волшебник. – М. : КомпасГид, 2011. – 200 с.
- 2 Акимжанова Р. М. «Художественный бестиарий» в системе феноменологического подхода к изучению художественного мира литературных произведений // Литературный текст XX века : проблемы поэтики : материалы V Международной научно-практической конференции. – Челябинск : Цицеро, 2012.
- 3 Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1992.
- 4 Лурье М. Л. Товарищ Папава и великан Блюминг : к вопросу о «взрослом тексте» детской литературы («Сказки среди бела дня» В. Витковича и Г. Ягдфельда) // Детский сборник : статьи по детской литературе и антропологии детства. – М : ОГИ, 2003.
- 5 Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2001.

I. ZHUKOVA
(Kurgan, Russia)

ARTISTIC WORLD OF PÁL BÉKÉS 'S FAIRY-TALE NOVEL «A KÉTBALKEZES VARÁZSLÓ»

Abstract: The purpose of this article is to examine the main trends in the genre of literary fairy tale by the example of the story-tale by Hungarian writer Pál Békés "A kétbalkezes varázsló".

Keywords: Literary fairy tale, the artistic world, the artistic space.

Т.Г. ЛАЗАРЕВА
(Курган, Россия)

ОБРАЗ БРИТАНИИ В ПОЭМЕ БАЙРОНА «ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬДА»

Аннотация: В статье освещается представление поэта о роли Британии в военно-политическом и культурном поле Европы.

Ключевые слова: Чайльд-Гарольд, Британия, путешествие, политика тори, плач по Греции.

Поэма «Паломничество Чайлд Гарольда» (Childe Harold's Pilgrimage, 1812) написана по следам путешествия Байрона по Европе в 1809-1811 гг. Произведение представляет собой переработанный по возвращении стихотворный дневник, который Байрон вел во время своего путешествия. Оставляя в стороне проблему автора и его героя, отметим только, что оба путешествовали по одному маршруту – Португалия, Испания, Албания, Греция, Турция, снова Греция, где Байрон, в отличие от своего героя, прожил девять месяцев.

Некоторые совпадения в биографии Байрона и его героя дали повод к их отождествлению (оба принадлежали знатному роду, оба покинули полуразрушенный родовой замок, мать и любимую сестру, оба отправились в долгое путешествие, потому что прежняя жизнь им опостылела, оба странствуют без определенной цели и др.). Несмотря на все старания Байрона отмежеваться от своего героя, читатели называли поэта Чайльд-Гарольдом и выдвинули множество догадок о его путешествии, создали множество слухов и «легенд» о страшных тайнах и историях, в которые он якобы был замешан. В конце концов, Байрон просто «убрал» своего героя из поэтического повествования IV Песни.

Вводя своего героя в повествование в Песни I, Байрон обращает внимание читателя на его юный возраст – 19 лет, достигнув которого, Гарольд «заболел» пресыщением, да так, что

...Показалось мерзким все кругом: /

Тюрьмою - родина, могилой - отчий дом

(I:4, здесь и далее стихотворный перевод Ю. Левика).

В переводе Ю. Левика [1] идея омерзительности существования в стране связана с тюрьмой, а для Байрона страшна не тюрьма, а монастырская келья. В последнем стихе строфы он говорит лишь о безумном одиночестве, которое испытывает герой, гораздо худшем, чем одиночество монаха.

*Then loathed he in his native land to dwell,
Which seemed to him more lone than eremite's sad cell* [2].

Потерянность героя в пространстве и во времени усиливается при упоминании разрушающегося родного дома, который в переводе описан как «почтенный старый дом», «почерневший и покрытый мхом», «сумрачный», бывший некогда монастырем. В нем некогда «святые пастыри с красотками кутили». В оригинале его стены уже почти падают (*It was a vast and venerable pile; / So old, it seemed only not to fall*). Колонны, что поддерживают своды, выступают как символы былой доблести предков Гарольда, на воспоминаниях о которой еще держится достоинство древнего рода.

Продолжая бесчинствовать в стенах древнего монастыря, Чайльд-Гарольд, по словам Байрона, «осрамил свой род» (*one sad losel soils a name for aye*, I:3). Попытка сбежать из дома, где уже не осталось ничего, что могло бы вернуть ему яркость бытия, приводит к знакомству с большими бесчинствами, творимыми его страной в Европе.

Байрон описывает своего героя и его переживания прямо только в 82-84 строфах Песни I, косвенно – через вложенные в его уста «Прощальную песнь» в начале поэмы и в стансах, посвященных Инессе. В остальном же поэт вспоминает о нем довольно редко.

«На всем протяжении поэмы, – пишет Н.Я. Дьяконова, – читатель слышит самого Байрона. Задумав описательное классицистическое произведение в духе Томсона, Битти, Гольдсмита, Сэмюэля Джонсона (первых двух Байрон прямо называет), он создал некое “Сентиментальное путешествие”, в котором объективно-описательное начало полностью подчинено лирическому» [2, с. 49]. Однако традиционные классицистические формы взрываются изнутри – новизной содержания, широтой взглядов на войны, революции, на борьбу народов за свою свободу, на бедность народов Европы и тиранию правительств, а также необычайной энергией чувств поэта, которые врывались и в простые описания, и в философские размышления. Одним из поводов для эмоционального взрыва в поэме являются его соотечественники, их поведение как захватчиков и поработителей народов Южной Европы.

Рассказывая об одном из красивейших мест Португалии – городе Синтра (недалеко от Лиссабона), отмечая его прелесть и тучность нив, поэт, тем не менее, сразу вспоминает о его опустошении сначала наполеоновскими (октябрь 1807 г.), а затем и английскими войсками (август 1808 г.). Поразительнее всего, Англия встала на защиту феодальных порядков и поддерживала феодально-клерикальные силы, подавлявшие революционное движение в стране.

В результате, «край, обильный и счастливый» (*delicious land*) опустошен. Потому Байрон призывает «громы» и «молнии» (*fiercest scourge*) на головы

«галльской саранчи» (*Gaul's locust host*), называет их «род нечестивый» (*fellest foemen*).

*But man would mar them with an impious hand:
And when the Almighty lifts his fiercest scourge
'Gainst those who most transgress his high command,
With treble vengeance will his hot shafts urge
Gaul's locust host, and earth from fellest foemen purge* (I: 15).

В роскошном замке Марьяльва в Синтре, который Байрон описывает как «подобье рая» (I: 22), в 1794-1796 гг. жил автор повести «Ватек» Уильям Бекфорд (1760-1844), баснословно богатый английский аристократ. Однако поэт упоминает этот замок отнюдь не для того, чтобы напомнить про «арабскую сказку», а потому что

А в этом замке был совет вождей,
Он ненавистен гордым англичанам.
Здесь карлик-шут, пустейший из чертей,
В пергаментном плаще, с лицом шафранным,
Британцев дразнит смехом непрестанным (I: 24).

Байрон был уверен, что в августе 1808 г. в замке Марьяльва была подписана Синтрская конвенция между представителями английского и французского командования в Португалии. Зрительный поэтический образ «карлика-шута», «пустейшего из чертей» дает представление поэта не только о внешнем виде дипломатического документа (пергаментный свиток), но и о неожиданном, почти шутовском характере условий, содержащихся в Синтрской конвенции. По ее условиям французской армии, побежденной в битве при Вимиере (1808), было предоставлено право эвакуировать свои войска из Португалии на английских судах. Подписание Конвенции на этих условиях вызвало в Англии резкую критику политики торийского правительства со стороны оппозиционных кругов. Отсюда: «Не побежденным здесь, а победившим горе!»

*For chiefs like ours in vain may laurels bloom!
Woe to the conquering, not the conquered host...* (I: 25).

Последняя строка (в переводе) напоминает читателям не только о позорных для англичан условиях Конвенции, но и об огромных потерях на полях войны с Наполеоном.

И здесь им тлеть, глупцам, прельщенным славой
И славы удостоенным в гробах,
О, бред! Орудья алчности кровавой -
Их тысячи тиран бросает в прах,
Свой воздвигая трон на черепах, -
Спроси зачем - во имя сновиденья!
Он царствует, пока внушает страх... (I: 42).

Откровенность поэта относительно причин войны была не просто эмоциональной реакцией, она раскрывала омерзительный характер политики правительств всех европейских держав:

Чтобы один прославлен был, должны
Мильоны пасть, насытив землю кровью (I: 44).

Тем не менее, быстрое освобождение территории Португалии от армии наполеоновской Франции укрепило стратегические позиции Англии на континенте и в Средиземном море. А вслед за господством в Европе, англичане повели себя как хозяева в странах, которые не были их вассалами.

В конце Песни I Байрон сообщает тему Песни II, которая посвящена в основном Греции:

Ты, критик мой, сдержи порыв досады!
Прочти, что видел он [Чайлд Гарольд. – Т.Л.] в краю другом,
Там, где заморских варваров отряды
Бесстыдно грабили наследие Эллады.

*Lands that contain the monuments of eld,
Ere Greece and Grecian arts by barbarous hands were quelled* (I: 93).

С детства он был увлечен античной древностью, ее поэзией и ораторским искусством, а главное, героикой ее прошлого, величием афинской демократии. Ассоциативный круг, связанный для Байрона с прошлым страны, был очень широк. Греческая литература, история, мифология стали частью его сознания, а потому тема унижения Греции турецкими завоевателями очень болезненна для Байрона.

Еще более болезненной оказалось осознание варварского поведения соотечественников англичан по отношению к наследию великой культуры.

Пусть Англия, стыдясь, опустит взор!
Свободных в прошлом чтут сыны Свободы,
Но не почтил их сын шотландских гор:
Он, переплыв бесчувственные воды,
В усердье варварском ломал колонны, своды (II: 11).

Речь идет о лорде Элджине (Элгине) (1766-1842), шотландском пэре, археологе-любителе. В бытность свою в Афинах в качестве дипломата он добился разрешения вывезти из Афин несколько кусков мрамора и вывез бесценную коллекцию рельефов с фронтонов Парфенона. Когда Байрон узнал об этом, его возмущению не было предела.

Провозгласившая себя «страной свободы» и «стражем морских глубин» (*The ocean queen, the free Britannia*), Англия обещала помощь Греции в борьбе с турками. Вместо этого отняла «последнее сокровище Паллады».

О, если б гордо возгласить могли мы,
Что бережет святыни Альбион,
Что алтари его рукой хранимы.
Нет, все поправ, увозит силой он
Богов и зябких нимф под зимний небосклон (II: 15).

В оригинале Байрон называет лорда грабителем (*plunderer*), очень жалеет, что он его соотечественник (*England! I joy no child he was of thine*, II: 11), и проклинает тот час, когда лорд отплыл от берегов Греции с драгоценным грузом (*Curst be the hour when from their isle they roved*, II: 15).

Необходимым комментарием именно к этому эпизоду «Чайлд-Гарольда» является написанная годом позже сатира «Проклятие Минервы» (*The Curse of Minerva*, 1811 г.) [4]. Из-за страстности и силы инвективы, проявившейся в ней, друзья посоветовали Байрону не публиковать сатиру. Она вышла из печати посмертно – в 1828 г. В этом же ряду стоят прозаические комментарии поэта к «Чайлд-Гарольду», в которых проявился его огромный талант сатирика, памфлетиста, публициста и оратора. Байрон с уничтожающим презрением пишет, что пока лорд Элджин и его агент художник Лусиер рисуют древности или переключаются с места на место какие-нибудь камешки, их действия ничтожны по своей нелепости, как охота на насекомых. Однако «когда они увозят три или четыре корабля самых драгоценных реликвий, которые время и варвары пощадили в самом несчастном и самом прославленном городе мира, когда они разрушают, в тщетной попытке сдвинуть с места, творения, вызывавшие восхищение веков, я не знаю ни мотивов, которые могли бы извинить, ни названия, которое могло бы обозначить – виновников столь гнусного опустошения» [цит. по: 2, с. 60].

Поэма «Чайлд-Гарольд» и сатира «Проклятие Минервы» очень близки друг другу и стилистически, и интонационно. В том и другом произведении присутствуют и элегия, и инвектива. Отличаются они только их соотношением. В сатире сравнительно немногие строфы переходят в плач, а в «Чайлд-Гарольде» сравнительно немногие строфы переходят в обличение и проклятье. Над Песнью II, по словам самого Байрона, господствуют горести Греции. Однако читатель прекрасно видит, что плач по Греции смешивается, в отличие от сатиры, с призывами к борьбе, единению и героическому подвигу. Что же касается политики Британии, то, по убеждению поэта, британцы «получат возмездие, и притом – в недалеком будущем» [1, с. 147].

Список литературы

- 1 Байрон Дж. Г. Паломничество Чайльд-Гарольда / пер. с англ. В.В. Левика. – М. : Эксмо, 2013. – 224 с.
- 2 Дьяконова Н. Я. Лирическая поэзия Байрона. – М. : Наука, 1975. – 168 с.
- 3 Byron G. G. Childe Harold's Pilgrimage, by Lord Byron. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5131/5131-h/5131-h.htm> (дата обращения: 17.03.2016 г.).
- 4 Byron G. G. The Curse of Minerva / Edited by Peter Cochran URL: http://www.newsteadabbeybyronsociety.org/works/downloads/curse_minerva.pdf (дата обращения: 17.03.2016 г.).

T. LAZAREVA
(Kurgan, Russia)

THE IMAGE OF BRITAIN IN BYRON'S POEM «CHILDE HAROLD'S PILGRIMAGE»

Abstract: The article concerns the views of Byron on Britain's policy in Europe and its influence on culture.

Keywords: Childe Harold, Britain, voyage, policy of Tory, lamentation on Greece.

Р.В. МИРСКИЙ
(Курган, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО – ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА ИЛЬИ БОЯШОВА «АРМАДА»

Аннотация: Данная статья – это попытка охарактеризовать ключевые особенности пространственно-временной организации романа Ильи Бояшова «Армада».

Ключевые слова: хронотоп, художественное время, художественное пространство, пространственно-временная организация.

Ключевую роль в создании поэтического мира художественного произведения занимает «хронотоп» – «формально-содержательная категория, призванная передать неразрывность времени и пространства» [1].

В романе «Армада» (2007) Илья Владимирович Бояшов создает гротесковый фантастический мир. В данной статье мы постараемся выявить приёмы сатирической типизации, определяющие трансформации художественного времени и художественного пространства, вследствие которых злосчастная флотилия «Армада» из военного крейсера превращается в материк и государство. «Особенностью художественного времени и пространства является их пересечение и слияние в единое целое, в литературе мы можем наблюдать их интенсификацию и сгущение – тут они становятся зримыми художественно: время собирается в одной точке пространства и течет медленно, пространство вытягивается и будто бы вплетается в размеренное движение времени» [6].

Если в реальном мире время одномерно (мы можем наблюдать его только здесь и сейчас), непрерывно (события постоянно развиваются и их невозможно поставить на паузу), необратимо и упорядочено, то в художественном пространстве оно становится многомерным, так как в тексте возникают две «оси» - рассказывания и описания [6]. Когда мы стараемся соотнести их вместе, возникает та самая многомерность художественного времени – возможность смещения повествования в нём, а также разнообразие временных точек зрения.

В романе «Армада» художественное время также многомерно и обратимо. «Многомерность литературного времени подразумевает его

диалектичность – соединяются воедино две композиционно – речевые формы: описание, которое отвечает за изображение черт, одновременно существующих в пространстве, и повествование, придающее восприятию этих черт последовательность» [8]. Кольцевая композиция романа обусловлена цикличностью времени: взяв своё начало на пирсе, с которого экипаж собирается отплыть в своё последнее путешествие, повествование затем проваливается в небытие – суша исчезает, и время отныне начинает играть главную роль – теперь только его ход продвигает сюжет в пространстве: *«Однако, когда корабли на полных парах уже понесли к Нью-Йорку, случилось невероятное. Вахтенные линкора первыми осознали ужасную истину – одновременно провалились куда-то целые материки. Африка, Евразия, Австралия, остров Пасхи и Гавайи не подавали больше о себе никаких вестей. Испарились Канары и Сейшельские острова. Подобно Атлантиде растворился Цейлон. Радиоэфир замолчал, как поперхнувшийся, – ни истеричного вопля комментатора с матча по бейсболу, ни никарагуанских народных песен, ни призывного стука тамтама, ни монотонного бормотания тель-авивского раввина. Более того – небо свихнулось: солнце полетело в обратном направлении, звезды перемешались, как в разбитом калейдоскопе. По всей видимости, произошла грандиозная катастрофа...»* [4].

Испытания и лишения, выпавшие на долю моряков, не изменили их психологию и систему жизненных ценностей, поэтому точка завязки в романе совпадает с точкой развязки: *«Вокруг уже творилось безумие! Там промелькнули яхты, там – чуть ли не подрезав облупленный нос “Убийцы” – прошелся с эскортом “Джорж Вашингтон”, на котором задорно развивался звездно-полосатый “матрац”. Море забурлило переговорами и кораблями, и на горизонте пролегла тень колоссального танкера. Десятки тысяч оборванцев на безобидных лоханках разинули рты. Крошечный человеко-обезьяна зашелся плачем, но все забыли о нем. Лишь стон вытянулся из чьей-то особо впечатлительной груди... Мир тем временем вновь торжествовал»* [4].

На страницах своего романа автор создает гротесковый мир изолированного тоталитарного государства. Время в нём сжимается и ускоряется – «Армада» проходит путь строительства государства и решает проблему «власть и народ». Аллегии и метафоры отсылают читателя к трагическим событиям российской истории:

1 Революционные события (1917 г.): *«Пьяная матросня с гармошками, лузгая невеста откуда появившиеся семечки, слонялась по всем трапам»* [4].

2 «Красный террор» (1920): *«Созданная “чрезвычайка” не отличалась своеобразием...»*; *«...за откровенный саботаж были высланы два десятка инженеров-интеллектуалов и редактор корабельной газеты. Диссиденты во главе с редактором отплыли на последнем баркасе»; «Репрессированные отплыли достаточно далеко, когда на мостике возник и сам Командор...»* [4].

3 Тоталитаризм Ивана Грозного, И. В. Сталина: *«...господин Адмирал, вы являетесь единственным представителем легитимной власти единственного в своем роде мини-государства! Вы президент, царь, иерарх в одном лице»* [4].

Автор приходит к выводу, что тоталитаризм основан на страхе и идеологии: *«Должно быть все, на чем держится власть – страх, плетка, ложь»*; *«Идеи правят миром, так дайте ему идею!»*; *«Потрясенные моряки узнали, что где-то на севере еще осталась земля. Кроме того, рядовые и офицеры зарубили себе на носу – паникеры, которые осмелятся усомниться в этом, моментально отправятся под трибунал»*; *«Разумеется, Адмирал брал на себя всю полноту власти. Назначалось Особое ведомство, которое с этой минуты наблюдало за порядком»* [4].

Время определяет структуру и границы художественного пространства. Термин «литературное пространство» имеет не только узкое понимание, при котором он воспринимается как «то, посредством чего пространственные свойства реализуются в темпоральном искусстве» [9], но и более широкое, при котором мы имеем дело с пространством рассказчика и пространством персонажей [2]. Повествователь обезличен и выступает в романе в качестве режиссера, который правильно выставляет ракурсы той камеры, через которую за происходящим следит читатель. Благодаря этому создается эффект «кинематографичности». В «Армаде» пространство динамично трансформируется, то сужаясь, то расширяясь: *«Земли более не существует. Следовательно, вся эта громада металла и взрывчатки, все эти самолеты, сверхскоростные ракеты, легионы штабных, часовые у флагов, сигнальщики, рулевые, снующие сейчас внизу боцмана и салаги и, наконец, он сам уже никому не нужны. Материки растворились в пучине, столицу поглотили океанские волны»* [4].

Таким образом, «хронотоп» романа «Армада» Ильи Бояшова включает историческое (реальное время), мифологическое (библейский Потоп) и эпическое (события, происходящие с самой «Армадой») времена. Взаимопроникновение трех временных пластов определяет трансформацию художественного пространства и гротескового мира, созданного на страницах романа.

Список литературы

- 1 Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худ. лит., 1975. – С.234
- 2 Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 204-205.
- 3 Бессонова Т., Кудряшов И. Концепция хронотопа М. Бахтина : история, сферы применения и перспективы исследования : сборник материалов конференции «Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия». М., 2014.
- 4 Бояшов И. «Армада». – СПб. : Амфора, 2007. – С. 32, 33, 34, 35, 41, 119, 120, 121, 134.
- 5 Есин А. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учебное пособие. – 3-е изд. – М. : Флинта; Наука, 2000. – С. 248.
- 6 Николина Н. Филологический анализ текста : учебное пособие. – М. : Академия, 2003.
- 7 Печетова Н. Языковые средства организации времени и пространства в современном художественном произведении : материалы Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Слово в романе: проблемы междисциплинарного исследования». – Якутск, 2013.
- 8 Тодоров Ц. Поэтика // Структурализм : за и против – М. : Прогресс, 1975. – С. 37-113.
- 9 Kestner J. The Spatiality of the Novel. – Detroit, 1978. – P. 21.

R. MIRSKY
(Kurgan, Russia)

THE CHARACTERISTIC OF THE SPECIAL-TEMPORAL ORGANISATION OF ILYA BOYASOV'S NOVEL «ARMADA»

Abstract: This article was written as an attempt to characterize the main features of spacial-temporal organization of Ilya Boyashov's novel «Armada».

Keywords: chronotope, literary time, literary space, spacial-temporal organization.

Д.В. ПОРТНЯГИН
(Курган, Россия)

ФИЗИОГНОМИКА В НОВЕЛЛЕ Ф. ШИЛЛЕРА «ПРЕСТУПНИК ИЗ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ ЧЕСТИ»

Аннотация: Статья демонстрирует, как Фридрих Шиллер использует в своей художественной прозе антропологический подход для объяснения психических и материальных детерминант преступного поведения.

Ключевые слова: Фридрих Шиллер, художественная проза, новелла, «Преступник из-за потерянной чести», Лафатер, физиогномика.

Реформистская интенция, лежащая в основе Шиллеровой новеллы «Преступник из-за потерянной чести» (1786), широко известна. Гораздо меньше внимания исследователи уделяли антропологическому подходу, который Шиллер (1759-1805) использует, пытаясь понять преступное поведение и изучая его психические и материальные детерминанты.

О приверженности Шиллера методам эмпирической антропологии нам сообщают медицинские метафоры в тексте – «посмертное вскрытие пороков», «заражённый член общества». В полном соответствии с тем значением, которое данная дисциплина придаёт формирующему влиянию раннего воспитания, повествователь приводит точное резюме лишений, которые претерпел Христиан Вольф в молодые годы. Самое заметное из них – это дефицит образования, вызванный ранней смертью отца, однако герою пришлось также бороться и с физическими недостатками: «Природа жестоко обделила его. Маленькая невзрачная фигура, курчавые, неприятного черного оттенка волосы, плоский приплюснутый нос и вздутая верхняя губа, к тому же еще изуродованная ударом конского копыта; столь отталкивающая внешность отпугивала от него женщин, а приятелям давала богатую пищу для насмешек» [1, с. 498].

За этим описанием следует не менее удручающее перечисление моральных недостатков персонажа: Вольф – чувственный, «слишком ленивый», «несведущий», «слишком гордый и слишком изнеженный». Уже в организации начальной обрисовки, включающей подробную характеристику физических и

морально-психических компонентов личности преступника, достаточно ошутим антропологический импульс. Это побуждение понять человека как единство тела и души. Взгляд на человека, как на колыбель, в которой покоятся «мудрость и глупость, порок и добродетель», проявляется даже в имени протагониста – Христиан Вольф.

Корни Шиллерова антропологического мышления мы можем обнаружить в его годах, проведённых в Карлсшуте, особенно во влиянии на него Абелья (1751-1829), который стимулировал в юном воспитаннике интерес к фундаментальному вопросу антропологии – *commercium mentis et corporis*, постулирующему взаимосвязь между духом и телом. Абель сам был учеником лейпцигского врача Эрнста Платнера (1744 -1818), которого многие считают основателем антропологии. Антропологи пытались порвать со схоластической традицией в медицине, настаивавшей на разделении двух онтологических категорий — телесного и духовного. Появление антропологии явилось частью реакции на рационалистические тенденции раннего Просвещения с его фиксацией на сфере разума. В свою диссертацию «О связи между животной и духовной природой человека» (1780) Шиллер 22-м параграфом вводит «Физиономику ощущений» – по сути, критическое прочтение физиогномической теории Лафатера (1741-1801). Шиллер принимает базовый посыл Лафатера о формообразующем влиянии разума на тело, при этом дистанцируясь от суммарной претензии на то, что «*der Körper [ist] nichts anders, als die sichtbar gemachte Seele*» [3, S. 108].

В исследовании взаимосвязи между духом и телом Шиллер вряд ли мог избежать ссылок на теорию Лафатера, чья популярность в немалой степени объяснялась тем, что провозглашённое *commercium mentis et corporis* подавалось швейцарским писателем в манере, вполне вписывавшейся в христианскую теологию. В то время как материалисты вроде Бургава (1668- 1738) и Ламетри (1709-1751) использовали проблематику взаимосвязи духовного и телесного для того, чтобы утвердить мысль о том, что ментальные процессы сводятся к физиологическим, Лафатер инвертирует эту перспективу, провозглашая мысль о теле как материализации души. Его цель как богослова при этом состояла в том, чтобы обезопасить теологический подход с его восприятием человека как венца творения, созданного по образу и подобию Бога, от непочтительности материалистической науки. Как следствие, мыслью о соответствии между моральной сущностью индивида и его физической конституцией Лафатер обязан скорее своим эсхатологическим представлениям, нежели интересу к эмпирической антропологии. Пастор из Цюриха надеялся, что физиогномика когда-нибудь сподобит избранных – тех, кто согласно кальвинистской доктрине предопределения были отмечены для спасения – различать друг друга силой специфических физических черт. Надежда Лафатера состояла в том, что прочтение человеческой формы дополнит обманчивые фигуры речи языком, в котором само человеческое тело будет являться непогрешимым индикатором моральной конституции личности: таким образом, его видение содержит черты типичного для позднего Просвещения скептицизма относительно языка. Постулированное соответствие между

физической и моральной красотой находит заметное выражение в формуле «Je moralisch besser, desto schoener. Je moralisch schlimmer, desto haeslicher» [3, S. 63] в которой слышны отзвуки классического идеала калокагатии.

Шиллер впервые увидел Лафатера, когда пастор посетил Карлсшуле 12 августа 1774 года; через некоторое время он мог познакомиться с идеями Лафатера как на уроках философии, так и из *Schwaebische Magazin*, на страницах которого регулярно публиковались статьи по физиогномике. Со времени своего раннего увлечения теорией Лафатера Шиллеровы взгляды на физиогномику характеризовались амбивалентностью. Несмотря на то, что Шиллер в диссертации 1780 года позволяет себе насмешку относительно плана Лафатера установить таксономию органических частей тела, замечая, что данная задача вряд ли могла быть достигнута, «хотя Лафатер и мечтал изложить её в десяти небольших томах» [2, с. 491], параграф, названный «Физиономика ощущений», не может расцениваться как недвусмысленное отрицание физиогномики *per se*. Шиллер допускает возможность того, что сильные и часто повторяемые эмоции могут проявляться в чертах лица индивидов. В параграфе, которому предшествует объяснительная ремарка «Физические явления обнаруживают движения духа», мы читаем: «Если аффект, симпатически возбуждающий эти движения механизма, будет часто повторяться и этот вид ощущения станет обычным для души, то и движения эти сделаются обычными также и для тела. Если такой ставший привычкою аффект обратится в постоянный характер, то и согласованные с ним черты механизма врежутся глубже, останутся в нём и сделаются наконец органическими. Так формируется в конце концов определённая, многолетняя физиономия человека, так что позднее бывает иногда легче изменить душу, чем выражение лица. В этом смысле можно сказать, не будучи приверженцем Сталь, что душа образует тело, и первые юношеские годы определяют, быть может, черты лица человека на всю его жизнь, подобно тому как они вообще составляют основание его нравственного характера».

Из этого отрывка видно, что Шиллерова «Физиономика ощущений» в основном идентична патогномике в том смысле, как её понимает Лихтенберг (1742–1799). Необходимо, однако, отметить, что Лихтенберг, выступая страстным оппонентом физиогномики Лафатера между тем заявлял: постоянное повторение определённых выражений может оставить перманентный след на лице. Место, где Шиллер и Лихтенберг расходятся с Лафатером, – это краеугольный камень теории последнего: вывод о том, что фиксированные части лица – форма лба, носа, зубов и подбородка – могут сообщить сведения об интеллектуальных способностях и эмоциональной диспозиции. И Шиллер, и Лихтенберг допускают возможность физиогномического прочтения только в том случае, если оно базируется на подвижных частях лица. На первый взгляд согласование моральных и физических недостатков в очевидно физиогномическом описании Христиана Вольфа предполагает принятие Шиллером Лафатерова уравнивания моральной и физической красоты. С одной стороны, мы имеем физическое описание именно тех фиксированных частей тела, которые относятся к анализу Лафатера,

с другой – набор моральных недостатков. Однако Шиллер устанавливает это соответствие лишь для того, чтобы подчеркнуть его ненадежность. Внешность Христиана Вольфа – это продукт и «капризной игры природы», которая «то наказывает, как мачеха, то одаряет, как мать», и серьезного несчастного случая. Описание физической внешности Христиана Вольфа осознанно сконструировано так, чтобы показать, что процитированные черты не могут быть прочитаны с целью получения информации о конкретных моральных и психических диспозициях. В описании Шиллер делает акцент на фиксированных частях, на тех, которые сам Лафатер посчитал бы релевантными для физиогномического анализа. При этом автор «Преступника...» избегает упоминания подвижных частей лица, которые и он, и Лихтенберг считали способными «выдать» действия психики. Авторская интенция при этом заключается в том, чтобы продемонстрировать опасности, скрытые в физиогномике Лафатера: соседи Христиана, деревенская толпа, поносят и превращают безотцовщину Вольфа в изгоя основываясь на том же критерии, который бы применил сам Лафатер. Между тем именно изгнание, основанное на внешних недостатках, является в новелле основной причиной последующей криминальной карьеры.

Описание юности Вольфа содержит имплицитное обвинение тех, кто готов проклинать своих собратьев, основываясь на внешних чертах. Превращение персонажа в парию на этой основе презентуется автором новеллы как несправедливость, происходящая из невежества и предубеждения толпы. В этом смысле Шиллер дистанцируется от физиогномики Лафатера. Эта позиция относительно классификации людей по внешним чертам вступает в противоречие с двумя эпизодами в новелле.

Первый эпизод – описание главаря банды разбойников, который встретился Вольфу в лесу. Данное описание строится на стереотипных для того времени реквизитах пугающего злодея: «Я поднял глаза и увидел шедшего мне навстречу человека, по виду сущего дикаря, с большой суковатой дубиной в руках. Он был гигантского роста – по крайней мере в первую минуту замешательства мне так показалось, – с смуглым, как у мулата, лицом, на котором свирепо сверкали белки косящих глаз» [1, с. 506]. В этом отрывке степень морального разложения отражена в дистанции, отделяющей злодея от эстетического идеала «прообраза божества», абсолютно точно в соответствии с постулатами Лафатера.

Второй – встреча Вольфа со сборщиком пошлин на заставе. «Здесь, у заставы, он поседел; сорокалетняя служба воспитала в нем безошибочного физиономиста, сразу определявшего бродяг. Острый взгляд этой ищейки не обманулся и теперь». Данный отрывок показывает, что Шиллер допускает возможность патофизиогномического прочтения лица.

Список литературы

1 Шиллер Ф. Собр. соч. в 7 т. – Т. 3. : Драммы. Проза. – М. : ГИХЛ, 1956.

2 Шиллер Ф. Собр. соч. в пер. русских писателей : в 4 т. / под ред. С.А. Венгерова. – СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1901-02. – Т. 4.

3 Lavater J.C. Physiognomische Fragmente zur Befoerderung der Menschenkenntnis und der Menschenliebe, 4 Bde. – Leipzig und Winterthur : Weidmann, 1775-78; repr. Hildesheim : Olms, 2002. – Bd. 1.

D. PORTNYAGIN
(*Kurgan, Russia*)

PHYSIOGNOMY IN F. SCHILLER'S NOVELET «DER VERBRECHER AUS VERLORENER EHRE».

Abstract: the article demonstrates how Friedrich Schiller uses anthropological approach in his prose to explain mental and physical determinants of criminal behavior.

Keywords: Friedrich Schiller, fiction, Der Verbrecher aus verlorener Ehre, Lavater, physiognomy.

Н.Д. САДОМСКАЯ
(*Оренбург, Россия*)

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА Г.Р. ХАГГАРДА «ХОЗЯЙКА БЛОСХОЛМА»

Аннотация: На материале романа видного английского писателя Г.Р. Хаггарда о европейской старине в статье рассматриваются особенности жанра исторического романа на рубеже XIX-XX веков. Показывается, как Хаггардом преобразована традиция европейского исторического романа. Внимание уделяется анализу поэтики исторического романа Г.Р. Хаггарда «Хозяйка Блосхолма».

Ключевые слова: исторический роман, неоромантизм, традиция, поэтика, готика.

Исторический роман занимает значительное место в английской литературе второй половины XIX века, но вклад Г.Р. Хаггарда (1856–1925) в его развитие еще до конца не оценен. На всем протяжении своего творческого пути Г.Р. Хаггард обращался к жанру исторического романа, в котором отобразил самые разные этапы истории человечества: в романах о европейской старине действие происходит в Скандинавских странах («Эрик Светлоокый», 1891; «Братья», 1904), в Англии («Хозяйка Блосхолма», 1909), в Англии и Испании («Прекрасная Маргарет», 1907), в Голландии («Лейденская красавица», 1901). Он изображает времена колонизации Мексики Кортесом («Дочь Монтесумы», 1893). В романе «Владычица Зари» (1925) действие разворачивается в эпоху нашествия гиксосов, а роман «Желание мира» (русский перевод «Скиталец», 1890) превратился в «продолжение» гомеровской «Одиссеи». В «Жемчужине Востока» (1903) повествуется о преследованиях первых христиан, в то время как роман «Клеопатра» (1889) – новая версия гибели знаменитой египетской царицы, а «Луна Израиля» (1918) – любовная история из эпохи египетских фараонов.

Проблема исторического романа остается актуальной для современного литературоведения, о чем свидетельствует целый ряд работ, посвященных

этому вопросу. Вопрос о своеобразии исторического романа в творчестве Г.Р. Хаггарда до конца не разработан [10].

Интерес к истории подогревался в английской культуре многочисленными открытиями, сделанными знаменитыми учеными, путешественниками, археологами, среди которых были Ливингстон, Бругш и другие. Расцвет антропологии вызвал активное изучение истории примитивных народов, которые олицетворяли собой «детство» человечества.

Историческое прошлое – устойчивый мотив литературы переходных эпох, вот почему, возникнув в эпоху предромантизма, этот вид романа получил законченный вид именно у романтика В. Скотта и вновь был востребован на рубеже XIX-XX веков в творчестве неоромантиков и переосмыслен старшими современниками Хаггарда – Ч. Диккенсом, Э. Бульвер-Литтоном, Ч. Кингсли, У. Моррисом. К изображению истории в английской литературе второй половины XIX века обращались представители разных художественных течений. Так, прерафаэлиты увидели в средневековье идеал для подражания и модель преобразования современного им общества. У. Моррис определил средневековое прошлое моделью для возможного, с его точки зрения, вида нового, преобразенного общества.

Возникнув вместе с романтизмом в начале XIX века, жанр исторического романа обладает рядом характерных признаков, среди которых изображение прошлых эпох в деталях быта и костюма, «последовательный историзм» и, конечно же, «масштабный исторический конфликт» [3, с. 84]. В своей работе «Формы времени и хронотопа в романе» М.М. Бахтин указывает, что для исторического романа нового времени характерна попытка «найти исторический аспект для частной жизни» [2, с. 251]. Поэтому существенной особенностью исторического романа, по Бахтину, является наличие в нем не только исторического, но и авантюрного времени: «Повсюду, где в последующем развитии европейского романа появляется греческое авантюрное время, инициатива в романе передается случаю, управляющему одновременно и разновременностью явлений или как безличная, неназванная в романе сила, или как божественное провидение, или как романские “злодеи” и романские “таинственные благодетели <...>. Вместе со случаем (его разными личинами) неизбежно приходят в роман разные виды предсказаний, и в особенности вещие сны и предчувствия» [2, с. 132-133].

М.Б. Ладыгин утверждает, что форма исторического романа в английской литературе рубежа XIX – XX веков не только восходит к тому типу, который был создан В. Скоттом и развит другими романтиками, но «воспроизводит этот тип без существенных отклонений» [7, с. 56]. Однако более пристальное изучение вопроса позволяет, тем не менее, увидеть некоторые новации, о которых можно говорить применительно к историческому роману Г.Р. Хаггарда.

Из воспоминаний Г.Р. Хаггарда, его литературных эссе, писем известно, что он всегда интересовался историей, а среди его любимых авторов-создателей исторического романа значатся соотечественник Э. Бульвер-Литтон и знаменитый француз А. Дюма. Рассуждая о романном творчестве и исто-

рическом романе, Э. Бульвер-Литтон придавал большое значение изображению всего многообразия эпохи, которое отражается не только в описании обычаев и нравов, но и в безупречном знании духа эпохи. По его мнению, герои должны быть изображены очень близко к жизни, будто они «срисованы с прохожих Лондона» [13, с. 321]. Эту важную черту исторического романа Г.Р. Хаггард также воплощал с большим энтузиазмом, подробно показывая жизнь людей прошлых эпох. В воспоминаниях «Дни моей жизни» [14; т. II, р. 91] он пишет о мастерстве создания любой разновидности приключенческого романа, уделяя особое внимание построению сюжета, в котором на первый план выходит быстрая смена событий. Хаггард был последователем А. Дюма, который «культивировал авантюрно-нравоописательный роман о прошлом», и воспринял традицию исторического романа А. де Виньи, показавшего «заурядную личность в ее противостоянии истории, пусть даже безрезультатном» [3, с. 98].

В своих исторических романах Хаггард воспроизводит эпохи, полные бурных событий, религиозных конфликтов, политической борьбы. На этом фоне он располагает яркие, резко очерченные фигуры главных героев, устремленных к своим целям вопреки складывающимся препятствиям. Таков роман «Хозяйка Блосхолма» (1909), события в котором развиваются в первой половине шестнадцатого века. Этот роман повествует о борьбе Сайсели Фотрел за свою честь, жизнь, поместье, на которые претендует монах-католик Клемент Мэлдон. Аббат Мэлдон намерен узаконить владение землями Фотрелов, ставя под сомнение права истинного владельца. Историческим фоном романного действия является резкое противостояние католиков и короля Генриха VIII, который начал реформацию церкви вследствие ссоры с Папой Римским. Испания была главным оплотом католицизма и противилась начавшейся в Англии реформации церкви. Эта историческая ситуация позволяла вести открытую критику врагов Англии, возвеличить англичан как защитников независимости и свободомыслия. Исторические события не показаны в романе, но их смысл отражается в действиях исторических персонажей. Так, поведение Генриха VIII, появляющегося в финальной части романа, вполне соответствует историческим реалиям. Известно, что король постоянно искал денег для ведения интриг против Папы Римского, отличался своеобразием и жестокостью в отношении своих политических противников-испанцев.

Хаггард показывает, что конфликты эпохи сформировали характеры действующих лиц. Как ни в одном другом романе, в «Хозяйке Блосхолма» социальный критицизм Г.Р. Хаггарда высок и определен. Он разоблачает церковников, показывая, к каким хитросплетениям прибегает аббат Мэлдон для организации мятежа католиков против короля Генриха в надежде остановить реформацию и оставить Англию во власти Папы Римского. В романе показаны разные представители церкви: не только могущественный аббат, но и монах Мартин, который хотел жить по совести, старая настоятельница женской обители мать Матильда, переживающая истинное духовное возрождение, вступая в борьбу с Мэлдоном.

Мэлдон предстает в романе как романтический злодей. Его внешность, черты характера, прошлое покрыты тьмой тайны. Аббат корыстолюбив, а это тягчайший грех для верующего. Появление Мэлдона подготовлено мысленным разговором с ним, который ведет Джон Фотрел, намеревающийся вступить в борьбу с аббатом. В словах старика звучит ненависть к аббату-испанцу, заговорщику против английской короны, для которого не душа и вера, а деньги – главная ценность: «Вы умны, аббат Мэлдон, и я знаю, что вам нужны деньги или что-нибудь взамен, чтобы платить вашим оруженосцам и чтобы удовлетворять ваши громадные потребности» [12, с.15]. Мэлдону противопоставлен монах Мартин, который хотел жить по вере, по совести. Он утрачен деяниями аббата, но осмеливается сказать ему в глаза о неприглядности совершенных поступков. Автор показывает Мартина глазами Мэлдона, усиливая впечатление о герое, который внутренне уже готов противостоять злодею. Аббат думает о Мартине: «Слишком честный для нашей игры и слишком уж англичанин. Патриотизм так и пробивается сквозь его рясу. У монаха не должно быть ни родины, ни родни...» [12, с.73]. В понимании Хаггарда истинная вера не связана с понятиями материальной выгоды. И хотя Мартин – эпизодическое лицо, его роль значительна именно потому, что позволяет усложнить образ аббата Мэлдона.

Явной симпатией освещен в романе образ старой настоятельницы женской обители матери Матильды. Она боится аббата, смиренно отдает ему в руки большую часть своих доходов, долгое время не видит возможности спасти Сайсели и Эмлин, заточенных в монастыре. Однако ее сердце крепнет при виде новорожденного сына Сайсели, потом, видя стойкость и мужество молодых женщин, устремляется им на помощь. В ее душе зреет протест против власти аббата, и пожилая женщина садится на коня, чтобы выбраться за стены обители и призвать на помощь пленникам. Эти персонажи романа никак нельзя назвать однолинейными или плоскими. Даже мельком появляющийся брат Мартин наделен выразительными чертами, тем более мать Матильда, переживающая внутреннее преображение, черпающая силы не только в молитве, но в реальной деятельности на благо других людей. Особенностью романа является то, что персонажи, принадлежащие по происхождению английскому дворянству, отступают здесь на второй план. Старый Джон Фотрел подло убит в самом начале действия, законный муж Сайсели Кристофер Харфлит пленен Мэлдоном и отправлен в изгнание. Сама Сайсели – нежное создание и чаще находится под опекой своей няни, чем принимает самостоятельные решения. Исторические персонажи – Король Генрих, его супруга Джен Сеймур, Томас Кромвелл, граф Эссекс – располагаются на периферии сюжета и вступают в действие в самый последний, решительный момент, придавая повествованию историческую достоверность и убедительность.

Образ Томаса Болла вносит в роман комическую стихию. Простак и неудачник, потерявший когда-то в молодости свою возлюбленную Эмлин, которую отец выдал замуж по своему усмотрению, он стал братом-мирянином. Ему выпадает горькая участь хоронить убитого, как все полагают, Кристофера.

Сцена на кладбище явно восходит к знаменитой сцене в трагедии Шекспира. Вырыв могилу для Кристофера, Томас думает: «Когда я был мальчишкой, я знал его деда, а мой дед говорил мне, что знал его деда, а что его дед знал прадеда его деда – и так было триста лет сряду, а теперь я сижу на оцепеневших пальцах последнего из них, зарубленного, подобно бешеному быку, в своем собственном дворе испанским священником и его наемниками, чтобы захватить богатство его жены» [12, с. 77]. Томас, поглощенный долгое время своим одиночеством и неудачами, приобщается в этот момент к судьбам других людей и словно прозревает. Не случайно именно Томаса просит умная Эмлин помогать в спасении Сайсели. Эмлин оказывается около своей воспитанницы в самые тяжелые минуты: в башне во время пожара, на пепелище, в монастыре. Она бросает обвинения в лицо аббату, призывая гнев небесных сил на его голову. Эмлин умна, она владеет грамотой. Ее жизнь, наполненная драматическими событиями, закалила ее волю. В жилах Эмлины течет кровь испанского дворянина и цыганки, что придает особое очарование ее внешнему облику и характеру. Вера Эмлины действенная, побуждающая к активности, и в этой активности – залог ее благородства. Именно эту героиню Хаггард награждает способностью к ясновидению и внушению. Сосредоточенно думая о помощнике, она в трудную минуту мысленно представляет своего возлюбленного Томаса Болла, и он, почувствовав это, спешит к воротам женской обители, где заточены пленницы. Переодевшись из доспехов рыцаря в звериную шкуру и маску с рогами, Томас пугает обитателей Блосхолма, как явившийся из преисподней черт.

Характерный для готического романа мотив призрака получает здесь комическое осмысление, герои «играют» в призраков и чертей, чтобы спастись из заточения. В то время как злодей Мэлдон видит в явлении призрака знак надвигающейся кары, мирные поселяне – доказательство того, что справедливость торжествует. Как призраки, появляются перед глазами Мэлдона на пепелище Сайсели и Эмлин, которых уже посчитали сгоревшими в огне.

Г.Р. Хаггард в этом романе использует свои излюбленные мистические мотивы. Так, Сайсели видит дважды пророческие сны. Сначала перед отъездом отца она видит сон, который предвещает его гибель. А потом накануне казни неясные видения предсказывают ей благополучный исход событий. «Чудеса» как элемент готического романа имеют здесь условное значение, помогая развитию действия.

Важную роль в романе Хаггарда «Хозяйка Блосхолма» играет авантюрный сюжет. Авантюра в неоромантическом романе выполняла различные функции. Она выступала как выражение протеста против «мещанской респектабельности» [6, с. 436]. С авантюрой связан мотив тайны, которая разрешается как по воле случая, так и благодаря инициативе самоотверженных людей [5, с. 75]. Это замечание Катарского представляется нам весьма характерным не только для романов Стивенсона, но и для романов Хаггарда, особенно для романа «Хозяйка Блосхолма», в котором «мистика», «чудеса», «случайности» получают вполне реальное объяснение. «Случай»,

конечно, необходимое звено, которое связывает события (в частности, пропажа «Большого Ярмута»), но здесь главная роль принадлежит действиям героев, их сознательным поступкам, которые являются реакцией на обстоятельства, и в то же время эти поступки влекут за собой движение событий. Героические поступки здесь совершают женщины, которые противостоят явно более сильному и подготовленному противнику в лице Мэлдона.

Финал романа оптимистичен. Награждены смелые и честные – повержен их противник Мэлдон. Этот оптимизм Хаггарда связан с утверждением веры в то, что Добро всегда может победить Зло, и основа этой победы лежит в любви, верности, нравственной чистоте, вере, которые превыше богатства и знатности.

Исторические романы Хаггарда о прошлом Англии испытали значительное влияние, с одной стороны, вальтерскоттовской традиции, прежде всего в интересе к исторической достоверности, проявляющейся в детальном знании эпохи. Э. Лэнг и Р. Киплинг часто хвалили Хаггарда за блестящее знание исторических подробностей. Следуя этой особенности исторического романа Вальтера Скотта, Хаггард выводит в качестве главных действующих лиц вымышленные персонажи, которые борются за свое личное счастье, но их судьбы оказываются вовлеченными в сложный исторический процесс. От решений и действий «маленьких» людей зависят судьбы страны и нации – эта мысль, столь близкая Хаггарду в течение всей его жизни, находит выразительное решение в произведении. И хотя история не является собственно предметом изображения в романах Г.Р. Хаггарда, она «помогает выткать канву, на которой вышит узор занимательного приключенческого сюжета» [4, с. 21].

С другой стороны, нельзя не видеть того влияния, которое испытывает хаггардовский исторический роман со стороны традиции А. Дюма, что проявляется в широком использовании любовно-авантюрного сюжета. Хаггард обогащает поэтику исторического романа за счет широкого обращения к мистическому, чудесному, случайному, что составляет арсенал готического романа, черты которого были восприняты поэтикой Хаггарда.

Таким образом, исторический роман Г.Р. Хаггарда создавался на путях гармонизации двух традиций – В. Скотта и А. Дюма, а также готического романа, что отражало новые тенденции в развитии жанра на рубеже XIX-XX в.

Список литературы

- 1 Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // М. М. Бахтин Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
- 2 Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // М. М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
- 3 Бельский А. Типология исторического романа и романы А. Дюма конца 40-х – начала 50-х годов // Проблемы метода, жанра и стиля в прогрессивной литературе Запаदा XIX-XX веков. – Пермь, 1976.
- 4 Васильева И. Уникальный талант рассказчика // Г. Р. Хаггард. Собрание сочинений : в 12 т. – Калуга : Библио, 1991. – Т.1.
- 5 История английской литературы : в 3 т. – М., 1953. – Т.3.
- 6 Кашкин И. Три книги Стивенсона. – М., 1957.

- 7 Ладыгин М. Б. Английский неоромантический роман неоромантизма // Вопросы национальной специфики произведений зарубежной литературы XIX-XX вв. – Иваново, 1979.
- 8 Малкина В. Я. Поэтика исторического романа. Поэтика инварианта и типология жанра : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
- 9 Спиридонов Д. В. Эстетика историзма и поэтика нелинейного письма в европейской литературе конца XX в. : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.
- 10 Садомская Н. Д. Творчество Генри Райдера Хаггарда и английская литература конца XIX–начала XX века. – Оренбург, 2006.
- 11 Тамарченко Н. Д. «Капитанская дочка» и судьбы исторического романа в России // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1999. – Т.58. – №2. – С. 44-53.
- 12 Хаггард Г.Р. Хозяйка Блосхолма. – М. : Обновление, 1991.
- 13 Pamphlets and Sketches by Right Lord Litton. N.-Y. 1875.
- 14 Haggard H. R. The Days Of My Life : an autobiography / H.R. Haggard / ed. by C.J. Longman. In 2vls.L., 1926.

N. SADOMSKAYA
(Orenburg, Russia)

THE POETICAL ASPECTS/PECULIAR FEATURES OF HAGGARD'S HISTORIC NOVEL «THE LADY OF BLOSSHOLME»

Abstract: The printed matter of the novel, belonging to an outstanding English writer G.R. Haggard about the European antiquity, considers the peculiarities of historic novel genre at the turn of the nineteenth and twentieth century. The article shows the way of Haggard's transformations in the European historic novels. The emphasis is placed on the poetics analysis of Haggard's work «The Lady of Blossholme».

Keywords: Historic novel, neo-romanticism, Traditional, poetics, gothic.

Р.П. СЫСУЕВА
(Курган, Россия)

ЗАМЕТКИ ОБ ОРФОГРАФИИ МЕМУАРОВ Н.И. ГРЕЧА «ЗАПИСКИ О МОЕЙ ЖИЗНИ» (1866)

Аннотация: Прослеживается орфографическая и орфоэпическая норма книжного языка и ее вариативность в I половине XIX в.

Ключевые слова: русский литературный язык, XIX век, нормы, орфографический, орфоэпический разнбой, вариативность.

Николай Иванович Греч (1787-1867) был широко известен как писатель, журналист, редактор, переводчик, автор учебных практических грамматик русского языка, хрестоматий по российской словесности, преподаватель и методист. Прожив долгую и интересную жизнь, он оставил после себя любопытные воспоминания «Записки о моей жизни», которые при жизни печатались в журналах по частям (1849-1861), а в 1866 году были изданы отдельной книгой и отредактированы самим автором. Это записки человека, родившегося в век Екатерины Второй и умершего при Александре Втором,

«человека чрезвычайно деятельного, общавшегося с огромным числом людей, честного, тонкого и наблюдательного» [4, с. 58]. Охватывая почти столетие русской истории, «Записки» «представляют богатый литературный, исторический и бытовой материал» [1, с. 7].

Не менее важны «Записки» и в лингвистическом отношении. Они не исследованы как источник по истории русского литературного языка первой половины XIX века, периода расширения общественных условий функционирования русского книжного языка (периодические издания, публицистика, научная и художественная литература и др.), его формирования на новой, общенациональной основе.

В этот период разрушается система литературного языка с его противопоставлением «высокого» и «невысокого» стилей, складывается система, объединяющая все исторически сложившиеся средства языка в их принципиально новой группировке. Идет активный процесс заимствования слов из западноевропейских языков (французского, немецкого, голландского, латинского и др.). Создаются русские грамматики, в частности Н.И. Греча, в которой орфоэпия рассматривается как особый отдел грамматики, указываются правила произношения, расходящиеся с письмом.

По свидетельству Г.О. Винокура, «в течение I половины XIX века в русской истории упрочаются фонетические и грамматические нормы русского национального языка и соответственно активно распространяется орфографическая грамотность, хотя в языке культурного слоя удерживались отдельные простонародные элементы, противоречившие средней норме книжного языка» [3, с. 104].

Цель нашей работы – на основе текста мемуаров Н.И. Греча как лингвистического источника охарактеризовать состояние орфографических норм русского литературного языка в период их формирования.

В области русской литературной фонетики I половины XIX века живые национальные элементы преобладают над книжными, церковнославянскими. В ходе борьбы между северным и южным говорами в литературном языке победил говор Москвы, и в частности южнорусское аканье. Носители образцовой фонетической системы были «дворяне, преимущественно москвичи, и, вероятно, образованные же представители разночинства» [2, с. 5]. Так, Н.И. Греч в своей «Практической русской грамматике (1827 г.) указывал, что правила произношения в ней даны «по употреблению, существующему в наречии Всероссийском (т.е. господствующем в губерниях Московской и смежных с нею) и принятому образованными людьми по всей России» [2, с. 6].

Этой строгой школы еще не было в I половине XIX века. Отсюда отражение живой речи, разноречивой и вариативной в орфографии ряда слов. Так, в области русской литературной фонетики этого периода мы отмечаем преобладание новых, живых национальных элементов над старыми, книжными, церковнославянскими. В ряде слов отражено московское аканье и его варианты: Лизанька, 168; возрасло, 506; судырь, 147; батинька, 136; за Настиньку, 455. Двойкие написания слов с гласными о и е под ударением находим после шипящих: чорт, 449; душою, 230, – душею, 605; госпожою, 230,

– госпожею, 200; Балашов, 5, –Балашева, 345; но и: бичем, 59; турченоч, 156; параличем, 183; *о* и *е* после *ц*: Новосильцова, 540, – Новосильцев, 202. Группа согласных *чн* – *шн* отражает орфографическое книжное произношение: порядочный, 371, пушечною, 342 – и фонетическое разговорное: Прачешного (двора), 88; *зн/сн*: В словах с приставками на *з* встречаем перед глухими согласным и *з* и *с*: безчестно, 692 – бесчестно, 500; обезпечие, 342 – беспечностью, 267; расстройстве, 449 – разцвели, 387. Существительное *счастье* имеет вариант *сч/щ*: счастием, 156 и ошастливит, 456.

Влиянием живой речи и книжного письма объясняем и вариативность орфографии слов: *через* (полчаса), 189, *чрез* (нее), 199, *чрезь* (пень колоду), 442; *нынче*, 527 – *нынъче*, 500; отмечаем слова в русской и старославянской огласовке: *среда*, 116; по *средам*, 116; *пред* ним, 445; *перед* судьями, 573.

Для фонетики I половины XIX века было характерно различие начального подударного *о* с предшествующим *в* в живой речи и отсутствие его в книжных формах, где начальное *о* не было ударным. В данном тексте зафиксировано 13 словоупотреблений с начальным *в*: *восемь*, 454, *восемьдесят*, 478, *вотчимом*, 114; и 21 словоупотребление с начальным *о*: *осьми* (министров), 431; *осьмнадцать*, 356; *осьмидесятых*, 52.

Вариативность и неупорядоченность орфографических норм особенно ярко проявляется в заимствованиях из западноевропейских языков. Их звуковая сторона отражает главным образом особенности фонетики языков – источников, из которых в разное время они поступали в русский язык. Л.А. Булаховский отмечал: «Ученые, мало считаясь с духом современности, отдавали слишком большую дань ученому педантизму и регулировали, например, орфографию и произношение иностранных слов так, что устанавливаемые правила были под силу только для людей, специально владеющих этими языками» [2, с. 47]. Отсюда, например, вариативность существительных-грецизмов с суффиксом – *изм* и галлицизмов с суффиксом – *исм*: галлицизмами, 250 – галлицизмами, 261; *деспотизма*, 134, *католицизма*, 573, *мистицизм*, 563; *методисм*, 575; *библисм*, 575; *протестантисм*, 575; *цензура*, 344 – *ценсурю*, 565, к *цензору*, 565, – *цензором*, 354; с *италианцем*, 76, в *итальянской*, 110; *по-италиянски*, 67; *маиор*, 95, *майором*, 105. Ряд других слов, дошедших до наших дней, имеют в I половине XIX века несколько иной звуковой состав. Таковы в тексте латинские – *аттестат*, 43; *оффициально*, 561; греческие – *апоплектический*, 43, *пишта* (поэт), 259; французские – *аттаковал*, 119, *баттарея*, 616, *баталион*, 552, *галлерея*, 457; *пиеса*, 110, *сертук*, 524; немецкие – *галстух*, 441; *корридор*, 626; итальянские – *карикатура*, 264.

Таким образом, фактический материал свидетельствует о том, что в первые три десятилетия XIX века орфоэпическая и орфографическая нормы литературного языка существовали, но не были устойчивыми. Допускались значительные расхождения и в теории, и в практике между авторитетами, и еще больше между писателями. А.Л. Булаховский отмечал: «Н.И. Греч, у которого грамматические интересы всегда были в центре его внимания, как журналист проявлял в практике своей редакторской работы особую заботу об этой стороне дела» [2, с. 45]. Однако и он не избежал вариативности норм в области

орфографии и орфоэпии, так как они в лингвистической науке окончательно не были сформированы.

Список литературы

- 1 Греч Н. И. Записки о моей жизни. – М. ; Л. : Academia, 1930. – 896 с.
- 2 Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. – М. : Учпедгиз, 1954. – 468 с.
- 3 Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.
- 4 Тростенцова Л. А. Николай Иванович Греч (К 210-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 1997. – № 3. – С.54-58.

R. SYSUEVA
(*Kurgan, Russia*)

NOTES ABOUT THE SPELLING OF THE MEMOIRS OF N. I. GRECH'S «NOTES ON MY LIFE» (1866)

Abstract: Traced orthographic and orthoepic norm of literary language and its variability in the first half of the XIX century.

Keywords: Russian literary language of the XIX century, the rules, spelling, pronouncing inconsistency, variability.

В.Ф. УЛЬЯНИН, Т.Н. ТИМОФЕЕВА
(*Курган, Россия*)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ГАУФА И Ф. КАФКИ

Аннотация: На материале произведений В. Гауфа («Калиф-аист», «Корабль-призрак») и Ф. Кафки («Превращение») исследуются в сопоставлении их стилистические особенности; в ходе анализа определяется их жанр, анализируется повествовательная манера обоих писателей; отмечается сосуществование и взаимодействие двух сфер – реальной и фантастической, их отличие в связи с разными творческими методами и особенностями индивидуального стиля авторов, выявляются наиболее употребительные стилистические средства и приёмы.

Ключевые слова: Вильгельм Гауф, Франц Кафка, стилистические особенности, эпитет, сравнение, метафора, конъюнктив.

Вильгельм Гауф (1802-1827) и Франц Кафка (1883-1924) – представители разных эпох и разных литературных направлений: позднего романтизма и модернизма. Жанр исследуемых произведений Гауфа («Калиф-аист», «Корабль-призрак») – волшебная сказка с некоторыми элементами социально-бытовой сказки. Жанр произведения «Превращение» Ф. Кафки можно определить как новеллу.

Повествовательную манеру В. Гауфа отличает удивительное внимание к деталям, особое чувство вещи, ее цвета, формы, фактуры. Благодаря этому в его

сказках реализуются самые фантастические явления (превращения). Фантастическим ситуациям в сказках Гауф придает максимальную достоверность (превращенные в аистов калиф и визирь питаются зернышками, а не лягушками, как настоящие аисты). В описании Востока у Гауфа нет полутонов. То и дело мелькают почти маскарадные аксессуары: тюрбаны и шаровары, кривые сабли и длинные курительные трубки.

Художественную манеру Кафки исследователи часто называют «техникой сна» и отмечают, что эта техника удваивает возможности автора. Во-первых, она позволяет ограничиться изображением отдельных, важных для развития действия эпизодов (во сне имеются аналогичные «скачки»). Во-вторых, техника сна дает возможность изобразить постоянное присутствие таинственного, нереального [3, с. 255]. Благодаря своему «протокольному», имитирующему реалистическую достоверность стилю, Кафка достигал особой выразительности в описании кошмаров и фантастических превращений.

На примере исследуемых сказок Гауфа можно заметить, что автор при выборе лексики опирался на принципы романтической школы. Он обращался к словам и выражениям, связанным, с одной стороны, с положительными идеалами романтиков: *herrlich, das tapfere Herz, zierlich, die Heiligkeit, treu, malerisch*, а с другой – с отрицательными фантастическими силами: *höllisch, die Schrecken der Nacht, verhext, schauerlich, verwünschen* и т.д.

Сосуществование и взаимодействие двух сфер – реальной и фантастической – имеет место и у Гауфа, и у Кафки. Однако у Гауфа (как и у других романтиков) упомянутые сферы хотя и сосуществуют в одном произведении, но никогда не вступают в очень тесное соприкосновение.

У Кафки реальность и фантастика переплетаются таким образом, что отдельные формы существования этих сфер почти не встречаются [3, с.253].

У Гауфа чудесное находится по ту сторону повседневного, в некоем таинственном окружении – на Востоке, который всегда привлекал романтиков своей красочной экзотикой и своеобразием нравов. О реальных чертах жизни на Востоке в исследуемых сказках свидетельствует соответствующая лексика:

- географические названия: *Bagdad, Balsora, Indien, Algier, Mekka*;
- имена героев: *Chasid, Mansor, Muley, Ibrahim, Selim*;
- местные реалии: *der Kalif, der Großwesir, der Sklave, der Säbel, die Karawanserei, das Scharlachkleid* и т.д.

В этом смысле интерес представляет и речь главных героев, которой тоже свойственен восточный колорит, а также поэтичность и возвышенность:

Der Prophet segnete mein Unternehmen [5, с. 34].

Dein Wille geschehe, o Herr! [4, с. 10].

...und wir dankten Allah und seinem Propheten für unsere wunderbare Rettung [5, с. 31].

Кафка помещает фантастическое в самый центр обыденного. Коммивояжер Замза не испытывает ни отчаяния, ни даже удивления, когда обнаруживает, что стал насекомым. Мир не перевернулся: комната Грегора осталась прежней, образцы материй лежат на столе, картина висит на стене. Замза-жук остается все тем же любящим и покорным сыном и прилежным

служащим: он спешит позавтракать и отправиться на работу, надеется помочь сестре поступить в консерваторию. Насекомое, в которое превратился Грегор, тоже вполне обычное, только размеры его намного больше нормальных. Однако в этом есть своя логика – если бы человек и превратился в насекомое, то не в крохотную букашку.

Кафка повествует о фантастических событиях в деловом и спокойном тоне, длинными предложениями. И если мысленно расчленить новеллу на первичные элементы, «строительные кирпичи», то мы получим преимущественно реальные, обычные предметы и явления. Фантастика появляется лишь тогда, когда Кафка начинает ставить их в определенную зависимость от нереальных элементов или просто друг от друга [1, с. 94]. Это ярко выражено в следующем примере:

Zwei starke Leute – er dachte an seinen Vater und das Dienstmädchen – hätten vollständig genügt; sie hätten ihre Arme nur unter seinen gewölbten Rücken schieben, ihn so aus dem Bett schälen, sich mit der Last niederbeugen und dann bloß vorsichtig dulden müssen, dass er den Überschwung auf dem Fußboden vollzog... [6, с. 93].

Исследуемые произведения Гауфа и Кафки роднит психологическая бедность большинства изображенных характеров героев. Писатели преимущественно акцентировали внимание на необычайных ситуациях и событиях, имеющих место в их произведениях.

Образы героев «Превращения» нарисованы схематично и гротескно. Уже на первой странице новеллы мы встречаем неповторимую манеру гротескных описаний Кафки:

Seine vielen, im Vergleich zu seinem sonstigen Umfang kläglich dünnen Beine flimmerten ihm hilflos vor den Augen. «Was ist mit mir geschehen?», dachte er [6, с. 87].

Другой пример:

Aber im gleichen Augenblick... sprang diese, die doch so ganz in sich versunken schien, mit einemmale in die Höhe, die Arme weit ausgestreckt, die Finger gespreizt... hielt den Kopf geneigt, als wolle sie Gregor besser sehen, lief aber ... sinnlos zurück; hatte vergessen, dass hinter ihr der gedeckte Tisch stand; setzte sich, als sie bei ihm angekommen war, wie in Zerstretheit, eilig auf ihn... [6, с. 104].

Семья Замзы – пример мещанских семей Праги времен Кафки. Три персонажа, составляющие окружение Грегора, напоминают родителей Кафки и его сестру Оттлу. Образ отца живо отражает властный и тяжелый характер Германа Кафки. Мать так же, как и мать писателя, добра по натуре и старается заступиться за сына, но сдается перед силой обстоятельств.

Грета – единственная опора Грегора в его беде, но в самый критический момент она поворачивается к нему спиной. Кафка тоже почувствовал себя покинутым сестрой в 1912 году и даже думал о самоубийстве [2, с. 90].

В сказке «Калиф-аист» главный герой изображается с легким юмором. Известно, например, что к калифу лучше всего обращаться тогда, когда он хорошо выспался и покуривает свою длинную трубку из розового дерева. Калиф усердно собирает в своей библиотеке рукописи, хотя и не умеет их

читать. Таким образом, сказку «Калиф-аист» и новеллу «Превращение» сближает наличие в них комического.

Во всех исследуемых произведениях авторами часто употребляются прилагательные в превосходной степени, которые придают повествованию высокую экспрессивность и субъективизм. Сказки: *die vergnügtesten Stunden, die neuesten Taten, das größte Erstaunen, Teuerste Prinzessin, gnädigster Herr* и т.д. Превращение: *im dunkelsten Winkel, die größte Klage, das kleinste Geräusch* и т.д.

Выражению субъективизма в исследуемых произведениях также служат существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, придающие значению слов оттенок доверительности, интимности.

«Калиф-аист»: *Schläfchen, Plätzchen, Viertelchen.*

«Корабль-призрак»: *Kästchen, Sprüchlein, Kämmerchen, Männlein.*

«Превращение»: *Beinchen, Weilchen, Stückchen, Fläschchen.*

Важным средством создания эмоциональной выразительности и общей модальности в исследуемых произведениях являются междометия и восклицания:

«*Aber, o Jammer!*» [4, с. 13]; «*Aber ach!*» [4, с. 17];

«*Aber Entsetzen!*» [5, с. 24]; «*O Herr!*» [5, с. 28];

«*Huh!*» [6, с. 104]; «*Oh!*» [6, с. 100]; «*Ah!*» [6, с. 125].

Наиболее употребительным стилистическим средством, используемым Гауфом при описании сказочного мира, является эпитет. В исследуемых сказках встречаются различные виды эпитетов:

- конкретизирующие: *ein runder Tisch* [4, с. 20], *ein dicker Mann* [4, с. 9], *ein langes Tau* [5, с. 24];

- оценивающие: *rohe Leute* [5, с. 33], *ein hitziger Mann* [4, с. 17], *dumme Tiere* [4, с. 13];

- метафорические: *böse Stunde* [4, с. 14], *schwere Tritte* [5, с. 28];

- излюбленные эпитеты представителей романтизма.

Особенно часто в сказке «Калиф-аист» встречается эпитет «schön»: *schöne Natur, schöne Säulen, ein schönes Kleid, ein schöner Nachmittag* и т.д. В сказке «Корабль-призрак» употребляется эпитет «sonderbar»: *ein sonderbares Grauen, ein sonderbarer Ausruf*. Для создания напряженной атмосферы страха, связанной с внутренним состоянием главного героя, автор использует в этой сказке следующий ряд эпитетов: *schrecklich, unnatürlich, starr, gespannt, unsichtbar* и др.

В ходе исследования мы также встретили эпитеты, содержащие цветовую коннотацию, например: *farbige Lampen* [4, с. 19], *gelbe Pantoffel* [4, с. 12], *ein rotes Scharlachkleid* [5, с. 28] и др. Эти эпитеты позволяют создать яркую картину прочитанного, привлекают внимание детей.

Кафка тоже использует различные виды эпитетов:

- конкретизирующие: *bogenförmige Versteifungen, dünne Beine* [6, с. 87], *elektrische Straßenlampe* [6, с. 106];

- оценивающие: *der ungeduldige Vater* [6, с. 95], *der faule Sohn* [6, с. 89], *sonderbare Launen* [6, с. 96];

- цветовой: *braune Flüssigkeit* [6, с. 99], *blaue Uniform* [6, с. 125], *grauschwarzes Haus* [6, с. 101].

Одним из главных средств передачи внутреннего состояния героев во всех исследуемых произведениях является эмотивная лексика. Сказки Гауфа более равномерно насыщены эмотивной лексикой (*heulen, das Geschrei, der Jammer, die fürchterliche Wut, das wilde Gelächter* и т.д.), тогда как в «Превращении» ее появление связано в основном со столкновениями между Грегором и окружающими (*schreien, erschrecken, der Schrecken, weinen, wütend* и др.).

Излюбленным стилистическим средством реализации образности текста в новелле «Превращение» являются сравнение и метафора, которые служат также и живописному развертыванию сказок Гауфа.

... der Vater... stieß Zischlaute aus, wie ein Wilder [6, с. 105];

... doch fühlte er sich wie festgenagelt... [6, с. 127];

...der Vater hatte sich entschlossen, ihn zu bombardieren [6, с. 126];

... unter den buschigen Augenbrauen drang der Blick der schwarzen Augen frisch und aufmerksam hervor... [6, с. 125].

Примеры из сказок:

Wie festgebannt lagen sie am Boden... [5, с. 27];

...wenn der Mond sein bleiches Licht über dies Gemäuer ausgießt... [4, с. 18];

Um so mehr aber entbrannte ihr Hass... [4, с. 21].

В сказке «Калиф-аист» встречается один из видов антономазии, когда нарицательные существительные, прилагательные или их части и комбинации используются в функции имени собственного: *Frau Langbein, Klapperschnabel* [4, с. 13].

Во всех исследуемых произведениях используются звукоподражательные слова, делающие язык ярче и выразительнее, наполняющие текст особым звучанием:

– сказки: *krachen, knarren, pfeifen, klappern, ächzen*;

– «Превращение»: *zischen, knarren, das Piepsen, sausen, kratzen*.

Анализ произведений показал также следующие случаи структурно-стилистической отмеченности:

1) употребление в сказках Гауфа возвышенной глагольной формы *ward*, например:

... der Hals ... ward eine Elle lang... [4, с. 12];

Immer lauter und lauter ward es auf dem Verdeck [5, с. 30];

2) архаичные, возвышенные глагольные формы с «-е» во втором и третьем лице (в сказках):

... auch mir ahnet dies [4, с. 18];

Nehmet es nicht ungütig [4, с. 19];

3) окончание «-е» у существительных в дательном падеже (во всех исследуемых произведениях). Это тоже несколько архаизированная возвышенная форма:

– сказки: *von einem Kaufmanne, mit günstigem Winde, vor diesem Schiffe, im Tale* и т.д.;

– «Превращение»: *ihrem Mute, von ihrem Entschlusse, dem Tode* и др.

Нами были также исследованы синтаксические стилистические средства. В анализируемых произведениях следует особо отметить следующие из них:

а) перечисление

... in welchem er allerhand Waren hatte, Perlen und Ringe, reichbeschlagene Pistolen, Becher und Kämmе [4, с. 9];

... überall fanden wir herrliche Vorräte in Seide, Perlen, Zucker usw [5, с. 27];

Da war altes halbverfaultes Gemüse; Knochen vom Nachtmahl her... ein paar Rosinen und Mandeln; ein Käse... ein trockenes Brot, ein mit Butter beschmiertes Brot und ein mit Butter beschmiertes und gesalzenes Brot [6, с. 110].

Эти примеры содержат синдетическую и асиндетическую связи, которые служат здесь для создания точности описания.

В «Превращении», кроме того, встречается стилистическая фигура климакс и антиклимакс, например:

Der Prokurist musste gehalten, beruhigt, überzeugt und schließlich gewonnen werden [6, с. 103];

... lockerten ... den ... Schreibtisch, an dem er als Handelsakademiker, als Bürgerschüler, je sogar schon als Volksschüler seine Aufgaben geschrieben hatte... [6, с. 122].

В первом примере климакс передает внутреннее напряженное состояние героя, боящегося потерять работу; во втором примере показывается, как Грегор теряет то, что связывало его с человеческим прошлым;

б) повтор

Во всех исследуемых произведениях встречается простой контактный и анафорический повтор, например:

Immer lauter und lauter ward es auf dem Verdeck [5, с. 30];

Unbeweglich lagen die Toten, unbeweglich war der Kapitano an den Mastbaum geheftet [5, с. 28];

... als würden sie allmählich schwächer und schwächer... [6, с. 143];

Kein Bitten Gregors half, kein Bitten wurde auch verstanden... [6, с. 104].

В «Превращении» встречается эпифорический повтор:

... es ist krepirt; da liegt es, ganz und gar krepirt! [6, с. 143].

Повторы в исследуемых произведениях передают душевное состояние героев (особенно в прямой речи). За счет этого средства выразительности повествование обретает экспрессивный оттенок;

в) эллипсис

Guten Morgen, Frau Langbein, so früh schon auf der Wiese? [4, с. 13];

Kleider, Waffen und anderes Geräte lagen untereinander. Nichts in Ordnung [5, с. 26];

... antwortete Gregor: «Bin schon fertig» [6, с. 90].

Большинство случаев употребления эллипсиса в исследуемых сказках и новелле связано с воспроизведением естественной речи персонажей;

г) вынос за рамку, обособление

Eine schöne Dame, herrlich geschmückt, stand vor ihnen [4, с. 20];

... am mittleren Mastbaum stand ein Mann, reich gekleidet, den Säbel in der Hand...

[5, с. 26];

... die Mutter hervoreilte, im Hemd, denn die Schwester hatte sie entkleidet...

[6, с. 127];

... das Kinn auf dem Geländer, sah er noch zum letzten Male zurück [6, с. 104].

С помощью этих средств выразительности Гауф и Кафка привлекают внимание к определенным деталям, придают им особую весомость;

д) эмфатическая конструкция

Это средство встречается в «Превращении», например:

Es war die Schwester, die sich so beeilt hatte [6, с. 142].

Этот пример важен, поскольку он показывает неожиданную перемену, произошедшую с сестрой Грегора. Автор выделяет и подчеркивает, что именно Грета закрыла за братом дверь, из-за которой он уже никогда не покажется;

е) парантеза

Этот стилистический прием широко используется в «Превращении», передавая, как правило, внезапные мысли и ассоциации в несобственно-прямой речи. Например:

... da hörte er schon den Prokuristen ein lautes «Oh!» aufstoßen – es klang, wie wenn der Wind saust – und nun sah er ihn... [6, с. 100];

Gerade an diesem Abend – Gregor erinnerte sich nicht, während der ganzen Zeit die Violine gehört zu haben – ertönte sie von der Küche her [6, с. 135].

Яркой особенностью стиля Кафки является частое употребление конъюнктива, передающего внутренний монолог Грегора Замзы.

Анализ текста выявил более 45 предложений, содержащих конъюнктив. Он появляется в новелле в следующих случаях:

- в придаточных нереального условия:

Wie wäre es, wenn ich noch ein wenig weiterschliefe und alle Narrheiten vergäße», dachte er ... [6, с. 87];

- в придаточных нереального сравнения:

Der Vater ballte... die Faust, als wolle er Gregor in sein Zimmer zurückstoßen... [6, с. 100];

... lief sie ... zum Fenster und riss es, als ersticke sie fast... [6, с. 116].

В предложениях этого типа традиционно употребляются формы претеритального конъюнктива, но Кафка часто «нарушает» это правило и использует формы презентного конъюнктива, который применяется при передаче косвенной речи. Таким образом, практически весь текст носит характер внутреннего монолога.

→ в предложениях, выражающих нереальное желание:

Wäre doch die Schwester hier gewesen! [6, с. 103];

Wenn nur nicht dieses unerträgliche Zischen des Vaters gewesen wäre! [6, с. 105];

→ в предложениях, содержащих косвенную речь:

... sagte er sich wieder, dass er unmöglich im Bett bleiben könne und dass es das Vernünftigste sei, alles zu opfern, wenn auch nur die kleinste Hoffnung bestünde, sich dadurch vom Bett zu befreien... [6, с. 92].

В этом предложении герой обращается к самому себе, поэтому косвенная речь здесь является частью внутреннего монолога.

Если поискать глубинные причины столь широкого распространения конъюнктива в «Превращении» и других произведениях Кафки, то можно прийти к выводу, что он отражал внутреннее состояние писателя, его отношение к отцу – неуверенность, нерешительность, опасение, придавая тем самым автобиографический характер этим произведениям (в «Превращении» даже фамилия героя намекает на самого автора).

Таковы основные стилистические особенности сказок В. Гауфа и новеллы Ф. Кафки «Превращение». Писателей сближает наличие в их произведениях двух сфер – реальности и фантастики, но у Кафки эти сферы сплавляются воедино, а не просто сосуществуют, как у Гауфа. Сказки Гауфа отличает восточный колорит. Излюбленное стилистическое средство писателя – эпитет. Автор также широко использует метафору, сравнение, повтор, асиндетон.

Художественную манеру Кафки называют «техникой сна». Частоупотребляемые стилистические средства в «Превращении» - метафора и сравнение. Автор часто употребляет различные формы конъюнктива как средство передачи внутреннего монолога героя.

Список литературы

- 1 Затонский Д. В. Франц Кафка и проблемы модернизма. – М. : Высш. шк., 1972. – 136 с.
- 2 Контихош Ф. М. Франц Кафка / пер. с исп. М. Черкасовой. – М. : АСТ : АСТ Москва : Хранитель, 2006. – 158 с.
- 3 Сильман Т. И. Пособие по стилистическому анализу немецкой художественной литературы (на нем. яз.). – Л. : Просвещение, 1969. – 365 с.
- 4 Hauff W. Die Geschichte vom Kalif Storch // Abenteuer aus dem Morgenland : Ausgewählte Märchen. – Greifenverlag zu Rudolstadt, 1976. – S. 9-21.
- 5 Hauff W. Die Geschichte vom Kalif Storch // Abenteuer aus dem Morgenland : Ausgewählte Märchen. – Greifenverlag zu Rudolstadt, 1976. – S. 22-34.
- 6 Kafka F. Die Verwandlung und andere Erzählungen. – М. : АСТ Астрель, 2005. – S. 87-148.

V. ULYANIN, T. TIMOFEEVA
(Kurgan, Russia)

STYLISTIC FEATURES OF WORKS BY W. HAUFF AND F. KAFKA

Abstract: On a material of works by Hauff ("Die Geschichte vom Kalif Storch", "Die Geschichte von dem Gespensterschiff ") and Kafka ("Die Verwandlung"), the stylistic features of above-mentioned stories are studied comparatively; in the course of the analysis their genre is determined, the narrative style of the two writers is analyzed; co-existence and interaction of two fields - the real and the fantastic ones is marked, as well as the difference between them in relation to different artistic methods and features of individual styles of the authors, identifying the most commonly used artistic tools and stylistic techniques.

Keywords: Wilhelm Hauff, Franz Kafka, stylistic features, the epithet, simile, metaphor, conjunctive.

МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ЦИКЛИЗАЦИИ В ЦИКЛЕ «ОНИ ЖИЛИ ДОЛГО...» ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ

Аннотация: Исследуется малая проза Л.Е. Улицкой в аспекте поэтики цикла. Выделяются такие принципы организации циклического единства, как номинация рассказов, единство места действия, специфика авторской позиции, единство типологии персонажей, мотивной структуры.

Ключевые слова: цикл, рассказ, Людмила Улицкая, современная литература, современный литературный процесс.

Цикл рассказов «Они жили долго...» входит в состав большого сборника Людмилы Улицкой «Люди нашего царя». Серединный, небольшой по объему цикл являет необычайное богатство способов организации новелл в единое целое.

Произведения-циклы в лирике и прозе в XX века становятся предметом пристального внимания теоретиков и историков литературы. Определение жанра цикла гибко и полифункционально. Обзор точек зрения по этому вопросу есть в работе Н. Старыгиной: А. Бушмин, Г. Соболевская, Ю. Лебедев, В. Козьмин рассматривают цикл как отдельный жанр или «жанровое образование» (или «жанровую потенцию»), А. Чичерин, С. Шаталов – «наджанровое объединение», Б.М. Эйхенбаум, А.И. Белецкий, Г.М. Фридендер, У.Р. Фохт не связывают цикл с одним жанром, но считают его «художественной лабораторией новых жанров» или «явлением незавершенного жанрового генезиса» (К. Г. Исупов) [5, с. 7-9].

Речь о цикле чаще всего ведется применительно к лирике (В.А. Сапогов, Л. Ляпина, М. Гин, М. Дарвин, И. Фоменко, Л. Димова и др.). Циклизация прозы реже становится предметом исследования (А. Янушкевич, Л. Гареева, Ю. Орлицкий и др.). Причину этого М. Селеменова видит «в большей связанности прозаических циклов по сравнению с лирическими (и, соответственно, меньшем контекстном потенциале). Вместе с тем прозаические циклы имеют свои принципы циклизации и критерии выявления циклического единства. К числу циклообразующих факторов в прозе относят единство проблематики, общность сюжетных конфликтов и коллизий, образно-стилистическое решение, единый образ автора» [4]. Как правило, современная литература не ограничивается таким довольно скромным набором, что ставит перед исследователями и реалистической, и постмодернистской литературы задачу выявления и конкретизации дополнительных жанровых признаков, таких как общая атмосфера произведения, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особая пространственно-временная организация, обрамляющие новеллы и лейтмотивность повествования. Например, М.М. Гин на первый план выводит «такое построение литературного произведения, при котором организующим центром является не единый фабульный стержень, а единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым отбирается материал» [1, с. 77].

Парадоксально, но вычленение литературоведами новых организующих начал в цикле не делает его понятным, наоборот, все более «открытым», порождающим новые возможности и смыслы. «Роль циклизации в масштабах всей литературы становится не только жанрообразующей, но и жанро-прообразующей» [2].

Уже на уровне названий рассказы явно объединены перекличкой: «Они жили долго...» «...И умерли в один день». Последняя неделя четко следует траектории, без намеков отсылает нас к факту смерти героини. И только завершение цикла, на первый взгляд, может разрушить концепцию, может переместить вектор с процесса жизни, ее обстоятельств («жили долго», «умерли», «менаж а труа»), внешнего течения времени (неделя – последняя), на личность, портрет, фигуру (рассказы «Большая дама с маленькой собачкой», «Писательская дочь»). Это подтверждает авторскую позицию о торжестве жизни над смертью.

Рассказы Л. Улицкой восхищают своим неизменным жизнелюбием. Оно пробивается через горе, суету, одиночество героев, «невыносимую легкость бытия». Для реализации концепции автор подбирает самые парадоксальные ситуации, жизненные изгибы, человеческие типажи. Так и цикл «Они жили долго...» целиком о... смерти. Не в плане банального «умрут все», смерть играет сюжетообразующую роль. Она может стать

- зачином: «Овдовела Алиса очень рано, в двадцать семь лет» [6, с. 238];
- завязкой: «Алла Аркадьевна умерла неожиданно, ночью, накануне выписки» [6, с. 210];
- кульминацией: «Она только что выбросилась в окно. За ней еще не приехали...» [6, с. 221];
- развязкой, финалом, ожидаемым, подготовленным, но все равно неожиданным: «Отошли от гостиницы всего метров на десять, и она упала вперед лицом и мгновенно умерла» [6, с. 236].

Последний рассказ концентрирует мысль: череда смертей – таинственного отца, Саши, Маши, Элеоноры – формирует жизнь, становясь то логичным концом, то началом нового отсчета, нового витка. Мотив обновления не связан у Л. Улицкой с радужными перспективами, надеждами, он, прежде всего, закономерность, неизбежность, сопровождаемая людскими эмоциями: «Воробьева испытала острое и смутное чувство, которое никак не могла определить... Дело было в этом доме – в нем все было совершенно неизменно... Бессмертный хлам. Прощайте, все прощайте» [6, с. 289-290].

Смерть всегда вписана в картину справедливо выстроенного мира, главное для автора – постичь его законы. Каждый рассказ последовательно раскрывает их.

Новеллы «Они жили долго...» и «...И умерли в один день» внешне очень похожи: обыгран сюжет одновременной смерти супругов («Он вообще больше не проснулся, и сестрам не надо было теперь тревожиться о том, как сообщить ему о смерти матери» [6, с. 204], «Отец лежал в морге, рядом со своей драгоценной женой, так и не узнав о ее смерти» [6, с. 212]). В соответствии с номинациями рассказов посылы их разные.

Рассказ «Они жили долго...», как эпопея, сосредотачивается на жизни героев («...они были так долго старыми...» [6, с. 191]), соединяющей разные эпохи. В характеристиках персонажей Веры Александровны и Николая Афанасьевича много внешнего, анкетного: «две революции, три войны, без счета горестей и лишений» [6, с. 191], «в голодные времена» [6, с. 192], «в восемьдесят лет... открылся диабет... в эти же годы нашли ишемическую болезнь сердца» [6, с. 197]. Даже попытки декларировать внутренние порывы, состояния персонажей не вызывают читательского доверия, потому что сопровождаются авторской иронией: «Глубокая гармония была между супругами. В том, что делала Вера Александровна, был тот же самый почерк, что и у мужа: точность, тщательность, презрение к любой приблизительности. Пирожки у Веры Александровны были сделаны по тому же рецепту, что расчеты Николая Афанасьевича, – безукоризненно» [6, с. 193].

Формулу семейной жизни Улицкая не раскрывает, она и так вся на виду, вся в поступках, а не в словах: «сопротивление семейных организмов» невзгодам, воспитание дочерей, ведение домашнего хозяйства, «он научился думать таким образом, как будто он и был Верой Александровной. Вера Александровна, со своей стороны, чутко чувствовала все мужские движения, включая и желудочные» [6, с. 197]. Большая часть произведения описывает пищу и её приготовление, центром и смыслом жизни супругов становится именно здоровое питание, категоричная, чеканная лексика вводит нас в атмосферу домашнего деспотизма, даже рождение поздних дочерей оказывается не столь важным событием [3].

Однобокая идиллия разрушается пониманием, что Николай Афанасьевич – замкнутый эгоист, а Вера Александровна – властный диктатор. Дочери, рожденные в «идеальном» браке, так характеризуются в тексте: «Некоторая шизофрения», «любили родителей рабской любовью» [6, с. 194], «всегда была под рукой», «незначительные дочери», «непременная хозяйственная сумка» [6, с. 196], «смирненно посвящала» [6, с. 199], «добровольное подчинение» [6, с. 198], «находилась неотлучно» [6, с. 200].

Анастасия и Александра служат своим родителям не своей волей, а автоматическим предписанием. Их жертва обязательна и не обсуждается. Мать выбирала им профессию («А мы стареем, и в доме будет медицинская помощь...» [6, с. 195]), считала, что «брак вообще не для них» [6, с. 197], расписывала домашние работы («к этому теперь были приспособлены дочери» [6, с. 193]).

Революция произошла, когда «родители решили, что в связи с ухудшением их здоровья дочка должна выйти на пенсию» [6, с. 197]. Анастасия разрушила единство близнецов, одновременно взбунтовавшись и против деспотичного слова матери, и против покорности сестры. С этого момента повествования понимаешь, чего так остро не хватало и в названии, и в ткани рассказа: «они жили долго... и счастливо».

Импрессионистический фон врывается в жизнь дочерей опять же «неправильно»: буря чувств, Александра плакала от зависти, Анастасия «с отвращением проглатывала суп – она с детства ненавидела супы, – брала себе

котлетку, разрежала надвое и устраивала бутерброд» [6, с. 199]. Счастье от обратного? Запретное ощущение жизни?

Кончина родителей ознаменовала несколько открытий для Александры и Анастасии: правильные, гармоничные, родители «слишком долго жили, так что успели пережить даже память о себе» [6, с. 204], тайна княжеского рода не взволновала сестер. А вот что оказалось действительно счастьем: «Нам теперь все можно, – засмеялась Анастасия» [6, с. 205]. В новой жизни можно пойти в церковь, перестать готовить, найти родственников во Франции, есть сладкое. «Мы просто начнем жить!» [6, с. 206].

Протест дочерей не вылился в отрицание или отречение, они ищут сведения о ранней юности матери, ценят ее уроки французского и осанку... Их бунт прост, почти банален: «Василий Михайлович, муж Александры, даже и не знает, какие прекрасные кулинарки его жена и свояченица. Обычно они обедают в ресторане, но сестры предпочитают сэндвичи» [6, с. 208]. Круговорот жизни неостановим, «у сестер хорошее здоровье и есть шансы прожить новой жизнью не один десяток лет...» [6, с. 208].

Предельно короткий рассказ «...И умерли в один день» начинается с выражения очередного закона жизни, вложенного в уста врача-кардиолога Любовь Алексеевны Голубевой: «Не декоративный завиток биографии, не случайная прихоть судьбы, не дорожная авария, на месте убивающая сразу мать-отца-двух детей и бабушку в придачу, а исполнение таинственного и фундаментального закона, который редко замечается по замусоренности жизни и по всеобщему сопротивлению верности и любви... Это правильно, праведно и справедливо» [6, с. 209].

Автор оставляет за скобками подробности жизни героев, высвечивая только фрагменты: «переговаривались почти неслышимо», «не умел есть без жены», дочь – «уверенная красавица» [6, с. 210].

Резкая монтажная склейка – стремительная смерть героини и такая же – героя: «Роман Борисович поставил сумку на скамью, вынув из нее две голубых синтетических бахилы розового пользования, которые он аккуратнейшим образом пользовал третью неделю, нагнулся, чтобы натянуть их на сандалии, и ткнулся лицом в пол» [6, с. 211]. Кинематографичность проявляется и в подборе лаконичных деталей, и в гротескном переходе от жизни к смерти, в состоянии дочери – как в кошмаре поездка на другой конец Москвы, опоздание, ошеломленный лепет в кабинете доктора.

Центром рассказа, конечно, является эпизод похорон, сентиментальный, отсылающий и к житиям, и к средневековым мираклям, и к «наивной» литературе. Автор резко меняет точку зрения на происходящее: вместо рационального хирурга Голубевой свидетелем и повествователем становится санитарка Варя, которая «больше всего в жизни любила смерть» [6, с. 213]. Пекущейся о традициях, косноязычной Варе открылось: «И тут вдруг солнце прорвало туман, и прямо над головами повисла радуга – не цельная дуга, от края до края неба, а только половина: в высоте неба она рассеивалась. И обрывалась. – Господи, дорогу в небо повесили, – изумилась Варя» [6, с. 213]. Казалось бы, ей можно и не поверить, посмеяться... «Но Любовь Алексеевна

уже сама подняла голову и смотрела на радугу. И все, кто там были, увидели...» [6, с. 214]. Красивая метафора или чудо, случайность или божественный закон?

Хроникальность рассказа «Последняя неделя» призвана приземлить идею вины человека и ответственности за чужую жизнь. Соседство жизни и смерти так близко, что от него не избавлен даже ребенок. «Ей двадцать пять, но она все еще трудный ребенок, много раз раненный» [6, с. 215]. Вообще рассказ наполнен удивительными психологическими портретами, как всегда, фрагментарными: «психотерапевт-самоучка», «легкое и солнечное существо» [6, с. 217], «ангел небесный эта Таня» [6, с. 219]. И на фоне этих ясных людей, чья жизнь заполнена и имеет смысл, глыбой нависает образ Васьки, складывающийся из подробного портрета «значительной внешности», атрибутов поведения, внешних проявлений эмоций (села в углу, смотрит исподлобья). Самой Васьки в повествовании нет. Ей принадлежит только последний, самый важный поступок. Рассказчица ведет с ней мысленный диалог, в виде несобственно-прямой речи узнаем о трагическом грузе девушки: «Двенадцатилетняя Васька ушла от матери к отцу за полгода до ее смерти, не выдержала пьянства и умирания... Это она себе простить не может, что от матери ушла, все горе и все работу на сестру оставила: восьмилетняя Зойка общую уборку в коммунальной квартире делала – а Васька к отцу сбежала...» [6, с. 218-219]. Прозвучавшее осуждение принадлежит странно молчаливой девушке, а не автору, не рассказчику. Человек одновременно не может отвечать за чужую смерть, но и не может быть свободным от трагической вины. Самоубийство Василисы, конечно, болезнь, но авторская мысль пробивается в последнем абзаце: «Прошло двадцать лет. Умерли мои родители, первый муж, множество друзей ушло. А я все вспоминаю тот понедельник: если бы я оставила ее ночевать...» [6, с. 222].

Рассказ-биография, так можно жанрово определить «Большую даму с маленькой собачкой». Развивая общую авторскую концепцию, она с новой стороны раскрывает мотив верности и преданности. Опять перед читателем двойной образ: властная Татьяна Сергеевна, бывшая звезда первой величины, и Веточка, «прибывшаяся к дому», «не то воспитанница, не то прислуга». В этом цикле Улицкая постоянно двоит персонажей: муж и жена, две сестры, две жены («Они жили долго...», «...И умерли в один день», «Менаж а труа», «Писательская дочь»), герой и наблюдатель («Большая дама с маленькой собачкой», «Писательская дочь»). Диапазон средств широк: контраст, дублирование, оппозиции, иерархия, взаимодополнение и т.д.

Чувства Веточки к Татьяне Сергеевне эволюционируют от детского слепого обожания до здорового критицизма, она тоже погружена во «всеобщее сопротивление верности и любви» [6, с. 209]. Ее отец, ветврач, не рад был странной дружбе, муж загорался раздражением при упоминании старухи. А Татьяна Сергеевна как будто выясняет границы преданности Веточки, давая поручения, манипулируя – то требуя, то уступая, то упрашивая. Просьба сшить блузку застает Веточку врасплох, и хотя в ней нет ничего опасного или стыдного, героиня оказалась «растерянная, униженная этим глупым барским

приказом» [6, с. 235], особенно тихим вдогонку – сшить еще и черную блузку. К нашему удивлению, за ночь чувства Веточки опять трансформируются: «она с удовольствием смотрела на свою работу. Спать от азарта не хотелось... так что к утру были готовы обе – и светлая, и черная» [6, с. 236]. Вряд ли девушка была довольна небрежной похвалой, но Татьяна Сергеевна была довольна, об этом говорит ее торжественность, она приняла работу не глядя. Только смерть героини раскрывает по-настоящему страх перед одиночеством, нужду в искренности и бескорыстии. Вечная актриса и интриганка в жизни, правдива она в смерти. «Веточка подошла к гробу и заглянула в маленькое мутное окошечко. Красивого лица видно не было, ничего видно не было, кроме кусочка черного штапеля от той блузки...» [6, с. 237].

Цикл «Они жили долго» вписан в «московский» дискурс с его театральной жизнью, филармонией, книжными спекулянтами, Майей Плисецкой... Пространство рассказов сосредоточено в Москве, но не ограничивается ею. Упоминается Куйбышев в эвакуации, город Судак – родина Василисы, Одесса – место смерти Татьяны Сергеевны. Рассказ «Менаж а труа» вводит Харьков как место действия и еврейство как способ жизни.

В предыдущих рассказах суровые времена 20-30-х годов упоминаются вскользь, например, «грубое сукно эпохи» [6, с. 241], «продовольственные обстоятельства, тесно связанные с политическими» [6, с. 192], «отсоветовала идти на повышение... Возможно, тем спасла жизнь ему и всей семье» [6, с. 195], как временные и переживаемые трудности, фон для настоящей жизни. Рассказ «Менаж а труа» вписан в эпоху типажами, судьбами, коллизиями. И опять царство смерти, страха, одиночества, предательства и лжи расцветается любовью, искренностью, человечностью. Две совершенно разные женщины покорены энтузиазмом и жизнерадостностью своего мужа Беньямина, но его судьба predetermined десятилетием репрессий. «Арестовать его не успели, он сбежал от них в недостижимые места – умер в самый час их прихода, не доехав до больницы» [6, с. 243]. «Сокрушенный мир», так называет Улицкая место обитания Фриды, Алисы и Бори. Удивительно ли, что смерть кажется Алисе желанной? «Вечерняя, в минуту засыпания мысль о том, что можно однажды уснуть и не проснуться, была из самых заветных. Умерла бы, умерла бы – и даже способ выбрала. Женский, красивый: с моста – она представляла себе любимый Матвеевский мост на Крюковом канале – маленький прыжок, короткий полет, и в воду. И вода уносит ее далеко, далеко, где все совершенно нечувствительно...» [6, с. 249]. Мысль о самоубийстве не преследует Алису, но утешает и поддерживает. 1937-1939-1941-1951-1954-1967... Смерть мужа, арест Фриды и Семена, гибель Бори... Служба в госпитале, поддержка подруги... Кратко, как в автобиографии, автор перечисляет факты жизни Алисы и Фриды. Здесь в одном ряду найденная племянница, чужая, грубая и неумная, и неудача с портретом Бори, чью любительскую фотографию отказались увеличивать. Важно только одно: «Алиса была по-прежнему хрупким существом и нуждалась в утешении. А Фрида нуждалась в том, чтобы кого-нибудь утешать» [6, с. 252]. Однажды все кончилось. "На следующий день после похорон Алиса

уехала в Ленинград. И исчезла...» [6, с. 252]. Победила смерть? Или мечта, лелеемая тридцать лет?

Рассказ «Писательская дочь» завершает цикл, возвращая, уточняя мотивы предшествующих рассказов. Он не концентрирует мысль, не формулирует двойственность, неопределенность, отсутствие «правильных» ответов. Узнаваемая история семьи лауреата сталинской премии поэта Элеоноры конкретна, привязана к послевоенной эпохе и вневременная. Забавные и жестокие детали реальной жизни дают возможность открыть вечные законы бытия. Некоторые из них вложены в уста врача-гематолога Жени Воробьевой. О самоубийстве – «Ты не имеешь права это сделать, пока жива Элеонора. Пусть уйдет она, а потом ты будешь делать, что сочтешь нужным... Есть природная очередность. Это закон, который иногда нарушается, и это ужасно» [6, с. 285-286]. О справедливости и соответствии – «Элеонора стояла у плиты, спиной. Варила кофе в медной джезве. А за столом сидела упомянутая Анна Андреевна... Она была Ахматова. Большая, в лиловом балахоне, с седыми, вверх поднятыми волосами... величественная, как Кавказские горы, красивая не по-человечески, а как море или небо, спокойная, как бронзовый памятник. Элеонора налила ей кофе в золотую чашку, и Воробьева, наконец, поняла, зачем и для кого делают на свете эти бессмысленные и дорогостоящие вещи...» [6, с. 271].

Цикл рассказов Л. Улицкой «Они жили долго...» иллюстрирует понятие «сверхтекстового смыслового единства». Он организован единой авторской концепцией жизни и смерти, прозрачной структурой (на уровнях отдельных рассказов и всего цикла). У автора есть излюбленные типажи, места действия, многие из которых обыгрываются попарно.

Список литературы

- 1 Гин М. М. О своеобразии русского реализма Некрасова. – Петрозаводск, 1966.
- 2 Ляпина Л. Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики // Проблемы исторической поэтики. – 1990. – Т. 1.
- 3 Побивайло О. В. Джазовый принцип в сборнике Л. Улицкой «Люди нашего царя» // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – Вып. 6. – С. 99-101.
- 4 Селеменова М. В. Принципы циклизации «городских» рассказов Ю.Трифонова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 10. – С. 181-184.
- 5 Старыгина Н. Н. Проблема цикла в прозе Н.С. Лескова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1985.
- 6 Улицкая Л. Е. Люди нашего царя. – М. : АСТ, 2015. – 412 с.

T. FROLOVA
(Kurgan, Russia)

THE VARIETY OF CYCLIZATION FORMS IN A SERIES OF «ONI ZHILI DOLGO...» BY LUDMILA ULITSKAYA

Abstract: Small prose by L. E. Ulitskaya is examined in the aspect of the poetics of the series. Such principles of the organization of cyclic unity as nominated stories, the unity of place of action, the specificity of the author's position, the unity of a typology of characters, motivic structure are emphasized.

Keywords: cycle, a story, Lyudmila Ulitskaya, contemporary literature, contemporary literary process.

Ю.Л. ЦВЕТКОВ
(Иваново, Россия)

ИСКУШЕНИЕ СИМВОЛИЗМОМ: СТЕФАН ГЕОРГЕ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Аннотация: Изучается индивидуальное своеобразие символистского миропонимания и поэзии крупнейшего немецкого лирика рубежа XIX-XX веков Стефана Георге в контексте общеевропейского движения символизма, а также его влияние на многочисленных учеников, входивших в «кружок Георге».

Ключевые слова: символ, символизм, герметизм, синтетическое произведение искусства (Gesamtkunstwerk), музыка стиха, четкость ритма, созвучие рифм.

Поэтическое творчество самого представительного немецкого поэта-символиста Стефана Георге (Stefan George, 1868-1933) было образцом для подражания у молодых участников «кружка Георге»: Г. фон Гофманстала, К.Г. Фольмёллера, Ф. Гундольфа, К. Вольфскеля, Р. Бёрингера, Л. фон Андриана, М. Лехтера и многих других, «посвященных в истинную поэзию», что является уникальным примером не только герметичности символистской поэзии, но и символистского жизнестроительства – поисков путей создания некоей социальной утопии в форме объединения единомышленников. Организатор и руководитель Георге был не только высшим авторитетом для подражания у молодых поэтов, но и создателем новой религии священного служения символистскому искусству.

Элитарность кружка Георге позволяет творить для немногих посвященных и дает дополнительное право на создание своеобразной «башни из слоновой кости». Секретами символистского творчества делился с молодыми французскими поэтами и поэтами других стран, в том числе и со С. Георге, мэтр символизма Стефан Малларме (1842-1898), собиравший «по вторникам» в Париже свой поэтический кружок. Во время многомесячного пребывания в Париже Георге лично познакомился также с П. Верленом, А. де Ренье и О. Роденом. После возвращения в Мюнхен Георге предпринимал активные действия для организации литературного кружка в Германии и Австро-Венгрии наподобие парижского кружка Малларме. Несмотря на интернациональный

характер символистского движения, можно с уверенностью говорить о своеобразии немецкого поэтического символизма.

«Кружок Георге» стал «мужским братством» и напоминал греческий ликей с руководящей ролью Мастера, откровения которого безропотно воспринимались его учениками. Георге был блестящим переводчиком Д.Г. Росетти, А.Ч. Суинберна, Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме, Э. Верхарна, а также «Божественной комедии» Данте и шекспировских сонетов. Лирика Георге создавалась исключительно для небольшого круга любителей истинной поэзии и с трудом становилась достоянием широкой читательской аудитории. Журнал «кружка Георге» «Листки искусства» (BLÄTTER FÜR DIE KUNST, 1892–1919) с анонимными произведениями его авторов доставлялся немногим подписчикам.

Внешний вид «Листков искусства» имел подчеркнуто провоцирующий характер: необычный, изобретенный самим Георге полужирный, рукописный шрифт, романский стиль письма без заглавных букв, замена «ß» на «ss», использование точки посередине строки, как в римских текстах, и отсутствие привычной пунктуации. Поэтическая графика и броское оформление журнала и книг Георге в югендстиле, особенно учеником Георге М. Лехтером, свидетельствовали о высоком уровне эстетического вкуса автора и его претензии на индивидуальную неповторимость и новизну, хотя в области графической организации стихотворений у Георге были знаменитые предшественники: переводчик Гомера И.Г. Фосс и братья Гримм. Учитывая предъявляемое Георге требование музыкальной выразительности стихотворений, «Листки искусства» и поэтические сборники поэта претендовали на звание синтетического произведения искусства в духе Рихарда Вагнера («Gesamtkunstwerk»).

В представлении Георге символ возникает не в реальном мире. Для поэта символ – это образ, взятый в аспекте своей знаковости во второй реальности – сфере искусства. Понимание поэзии Георге близко представлениям Ницше об искусстве. В «Происхождении трагедии из духа музыки» автор объяснил сущность искусства как эстетического феномена: «бытие и мир получают свое *оправдание* лишь как *эстетический феномен*, хотя наше понимание подобной роли едва ли отличается от того представления, какое воины, изображенные на картине, имеют о битве, в которой они якобы участвуют. Таким образом, все наши знания об искусстве в основе своей полностью иллюзорны, потому что мы, знатоки, не имеем ничего общего с тем существом, которое, будучи единственным создателем и зрителем той комедии, является источником вечного наслаждения» [4, с. 256].

Как знак, наделенный неисчерпаемой многозначностью образа, символ у Георге обладает смысловой глубиной. Так же как у французских поэтов-символистов символ в его поэзии указывает на трансцендентальное начало. За символом Георге скрывается глубинный смысл, а за отдельным предметом или явлением неясно проступают черты всеобщего и универсального. Поэт, по мнению Георге, призван соединять разрозненные феномены, открывать взаимосвязи и новые смыслы «позади явлений». Как и в дионисийском

искусстве в интерпретации Ницше, радость существования следует искать «не в явлениях, а позади них» [4, с. 208]. Принципиально важная функция символа у Георге – быть знаком и строительным элементом мира искусства, которое, как было указано, не имеет ничего общего с реальностью, а в мире искусства занимает центральное место. Например, символ «чёрного цветка» в известном стихотворении «Мой сад» («MEIN GARTEN») из книги «Алгabal» (ALGABAL, 1892) воспроизводит пространство мрачного неведомого мира. Символом его выступает «величественный черный цветок», который концентрирует в себе холодную искусственность, поскольку черных цветов в природе не существует, и провоцирует читателя к бесконечному символистскому «мерцанию смыслов» на тему беспросветного одиночества и трагической обреченности. Интертекстуальные параллели с «голубым цветком» Новалиса значительно расширяют диапазон интерпретации: «Wie zeug ich dich aber im heiligtume / -So fragt ich wenn ich es sinnend durchmass / In kühnen gespinsten der sorge vergass – / Dunkle grosse schwarze blume?» [10, S. 47]. «Где место тебе среди этого рая / Так спрашивал я рассудительно тих / Забывшись в причудах фантазий своих / Темная черная роза ночная?» [2, с. 50]. В символике Георге концентрируются приметы мира искусства, который, однако, не является полным эквивалентом скрытого за предметами бытийного мира. Лирика Георге питается художественной фантазией поэта-мага, создающего обособленное пространство на основе субъективных авторских представлений о жизни, поэтому можно говорить о романтических чертах его лирики. В журнале «Листки искусства» Георге констатировал следующее: «Мы видим в каждом событии, каждой эпохе только средство художественного возбуждения» [8, S. 34]. В этих общих чертах заключается автономность искусства Георге. Влияние на него эстетика Ницше и поэтической школы Малларме, учеником которой он был, проявляется в попытке поэта уйти от первичности действительного мира. Ницше не столь категоричен в абсолютизации мира искусства, постоянно подчеркивая влияние на него феномена жизни. У Малларме же символика создавалась авторской фантазией и функционировала в ею созданном мире с целью выявления каких-либо абстрактных идей.

Символистская лирика Георге значительно отличается от лирики его младшего современника – венца Гуго фон Гофманстала (Hugo von Hofmannsthal, 1874–1929), которого он безуспешно хотел видеть постоянным членом кружка. С символистской сущностью поэзии юный Гофмансталь познакомился непосредственно от малоизвестного тогда поэта Георге из Мюнхена. Зимой 1891–1892 года Георге прибыл в Вену для знакомства с Гофмансталем, стихотворения которого в журнале «На прекрасном голубом Дунае» показали ему особенно примечательными. В юном Гофманстале Георге настойчиво хотел увидеть своего единомышленника, тем более что венский поэт ранее проявил живой интерес к символистской поэзии Франции. Однако подчеркнутая категоричность суждений Георге, его подавляющий менторский тон общения с Гофмансталем вызвали в последнем сдержанность и скрытое недоверие, о чем красноречиво свидетельствует их переписка, длившаяся до 1906 года [9]. Определенная дистанция Гофманстала по

отношению к Георге явилась не только следствием несовместимости двух различных темпераментов, но, как справедливо отмечали критики, выявила и более общие моменты, характеризующие венского поэта как наследника иной культурной традиции – австрийской, которой не свойственны властный тон и подчинение. Гораздо значительнее для австрийца, подчеркивает, например, Т. Адорно, оказывается взаимность человеческих чувств [7, S. 199].

Можно говорить о чертах сходства и различия символистской стихотворной «техники» Георге и Гофмансталя. Если Георге исключал из своих произведений объективное изображение реального мира, то символистская лирика Гофмансталя, основой поэтической структуры которой является двуплановость реального мира и его внутреннего смысла, давала возможность яснее «уловить» этот глубинный смысл. Объекты изображения лирики Гофмансталя представляли собой явления природы (ветер, облака, смена времен дня или года). Часто высший смысл заключался в постоянном движении, повторении, изменении или скоротечности реального мира [6].

Отлична тематика, тональность и поэтика стихотворений Георге по сравнению со стихотворениями крупнейшего австрийского поэта-символиста Райнера Марии Рильке (Rainer Maria Rilke, 1875—1926). Трагизм входит составной частью в общую картину его мироздания, но этим она не исчерпывается. Рильке слагает гимны свободной природе, любви и творчеству. Хрупок сам человек, конечен его путь, но, по мнению поэта, надежда на счастье нетленна, несмотря на войны и катастрофы века. В отличие от Георге Рильке пытался заглянуть за границы экзистенциальной тревоги европейского человека с тем, чтобы укрепить его веру в красоту бытия и нравственного закона, воспринятого им в контексте русской культуры, которая во многом сформировала поэтический облик Рильке и его особое место в европейской литературе [1]. Причудливое сплетение тем, образов и свободное обращение с одновременными пластами культуры у Рильке подчиняются внутренней логике поэта: бытие человека многообразно, оно может быть мрачным и трагичным, но существует некая первооснова жизни – высокая духовная сила, источник красоты, любви, творчества и всей культуры в целом. Искусство для Рильке – путь осмысления мира, поскольку оно способно сразу проникать в суть вещей. Несмотря на то, что Георге создавал возвышенный мир эстетической видимости, отдаленный от реальной жизни, он, как и Рильке, верил во всеобщую связь всех вещей мироздания и в мировой язык высокой поэзии.

Центральным понятием концепции искусства Георге кроме символа является «die stimmung» [8, S. 34] («настроение» или «расположение духа»). Оно получает у поэта расширительный романтический смысл. Настроения как внутренние субъективные переживания формируются, конечно же, в действительном мире. Однако поэт должен опираться не на опыт реальности, а только на себя самого. Символ в этом случае является важнейшим инструментом в процессе создания внутренних переживаний. Символ становится знаком и выражением субъективного опыта. Георге использует для обозначения символа слово «das sinnbild», которое наиболее точно определяет

процесс его функционирования: в образе или образном выражении проявляется какое-либо настроение или чувство, и им не требуется никакого истолкования.

Ощущение кризисного положения немецкой поэзии предшествующих десятилетий привело Георге к новому осмыслению роли поэта в современном мире. Преодоление переходного этапа в культуре выдвинуло на первый план пророческую миссию поэта, которая имела в Германии отчетливую линию развития. Это поэзия Ф. Гельдерлина, оказавшая значительное влияние на раннюю гимническую лирику Георге в сборнике стихотворений «Гимны» (HYMNEN, 1890), а также лирика Ницше, в которой поэт-пророк выступает под разными масками. В сборниках стихотворений Георге «Год души» (DAS JAHR DER SEELE, 1897), «Книга пастушьих и хвалебных стихов, преданий и песен, висячих садов» (DAS BUCH DES HIRTEN- UND PREISGEDICHTE. DAS BUCH DER HÄNGENDEN GÄRTEN, 1897), «Ковер жизни. Песни сна и смерти» (DER TEPPICH DES LEBENS UND DIE LIEDER VON TRAUM UND TOD, 1899) складывается узнаваемая система изобразительных средств лирики, которая по-классицистски строга: неторопливый тон, сдержанная патетика, аллитерационная плотность, предельная четкость ритма и полное созвучие рифм.

В год смерти великого немецкого философа Георге написал стихотворение «Ницше» (NIETZSCHE, 1900), которое было опубликовано в цикле «Стихотворения разных эпох» из поэтического сборника «Седьмое кольцо» (DER SIEBENTE RING, 1907). Обращение поэта к реальным личностям – Данте, Гёте, Ницше, Папе Римскому Льву XIII – значительно меняет содержание цикла по сравнению с предыдущими поэтическими книгами. Георге хочет поделиться с читателем мудростью жизни и своими суждениями об исторических личностях. Такой поворот в поэтической системе Георге обусловлен реальным трагическим фактом – внезапной смертью его шестнадцатилетнего поэтически одаренного ученика Максимилиана Кронбергера (1888–1904). В «Седьмое кольцо» составной частью вошел цикл (MAXIMIN), посвященный новому Богу Георге – юному Максимилину. В стихотворении «Ницше» прежние принципы жизни философа поэт признает устаревшими. В оценке Георге он был «громовержцем, посылавшим молнии»: «Also diese mauer / Umschloss den Donnerer – ihn der einzig war / Von tausenden aus rauch und staub um ihn? / Hier sandte er auf flaches mittelland / Und tote stadt die letzten stumpfen blitze...» [10, S. 231]. «... Знать эти стены / Скрывали громовержца – одного / В кольце из тысяч тех, кто дым и прах? / Послал он на пологую равнину / На мёртвый город огонь последних молний / И стигнул в ночь что дольше всех ночей» [3, с. 160]. Поэт называет его «вождем в кровавой короне» («führer mit der blutigen krone») и «спасителем» (Erlöser du!). Георге задается двумя вопросами: почему философ так и не увидел радостной страну, по которой так тосковал, и отчего, создавая новых богов, Ницше безостановочно их ниспровергал, то есть убивал ближнего, оставшись, в конце концов, в щемящем одиночестве?

Георге полагал, что слишком поздно наступило для Ницше прозрение и философ шел не в том направлении. Верный путь – это «приобщение к кругу

людей, заключивших союз любви»: «Sich bannen in den kreis den liebe schliesst...» [10, S. 232]. Тогда «раздастся хвалебная песня в синей ночи при светлом приливе»: «Und wenn die strenge und gequälte stimme / Dann wie ein loblied tönt in blaue nacht / Und helle flut». «Новой душе» Ницше «следовало бы петь, а не произносить слова»: «sie hätte singen / Nicht reden sollen diese neue seele!» «... спешите войти / В волшебный круг очерченный любовью... / Когда в ночи как световой поток / Как песнь хвалы прорвется голос муки / – Посетуйте: не говорить, а петь / Должна бы эта новая душа!» [3, с. 161].

Известными последователями символистской поэзии Георге стали в основном, молодые зарубежные поэты кружка: голландец Алберт Вервей, англичанин Эрнест Даусон, бельгиец Поль Жирарди, поляк Вацлав Ролич-Лидер. Приемы «транспонирования» в символистской лирике они успешно применяли в стихотворениях на родном языке. Однако ни один из «учеников-апостолов», как немецких, так и иностранных, не достиг высот поэтического мастерства, сравнимого с органичной системой стихосложения «мэтра-мессии». Среди последователей Георге, активно развивавших символистские идеи, выделяются Карл Вольфскель, Фридрих Гундольф и Карл Густав Фольмёллер.

Карл Вольфскель (Karl Wolfskehl, 1869–1948) – писатель, поэт и драматург – был в течение десяти лет одним из самых способных учеников Георге в Мюнхене. Пример яркой активизации эстетического сознания в стихотворениях учителя импонировал Вольфскелю. Мистическая власть символистского поэта логично привела его к идее «космического духовного возрождения». Симптоматично, что этой идее придерживались и другие поэты кружка Георге: Людвиг Клагес, Альфред Шулер и Алберт Вервей. Стихотворения Вольфскеля переняли гимническую основу ранней лирики Георге, а его многочисленные мифологические образы (Заратустра, Дионис, Ариадна, Орфей) отличались интересной трактовкой, например, мистерии «Санктус» (Sanctus) и «Орфей» (Orpheus) в «Листках искусства» (1909-10). В исследовании «Стефан Георге и мир» (Stefan George und die Welt, 1930) Вольфскель подтвердил свою приверженность символистским заветам Учителя.

Фридрих Гундольф (Friedrich Gundolf, 1880–1931) – критик, историк и теоретик литературы, переводчик У. Шекспира. Гундольф изучал историю искусства и германистику в университетах Мюнхена, Берлина и Гейдельберга. Его исследование «Шекспир и немецкий дух» (Shakespeare und der deutsche Geist, 1911) стало заметным событием в немецком литературоведении. Эта работа обобщила идеи Гундольфа, сформировавшиеся в кружке Георге, к которому он присоединился в 1899 году и оставался в нем до 1926 года. Гундольф печатал свои стихотворения в «Листках искусства», затем редактировал самостоятельное издание «Ежегодник духовного движения» (Jahrbuch für die geistige Bewegung, 1910-11). Большой отклик в критике нашли и другие исследования Гундольфа: «Стефан Георге в наше время» (Stefan George in unserer Zeit, 1913), «Гёте» (Goethe, 1916), «Стефан Георге» (Stefan George, 1920), «Генрих фон Клейст» (Heinrich von Kleist, 1922) и «Романтики» (Romantiker, 1930). Гундольф отстаивал принципы духовно-исторической

школы в культурологии, основанной В. Дильтеем. Гундольф считал, что не социальные факторы и среда воздействуют на литературу, а литература в лице крупнейших её представителей влияет на развитие общества. Гундольф резко противопоставлял свои воззрения культурно-исторической школе. По его мнению, образ великого поэта или драматурга подлежит «символическому толкованию»: «Мы не из эпохи доходим до Шекспира, а из Шекспира постигаем его эпоху» [Цит. по: 5, с. 23]. Гениальная личность, по Гундольфу, формирует важнейшие приметы духовной жизни, так было во времена Шекспира, Гёте, Клейста и Георге.

Карл Густав Фольмёллер (Karl Gustav Vollmöller, 1878–1948) – человек разносторонних дарований. Он оставил след в литературе как поэт, новеллист и драматург. Родившись в Штутгарте, Фольмёллер изучал классическую филологию, увлекался кинематографом, был конструктором автомобилей и пилотом самолетов. Его жизнь проходила в Берлине, Париже, Венеции, Базеле и Голливуде. Ранняя лирика Фольмёллера находилась под влиянием поэзии Георге и Д'Аннунцио. Первые стихотворения девятнадцатилетнего Фольмёллера появились в «Листках искусства», а затем была напечатана пьеса «Графиня Екатерина фон Арманьяк и оба её любовника» (Catherina Gräfin von Armagnac und ihre beiden Liebhaber, 1901) с исправлениями Георге. Редакционная правка Мастера стала причиной разрыва их отношений. В последующей деятельности Фольмёллера самой известной театральной постановкой, осуществленной М. Рейнхардтом в Берлинском цирке, стала мистерия «Миракль» (Das Mirakel, 1912). Совместно с К. Цукмайером в 1929-30 годах Фольмёллер участвовал в написании сценария фильма «Голубой ангел» (Der blaue Engel) по мотивам романа Г. Манна «Учитель Гнус, или Конец одного тирана» (1905) с Марлен Дитрих в главной роли.

Символистская концепция искусства и поэзия Георге питались многими источниками и идеями кумиров своего времени. Однако они не заслонили мощную индивидуальность художника, для которого духовная свобода определяла его избирательность и приоритеты. Гениальность Георге заключается в создании неповторимой поэтической галактики, в которой он был демиургом, певцом для немногих посвященных в истинную поэзию, поэтом с неповторимой интонацией и проповедником человечности.

Список литературы

- 1 Азадовский К. М. Рильке и Россия. Статьи и публикации. – М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- 2 Георге С. Из книги «Алгabal» / пер. Нины Гучинской // Всемирное слово. – 1999. – № 12. – С. 50.
- 3 Георге С. Седьмое кольцо: Избранные книги / пер. Владимира Летучего. – М. : Водолей, 2009.
- 4 Ницше Ф. Происхождение трагедии из духа музыки // Ницше Ф. Стихотворения. Философская проза. – СПб. : Художественная литература, 1993. – С. 130-249.
- 5 Уэллек Р., Уоррен О. Теория литературы. – М. : Прогресс, 1978.
- 6 Цветков Ю. Л. Австрийский вариант лирической интермедиальности: «музыка стиха» Гуго фон Гофманшталя в контексте французского символизма // Русская германистика. Ежегодник Российского союза германистов. Спецвып. 2. – М. ; Нальчик : Кабардино-Балканский ун-т, 2008. С. 151-159.

- 7 Adorno T. George und Hofmannsthal: 1891–1906 // Adorno T. Prismen. Kulturkritik und Gesellschaft. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1963.
- 8 Blätter für die Kunst. Begründet von Stefan George. Hg. v. C. A. Klein. 1892–1919. Neudruck in sechs Bänden. – Düsseldorf ; München: Bondi, 1968. Bd. 2.
- 9 Briefwechsel zwischen George und Hofmannsthal. – Berlin : Bondi, 1938.
- 10 George S. Werke. Ausgabe in zwei Bänden. Hg. v. R. Boeringer. – München ; Düsseldorf: Bondi, 1968. – Bd. 1.

YU. TSVETKOV
(*Ivanovo, Russia*)

THE TEMPTATION FOR SYMBOLISM: STEFAN GEORGE AND HIS FOLLOWERS

Abstract: The article explores the peculiarity of symbolist worldview and poetry of the major German lyric poet of the turn of XIX-XX centuries Stefan George in the context of the pan-European symbolist movement as well as its influence on his many followers who belonged to «George's literary society».

Keywords: symbol, symbolism, hermetism, synthetic work of art (Gesamtkunstwerk), music of verse, clarity of rhythm, consonance of rhymes.

Е.Н. ЧЕРМЕНИНА
(*Санкт-Петербург, Россия*)

ТЕМА БОЖЬЕГО ПРОМЫСЛА В РОМАНЕ К.С. ЛЬЮИСА «ПОКОРИТЕЛЬ ЗАРИ»

Аннотация: Цикл романов «Хроники Нарнии» содержит многочисленные христианские образы и библейские аллюзии, которые послужили предметом различных богословских и литературоведческих исследований. В данной статье рассматриваются способы реализации темы Божьего Промысла в романе К. С. Льюиса «Покоритель Зари», одном из семи романов цикла. Автор приходит к выводу, что христианские образы и символы романа направлены на иллюстрацию идеи неустанного Божественного попечения о мире.

Ключевые слова: К.С. Льюис, Нарния, лев Аслан, Божий Промысел, христианство, христианские символы, путешествие, корабль спасения.

Клайв Стейплз Льюис — английский и ирландский писатель, учёный и богослов. Всё творчество писателя несёт на себе отпечаток его христианских взглядов. Не составляет исключения и его известный цикл книг для детей «Хроники Нарнии» («The Chronicles of Narnia»), где автор в доступной форме объясняет юным читателям христианские идеи, которые даже взрослым могут показаться сложными для понимания, но в рамках сказки невозможное может оказаться возможным, и вера в чудеса безгранична, донести эти идеи становится проще. К.С. Льюис не писал о Христе и христианстве эксплицитно: автор использовал в своих книгах аллегории, символы, аналогии и аллюзии. Скорее всего, большинство детей не понимали, что стоит за всеми этими приёмами, но Льюис верил, что когда дети вырастут и будут изучать учение

Христа, им будет гораздо проще понять и принять его, если они вспомнят истории о Нарнии.

Образ Христа в Нарнии воплощает лев Аслан, который сотворил Нарнию и всех живых существ в ней. Аслан появляется в Нарнии лишь время от времени, поручив управление страной сыновьям Адама и дочерям Евы, то есть людям. Сам же он живёт в далёкой неведомой стране, путь в которую никто не знает, что говорит о нём как о трансцендентной личности, поскольку он находится вне мира и вне времени (он был до сотворения Нарнии и присутствует при её уничтожении). Однако хотя Аслан, казалось бы, так далеко, на самом деле он всегда рядом с теми, кто нуждается в его помощи и попечении: он всегда появляется в Нарнии в переломные периоды её истории: либо сам, либо отправляет туда детей из другого мира, которые выполняют возложенную на них миссию. Нередко мы видим появление Аслана, когда в его помощи и поддержке нуждаются конкретные люди, что может служить аналогией христианскому «личному Богу». Таким образом, автор демонстрирует неустанное попечение Аслана о своём народе, что может служить аналогом Божьего Промысла. Тема Божьего Промысла в той или иной мере появляется во всех романах цикла, но наиболее ярко она представлена в романах «Конь и его мальчик» («The Horse and His Boy»), «Покоритель Зари» («The Voyage of the Dawn Treader») и «Серебряное кресло» («The Silver Chair»).

Во всех перечисленных романах для раскрытия этой темы используется образ путешествия, что в целом характерно для жанра фэнтези по ряду причин. Одной из этих причин является возможность испытания героев, а именно их способности преодолевать различные препятствия. Путешествие позволяет увидеть героев вне привычного «безопасного» пространства и соответственно «обнажает» их внутреннюю сущность, их скрытые способности и желания. Мир вне дома всегда представляет потенциальную опасность, и в этой его особенности Льюис находит подходящий фон для реализации темы Божьего Промысла. В трёх вышеуказанных книгах эта тема звучит довольно отчётливо, однако ракурс рассмотрения меняется в зависимости от замысла автора. Наиболее ярко тема Божьего Промысла представлена в книге «Конь и его мальчик», где она является ключевой для понимания основной идеи романа, который оказывается не чем иным как повествованием о «неисповедимости путей Господних» [см. 2]. В романе «Серебряное кресло» Божий Промысел рассматривается с точки зрения его роли в деле спасения души, которое основано на синергии, то есть соработничестве Бога и человека [см. 1]. В книге «Покоритель Зари» подчёркивается идея неустанного Божественного попечения, поскольку Аслан и в дальнем путешествии на край света не оставляет своих подопечных.

По сюжету дети Эдмунд, Люси и Юстас из нашего мира чудесным образом попадают в Нарнию и оказываются на корабле «Покоритель Зари» (the Dawn Treader), который отправляется на восток, в неведомые нарнийцам земли. На корабле они встречают Каспиана, короля Нарнии, который в день своей коронации поклялся, что отправится на поиски друзей своего отца, уплывших когда-то на восток и не возвратившихся с тех пор. Короля сопровождает

большая говорящая мышь Рипичип, отважный рыцарь, не знающий страха. Рипичип отправился в путешествие в поисках крайнего востока (uttereast), чтобы, согласно пророчеству Дриады, найти то, чего жаждет его сердце. Он не знает, что находится на крайнем востоке, но надеется обнаружить там страну Аслана, так как, по его словам, Аслан всегда появляется с востока. Это лишь одна из многочисленных христианских аллюзий в романе, которая отсылает нас к пророческим словам Захарии о Христе Спасителе: «Посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наши на путь мира» [Лк. 1, 78-79].

В конце своего путешествия герои достигают крайнего востока, который буквально оказывается концом мира (the World's End). За ним находится страна Аслана, в которую войти позволено лишь Рипичипу. Король Каспиан с командой корабля отправляется домой, и дети тоже возвращаются в свой мир. Однако Каспиан изначально тоже хотел отправиться с Рипичипом в страну Аслана, но все окружающие воспротивились его решению, что привело его в ярость. Каспиан считал, что, будучи королём, он может поступать, как ему заблагорассудится, поэтому воспринял отказ как измену. Однако его команда, Рипичип и дети понимали, что страна Аслана является неким сакральным локусом, и земля, которая граничит с ней, является местом перехода в другой мир, из которого нет обратного пути. Даже Эдмунд и Люси перед возвращением в свой мир узнают, что не смогут больше вернуться в Нарнию, что путь обратно для них закрыт. Каспиан, возможно, чувствует эту угрозу, но готов рискнуть из любопытства и жажды приключений, однако все окружающие напоминают ему, что на нём как на короле лежит бóльшая ответственность, чем на обычном человеке, поскольку Аслан возложил на него управление Нарнией. Каспиан не желает никого слушать, однако, когда он в гневе уходит в свою каюту, ему является Аслан, напоминает ему об обязанностях короля и даёт указания, что необходимо делать дальше. Каспиан вразумляется этим наставлением и понимает, что он вёл себя неразумно, гневаясь на других [3, с. 538].

Другой похожий случай мы наблюдаем, когда главные герои находят озеро, вода которого превращает всё в золото. Каспиан внезапно осознаёт, что благодаря этому озеру он может стать самым богатым королём на свете. Им овладевает алчность, и он приказывает детям сохранить всё в тайне. Однако Эдмунд, будучи королём Нарнии с незапамятных времен, возмущён таким обращением к себе, между ним и Каспианом начинается спор, который вот-вот перерастёт в схватку. Люси пытается остановить их, но, в конце концов, именно появление Аслана вразумляет Каспиана, и он осознаёт, что вёл себя глупо [3, с. 483-484]. В этот раз Аслан ничего не говорит ему и появляется лишь вдалеке, но само его появление уже способно снять проклятие, которое, как считают друзья, лежит на этом месте (впоследствии они называют этот остров Deathwater – «мёртвая вода» или «вода, приносящая смерть»).

В другом случае Аслан останавливает Люси, когда она хочет произнести заклинание, которое сделало бы её «красивее многих смертных» [3, с. 495]. Это искушение, которое Люси не в силах побороть, поскольку она всегда была довольно невзрачной девочкой, а красавицей в семье была её сестра Сьюзен.

Однако картинки в волшебной книге показывают ей, что это может привести к губительным последствиям: сначала из-за неё рыцари будут убивать друг друга на турнирах, потом разгорятся войны, и, в конце концов, весь мир будет лежать в руинах. Кроме того, Сьюзен будет завидовать её красоте и страдать от того, что больше никто не обращает на неё внимания. Тем не менее, Люси не думает ни о чувствах своей сестры, ни о том, что в результате могут погибнуть люди, и, хотя чувствует, что поступает неправильно, всё же готова произнести заклинание. В этот момент на одной из картинок появляется Аслан, и один его взгляд даёт ей понять, что он не одобряет то, что она собирается сделать [3, с. 495-496].

Некоторые читатели, возможно, недоумевают, почему Аслан появляется не всегда, когда, как им кажется, он нужен героям. Например, когда главные герои были схвачены пиратами на Одиноких островах и проданы в рабство. Казалось бы, в этот момент они действительно нуждаются в помощи, и Аслан должен был прийти освободить их. Можно предположить, что Аслан приходит только тогда, когда он действительно нужен, когда он чувствует, что без него не справятся. Пример этому мы находим во второй книге цикла «Лев, Ведьма и Платяной шкаф» («The Lion, the Witch and the Wardrobe»), когда Аслан не сражается с неприятелем сам, а позволяет будущему верховному королю Питеру показать, на что он способен: «Let the Prince win his spurs» [3, с. 170]. В Послании Иакова находим следующие строки: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» [Иак. 1, 12]. Таким образом, искушение в христианстве рассматривается как некое испытание, которое человек должен преодолеть, чтобы приобрести опыт духовной борьбы, развиваться и возрастать. Так же и Аслан позволяет главным героям бороться самостоятельно, чтобы приобрести опыт сражения. Однако Бог понимает, что человек не может справиться со всеми искушениями, поэтому он появляется именно тогда, когда это необходимо. Три вышеописанных случая показывают, что Аслан появляется обычно тогда, когда героям не хватает духовных, нравственных сил, а не сил физических. Он выступает в качестве голоса совести, который разговаривает с теми, кто его уже знает и готов признать его правоту.

Ещё один эпизод в книге показывает необходимость Божьего водительства для главных героев. В главе «Тёмный остров» корабль подплывает к берегам острова, вокруг которого всегда царит непроглядная тьма. Герои узнают, что остров проклят и пытаются отплыть от него, однако в темноте, которая их окружила, они теряют курс и не могут выплыть на свет. Кроме того, их сердцами завладел страх, так как они узнали, что на острове сбываются сны, а значит, и кошмары, которых они так боятся. В итоге они впадают в отчаяние, поскольку им кажется, что они никогда не смогут уплыть с этого проклятого острова. В обстановке всеобщего смятения Люси взывает к Аслану, понимая, что только он может помочь им: «Aslan, Aslan, if you ever love du sat all, sen dus help now» [3, с. 510]. В ответ на её мольбу, которая, по сути, является молитвой, сначала появляется яркий луч света, а затем альбатрос, который вывел корабль на свет. Любопытно отметить детали, которые автор использует при описании

появления альбатроса. Сначала он «выглядел, как крест» («at first it ooked like across»), затем упоминается, что он «облетел мачту три раза» («it circled three times round the mast») – в этих деталях легко усматривается христианская символика. Однако только Люси поняла, что в образе альбатроса им помог сам Аслан, поскольку она услышала, как он шепнул ей голосом Аслана, чтобы она не боялась [3, с. 511]. После того как герои удачно вырвались из плена тьмы, они с удивлением обнаружили, что тёмный остров исчез, хотя, вероятно, только Люси поняла, как это произошло. Этот эпизод в книге является иллюстрацией того, что только Бог может вывести человека из тьмы и уничтожить её, как это сделал Христос, когда после распятия и смерти он сошёл в ад и вывел оттуда души праведников, а также, по словам ветхозаветных пророков, уничтожил саму смерть: «От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» [Ос. 13:14]. Здесь также иллюстрируется непостижимость Божьего Промысла, поскольку никто так и не понял, что Аслан пришёл к ним на помощь, и никто даже «не заметил, когда исчез альбатрос» [3, с. 511], что показывает, что Бог часто действует в нашей жизни незаметно.

Ещё один эпизод, как представляется, заслуживает подробного рассмотрения в отдельной статье, но не может быть не упомянут, поскольку является важным для иллюстрации постоянного Божьего попечения в романе. В этом эпизоде Аслан появляется для того, чтобы помочь Юстасу. Дело в том, что Мальчик превратился в дракона, и никто не знал, как превратить его обратно в человека. Когда мальчику является Аслан, он ведёт его к глубокому колодцу, в котором Юстас должен отмыться, но сначала он должен снять драконью шкуру. Мальчик, как не пытается, не может освободиться от драконьей шкуры, поскольку под снятой шкурой каждый раз обнаруживается ещё одна. Тогда Аслан сам снимает с него драконью шкуру своими острыми когтями. Для Юстаса это очень болезненная и неприятная процедура, но, в конце концов, он освобождается от шкуры и снова становится человеком. Здесь мы наблюдаем иллюстрацию греховности человека, от которой он не может освободиться сам, а нуждается в Божьей помощи. Колодец для очищения – это, судя по всему, крестильная купель, в которой смывается первородный грех. Но прежде чем войти в эту купель, человек должен осознать свою греховность и покаяться, снять с себя ветхую одежду и облечься в одежду новую, что и происходит с Юстасом. Что интересно, случившееся с Юстасом несчастье пошло ему на пользу, поскольку он не осознаёт свои недостатки, свою греховность, пока не становится драконом. Этим автор показывает, что изменения в жизни человека, его путь к Богу начинаются с осознания своей греховности и покаяния. Ведь до этого Юстас совсем не хотел плыть вместе со всеми на восток, а значит, и в страну Аслана, что указывает на отсутствие желания встать на путь спасения. Здесь также можно отметить, что корабль, плывущий на восток в страну Аслана, может расцениваться как церковь, которая в христианстве именуется кораблём спасения и часто устраивается в виде корабля, символизируя, в частности, Ноев ковчег [4].

В целом мы видим, что в романе К.С. Льюиса «Покоритель Зари» тема Божьего Промысла реализуется через иллюстрацию постоянного попечения

Аслана о тех, кто верит и надеется на него. Однако в большинстве случаев помощь эта духовная, помогающая преодолевать искушения и испытания, которые человек не в силах преодолеть сам, чтобы корабль спасения продолжал двигаться по пути, ведущему в страну Великого Промыслителя.

Список литературы

- 1 Черменина Е. Н. Божий Промысел спасение души в романе К.С. Льюиса «Серебряное кресло» // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. №1. Т.1. Филология. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – С. 78-83.
- 2 Черменина Е. Н. Тема Божьего Промысла в романе К.С. Льюиса «Конь и его мальчик» // Перевод. Язык. Культура : IV междунар. заочная науч.-практ. конф. 30 марта 2013 г. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. – С.128- 133.
- 3 Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. – London : Harper Collins Publishers, 2005.
- 4 Ralph F. Wilson, Dr. Ship as a symbol of the Church. URL. <http://www.jesuswalk.com/christian-symbols/ship.htm> (дата обращения: 14.02.2016).

E. CHERMENINA
(Saint Petersburg, Russia)

DIVINE PROVIDENCE IN THE NOVEL BY C.S. LEWIS «THE DAWN TREADER»

Abstract: The series of books “The Chronicles of Narnia” contains numerous Christian images and biblical allusions which became subject of various theological and literary researches. The article deals with the different ways of portrayal of the theme of Divine Providence in the novel by C.S. Lewis “The Voyage of the Dawn Treader”, one of the seven books of “The Chronicles of Narnia”. The author comes to a conclusion that the Christian images and symbols of the novel illustrate the idea of the incessant God’s care for the world.

Keywords: C.S. Lewis, Narnia, lion Aslan, Dawn Treader, Providence, Christianity, Christian symbols, voyage, ark of salvation.

OLGA MARAL
(Wien, Österreich)

BLANKVERS IN GOETHE'S «IPHIGENIE AUF TAURIS UND PUŠKINS “BORIS GODUNOV“»

Annotation: Das Problem der Besonderheiten des Blankverses in Goethes „Iphigenie auf Tauris“ und Puškins „Boris Godunov“ befindet sich an der Grenze von Literaturwissenschaft und Lingvokulturologie. Die Aktualität des ausgewählten Themas hat folgende Gründe: Die Untersuchungen auf dem Gebiet der komparativen Literaturwissenschaft und der synchronen Literaturwissenschaft, sowie die Feststellung der Ähnlichkeiten, Unterschiede und anderer Besonderheiten der Metrik sind heutzutage im Rahmen des immer wieder steigenden Interesses an vergleichenden Analysen der Werke aus verschiedenen Kulturen, welche eine

Wissensbasis voraussetzen, höchst aktuell. Als Gegenstand der Untersuchung werden sowohl die Analyse der Besonderheiten des Blankverses in beiden Dramen als auch die vergleichende Analyse, die die metrischen Unterschiede und die Ähnlichkeiten der oben genannten Werke beinhaltet, aufgegriffen.

Schlüsselwörter: Blankvers, Goethe, Puschkin, Metrik, Drama.

Blankvers ist ein literaturwissenschaftlicher Begriff, welcher einen langen Entstehungsweg eingeschlagen und sich in verschiedenen Kulturen mit der Zeit etabliert hat. Die Begriffsdefinition betreffend wird unter dem Blankvers, laut Link, ein fünfhebige, alternierendes, absolut invariables Metrum verstanden [15, S. 216]. Für die vorliegende Analyse wird hingegen die Definition von Alfred Behrmann gebraucht, weil diese als überaus präzise und vollkommen für diese Arbeit erschien. Behrmann zur Folge wird mit dem Blankvers ein fünffüßiger reimloser Jambus mit freier Zäsur und freier Kadenz bezeichnet [7, S. 137]. Dieser gilt sowohl für den deutschen als auch für den russischen Vers, der von Slonimskij auch „englisch-deutscher Vers“ genannt wird [18, S. 476].

Vorweg wird die Entstehung des Blankverses kurz erläutert. Ursprünglich stammt *Blanc verse* aus England, wo er durch Henry Howard, *Earl of Surrey* eingeführt wurde [19, S. 41] und hauptsächlich mit dem Namen des großen Schriftstellers W. Shakespeare verbunden ist. Behrmann betont, Shakespears Blankvers sei ein freierer Vers, wie seine eigene Definition besagt; dieser kann länger oder kürzer sein, kann eine unterschiedliche Anzahl an Takten, einen doppelten oder keinen Auftakt, mehrsilbige Senkungen und zusätzliche Pausen aufweisen und wird parallel mit Prosa in den literarischen Werken verwendet [7, S. 136]. Peter Hacks ergänzt seinerseits Behrmanns Ausführungen folgendermaßen: Für ihn besteht die Schönheit der Verse vor allem in dem Widerspruch von Metrum und Rhythmus, welches mit der der Begriffsdefinition von Behrmann nicht übereinstimmt. Der ästhetische Reiz liegt seiner Meinung nach in der Nichterfüllung des angegebenen Metrumsschemas [13, S. 47-50]. Genau diese Abweichungen von der Norm scheinen höchst interessant zu sein und werden in der vorliegenden Arbeit analysiert.

Goethe und Puškin stammen aus verschiedenen Kultur- und sogar Zeitkreisen. Obwohl Alexandr Sergejewitsch nur 50 Jahre jünger als der deutsche Klassiker war, wird von vielen Wissenschaftlern (u.a. Avetisjan, Awerinzev, Danilevskij) auf die Ungleichheit dieser Beziehung die Rezeption und (möglicher) Einfluss betreffend hingewiesen. Hierbei ist hingegen positiv, dass die Entwicklung der russischen Kulturgeschichte sich im Vergleich zur westeuropäischen langsamer vollzog [Dazu gibt es eine einzigartige Studie von Olschanskij, D mit dem Namen „*Psihologija mass*“, Online unter www.gumer.info/bibliothek_Buks/Psihol/olshansk/06.php abrufbar (5. Februar 2016)]. Demzufolge kann man bei dem Problem „Puškin-Goethe“, ungeachtet ihrer Lebensjahre, von der synchronen Kultur- und Literaturwissenschaft sprechen [6, S. 97]. Selbstverständlich hatten die beiden Klassiker verschiedene Vorbilder und Lehrer gehabt, welche ihren literarischen Stil geprägt haben. Diesbezüglich ist es wichtig zu erläutern, wie Goethe und Puškin zum Blankversdrama in ihrem Schaffen gekommen sind und wer hierbei Einfluss ausgeübt hat.

Die Frage der Reformierung des Verses der Tragödie im ostslawischen Raum hat sich seit dem Zeitpunkt gestellt, in dem der Untergang des klassischen Dramas nicht mehr zu verhindern schien [18, S. 472]. Noch im Jahre 1816 hat der Dichter S.T. Salarev vorgeschlagen, die Dramen in Prosa zu schreiben, damit sie lebendiger werden und mehr Erfolg beim Publikum erreichen [17, S. 144]. Als Pionier der Einführung des fünffüßigen ungereimten Jambus in ein Dramatisches Werk im

Rahmen der russischen Literatur gilt V.A.Zhukovskij, welcher seine Übersetzung von Schillers „Jungfrau von Orleans“ im Blankvers gestaltet hat [11, S. 53]. Puškins „Boris Godunov“ schließt den Prozess des Zeitalters der klassischen Tragödie ganz ab, welche in der Epoche von Ozerov in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts begonnen hat [18, S. 461]. Eine Theaterreform auszulösen, betrachtete Puškin als die Aufgabe von „Boris Godunov“. „Der Geist des Zeitalters fordert auf, die großen Änderungen auf der Bühne der Dramaturgie zu machen“ [18, S. 464].

Goethe hat seine ursprünglich prosaische „Iphigenie“ in ein Gedicht verwandelt, als er auf seinem Lebensweg dem Literaturwissenschaftler Karl Philipp Moritz begegnet war und von seinem Werk über die deutsche Prosodie verzaubert wurde (er bezeichnet das Werk von Moritz in seinem Tagebuch sogar als einen „Leitstern“ [14, S. 63]). Moritz folgte in dieser Hinsicht den mit der Problematik des reimlosen Dichtens beschäftigten J. Ch. Gottsched, weil die Heldenverse der lateinischen und griechischen Dichtung im gleichen Silbenmaß ins Deutsche übertragen werden sollten [12, S. 76]. In Russland gab es andere Gründe für die Einführung des Blankverses, die nicht unbedingt mit der Literatur als Solcher in erster Linie zu tun hatten, was auch für Puškins „Boris Godunov“ charakteristisch ist. Im Zeitalter Puškins hat außerdem die Poetik des Klassizismus ihr Ende gefunden. Dies rief die Notwendigkeit einer Versreformierung dramatischer Werke (in erster Linie der Dramen) hervor [11, S. 52]. Das Drama wurde durch andere Gattungen, vermehrt durch das Genre der historischen Darstellungen, ersetzt, welches auch „historisches Drama“, „nationale Darstellung“, „nationales Drama“ und „russische historische Sage“ genannt wird [11, 52].

Die Form des Dramas betreffend vertreten Goethe und Puškin verschiedene Meinungen: Goethe hat sich mehrmals überlegt, ob er sein dramatisches Werk in Prosa- oder in Gedichtform schreiben soll. Als Beweis hierfür gelten „Iphigenie auf Tauris“ und „Tasso“, welche ursprünglich in Prosa geschrieben waren. Das erste Fragment von „Boris Godunov“ war im vierfüßigen Jambus geschrieben, welches auf Puškins Übergang von der zuerst geplanten „romantischen Tragödie“ zum historischen Drama hinweist [18, S. 471]. Hierbei stellen die fünffüßigen Jamben von „Iphigenie“ fast wortwörtlich die erste Prosavariante des Dramas dar, welche bereits einen gewissen Rhythmus aufwies [10, S. 123]. Demzufolge hat Goethe vorerst über das Thema nachgedacht und danach an der Gestaltung seines Dramas gearbeitet. Puškin hingegen hat vorerst die Form, danach den Inhalt gewählt. Laut Danilevskij wurde das Metrum nie dem Thema des Werkes von Alexandr Sergejewitsch angepasst. Puškinische Gedichtsdramaturgie hat die Neigung zur metrischen Einheit, er führt keine „Metrumsspiele“ in seinen Dramen, er fügt nur prosaische Elemente wie Volkslieder und umgangssprachliche Redewendungen in „Boris Godunov“ zum Blankvers hinzu.

Das im Jahre 1825 entstandene und erst nach sechs Jahren veröffentlichte [18, S. 457] Drama „Boris Godunov“ war der erste Versuch Puškins, seinen Stil noch mit einem Mittel – und zwar mit dem Blankvers – zu bereichern. Vom Autor „romantische Tragödie— genannt [18, S. 463], hat das Drama zum Zeitpunkt seiner Veröffentlichung keine Züge der Romantik bewahrt (eine unerwartete Form der dramatischen Struktur, keine Gliederung in Akte oder „Teile“, sondern eine

Reihenfolge von historischen Szenen [18, S. 476]). Die erste Fassung, die im „russischen Alexandrina“ (klassischer sechsfüßiger gereimter Jambus) geschrieben war, wurde durch den fünffüßigen Blankvers ersetzt, Gorodeckij zur Folge mit der Absicht, die Natürlichkeit und Schlichtheit der Sprache seines Dramas zu vergewissern [11, S. 61] und die Sprache seines Dramas mit alltäglichen und umgangssprachlichen Ausdrücken zu füllen [11, S. 50]. Gorodeckij zitiert dabei Puškin, welcher im Vorwort zu „Boris Godunov“ anführt, den für Engländer und Deutsche gewöhnlichen Vers in seinem Drama verwendet zu haben. Die einzige Abweichung des Metrums, welche Puškin selbst hervorhebt, ist eine Zäsur des französischen fünffüßigen Verses in der zweiten Strophe. Das hat dem Vers die Vielfältigkeit entnommen [11, S. 55], meint Alexandr Sergejewitsch. Besonders interessant ist Gorodeckijs Anmerkung, dass die von Puškin absichtlich eingeführten Besonderheiten der Sprache und des Verses dazu dienen, den Gegensatz zwischen der raffinierten Art des Ausdrucks und den eigentlichen Gedanken von Adligen und hochrangigen kirchlich Bediensteten [13, S. 56]. Die Redensart der handelnden Personen wie Marina Mnišek oder Dimitrij Otrep'ev wird der Situation entsprechend verändert, wobei die Sprache von Boris Godunov immer gleich bleibt. Als seine zweite wichtige These stellt Gorodeckij übersichtlich dar, wie die Form den Inhalt im Drama „Boris Godunov“ beeinflusst hat: In Prosa sind jene Szenen geschrieben, in denen einfache oder dem Volk nahe Menschen auftreten [11, S. 61]. Die gereimten Abschnitte hingegen weisen auf polnische Adelige hin. Eine andere Meinung vertritt Slonimskij, welcher der Verwendung vom Blankvers im Drama „Boris Godunov“ nicht die formelle Bedeutung zuwendet, sondern sie mit der Politisierung des Genres verbindet [18, S. 477]. Im Blankvers waren zu dem Zeitpunkt die dekabristischen „Argivjane“ und „Venceslav“ geschrieben, welche dieselbe politische Richtung hatten. Das war auch der Grund, warum „Boris Godunov“ keine besondere Zuwendung unter den Zeitgenossen gefunden hat.

Das „Schmerzkind“ [14, S. 63] von Goethe – „Iphigenie auf Tauris“ – bereitete Goethe Schwierigkeiten. Laut Ringger fällt die Entstehung des Blankverses im deutschsprachigen Raum mit der Entstehungsgeschichte der „Iphigenie auf Tauris“ zusammen [16, S. 3]. Das Faktum, welches „Iphigenie“ am meisten von „Boris Godunov“ abgrenzt ist die apolitische Einstellung – Goethe war auf das antike Drama gerichtet und wollte eine würdige Nachahmung der Klassik verwirklichen.

Der Weg des Dramas zur Vollkommenheit hat lang gedauert: es werden vier Fassungen unterschieden, die erste Fassung als Prosaentwurf vorbereitet (1779) - war hauptsächlich in jambisch rhythmischer Prosa geschrieben mit einigen Einfügungen von fünffüßigen Jamben [16, S. 4]. Ab der zweiten Fassung spricht man bereits von fünffüßigen Versen. Im Jahre 1787 wurde das Drama das erste Mal aufgeführt. Die Kritik an „Iphigenie“ war nicht positiv. Wilhelm von Humboldt hat darauf hingewiesen, wie der Stil Goethes sich von dem der antiken Autoren unterscheidet, er kritisiert die von Goethe verwendete Prosa. August Wilhelm Schlegel nennt die Tragödie einen „Nachgesang der Antike“ [14, S. 102]. Trotz der unterschiedlichen Meinungen hat „Iphigenie auf Tauris“ einen Ehrenplatz in der klassischen Literatur eingenommen.

Die Gründe sind nicht bedingt durch seinen Namen, viel mehr durch das Werk selbst, welches auf seine Art und Weise - genauso wie Puškins „Boris Godunov“ – eine Reform des klassischen Dramas bedeutet hat. Obwohl Goethe sich den Ansichten Moritzs irreführen ließ (Ringger zur Folge hat Moritz die metrischen Begriffe „Länge“ und „Akzent“ in seiner Studie vermischt, welches Goethe als revolutionärer Gedanke auf dem Gebiet der deutschen Metrik aufgefasst hat) [16, S. 15], hat sein Werk eine Ehrenstellung in der klassischen Weltliteratur eingenommen.

Bräuner hat in seiner Studie der über die Metrik Goethes „Iphigenie“ analysiert und wertvolle Aussagen getätigt. Er vertritt die Meinung, dass „Iphigenie auf Tauris“ alle möglichen rhythmischen Formen beinhalte [9, S. 15]. Die Einführung des Blankverses in „Iphigenie“ hat keine sarkastischen und keine politisch gefärbten (wie im Fall von „Boris Godunov“) Aussagen der Kritiker hervorgerufen. Außerdem hat Goethe das Ganze des Dramas gehalten, wobei Alexandr Sergejewitsch eine Reihe von historischen Szenen dargestellt hat, die eine Mischung von Prosa und Reim in sich hatten, welches keine positiven Impressionen bei dem konservativen Publikum ausgelöst hat. Awerinzev vertritt hingegen die Meinung, dass die Dramen von beiden Klassikern eine völlige Übereinstimmung des Inhalts und der Form darstellen und der Vers und die phonische Gestaltung dem Geschilderten entsprechen [6, S. 107]. Sowohl „Boris Godunov“ als auch „Iphigenie auf Tauris“ sind in ihrer Endversion im Blankvers geschrieben. Das im Jahre 1831 veröffentlichte Drama von Puškin hatte wegen seiner ungewöhnlichen Form und des Fehlens einer Strukturierung keinen Erfolg. Das war kein Racine und kein Shakespeare [18, S. 457-462]. Goethe seinerseits wurde hart über „Iphigenie“ von den großen Gelehrten und Schriftstellern wie Humboldt und Schiller kritisiert, dies hat Jeßling in seinem Buch klar beleuchtet [14, S. 93-95]. Die Kritik wurde ebenso aufgrund des metrischen Bereichs ausgeübt: Gorodeckij zitiert Raevskij, der das Drama von Puškin im Voraus als wertvoll bezeichnet und meint, dass der Alexandrina für dieses Werk besser geeignet gewesen wäre [11, S. 50]. Goethe hat einige Jahre benötigt, um seine Tragödie in den Blankvers zu formen: Inzwischen gab es Verzögerungen wegen der metrischen Form, die das Drama annehmen sollte.

Eingeteilt in einzelne Merkmale, werden folgende Parameter der Definition von Behrmann zur Sprache gebracht: Reim, Vers, Zäsur und Kadenz. Im Folgenden werden vier Stellen (zwei Abschnitte der „Iphigenie auf Tauris“ entnommen, jeweils 34 Verse ([1, S. 7] von „O fänd' ich auch den Blick der Prieste´rin“ bis „Und ein geneigtes Herz dem Wirte ´zeigt“) und 13 Verse ([1 S. 6] von „Ja, Tochter Zeus, wenn du den hohen ´Mann“ bis „Auch von dem Leben hier, dem zweiten Tode!“), und zwei – dem Drama „Boris Godunov“ mit 35 Versen [2, S. 20-22] und 60 Versen [2, S. 62-66] aus den analysierten Werken nach diesen Merkmalen und möglichen weiteren metrischen Besonderheiten untersucht und die Unterschiede und Ähnlichkeiten der Metrik beider Dramen werden beleuchtet.

Unter einem Versfuß versteht man Jamben, Trochäen, Anapästen, Daktylen usw [3, S. 30]. Für den Blankvers ist der fünffüßige Jambus mit fünf Hebungen in jedem Vers charakteristisch. Der fünffüßige Jambus ist in allen analysierten Abschnitten sowohl von Goethe als auch von Puškin streng eingehalten worden. Der einzige Vers, welcher aus der Reihe fällt, ist:

У 'Виш|не|'вещ|ко|'го, что 'наод|'ребо|'лез|ни [2, S. 62-66] 13 w

In dem oben angeführten in Silben gegliederten und mit Hebungen verzeichneten Vers werden 6 Hebungen statt fünf des klassischen Blankverses hervorgehoben.

Das kann folgenderweise begründet werden: Puškins Drama basiert auf historischen Daten (Karamzins „Geschichte des russländischen Staates“ –*O.M.*), seine Bestrebung bestand darin, sich auf reale Fakten zu orientieren, wodurch keine wichtigen Namen oder Orte ausgelassen wurden. Der polnische Familienname „Вишне'вещкий“ kann nicht so einfach in einen Vers wegen seiner Länge untergebracht werden; hätte Puškin nur an die Norm des Metrums gedacht, wären die sinnvollen Worte dieses Satzes durch eine andere.

Reihenfolge auseinandergerissen und der gesamten Strophe hätte die Schönheit und die harmonische Gestaltung gefehlt. Was „Iphigenie auf Tauris“ betrifft, wird das Drama im Jambus eingehalten. In den untersuchten Abschnitten sind keine Abweichungen von der Norm vorzufinden.

Es werden grundsätzlich „männlicher Reim“ (m) und „weiblicher Reim“ (w) unterschieden (abgesehen von zahlreichen Klassifikationen der Reimarten). Der Blankvers ist als ein reimloser Vers bekannt. Es kommen aber immer wieder erwähnenswerte Abweichungen von der Norm vor: Die polnischen Adligen bei Puškin sprechen in gereimten Versen und die Volkslieder und andere volksdichterische Erscheinungen stellen Reime dar. Goethe hingegen bleibt der Norm treu; in den analysierenden Abschnitten gibt es ausschließlich reimlose Verse. In den ausgewählten Abschnitten aus „Boris Godunov“ gibt es vier gereimte Verspaare: Im ersten Abschnitt sind dies die Zeilen Nr. 1 und Nr. 2, welche einen ungenauen Reim (w) darstellen, und die Zeilen Nr. 29 und Nr. 31, welche hingegen einen genauen Reim (m) bilden. Im zweiten Abschnitt beinhalten die Zeilen 12 und 15 einen genauen männlichen Reim und ebenso die Zeilen Nr. 38 und Nr. 41. Interessanterweise folgen die ersten gereimten Zeilen mit dem ungenauen weiblichen Reim direkt aufeinander, wobei die anderen Fälle einen umarmenden genauen männlichen Reim repräsentieren. Um den Zweck der unerwarteten Einführung der gereimten Verse zu bestimmen, wird dem Gedankenweg von Gorodeckij gefolgt: Puškins Absicht war, mit Hilfe der Umschaltung von reimlosen Versen auf gereimte den großen Unterschied zwischen der scheinbaren Gelehrtheit der Adligen und ihren schlichten Gedanken zu zeigen. Die Fürsten Schujskij und Worotynskij führen ihren Dialog, ohne auf die Qualität ihrer Rede zu achten; nur zweimal kommt es zu den gereimten.

Versen – in den Zeilen 28-35 ändert Schujskij seine Redensart; aus einem vertrauten Gespräch wird ein offizieller Dialog, wobei seine Ausdrücke arrogant werden und seinen früheren Aussagen widersprechen. Bräuner stimmt Behrmann völlig zu, indem er den Jambus als Grundmaß des Blankverses ansieht [9, S. 11]. Der Jambus wird folgendermaßen notiert: ◡— . Die Akzentuierung wird in der.

Arbeit mit dem Zeichen (´) vor der betonten Silbe vermerkt. Nach der Analyse aller vier Abschnitte stellte sich heraus, dass der Jambus unverändert ist und es keine Abweichungen von der Norm zu erkennen sind.

Unter der Zäsur versteht man den physiologisch und inhaltlich sinnvollen Einschnitt im Rahmen eines längeren Verses [3, S. 27]. In der vorliegenden Arbeit wird die Zäsur mit dem Zeichen „||“ vermerkt. Brodskij zur Folge, war Puškin davon überzeugt, dass sich nach dem zweiten Fuß eine männliche Zäsur befinden soll [8, S. 147]. Auf diese Weise hat er auch seine Ansicht im Drama „Boris Godunov“ mit einer kleinen Ausnahme verwirklicht: Wenn man den 1.

Abschnitt sorgfältig durchliest, lässt sich feststellen, dass, dass der erste Vers in diesem Teil von den üblichen Zäsuren abweicht:

1 Борис Ты, отче патриарх, вы все, бо'яре, 11 w

○ — ○ — ○ || — ○ — ○ — ○

Die fehlende Zäsur hätte das sinntragende Wort „Patriarch“ entzweit: Patriarch, wodurch die für Puškin gekennzeichnete Harmonie verletzt wäre.

Goethe war die Frage der Zäsur betreffend nicht so konservativ: Die Zäsuren in „Iphigenie auf Tauris“ sind frei gestellt, obwohl laut Ringger die Zäsur in einer gewissen Regularität nach der vierten oder fünften Silbe des Verses im analysierten Drama auftreten sollte. Er zitiert hier Zarncke, der der Meinung ist, dass die Zäsur den wirklichen Zauber des Verses bei Goethe ausmacht [16, S. 20]. Nach der genauen Analyse der zwei ersten Abschnitte hat sich herausgestellt, dass die Position der Zäsur bei Goethe sehr variabel ist. Dies wird anhand der folgenden Beispiele dargestellt:

Ja, Tochter Zeus, wenn du den hohen 'Mann

○ — ○ — || ○ — ○ — ○ — ○

Im ersten Vers steht die Zäsur nach der vierten Silbe.

Der dir sein Liebstes zum Altare 'brachte

○ — ○ — ○ || — ○ — ○ — ○

In diesem Beispiel ist die Stelle der Zäsur nach der fünften Silbe. Dieser Versuch stellt nur die Variabilität der Stellung der Zäsur im Drama „Iphigenie auf Tauris“ dar und dies kann jedoch der Kürze der Arbeit geschuldet nicht behandelt werden, eröffnet hingegen ein Feld für weitere Forschung.

Unter der Kadenz versteht man die Art des Verschlusses, man unterscheidet hierbei männliche, weibliche und reiche Kadenz. Mit der Frage der Metrik und besonders der Kadenz hat sich in seinem Werk „Tonbewegung und Erscheinungsformen des sprachlichen Rhythmus: Profile des deutschen Blankverses“ Bräuner beschäftigt und das gesamte Drama von Goethe „Iphigenie auf Tauris“ nach der Häufigkeit von weiblichen Versausgängen (w) und männlichen Versausgängen (m) untersucht und bestätigt, dass es 1249 stumpf ausgehende und 846 Verse mit klingendem Ausgang in „Iphigenie“ gibt. Nach der Untersuchung der vier Abschnitte, die den analysierten Dramen entnommen sind, wird festgestellt, dass es bei Goethe 17w/32m und bei Puškin 58w/37m Versausgänge gibt. Bei Alexandr Sergejewitsch überwiegen also die weiblichen Verse, Iphigenie's Durchsuchung bestätigt die oben genannte Bräunerische These. Diese Analyse ist unvollkommen und kann in weiteren Arbeiten zur.

Sprache gebracht und vervollständigt werden.

Über die variablen Möglichkeiten des Goethischen Verses in „Iphigenie auf Tauris“ spricht Albertsen, welcher zwei wichtige metrische Begriffe dabei einführt: Enjambement und Stichotomythie [3, S. 84-86]. Bemerkenswert ist auch der Versuch von beiden Schriftstellern, einzelne Wörter dem Metrum anzupassen: das Auslassen von Endbuchstaben in „fänd“, „heil'ge“, „solang'“, „ist's“, das Fehlen des Artikels in „vertraulich Wort“ bei Goethe und die Kürzung des Adjektivs „золотна“ und die Verwendung des Partikels „на“ bei Puškin. Mit Hilfe der Analyse der ausgewählten Stellen wurde bewiesen, dass die gewählte Methode hilft, nicht nur die Besonderheiten des Blankverses aus dem Text des dramatischen Werkes herauszufinden, sondern diese Besonderheiten ebenso mit dem Stil des Autors in Verbindung zu setzen. Das Problem der Besonderheiten des Blankverses in Goethes „Iphigenie auf Tauris“ und Puškins „Boris Godunov“ stellt eine breite Perspektive dar und lässt sich anhand der weiteren theoretischen Werke und praktisch gezielten wissenschaftlichen Arbeiten weiter untersuchen.

Literaturverzeichnis

- 1 Goethe J.W. von: Goethes sämtliche Werke. Hg. von Eduard von Hellen. Band 12. Stuttgart : Cotta 1902.
- 2 Puškin, A. S.: Boris Godunow: russisch/deutsch. Hg. und übersetzt von Andreas Ebbinghaus. Stuttgart : Reclam 2013.
- 3 Albertsen L.L.: Neuere deutsche Metrik. Berlin : Weidler Buchverlag²1997.
- 4 Avetisjan, V.A.: Goethe und Puschkin. In: Ortrud Gutjahr (Hg.): Westöstlicher und Nordsüdlicher Divan. Goethe in interkultureller Perspektive. Paderborn : Schöningh 2000, S. 227-241.
- 5 Avetisjan, V.A.: Poslednie literaturnye sobesedniki Puškina : (ešče raz o probleme „Puškin-Göte“). Moskva : R&C Dynamica 2009.
- 6 Awerinzew, S.: Goethe und Puschkin (1749-1799-1999). In: Ziegler, Rosemarie (Hg.): „Die fremde Sprache sei mir eine Hülle...“. Wien : Verl.-Haus Pereprava 2005, S. 97-113.
- 7 Behrmann, A.: Einführung in den neueren deutschen Vers: von Luther bis zur Gegenwart; eine Vorlesung. Stuttgart : Metzler 1989.
- 8 Brjusov, V.Ja.: Moj Puškin. Moskva-Leningrad : Gosizdat 2013.
- 9 Bräuner, R.: Tonbewegung und Erscheinungsformen des sprachlichen Rhythmus : Profile des deutschen Blankverses. Berlin : de Gruyter 1964.
- 10 Danilevskij, R. Ju. Puškin i Gete : sravnitel'noe issledovanie. Sankt-Peterburg : Nauka 1999.
- 11 Gorodeckij B.P.: Problemy dramaturgii Puškina. In: Trudy Pervoj i Vtoroj Vsesojuznyh Puschkinskich konferencij. 25.—27. April 1949 und 6.—8. Juni 1950. Moskau : Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR 1952.
- 12 Gottsched J. Chr.: Versuch einer Critischen Dichtkunst vor die Deutschen. Leipzig : Breitkopf⁵1751.
- 13 Hacks, P.: Das Poethische – Ansätze zu einer postrevolutionären Dramaturgie. Frankfurt am Main : Suhrkamp 1972.
- 14 Jeßling, B.: Erläuterungen und Dokumente. Johann Wolfgang Goethe. Iphigenie auf Tauris. Stuttgart : Philipp Reclam jun. 2002.
- 15 Link, J.: Literaturwissenschaftliche Grundbegriffe: eine programmierte Einführung auf strukturalistischer Basis. München : Wilhelm Fink Verlag⁶1997.
- 16 Ringger, P.: Goethes Blankvers: Entstehungs- und Entwicklungsgeschichte. Hamburg-Bahrenfeld : Reimers 1948.
- 17 Salarev, S.T. Mysli mladogo rossijanina. In: Vestnik Evropy. Nr.2 1816, S. 140-148.
- 18 Slonimskij A.: Masterstvo Puškina. Moskva : Goslitizdat 1959.
- 19 Schuppenhauer, C.: Der Kampf um den Reim in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts. Bonn : Bouvier 1970.

OLGA MARAL
(Vienna, Austria)

BLANK VERSE IN GOETHE'S "IPHIGENIA ON TAURIS" AND PUSHKIN'S "BORIS GODUNOV"

Abstract: The problem of the special features of the blank verse in Goethe's "Iphigenie auf Tauris" and Pushkin's "Boris Godunov" is on the border of literary sciences and linguoculturology. The relevance of the selected topic is due to the following reasons: The investigations in the field of comparative literary science and the synchronous literature, as well as the identification of similarities, differences and other particularities of the metrics are nowadays in the context of the constantly rising interest in comparative analyses of works from different cultures. Both the analysis of the peculiarities of the blank verse in two dramas as well as the comparative analysis, which includes the metric differences and the similarities of the above-mentioned works, are presented.

Keywords: blank verse, Goethe, Pushkin, metrics, drama.

OLGA MARAL
(Wien, Österreich)

DIE MOTIVE DES LICHTS UND DER DUNKELHEIT IN GRIFEL'NAJA ODA VON MANDEL'STAM

Annotation: Die Darstellung der Motive „Licht“ und „Dunkelheit“ in dem literarischen Diskurs sind heutzutage im Rahmen des immer wieder steigenden Interesses an textimmanenten und hermeneutischen Analysen höchst aktuell. Das Objekt der Untersuchung in der vorliegenden Arbeit ist das Gedicht Grifel'naja oda von Osip Mandel'stam. Das Ziel dieser Arbeit ist in folgenden Aufgaben konkretisiert worden: Die Motive des Lichts und der Dunkelheit und ihre Stellung in der Literaturwissenschaft zu definieren; die Analyse des konkreten Gedichts Grifel'naja oda durchzuführen und die Parallelen zum Leben von Mandel'stam herzustellen.

Schlüsselwörter: Motiv, Licht, Dunkelheit, Osip Mandel'stam, Grifel'naja oda.

Die Motive des Lichts und der Dunkelheit sind in der Literaturwissenschaft immer wieder ein Forschungsthema gewesen. Seit Beginn der Schriftlichkeit beleuchteten die Schriftsteller das Thema „Licht und Dunkelheit“. Sogar in der Nestorchronik sind folgende an die Fürstin Olga gerichtete Worte des byzantinischen Patriarchen zu finden: „*Blagoslovena ty v ženach ruskich, jako vozljubi svet, a t'mu ostavi.*“ [12, S. 44], wo die Taufe Olgas als Übergang von Dunkelheit zum Licht geschildert wird. Osip Mandel'stam ist keine Ausnahme: Bei ihm sind immer wieder die Motive des Lichts und der Dunkelheit zu finden. In erster Linie werden sie durch bestimmte Bilder verkörpert: Als typische Abbildung des Lichtes kommt die Sonne vor und die Dunkelheit wird durch die Nacht vertreten. Laut Artem'eva wurde Mandel'stam in seinem Schaffen stark von Deržavin beeinflusst [2, S. 54], bei dem die Motive des Lichts und der Dunkelheit auch eine wichtige Rolle gespielt haben. Die Konfrontation „Tag-Nacht“ (Licht vs Dunkelheit) bekommt bei Deržavin folgende Bedeutungen: Tag-Licht-Gott; Nacht – Dunkelheit – gottloser Raum, Leere. Diese Gleichstellung entspricht auch den Ansichten des deutschen Philosophen und Theologen Nikolaus von Kues, der in seinem Werk *De docta ignorantia* durch seine

pädagogische Sichtweise behauptet hat, dass der Mensch durchs Lernen ins Licht kommt (was in seinem Sinne sowohl Wahrheit, als auch Gott bezeichnet hat [10, S. 12-14]) und dass Unwissen einen dunklen, grenzenlosen und gottlosen Raum darstellt). Neben Deržavin wird von Artem'eva auf eine Verbindung zwischen dem Schaffen von Mandel'stam und Lermontov hingewiesen [2, S. 58], der unter dem Begriff „*noč*“ außer primärer Bedeutung der Dunkelheit auch Tod, Sternzeit und die Zeit des Bösen verstanden hat. Artem'eva macht die Andeutung, dass für Lermontov die Nacht im Unterschied zu Mandel'stam als Zeit des Schaffensprozesses (in welcher er sich mit Tjutčev einigt) untypisch ist. Dabei kann es aus dem Leben von Mandel'stam einfach erklärt werden: Nadežda Jakovlevna erzählt ausführlich in ihren Memoiren, wie Osip Ėmil'evič nachts geschaffen hat und sie seine bereits entstandenen Gedichte aufschreiben ließ [14]. Die Nacht kann bei Mandel'stam laut Artem'eva nicht nur Mord und Tod, sondern auch die Zeit der Poesie und des Schaffens bedeuten [2, S. 162]. Neben den oben genannten Bedeutungen enthält der Begriff „Nacht“ auch einen metaphorischen Sinn, der die Zeit der Vernunft, der Menschlichkeit und des Guten bezeichnet [2, S. 77-78]. Dadurch wird eine direkte Verbindung mit der Ansicht von Sedych hergestellt, welcher behauptet hat, dass die bedeutendsten konzeptuellen Einheiten bei Mandel'stam miteinander in Widerspruch stünden [22, S. 13]. Außerdem sollte nicht vergessen werden, dass die 20-er und 30-er Jahre der sowjetischen Geschichte eine „dunkle Zeit“ verkörpert haben: Die Zeit zwischen zwei Weltkriegen hatte verheerende Auswirkungen auf das eigene Volk in Form von diversen Verdachtsfällen und Verfolgung. Dies betrifft insbesondere die Zeit um 1937, als Mandel'stam sein Gedicht *Grifel'naja oda* „bearbeitet“ hat, um Gnade des Regierungschefs zu erhalten. Von Nadežda Jakovlevna wird in ihrem *Zweiten Buch* der Aufzeichnungen genau beschrieben, wer nachts besucht wurde und welche Folgen diese Besuche hatten. Deswegen ist die Meinung von Artem'eva von sehr großer Bedeutung, welche die Grausamkeit der Nacht in Bezug auf die Geschichte erwähnt [2, S. 78]. Das Motiv des Lichts ist mit dem Motiv der Sonne bei Mandel'stam verbunden. Die Sonne ist wie alle bedeutenden Motive des Dichters doppelsinnig: Sie kann entweder Licht oder Dunkelheit bezeichnen. Im Gedicht, welches Osip Emiljevič seiner Mutter gewidmet hat, wird die Sonne als „schwarze“ vorgestellt: „*U vorot Jerusalima / Solntse černoje vzošlo*“ [15, S. 94]. Eher unlogisch, aber für Mandel'stam typisch ist die Stellung des Autors zur scheinenden Sonne, die Schreckensgefühle erwecken soll: „*Solntse želtoe strashnee - / Baju-bajuški-baju*“ [2, S. 91]. Nicht umsonst scheint die Anmerkung von Artem'eva wichtig zu sein, dass Licht und Dunkelheit sowohl eine Antithese, als auch eine Vereinigung darstellen. Genauso bekommt die Dunkelheit eine positive Bedeutung: „...*v prozrachnych debrjach noči...*“ [15, S. 115] und das Licht verkörpert den Schreck: „...*ne prevozmoč v dremučeji žizni stracha...*“ [15, S. 115]. Nicht nur die Sonne besitzt die Fähigkeit zu strahlen, auch Sterne haben eine besondere Ausstrahlung und sind ebenso beliebte poetische Motive (sie sind bei Lermontov, Tjutčev, Deržavin, Mandel'stam u.a. vorzufinden). Von Sedych wird behauptet, dass Mandel'stam kein traditionelles Verhältnis zu den Sternen hatte [22, S. 16]. Für Osip Ėmiljevič hatten sie eine doppelseitige Bedeutung (das sich wiederholende Thema von „*dvurušničestvo*“ in seinem Schaffen): einerseits sind dies Traumobjekte von einem

Dichter, andererseits strahlen sie die Gefahr aus, werden als „brutal“ definiert [2, S. 78].

Ode als literarische Gattung wurde ausführlich von Deržavin beschrieben. Unter Ode wird von ihm ein flammendes Werk verstanden, welches durch seine Geschwindigkeit, seinen Glanz und seine Kraft wie ein Blitz das ganze Weltall erfüllt und die Größe des Schöpfers darstellt [4, S. 218-258]. *Grifelnaya oda* (im Folgenden als G.O. verzeichnet) gilt als das rätselhafte [8, S. 153] und dunkle [7] (im Sinne dichtes, schwer zu verstehendes) Gedicht von Osip Mandel'stam, welches von vielen Literaturwissenschaftlern (Ronen 1983, Gasparov 1995, Sedych 1978 u.a.) beleuchtet wurde. Gorodetskij vertritt die Meinung, dass dessen Text den Übergangszustand des Autors, eine gewisse „Explosion“ [8, S. 153] in der Entwicklung seines Schaffens widerspiegelt hat. Nach Sedych hat G.O. bei der Herausbildung von Mandel'stam als der Dichter der Bild(er)assoziationen eine wesentliche Rolle gespielt [22, S. 13]. Laut Artem'eva stellt G.O. ein Nachdenken über die Zeit, das Schaffen und das Ziel des Dichters in der russischen Poesie dar und setzt die „pindarische Richtung“ bei Mandel'stam fort [2, S. 170]. Das Gedicht G.O. wurde zwar im Jahre 1923 geschrieben, aber die schöpferischen „Geburtswehen“ haben bis ins Jahr 1937 angehalten. Inzwischen wurde G.O. von Mandel'stam ständig verändert. Sogar der ursprüngliche Titel Grifel wurde zur Grifel'naya oda [22, S. 13]. „Ode“ spielt demzufolge die Rolle eines Attributes (statt eines Bestimmungswortes), Zugehörigkeit zu einer Gedichtform, eines Appendixes, das zum sinntragenden „Grifel“ hinzugefügt wurde. Das analysierte Gedicht wird von Sedych als eine neue Etappe im Schaffen des Dichters, die den Umbau des poetischen Systems darstellt, bezeichnet [22, S. 13]. Gasparov erläutert in seinem Artikel, dass das Gedicht G.O., welches im Jahre 1923 veröffentlicht wurde, den Übergang des Dichters vom Pathos der Kultur zum Pathos der Natur darstellt [7]. Der ursprüngliche Akmeist schuf zum Schluss an der Grenze zwischen zwei Literaturrichtungen: Dem Akmeismus und dem Surrealismus. Dies ermöglicht der Entwicklung und den Veränderungen des Kunstsinnes des Gedichts zu folgen. Als der Auslöser zum Schreiben des Werkes G.O. gilt das Gedicht *Na tlennost'* von Deržavin [7], dessen Zeilen bald nach dem Tode des Autors veröffentlicht wurden. Von den Augenzeugen wird erzählt, dass Derzhavin bei dem Schreiben des Gedichts *Na tlennost'* von der historischen Karte *Reka vremën* inspiriert wurde, dessen Zeilen er auf eine Griffeltafel geschrieben hat. Diese Tafel wird in Form einer „*slantsevoj doski*“ von Mandel'stam übernommen und in seine philosophischen Gedanken miteinbezogen [22, S. 15]. G.O. wird von Artem'eva „...ein tragisch wunderbares Denkmal der Bemühungen des Dichters, der in der Raubzeit geschaffen hat“ [2, S. 173] und dabei seine poetische Inspiration beibehalten will, genannt.

Die Entwürfe von G.O. werden seit über 50 Jahren untersucht. Als Erste hat sich mit diesem Problem J. Baines beschäftigt [3, S. 61-82]. Eine ausführliche Analyse der Entwürfe von G.O. wurde anschließend von Semenko in ihrem Werk *O černovikach „Grifel'noj ody“* (1997) durchgeführt. Sie hat drei Fassungen von G.O. (A, B, C genannt) unterschieden. Ihre Arbeit wurde später von Gasparov übernommen und in seinem Werk *Grifel'naja oda Mandel'stama: istorija teksta i istorija smysla* weitergeführt. Für den vorliegenden Artikel werden sowohl die oben

genannten Werke als auch das Buch von Metz *Mandel'stam i ego vremja* als theoretische Grundlage für die weitere Analyse des Gedichts G.O. gebraucht. Die Fassungen B und C werden nach Gasparov als erste und letzte Fassungen wahrgenommen und weitgehend als solche betrachtet. Für die Analyse der Motive „Licht“ und „Dunkelheit“ in dem Gedicht G.O. wird die letzte Fassung, die im Jahre 2009 in einem Sammelband veröffentlicht wurde, und die Bearbeitung des Gedichts (von Gasparov „Korrektur“ genannt), die im Jahre 1937 unternommen vorgenommen wurde, als die erste und letzte Version des Gedichtes betrachtet. Im ersten Schritt wird die letzte Fassung stropfenweise analysiert, welche eine unbearbeitete und ungekürzte Version des Gedichtes verkörpert.

Strophe 1. Gasparov's Interpretation: Die Natur wird nicht von der instabilen Griffelkultur belehrt. Von Sedych wird diese Strophe mit dem führenden Thema des gesamten Gedichtes verbunden – der Lehre. Er hebt hervor, dass es sogar durch das indirekte Zitieren von Lermontov erreicht wird [22, S. 16]. Die Sterne bilden das feste, unerschütterliche Ganze. Von Artem'eva (sowie Gasparov, Sedych u.a.) wird diese Strophe mit dem Gedicht *Vychožu odin ja na dorogu* von Lermontov verbunden, indem Mandel'stam „das alte Lied“ von Michail Jurjewitsch fortsetzt. Osip Ėmiljevič findet die Kraft, wieder nach oben, in Richtung Himmel, zu sehen und seine Unterdrückung zu überwinden [2, S. 173]. Das Sternmotiv wurde nach Artem'eva von Deržavin, Lermontov und Tjutčev übernommen. Den Kieselweg hat schon Lermontov kennengelernt, den er in seinem Gedicht schildert [11, S. 86]. Laut Sedych hat der Kieselweg die Bedeutung „Dornweg“ [22, S. 17]. Wenn wir „das alte Lied“ Levintons als Bibel interpretieren, wird die Frage über den Dornweg dadurch geklärt. Der Kieselstein wird zu den drei wichtigsten altgriechischen philosophischen Begriffen gezählt; anstelle der Erde, die demzufolge ein Dreieck KIESELSTEIN-WASSER-LUFT bilden [22, S. 17]. Und der Fingerring mit dem Hufeisen ist nichts Anderes als der Verweis auf den Fingerring von Puškin und Venevitinov (*K mojemu perstnju* [25, S. 114]). Die Griffeltafel, auf der das Milchbild aufgezeichnet ist, stellt das Kampffeld vom Zeitenfluss und Schaffen dar (bei Deržavin unter „*lira i truba*“ verschlüsselt). Der Begriff „*Otves*“ wird nach Amelin und Morderer als der Verweis auf Lermontov vorgenommen: „*Lermontov... vladeet ... vozdušnym otvesom meždu gornoj vysotoj i mogiloj*“ [1, S. 23].

Strophe 2. Gasparov's Interpretation: Die Natur lernt ausschließlich von der Natur. Im Schlaf stehende Menschen verkörpern nach Artem'eva die Darstellung eines Albtraumes. Hierzu zählt ebenso der Schreck, welcher in dem Text erwähnt wird („*zdes' pišet strach*“) [2, S. 92]. Das Bild von dem Bach wird von Artem'eva zu den Hinweisen auf Deržavin *Kak v more ljutsa bystry vody* [4, S. 27-28]. Amelin vertritt die Meinung, dass „*ručej*“ zum Ursprung führt [1, S. 50]. Von Gasparov wird hingegen angenommen, dass der fließende Bach einen gefährlichen Zeitenfluss verkörpert. Aber, laut dem Gesetz von „*dvurušničestvo*“ bei Mandel'stam, wird vom Bach auch getrunken und gelernt [7]. Das Wasser vernichtet die Kultur, aber durch dieses wird die Natur befruchtet, die Felsen abgeschelfert, und aus diesen wiederum die Schiefertafel produziert, auf denen zwischen dem Griffel und der Zeit „gekämpft“ wird [7]. Die Natur selbst belehrt die Berge, welche die Rolle der Schüler einnehmen. Außerdem werden die Bilder vom Traum und Leben bei Deržavin und Mandel'stam

in Verbindung gesetzt: „*I ves', kak son, / Prošël tvoj vek...*“. Das Leben wird mit dem Traum gleichgestellt, der wie Wasser fließt. Nach Artem'eva steht das Leben bei Mandel'stam für den Traum und die Nacht für die dichte Dunkelheit. Das Partizip „*stoja*“ stellt ein Rätsel da: es kann entweder die Richtung nach oben, das heißt zum Himmel, bedeuten oder auf die Haustiere hinweisen, die harmlos sind und stehend schlafen. Das Bild vom „Schafsmütze“ ist zwar der Semantik nach auch mit den Tieren verbunden, wird aber von Gasparov als parallel zu der Kopfbedeckung von Deržavin auf seinem bekannten Portrait wahrgenommen, dazu außerdem die Atmosphäre des Dorflebens, welche die Vorkultur verkörpert [7]. Sedych hingegen verbindet die Bedeutung der Schafmütze direkt mit den Tieren, dem Leben und der Natur und behauptet, sie sei das Symbol der Selbsterkenntnis [22, S. 19].

Strophe 3. Gasparov's Interpretation: Die vorkulturelle Welt wird primitiv und wird direkt von der Natur belehrt. Artem'eva unterstreicht die Bedeutung von der Höhe [2, S. 93] (in der ersten Strophe war es der Sternenhimmel, in der dritten wird sie durch die Bergenhöhe verkörpert). Der Protagonist strebt nach oben, die Zeilen strahlen Dynamik aus: Es wird eine Bergwanderung unternommen. Und unter den Bergen wird laut Gasparov der Fels von Deržavins Portrait [7] verstanden, der die Natur verkörpert. Gasparovs Ansicht zu der 2. Strophe lautet: die Vorkultur lernt von der Natur, die Dörfer haben noch kein kulturelles Gedächtnis: „*voda ich točit, učit vremena*“ [7].

Strophe 4. Gasparov's Interpretation: Die Nacht tritt als Trägerin der Griffelwissenschaft voran. Der Tag wird gefährlich und feindlich. Gasparov merkt in dieser Strophe an, dass der freundliche Himmel für Mandel'stam kein Nachthimmel, sondern der Himmel im Tageslicht bedeutet [6, S. 59]. Der sterbende Tag schließt sich mit der Erscheinung der Nacht- dem „*koršun*“ ab. Der Geier wird als kein positiver Begriff betrachtet (wird hierbei nicht positiv), sondern als ein abscheulicher aafressender Vogel wahrgenommen. Hier zieht Artem'eva die Parallelen zu der sowjetischen Realität, in der der Raubvogel-Staat seine hilflosen Opfer nachts gejagt hat. Paradoxerweise stellt diese räuberische Nacht auch die Zeit der Inspiration dar, die dem Dichter „*gorjashschij mel*“ bringt und die Worte in „*videnja*“ zu verwandeln hilft [2, S. 178-179]. Der inspirierte Dichter bricht die Nacht, die ihm als Schreibinstrument gegolten hat. Artem'eva hebt hier die Metonymie hervor: Nacht – Kreide, Nacht – ein Mittel für das Schreiben von Gedichten.

Strophe 5. Gasparov's Interpretation: Der hungrige Zeitenfluss nimmt den gefährlichen Tag mit. Nach Sedych tritt Mandel'stam wieder als „*dvurušnik*“ auf: „*igra v babki*“ ruft einerseits die Erinnerung an Pseudodimitrij hervor, andererseits ist sie mit dem Epitheton „*zart*“ verbunden [22, S. 21], wobei der „*Tod*“ für „*Leben*“ hierbei steht.

Strophe 6. Diese Strophe stellt laut Gasparov den Beginn des Schaffens dar [7]. Die Nacht wird von dem kulturellen Gedächtnis belehrt. Unter „*styk*“ wird von Artem'eva der Prozess des Schaffens verstanden, der eine Grenze zwischen der alten und der neuen Weltanschauung darstellt [2, S. 181]. Von Musatov wird „*styk*“ als die Gegenüberstellung von „*Tag*“ und „*Nacht*“ wahrgenommen [19, S. 278]. Er stimmt Gasparov nicht zu [6] und vertritt die Meinung, dass Lermontov eine Poesie

verkörpert, die die Welt organisiert. Unter „*styk*“ von Stein und Wasser, Fingerring und Hufeisen wird von Musatov außerdem die Harmonie des Weltalls verstanden.

Strophe 7. Gasparov's Interpretation: Der Kampf gegen die Nacht wird erfolgreich. Mandel'stam spielt in dieser Strophe auf seine Gegenwart an. Er spricht über seine Stellung in der Poesie, er spürt die Problematik seiner Bestimmung, die im Kampf besteht [2, S. 182]: „*my tol'ko s golosa pojmem, / Čto tam tsarapalos', borolos*“. Unter „*očerstvlenie*“ wird von Musatov die Sklerose verstanden, dabei bekommt die Nacht eine positive Bewertung [19, S. 277], dessen ungeachtet, dass die Nacht ein „Geier“ ist. Deswegen ist das lyrische Subjekt ein „*dvurušnik*“ und durch „*šum*“, „*stroj*“, „*strepet gnevnyj*“ wird der Sieg über die Nacht bezeichnet. Laut Mandel'stam hat die Poetik des Gedichts G.O. einen relativen Charakter, welcher in seinen Artikeln *Devjatnadtsatyj vek* und *Slovo i kul'tura* behandelt wird.

Strophe 8. Gasparov's Interpretation: Derjenige wird erfolgreich, der der Natur zur Hilfe kommt. Die achte Strophe wird von Artem'eva folgendermaßen interpretiert: Der Protagonist (Artem'eva nennt ihn zweifellos „Dichter“ im Sinne von Osip Mandel'stam) stellt an sich die Frage, wer er ist und gibt die Antwort, dass er nicht derjenige ist, der in seinem Zeitalter gebraucht wird, er besitzt keinen nützlichen Beruf. Er ist „*dvurušnik* mit doppelter Seele“. Das Wort „*dvurušnik*“ muss erläutert werden, weil es eine der wichtigsten Begriffe dieses Gedichtes ist. Nach Ožegov wird „*dvurušnik*“ folgenderweise definiert: „ein Mensch, der vortäuscht, jemandem/etwas treu zu sein, und handelt der feindlichen Seite zugunsten“ [20, S. 154]. Die feindliche, dunkle Seite wird laut Artem'eva durch die alte Welt verkörpert. Die alte Welt wird mit Hilfe des Bildes eines bunten Tages illustriert, der wie eine tote Hornisse weggefegt wird [2, S. 178]. Diese Zugehörigkeit zu beiden Welten – der Welt der Nacht und der Zeit des Tageslichts, der Welt von gestern und von morgen, - wird mit Hilfe des umstrittenen Wortes „*dvurušnik*“ angedeutet. Gorodetskij vertritt die Meinung, dass die Bedeutung von „*dvurušnik*“ zeitgemäß im Jahre 1923 nur das Doppelspiel bedeutet hat und keine politischen Ansprüche hatte [8, S. 159]. Erst in 30er Jahren wurde dieses Wort negativ konnotiert und aus Furcht vor Stalins „Arbeitslagern“ kaum verwendet [8, S. 160]. Als Nächstes wird der Begriff „*zastrel'sčik*“ definiert. Bei Ožegov wird folgende Bedeutung dieses Begriffs angeführt: Derjenige, der irgendeine Sache beginnt [20, S. 220]. Dies gilt als Beweis der Meinung von Gasparov, dass Mandel'stam eine innere Krise in dem Moment des Schreibens des Gedichts G.O. erlebt und sich als Pionier der neuen literarischen Richtung fühlt [7]. Genau in dieser Strophe kommt das Bild von Jesus vor: „*blažen, kto nazывal*“, „*blažen, kto zavjazal*“ sind die Worte aus der Bergpredigt (daher kommen auch der Berggarten und die Predigt von dem „*otves*“ („Steilhang“)) [7]. Die Darstellung von dem Berggürtel, der zusammengebunden wird, weist auf das Treffen von Jesus und dem Messias hin. Sedych lehnt die biblische Bedeutung ab und stellt die Verbindung mit goethischen Neptunisten fest [22, S. 17].

Strophe 9. Gasparov's Interpretation: Zwei Oppositionen werden unterschieden: *kremen'-voda*-Natur, *persten'-podkova*-Kultur (Natur vs Kultur, Statik vs Dynamik). „*I ja hoču vložiti persty / V kremnistyj put' iz staroj pesni*“ wird als Hinweis auf die Unsterblichkeit wahrgenommen [7]. Eine interessante Ansicht bezüglich des Fingerrings mit dem Hufeisen hat Sedych, von dem gemeint wird, dass diese Bilder

einen direkten Hinweis auf Goethes Mefistofeles bilden [22, S. 17]. Diese Meinung wird neutral betrachtet, aber ihre Bedeutung wird als wichtig wahrgenommen: Nach Sedych ist der Fingerring dem Zeitenfluss und der Luft gegenübergestellt und wird als Attribut der dämonischen Kräfte betrachtet.

Weitgehend werden beide Varianten des Gedichtes nach den Motiven „Licht“ und „Dunkelheit“ untersucht. Zunächst werden kurz die Begriffe erläutert oder in Verbindung mit den früheren Erläuterungen weiter ergänzt, die in der vorliegenden Arbeit noch nicht angesprochen oder teilweise angesprochen worden sind:

Unter „persten“ („Fingerring“) werden die Geschichten über die Massengrabaufbrechen auf dem Friedhof des Danilov Klosters [1, S. 29] verstanden. Die näheren Informationen dazu sind bei Lidin V. im Artikel *Perenesenie pracha N.V. Gogolja* zu finden. Der Fingerring gehört zum Licht und gilt als Talisman der Poesie [1, S. 29]. Unter „sdvig“ wird von Musatov eine bevorstehende geologische Katastrophe verstanden [19, S. 276], die unvermeidlich ist, wenn man die Berge nicht mit einem Gürtel zusammenbindet. Die semantischen Oppositionen haben einen ambivalenten Charakter, zum Beispiel unter Tag wird ein „mërtvyj šeršen“ verstanden, wobei die Nacht einen positiven Charakter trägt. Die Bilder von Städtchen, Kirchen und Dörfern werden von Mandel'stam zu den hellenischen Bildern gezählt [17, S. 146]. „Prozračnyj“ ist das beliebte Epitheton von Mandel'stam, welches die Begriffe bestimmt, die eigentlich nicht durchsichtig sind (das Wort „les“ wird in der Wahrnehmung der russischsprachigen Personen eher als „dremučij“, also nicht durchsichtig, sondern dicht, definiert. Mandel'stam mit seiner Vorliebe zu Paradoxem nimmt hier erneut die Rolle des Doppelzünglers ein und macht den Wald durchsichtig. Die Pflanzen im Gedicht G.O. gehören laut Amelin zum Licht und verkörpern die Boten des lebenden Donners, sie sind mit dem Stein und dem Blitz verwandt [1, S. 29]. In verschiedenen Entwürfen von G.O. werden von ihnen diverse Form angenommen: Garten, Weinlese, Weingarten, Wald, Frucht, Weintraube u.a. Nach Surat ist „vinograd“ die Metapher, welche bei Mandel'stam die Poesie bezeichnet, welche als erste im G.O. erschienen ist [24, S. 162]. Außerdem wird Weintraube von Amelin und Morderer mit dem literarischen Vorfahren von Mandel'stam (Deržavin) in Verbindung gesetzt: Dies erinnert an die Sage von Krylov [9, S. 224-227], in der Deržavin als listiger Fuchs auftritt [1, S. 44]. In einem Entwurf von „G.O.“ erscheint Derzhavin außerdem in der Form eines Geiers [1, S. 45]: „Noč, zolotoj tvoj kipjatonok / Stervjatnika ošparil gorlo / I jastrebinyj tvoj želtok / Gljadit iz kamennogo gorla“ [15, S. 533].

Die Analyse ist zum folgenden Ergebnis gekommen: Die Zahl der Motive des Lichts und der Dunkelheit in der letzten Fassung, die im Jahre 1923 verfasst wurde, steht ungefähr 5 zu 3. Vergleicht man die letzte mit der Bearbeitung vom 1937, hierbei wird jedoch die 7. Strophe ausgelassen, kann festgestellt werden, dass der Kampf des Protagonisten gegen die Nacht keine Rolle mehr spielt. Mandel'stam gibt auf, gegen das System zu kämpfen; er hat aufgehört zu „kratzen“. Im Laufe dieser vierzehn Jahre (1923-1937) hat sich vieles in seinem Leben und auch seiner Umgebung verändert. Das Wort „dvurušnik“ verliert ihre ursprünglich positive konnotative Bedeutung und wird eher als Urteil verwendet. Nach einem Jahr ist Mandel'stam in einem Arbeitslager (dem Sinne nach „Todeslager“) gestorben. Ob er

geahnt hat, was ihn erwartet, und deswegen seinen Kampf gegen das Regime, gegen die ihm fremd gewordene Gesellschaft beendet hat, ist bis jetzt unklar und eröffnet eine gute Möglichkeit für weitere Forschung. Die durchgeführte Analyse der Motive wird als keine unumstößliche Feststellung betrachtet, weil die Haltung von Mandel'stam zu den analysierten Begriffen unbewiesen bleibt und nur wissenschaftliche Behauptungen repräsentiert.

Literaturverzeichnis

- 1 Amelin G. G. : Morderer V.J. Miry i stolknovenija Osipa Mandel'stama. Moskva - St.- Petersburg : Jazyki russkoj kul'tury 2000.
- 2 Artem'eva G. Kod Mandel'stama. Moskva : Astrel' 2012.
- 3 Baines, J. «Mandel'stam's Грифельная ода: A Commentary in the Light of the Unpublished Rough Drafts» // Oxford Slavonic Papers, New Series 1972. - S. 61-82.
- 4 Deržavin G. R. Stichtovorenija. Moskva : Pravda 1983.
- 5 Gasparov M. L. Graždanskaja lirika 1937 goda. Moskva : RGGU 1996.
- 6 Gasparov M. L. "Grifel'naja oda" Mandel'stama: istorija teksta i istorija smysla. URL : http://www.rvb.ru/philologica/02rus/02rus_gasparov.html (дата обращения 3.03.2016 г.)
- 7 Gasparov M. L. Priroda i kul'tura v «Grifel'noj ode» Mandel'stama. URL : <http://magazines.russ.ru/arion/1996/2/gasp-pr.html> (дата обращения 3.03.2016 г.)
- 8 Gorodetskij L. «Dvurušnik ja, s dvojnoj dušoj» // Voprosy literatury, Nr. IX-X. Moskva 2009. - S. 152-166.
- 9 Krylov I.A. Polnoe sobranie basen Krylova. S.-Peterburg-Moskva : Izdanie tovarishchestva M.O. Wolf 3 1912, S. 224-227.
- 10 Kues, N. von. De docta ignorantia. Die belehrte Unwissenheit. Buch I. Hoffmann E., Wilpert P. (Hg.). Hamburg : Felix Meiner Verlag 2002.
- 11 Lermontov M.Ju. Stichi. Poëmy. Moskva – Leningrad : Gosudarstvennoje izdatel'stvo detskoj literatury 1942.
- 12 Lichačëv D.S. : Romanov B.A. Povest' Vremennyh let. Teil 1. Text und Übersetzung. Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR 1950.
- 13 Mandel'stam E. E. Vospominanija // Novyj mir, Nr. 10. Moskva 1995. - S. 119-178.
- 14 Mandel'stam N. J. Vospominanija. Moskva : Kniga 1999.
- 15 Mandel'stam O. Sobranie sočinenij in vier Bänden. Band 2. Moskva : Art-BiznesCentr 1993.
- 16 Mandel'stam O. Polnoe sobranie sočinenij in drei Bänden. Band 1. Moskva : ProgressPlejada 2009.
- 17 Mandel'stam O. O prirode slova // Russkaja literatura, Nr. 4. Moskva 2006. - S. 140-149.
- 18 Metz A.G. Osip Mandel'stam i ego vremja: analiz tekstov. St.-Petersburg : Internet Verlag². 2011. - S.153-207.
- 19 Musatov V. Lirika Osipa Mandel'stama. Kiev : Nika-Centr 2000.
- 20 Ožegov S. I. : Shvedova N.Ju. Universalwörterbuch der russischen Sprache; 80000 Wörter und phraseologische Ausdrücke. Moskva : OOO „A TEMP“⁴2006.
- 21 Štain K. Ė. : Bajramukov R.M.; Petrenko D.I. Tri veka metapoëtiki : Legitimatsija diskursa. Stavropol : Izdatel'stvo Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta 2002.
- 22 Sedych G. I. Opyt semantičeskogo analiza «Grifel'noj ody» O. Mandel'stama // Filologičeskie nauki, Nr. 2. Moskva 1978. - S. 13-25.
- 23 Semenko I .M. O černovikach «Grifel'noj ody» // Poëtika pozdnego Mandel'stama. Moskva 1997. - S. 6-30.
- 24 Surat, I. Žertva // Novyj mir, Nr. 7. Moskva 2008. - S. 152-174.
- 25 Venevitinov D.V. Polnoe sobranie sočinenij. Moskva : Academia 1934.

OLGA MARAL
(Vienna, Austria)

**THE MOTIFS OF LIGHT AND DARKNESS IN *GRIFEL'NAYA ODA* BY
MANDELSHTAM**

Abstract: The representation of the motifs "light" and "darkness" in the literary discourse are nowadays very important in the context of the ever-increasing interest in text-immortal and hermeneutical analyzes. The object of the investigation in the present work is the poem *Grifel'naya oda* by Osip Mandel'shtam. The aim of this work has been concretized in the following tasks: to define the motifs of light and darkness and its position in literary science; to analyze the poem and the parallels to the life of Mandel'shtam.

Keywords: motif, light, darkness, Osip Mandel'shtam, *Grifel'naya oda*.

Е.Н. ГАЛИЧКИНА
(Астрахань, Россия)

АББРЕВИАЦИЯ В АКТУАЛЬНОЙ И СЕТЕВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются номинативные процессы в современной компьютерной коммуникации. Особое внимание уделяется аббревиации как активному номинативному процессу в актуальной и сетевой компьютерной коммуникации. Выявляются разные типы аббревиатур применительно к актуальной (вне сети) и сетевой коммуникации, а также рассматриваются их отличительные особенности.

Ключевые слова: компьютерный дискурс, номинативные процессы, аббревиация.

Компьютерная коммуникация стремительно развивается на современном этапе. Объединение компьютерной сети в мировое пространство пользователей привело к цивилизационному сдвигу в истории человечества. Лингвисты активно изучают изменения в нашем повседневном поведении, обусловленные революцией в области информационных технологий: обоснован лингвистический статус интернет-общения как особого типа дискурса [6]; охарактеризованы технические параметры компьютерно-обусловленной коммуникации [16]; описаны структурно-семантические особенности интернет-вокабуляра и его типовые участники [2; 11]; детально описаны жанры компьютерного общения, такие как интернет-конференция [3; 4], форум [9], чат [12; 14], интернет-дневник [13; 15], персональные объявления в Интернете [7]; обсуждаются функционально-игровые характеристики компьютерного дискурса [1]. Вместе с тем, дискуссионными являются вопросы знаковой организации компьютерного общения.

Существует два типа коммуникации при помощи компьютера – актуальная и сетевая [5, с. 30]. Актуальная компьютерная коммуникация – это профессиональное общение специалистов и пользователей в сфере информатики, программирования, производства компьютеров и программного обеспечения без выхода в сеть Интернет. Такое взаимодействие можно обозначить как компьютерный дискурс, включающий профессионально ориентированные тексты, которые создаются и которыми обмениваются профессионалы и пользователи преимущественно вне сети. Сетевой тип компьютерной коммуникации – это общение посредством сети Интернет. В данном случае речь идет о «Интернет-дискурсе», порождающем бесконечное многообразие текстов разножанровой направленности [5, с. 30].

Как любой тип коммуникации, компьютерное общение не может осуществляться без поддержки сугубо языковых/речевых процессов, в особенности без поддержки процесса номинации. В его недрах постоянно происходят акты именованья, образуются языковые единицы, служащие для именованья и вычленения фрагментов действительности, формирования

соответствующих понятий о них в форме лексем, словосочетаний, фразеологизмов, предложений.

Особое место в актуальной и сетевой коммуникации занимает процесс аббревиации. Важность аббревиации в актуальной компьютерной коммуникации обусловлена требованиями технологизации и терминологизации профессиональной коммуникации. Создание программного обеспечения сопряжено с его быстрой разработкой и внедрением, так как цель компьютерщика-разработчика – опередить конкурентов. Использование аббревиатур в письменном взаимодействии пользователей сети Интернет связано с реализацией принципа экономии языковых средств [10, с. 145-155] и компрессивной функцией языка [8, с. 120]. В целом аббревиация является эффективным способом словообразования, особенности которого отражают и в современной компьютерной коммуникации.

Аббревиатуры в англоязычной актуальной компьютерной коммуникации можно разделить в соответствии с их профессиональной ориентацией на два типа: аббревиатуры технологических процессов и элементов компьютерной техники и аббревиатуры, связанные с программным обеспечением и работой программ. К первому типу отнесем аббревиатуры, номинирующие собственно компьютерную технику и средства ее создания. Назовем некоторые из них: **PC** (*personal computer* – персональный компьютер); **ACS** (*asynchronous communication server* – сервер асинхронной связи); **BX** (*Box* – компьютерный блок, модуль, стойка для сборки компьютера; коробка, ящик); **CF** (*Compact flash* – жесткий носитель информации, «флешка»); **CAM** (*Computer-Aided Manufacturing* – автоматизированное производство); **FD** (*Floppy disc, floppy disk* – дискета; гибкий диск); **UPS** (*Uninterruptible Power Supply* – источник бесперебойного питания) и др. Ко второму типу относим аббревиатуры, номинирующие программы, их элементы и технологии, используемые в разработке программного обеспечения.

Среди прочих аббревиатур, относящихся ко второму типу, нами зафиксированы наименования программ, физических процессов и технологий, используемых в компьютерной деятельности и вовлекаемых в актуальную компьютерную коммуникацию: **ACS** (*Access Control System* – система контроля доступа); **BFT** (*Binary file transfer* – передача двоичных файлов); **BIOS** (*Basic Input-Output System* – базовая система ввода-вывода); **HTML** (*Hyper Text Markup Language* – язык разметки гипертекста); **MAP** (*Messaging Application Program/ing* – прикладное программирование систем передачи сообщений (электронной почты)) и др.

Отличительная особенность аббревиации в сетевой компьютерной коммуникации – это сокращение не только терминов, но и часто употребляемых в разговорной речи словосочетаний и целых предложений. Например: **DM** = direct message (to send someone a direct message via Twitter): *He DMs him all the time*; **NGL** = not gonna lie: *NGL, I've been on 'vacation' for 4 months but really it's only been August that has felt like a well spent month of vacation*; **OP** = original poster (used to denote the first person who writes on an online thread): *Because of your link, people started replying to the OP*; **TL**; **DR** = too long, didn't read: *TL; DR ... why*

don't you give up on your unabridged edition of War and Peace or at least stop posting here?; TTYL = talk to you later: Anyway, gotta run now! TTYL; TBF = to be fair: I don't know what you are talking about, TBF и др.

В отличие от обычных аббревиатур, где используются начальные буквы только полнозначных слов, в рассматриваемых аббревиатурах представлены также и служебные слова: союзы (**AFAIK** = *As Far As I Know*); предлоги (**LMIRL** = *Let's Meet In Real Life*); личные и притяжательные местоимения (**SYS**= *See You Soon*; **AML**= *All My Love*). Артикль обычно обозначается первой буквой. Например: **AAMOF** = *As A Matter Of Fact*; **HAGN** = *Have A Good Night*; **OTOH** = *On The Other Hand*.

Среди рассматриваемых аббревиатур встречаются номинативные формы (**BTW** = *By The Way*); глагольные повелительные формы (**FITB**= *Fill In The Blank*); утвердительные и вопросительные предложения (**IANAL** = *I Am Not A Lawyer*; **AWGTHGTATA** = *Are We Going To Have To Go Through All This Again?*); сложноподчиненные предложения (**PMYMHMMFSWGAD** = *Pardon Me, You Must Have Mistaken Me For Someone Who Gives A Damn*).

Буквенные аббревиатуры в сетевой компьютерной коммуникации могут включать от 2 до 13 букв. Каждая буква заменяет собой слово. В результате получаются буквенные последовательности, которые невозможно прочитать. Но они и не предназначены для чтения, так как их смысл хорошо известен участникам компьютерного общения.

Представляется возможным выделить еще ряд особенностей, представленных единичными примерами:

- **BD** = birthday – одно слово обозначено двумя буквами;
- **CUL**= *See You Later* – вместо первого слова используется буква, звучание которой омонимично данному слову;
- **2day** = *today* / [tu]+day– вместо первого слога используется цифра, звучание которой омонимично данному слогу;
- **H8** = *hate* / h+[eit] – комбинированный способ, когда вместо части слова используется омонимичный по звучанию символ (цифра, буква или какой-то знак). Например: **i h8 it** = *I hate it*/Ненавижу это.

Поскольку общение в компьютерной сети происходит преимущественно в письменной форме, акронимы представлены немногочисленными примерами: **KISS** = *Keep it Short and Simple* или *Keep It Simple Stupid*; **MOOC** = *massive open online course* (an online course that anyone can do and that is geared towards large numbers of students); **SOLE** = *self-organized learning environment* (an environment in which learners use technology to teach themselves collaboratively without a teacher): *An excellent SOLE Toolkit is available to download for free from the TED website, which provides a framework for primary school children between the ages of 8-12 years old.*

Отметим тенденцию к переходу некоторых аббревиатур в акронимы. Например: **SYSOP** = *System Operator*; **LOL** = *Laughing Out Loud* или *Lots of Laughter*. Встречаются также случаи, когда акронимы образованы сочетанием сокращения первого или двух первых членов фразы с последним членом,

который не подвергался никакому изменению, например: *E-mail* = *Electronic-mail*/Электронная почта.

Таким образом, изучив ряд текстов различных компьютерных форумов, можно прийти к выводу, что в компьютерной коммуникации наиболее частотны аббревиатуры, прототипом которых служат не только словосочетания, но и целые предложения. Длина их может быть от двух до тринадцати букв. Их особенность – нефонологичность, невозможность их произнести, поскольку они предназначены для письменного общения. Акронимы и усечения встречаются значительно реже. Используются специфические формы сокращений: замена слова или его части омонимичным по звучанию наименованием буквы или цифры.

Список литературы

- 1 Антонова С. Н. Функционально-игровой аспект становления компьютерного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 21 с.
- 2 Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 36 с.
- 3 Вавилова Е. Н. Жанровая классификация дискурса телеконференций Фидонет : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2001. – 21 с.
- 4 Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 21 с.
- 5 Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство : монография. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 322 с.
- 6 Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. – Орел : Картуш, 2007. – Вып. 5. – С. 223-237.
- 7 Громова В. М. Конструирование идентичности в Интернет-дискурсе персональных объявлений : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007. – 21 с.
- 8 Инфантова Г. Г. Об экономии в языке // Филологические этюды. Языкознание. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1976. – Вып. 2.
- 9 Кондрашов П. Е. Компьютерный дискурс: социологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2004. – 21 с.
- 10 Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М. : Наука, 1981. – С. 16.
- 11 Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса : монография. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 477 с.
- 12 Овчарова К. В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования : дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 240 с.
- 13 Новикова Е. Г. Языковые особенности организации текстов классического и сетевого дневников : дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 225 с.
- 14 Шкапенко П. В. Специфика реализации прагмалингвистических принципов в интернет-дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. – Калининград, 2008. – 229 с.
- 15 Школовая М. С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации : дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 174 с.
- 16 Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2011. – 40 с.

E. GALICHKINA
(Astrakhan, Russia)

ABBREVIATION IN ACTUAL (OFF-LINE) AND INTERNET COMMUNICATION

Abstract: Nominative processes of modern computer communication are considered. Special emphasis is laid on abbreviation as the most widely spread phenomena. Different types of abbreviations used in actual (off-line) computer communication and Internet communication have been highlighted.

Keywords: computer discourse, nominative processes, abbreviation.

Е.А. ДЕНИСОВА, Ю.И. ЛАПИНА
(Санкт-Петербург, Россия)

КОДОВОЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА» (JOHN FOWLES «THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN»))

Аннотация: В данной статье рассматривается явление кодовых переключений в речевой деятельности писателя-билингва Дж. Фаулза и его персонажей в литературном произведении XX века «Женщина французского лейтенанта» (John Fowles «The French Lieutenant's Woman»).

Ключевые слова: кодовое переключение, билингвизм, полилингвизм, авторский идиостиль, языковая картина мира.

С каждым годом в мире становится все больше и больше полилингвов – людей, владеющих двумя и более языками, поэтому вопрос билингвизма и переключения кода становится более интересным для изучения. Изучение людьми иностранных языков является следствием процесса глобализации и языковых контактов, обусловленных процессами динамического развития современного общества и расширением межнациональных контактов в мировом сообществе. Владение несколькими языками влияет на видение мира человеком-билингвом, меняется его языковая и художественная картина мира, речевое поведение и стиль общения. Таким людям свойственно переключать языковой код, то есть переключаться с одного языка на другой в зависимости от речевой ситуации, собеседника, языка, на котором он говорит, и темы разговора. Большой интерес представляет чтение произведений писателей-билингвов. Их манера выражать свои мысли и описывать ситуации отличается от представителей литературного мира, владеющих или использующих в своих работах только один язык. В данной статье рассматривается явление кодовых переключений в речи билингвов, а именно речевая деятельность писателя-билингва Дж. Фаулза и его персонажей в литературном произведении XX века «Женщина французского лейтенанта» (John Fowles «The French Lieutenant's Woman»).

В действительности термин «переключение кодов» определяется различными лингвистами и исследователями по-разному, но существует и трактовка этого понятия в широком смысле. Переключение кодов – это использование билингвами единиц, относящихся к разным языковым системам.

Так, О.Т. Йокояма придерживается мнения, что переключение кодов – это выбор между синонимичными альтернативами, определенной дискурсивной ситуацией, условиями, при которых происходит общение, отношениями между коммуникантами и самой их личностью, социальной, психологической и когнитивной. И этот выбор кода не всегда делается говорящим осознанно [3, с.137]. В свою очередь, К. Майерс-Скоттон разграничивает выбор кода при переключении на «маркированный» и «немаркированный». При последнем говорящий старается следовать правилам речевого поведения, установившимся в языковом сообществе, и переключается в соответствии с ожиданиями слушающего. Маркированное же переключение имеет место в том случае, если говорящий сознательно производит переключение таким образом, что слушающий воспринимает это как отклонение. Таким образом, кодовое переключение в условиях языкового контакта – это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации. Подобное явление чаще всего можно встретить в обществах, где активно используется два и более языков [6, с. 260].

Многие лингвисты полагают, что маркированное переключение кодов имеет место в том случае, если говорящий не может найти слов, чтобы выразить свои мысли на одном языке, поэтому прибегает к словам другого с целью восполнить этот недостаток. Непроизвольное переключение кодов может свидетельствовать о том, что говорящий устал, чем-то расстроен или отвлечен. С другой стороны, способность к переключению кодов говорит о высокой степени владения языком и об определенной коммуникационной культуре человека. Эта способность делает общение более комфортным и обеспечивает взаимопонимание между двумя коммуникантами. Билингвы распределяют использование языков, которыми они владеют, в зависимости от условий общения, то есть в официальной обстановке используется один язык, а в быту и обиходе, как правило, другой. Переключение кода также может быть связано со сменой собеседника, говорящего только на одном из языков, которыми владеет данный билингв, он вынужден переключить код, чтобы сделать дальнейшее общение возможным. Смена роли говорящего, однако, немаловажный фактор, человек может использовать при общении с семьей один язык, а на работе или при общении с властью – другой.

Бесспорно, тема общения тоже влияет на выбор кода. Производственные и научные темы специалисты обычно обсуждают на том языке, в котором есть слова для обозначения особых процессов и соответствующая терминология для обозначения устройств и приборов. Однако как только тема меняется на бытовую, говорящие начинают использовать другой код: свой родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе в таком случае участники коммуникации переключаются на более неформальный стиль общения в рамках того же самого языка [2, с. 28-29].

Билингвы нередко используют *переключение кодов* в качестве «социолингвистического средства» или «приема» для достижения следующих целей: для выражения солидарности говорящего с определенной социальной группой; для исключения из разговора нежелательных слушателей; для выражения отношения говорящего к слушателю; для произведения на слушателя впечатления [1, с. 64-66].

Как и многие другие писатели XX века, Джон Фаулз в своем романе «Любовница французского лейтенанта» использует не один язык, а несколько. Это обусловлено тем, что сам автор являлся полилингвом, владел несколькими языками: английским, французским, немецким и латинским. Главы его романа пестрят словами, заимствованными из других языков, иноязычными вкраплениями и экзотизмами, а герои в своей речи переключаются с английского языка на французский и латынь, как и сам автор, когда повествование ведется от его лица. Это связано с авторским идиостилем Джона Фаулза и тенденцией у писателей XX века использовать несколько языков – переключать код при написании своих произведений.

Главный герой Чарльз Смитсон – талантливый ученый-палеонтолог аристократического происхождения, в своей речи как основной язык использует английский, но в зависимости от ситуации можно наблюдать переключение на французский или латинский. Латынь он в основном использует, когда дело доходит до обсуждения его горячо любимой науки – палеонтологии, для наименования окаменелостей и других древних обитателей планеты Чарльз использует латинские (оригинальные) названия. Например, в романе можно встретить следующие наименования: *Echinodermia* (лат.) – иглокожие, *Ichthyosaurusplatyodon* (лат.) – плоскозубый ихтиозавр, *Isocrina* – группа морских лилий.

Сара Вудраф – «любовница французского лейтенанта», получившая неплохое образование, гувернантка, владеет французским языком в силу своей профессии. В романе сказано, что практически все гувернантки говорили по-французски, это входило в их обязанности. Речевое поведение Сары порой допускает вкрапления и переключения на французский язык в процессе общения, автор при описании ее поведения переключается на латинский и французский языки. Использование автором и героями французского языка обусловлено статусом французского языка в Англии в XX веке – он являлся вторым языком, был обязательным для изучения в школах, французским языком владели люди разных профессий.

Эрнестина Фримен – девушка Чарльза, с которой он помолвлен, по происхождению она является дочерью успешного коммерсанта, во время романа гостит у своей тетушки Трентер, потому что ее родители вбили себе в голову, что она предрасположена к чахотке. Эрнестина мечтает о семейной жизни, Чарльз понимает, что она влюблена скорее в идею своего замужества, чем в него. Эрнестина – типичная представительница нового буржуазного мирка и избалованная девушка. В своей речи Тина не использует иностранные языки, то есть говорит только на английском, но автор романа часто использует иностранные слова, когда описывает ее поведение и внешний вид.

При повествовании от лица автора присутствуют переключения на французский, латинский и итальянский языки. Как правило, иноязычные включения имеют место быть при описании поведения героев в различных ситуациях. Например, в ситуации, где Чарльзу приходилось выслушивать «...ехидные замечания Эрнестины sottovoce», присутствует итальянское словосочетание «sottovoce», означающее «шепотом».

В описании отношения миссис Поултни к священнику сказано, что оно было непоследовательным и странным, поскольку священник – представитель Господа Бога, и ей надлежало метафорически преклонять перед ним колени, поэтому «...она смотрела на него то dehautenbas, то debasenhaut» (фр. то снизу вверх, то сверху вниз).

В романе автор регулярно переключает код с английского языка на латынь (использует научные латинские термины и крылатые латинские выражения), когда речь идет о палеонтологии, биологии и прочих науках. Причиной тому – традиции. В Европе в средние века и эпоху Возрождения латынь была универсальным языком науки и дипломатии. Положительный эффект использования единого языкового кода для обозначения видов животных и других научных терминов заключается в том, что ученые всего мира без труда могут понять о чем именно идет речь, зная название того или иного организма (термина) как на латыни, так и на своем родном языке. Латинский – язык межнационального общения ученых всего мира. Когда его используют специалисты, он позволяет выражаться кратко и точно. В данном произведении переключения на латынь происходят в основном в речи автора и главного героя – палеонтолога Чарльза. В своей речи и размышлениях он употребляет следующие латинизмы (свойственные латинскому языку слова и обороты речи). Названия минералов: certhidiumportlandicum – оолит из Портленда. Названия организмов: ichthyosaurusplatyodon – плоскозубый ихтиозавр; echinodermia – иглокожие; echinocorysscutedata – морской ёж. Названия растений: isocrina – группа морских лилий. Другие термины: testa – панцырь; scalanaturae – лестница природы; homosapiens – человек разумный; physiognomy – физиогномия; statusquo – текущее или существующее положение дел; infragrantedelicto – юридический термин, означающий, что преступник был пойман во время совершения преступления; claustrophobia – боязнь замкнутого пространства; melancholia – меланхолия; primafacie – судя по имеющимся данным [5]. Использование автором научных латинских терминов в романе указывает на образованность и серьезность главного героя. Он очень увлечен палеонтологией и умело ориентируется и в других естественных науках, поэтому он и говорит об иглокожих, окаменелостях, теориях Чарльза Дарвина и прочих не менее интересных вещах, связанных с наукой.

Далее, Дж. Фаулз использует латинские выражения как средства организации связности текста: quodestdemonstrandum (лат.) – что и требовалось доказать; ergo (лат.) – следовательно; exempligratia (лат.) – например; defacto (лат.) – на деле, фактически; inre (лат.) – по делу [5]. Благодаря этим выражениям читатель может с легкостью проследить логическую

последовательность мыслей автора и некоторых героев, поведение или речь которых описывается.

Например, для создания иронии, выражения сарказма и сатирического изображения героев: «...Если бы подобные слова осмелилась произнести какая-нибудь служанка, на нее немедленно обрушился бы *Dies Irae* (лат.) – день страшного суда». Данное высказывание автора говорит читателю, что миссис Поултни – непростой по характеру человек и очень серьезно относится к прислуге, требует уважения к себе, и в случае несоблюдения ими субординации их ждет суровое наказание; «...в писательском ремесле Чарльз усмотрел нечто *infradig* (лат. ниже своего достоинства), а так же нечто, требующее слишком большого труда и сосредоточенности» [5; 4]. Чарльз – палеонтолог. Он слишком умен и серьезен, чтобы писать книги о своем путешествии.

Для создания колорита и атмосферы определенной ситуации или места: «...внезапно он испытал прилив острой тоски по нежно им любимому Винзиетту с его “дурацкими” старыми картинами и нелепой прадедовской мебелью; он бы все отдал за вековую прочность и надежность его стен, за царившую в них атмосферу *savoir-vivre* (фр. умение жить)»; «Он видел, что она не знает, с чего начать, и в то же время эта сцена *alfresco* (ит. на свежем воздухе), никак не вязавшаяся с ее принужденной застенчивостью...»; «Это простодушное *nonsequitur* (лат. отступление от логики) вызвало у доктора Грогана легкую улыбку» [5; 4] – доктор Гроган общается с тетужкой Трэнтер после того, как узнал, что сердце Эрнестины разбито, и миссис Трэнтер так расстроена, что начинает говорить нелогичные вещи.

Для создания достоверной картины определенной эпохи: «We can trace the Victorian gentlemen's best qualities back to the parfit knight sand *preux chevaliers* (фр.) of the Middle Ages» – средневековый храбрый рыцарь; *à lamode* (фр.) *topper* – модный цилиндр [5].

Кодовые переключения в этом произведении придают речи героев и повествованию автора особый характер: иронично передают сложную личность миссис Поултни, достоверно и колоритно изображают обстановку и атмосферу Викторианской эпохи, глубоко погружают в размышления главного героя Чарльза и позволяют проследить логическую последовательность в повествовании автора и речи героев.

Список литературы

- 1 Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2010. – №12. – Т. 6. – С. 63-67.
- 2 Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. – М., 2001. – 439 с.
- 3 Йокояма О. Т. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов» – М., 2005. – 424 с.
- 4 Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / пер. с англ. М. Беккер, И. Комаровой. – М., 2012. – 576 с.
- 5 Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching. – Oxford, Clarendon Press, 1993. – 263 p.

E. DENISOVA, Y. LAPINA
(Saint Petersburg, Russia)

**CODE SWITCHING IN THE BILINGUAL SPEECH (ON THE BASIS OF
THE NOVEL «THE FRENCH LIEUTENANT’S WOMAN»
BY JOHN FOWLES)**

Abstract: The article concerns such linguistic phenomenon as «code switching» in the bilingual speech of John Fowles as the author and his characters in the novel of the 20th century «The French Lieutenant’s Woman».

Keywords: code switching, bilingualism, multilingualism, polylinguism, author’s idiosyncrasy, language representation of the world.

О.С. ДРАГУНОВА
(Курган, Россия)

**ЗАУРАЛЬСКАЯ ЗАГАДКА КАК КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫЙ
ТЕКСТ (ПО РУКОПИСИ СОБИРАТЕЛЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА
А.Н. ЗЫРЯНОВА)**

Аннотация: На основе рукописи собирателя середины XIX века А.Н. Зырянова в статье исследуется зауральская загадка как культурно-маркированный текст. В загадках отражаются реалии повседневной жизни зауральских крестьян, черты национального характера и культура края. Представлена классификация загадок по тематическому принципу.

Ключевые слова: загадки и отгадки, культурно-маркированный текст, традиционная культура, бытовая жизнь крестьян Зауралья.

Источниковедческой базой статьи является рукопись Александра Никифоровича Зырянова «Загадки и отгадки, подслушанные и любимые в Шадринском уезде Пермской губернии», которая в настоящее время хранится в архиве РГО (Санкт-Петербург) [1]. Зауральский собиратель фольклора внес свой вклад в общерусскую сокровищницу произведений устного народного творчества. Выходца из крестьянской семьи особенно привлекали малые фольклорные жанры, широко распространённые среди зауральского населения, – пословицы, поговорки, загадки. Такая избирательность А.Н. Зырянова объясняется, по-видимому, его стремлением сохранить именно локальные тексты – прежде всего такие образцы устной поэзии, которые созданы в Шадринском уезде Пермской губернии и, следовательно, отражают быт и культуру края. В частности, именно ему принадлежит приоритет в собирании одного из любимых в народе жанров фольклора в Зауралье – загадок, которые он причислял к «словесным памятникам языка» [1]. Так, в 1859 году А.Н. Зырянов записал в селе Иванищевское 49 загадок и отправил их в виде корреспонденции в Императорское Русское Географическое Общество. В этом же году 20 загадок из коллекции собирателя были уже опубликованы в I книге «Пермского сборника» [2, с. 129-130].

Необходимо отметить, что до 30-х годов XIX века загадки не были специальным объектом изучения, их собирание осуществлялось в основном в рукописной традиции. Начало собиранию загадок в отечественной фольклористике было положено первым научным трудом по народоведению И.П. Сахарова «Сказания русского народа» (1836 г.), где были опубликованы сто загадок без обозначения местностей их распространения. Постепенно к середине XIX в. складываются научные принципы публикации загадок. О.Н. Говоркова выделяет два типа публикаций, к первому типу относились сборники загадок отдельных собирателей, представляющие материал одного региона или деревни; ко второму типу – сводные сборники, состоящие из материалов разных собраний [2, с. 94]. Именно к таким сборникам относится второе научное издание загадок (731 шт.) фольклориста-этнографа И.А. Худякова «Великорусские загадки» (1861г.). Общерусская антология загадок, составленная И.А. Худяковым, включает в себя все загадки, известные к тому времени по записям и публикациям региональных собирателей.

Необходимо подчеркнуть, что загадки в записи зауральского собирателя А.Н. Зырянова стали одним из источников последнего издания, опубликованного в 1864 году в «Этнографическом сборнике» [6, с. 1-128]. В примечании И.А. Худяков указал на то, что источниками для его сборника послужили «около 530 совершенно новых загадок или новых вариантов из материалов, находящихся в распоряжении Этнографического отделения Географического общества» [6, с. 34]. Собрав 1705 загадок на научной основе, И.А. Худяков разместил их с обозначением местности распространения и в алфавитном порядке.

Варианты загадок в записи А.Н. Зырянова, взятые И.А. Худяковым из архива РГО, размещены в общем списке с пометой «Шадринский уезд Пермской губернии». В результате выборки нами обнаружены следующие варианты загадок, выделенных И.А. Худяковым с зауральским локусом бытования: «Стоит на берегу кобыла, глядит на реку, ржет и жеребенка к себе зовет» (водяная мельница) [6, с. 41], «Маленький, коротенький, повадился в болотинку утят таскать» (гребень) [6, с. 49], «Летом в шубе, зимой в шабуре» (дерево) со сноской И.А. Худякова: шабура – летняя мужская одежда в роде халата (Пермская губерния) [6, с. 52], на с. 77 то же, только отгадка «лес» и помета «Шадринский уезд»; «Кто родился, живот потерял и не изгнил?» (Лотова жена) [6, с. 85], «Когда конь ржал, что весь свет слышал» (о Ноевом ковчеге) [6, с. 85], «Дарья с Марьей видятся, да не сходятся» (пол и потолок) [6, с. 94], «Сорока в куст, Алексей за хвост» (сковорода и сковородник) [6, с. 108], «Что ниже Бога, а выше царя?» (смерть) [6, с. 108], «Плеть плетена, вверх ведена, о сто углов, о тысячу рублей» (церковь) [6, с. 122].

Некоторые загадки в записи А.Н. Зырянова уникальны тем, что имели распространение только на территории Шадринского уезда и не фиксировались в других губерниях. Так, например: «Маленький, коротенький, повадился в болотинку утят таскать» (гребень) [6, с. 49]. Остальные загадки в записи А.Н. Зырянова отнесены И.А. Худяковым к общерусским вариантам загадок и

представлены в общем списке среди загадок, бытовавших на территориях различных губерний Российской империи.

«Любимые» на территории Зауралья загадки отражают поэтическое, художественное видение мира крестьян. Тексты загадок в записи А.Н. Зырянова свидетельствуют о повседневных наблюдениях над окружающим миром вещей, мировоззрении зауральского земледельца, его смекалке, логике, воображении и мудрости. Зауральские материалы свидетельствуют о том, что тематика загадок отразила древнее архаическое мировидение. Благодаря А.Н. Зырянову до наших дней дошли загадки зауральских крестьян, поколениями передаваемые из уст в уста. Играющие немаловажную роль в накоплении и передаче коллективного опыта из поколения в поколение, загадки являются «культурно-маркированными текстами, так как сквозь призму загадки можно проникнуть в образ мышления нации, народы, а также взглянуть на мир глазами носителей этой культуры» [3, с.197]. Ранее, рассматривая малые жанры фольклора в контексте традиционной культуры Шадринского уезда, нами было отмечено, что все тексты, приведенные собирателем А.Н. Зыряновым, имеют «шадринский» (шире – «зауральский») колорит; несут на себе печать культуры края [4, с.12].

Каждая загадка отражает реалии бытовой жизни зауральских поселян середины XIX века. Культурно-маркированные тексты загадок в записи А.Н. Зырянова донесли диалектные особенности края. Особенностью зауральских загадок является лексика, использование диалектизмов, которые явно характеризуют специфику говора, «речения» Зауралья: «Сама нага, а рубашка в пазухе» (свеча и светильно), «У нас в избушке все поползушки» (волоковые ставни), «Весится, болтается, всяк за него хватается» (полотенце) [1].

Загадки иносказательного характера в записи собирателя большей частью состоят из метафорического описания характерных свойств явлений и предметов, используемых зауральцами в быту: «Маленький, коротенький, повадился в болотинку утят таскать» (гребень, чешущий волосы), «Маленький попок сорок ризок оболоч» (кочан капусты), «Сидит на грядке, вся в заплатке. Кто она такова?» (луковица), «Мал Кургуз, всю Сибирь перебил, до царя добрался» (веник, употребляемый в бане), «Плеть плетена, вверх ведена, о сто углов, о тысяче рублей» (церковь), «Лезу, лезу по железу на мясную гору» (салятся верхом на лошадь), «Марья с Дарьей видятся, а не сходятся» (пол и потолок), «Сорока в куст, Алексей за хвост» (сковорода в печь и сковородник за сковороду), «Без рук и без ног, часто молится» (очеп), «У нас под лавкой медвежья лапа» (помело) [1].

Загадки и отгадки в записи А.Н. Зырянова имеют бытовую образность, они тесно связаны с традиционным укладом жизни зауральского крестьянина: «Стоит на берегу кобыла, глядит на реку, ржет и жеребенка к себе зовет» (водяная мельница), «Бежит волчок – выхвачен бочок» (залавок), «Бежит свинья по овину, с обоих концов по рылу» (носилки, коими относят солому), «Бегут два волка, сами в небо глядят» (полозья у саней) [1].

Ранее мы отмечали, что «чаще предмет определяется трудовым опытом человека, движением, работой, и потому преобладают загадки повествовательные. Эти загадки сложены теми, кто сеет, пашет, собирает урожай» [4, с. 13-14]. Круг жизни натурального хозяйства зауральских поселян, соединяющих земледелие со всеми примитивными ремеслами и орудиями труда, – вот о чем свидетельствуют загадки, собранные и записанные А.Н. Зыряновым.

Вопросительные загадки в записи собирателя раскрывают представление о народной аксиологии, иерархии ценностного мира зауральских крестьян: «Что на свете всего милее?» (сон), «Кто на свете всего проворнее?» (вода), «Чему на свете нет ни меры, ни весу, ни цены?» (огню), «Что в ящик не запереть?» (солнышко), «Что ниже Бога и выше царя?» (смерть) [1]. Понять смысл зауральской загадки представляется возможным с помощью звуковых ассоциаций, связанных с загаданным предметом или явлением: «Кто на свете всех голосистее?» (урожай хлебов) [1].

В загадках зауральских крестьян виден особый взгляд на природу и окружающий мир, проявляющийся в описании природных явлений в сравнении с бытовыми, домашними предметами: «Летом в шубе, зимой в шабуре» (лес), «Пан Панович пал на воду, сам не потонул и воды не помутил» (древенной лист) [1].

В следующей загадке о характерном занятии крестьян дана подсказка – привязка описываемого события к Петрову дню, тому времени, когда начинался сенокос в Зауралье: «Прилетел тень на Петров день, стал тень плакать, волосы вьнут, дубрава шумит» (сенокос) [1]. Варианты этой загадки имели распространение в Пермском крае: И.А. Подюков и А.В. Черных привели аналоги, дав разъяснение слову «Тень»: «В загадке о косе, крестьянском орудии для кошения травы, героем выступает некий загадочный Тень: “Прилетел Тень на Петров день, давай плакать. - О чем, Тень, плачешь? - Как мне не плакать: волосы вьнут, дубрава шумит <...>”. Кодировка в данном случае создана нарочито использованной омонимией слов тень – темное место, темный силуэт и тень (чаще тень-тень) – обозначение звяканья» [5, с. 8].

Среди загадок в записи А.Н. Зырянова заметно образное использование терминов родства, когда реалии крестьянского труда, предметы домашней утвари описываются в категории семейных связей: «Какой сын перво матери родился?» (сноп прежде клади), «У нас в избушке тетенькино имя» (кадь) [1].

Отметим, что региональный собиратель А.Н. Зырянов рассматривал малые жанры фольклора в контексте образа жизни, традиций общности, объединенной однородной культурой в определенных территориальных рамках – Шадринском уезде Пермской губернии. Свою главную задачу он видел в репрезентации крестьянской культуры как характеристики ментальности зауральцев – земледельцев. В этом смысле загадки как культурно-маркированные тексты, отмеченные А.Н. Зыряновым в крае, оказываются для него предельно значимыми.

Таким образом, в отобранных и сгруппированных нами по тематическому принципу загадках в записи А.Н. Зырянова отражены:

- 1) нравственные идеалы, черты национального характера;
- 2) орудия труда и занятия зауральских крестьян;
- 3) предметы их повседневной, бытовой жизни;
- 4) внутреннее и внешнее убранство избы;
- 5) выращиваемые крестьянами овощи;
- 6) мир домашних и диких животных;
- 7) взгляд на природу и окружающий мир;
- 8) религиозные представления крестьян.

«Подслушанные и любимые» загадки в рукописной записи А.Н. Зырянова создают колоритный облик зауральских поселян середины XIX века. Локальные варианты загадок Шадринского уезда как нельзя лучше дополняют традицию общерусскую, характеризуя представления зауральского крестьянина о мире и человеке.

Список литературы

- 1 АРГО Зырянов А. Н. Загадки и отгадки, подслушанные и любимые в Шадринском уезде Пермской губернии. – Р. 29. Оп. 1. Д. 45, 1859.
- 2 Зырянов А. Н. Загадки, записанные в Шадринском уезде // Пермский сборник. Повременное издание. Кн. 1. – М. : Типография Лазаревского института Восточных языков, 1859. – Вып. 1. – С. 129-130.
- 3 Говоркова О. Н. Русская народная загадка (история собирания и изучения) : дис. ... канд. филол. наук. – М. – 2004.
- 4 Драгунова О. С. Малые жанры фольклора в контексте традиционной культуры Шадринского уезда (по записям А.Н. Зырянова) // Этнограф, мастер, педагог : Областная этнологическая конференция имени М.Г. Казанцевой : сб. материалов. – Шадринск, 2010. – С.10-19.
- 5 Русские народные загадки Пермского края : сб. фольклорных текстов с комментариями и истолкованиями / сост. И. А. Подюков, А. В. Черных. – СПб. : Издательство «Маматов», 2012. – 256 с.
- 6 Худяков И. А. Великорусские загадки // Этнографический сборник. Вып. VI. – СПб. : Изд-во ИРГО, 1864. – С. 2-128.

O. DRAGUNOVA
(Kurgan, Russia)

THE TRANSURAL RIDDLE AS THE CULTURAL MARKED TEXT (BASED ON THE ZYRYANOV'S MANUSCRIPT (THE MIDDLE OF THE XIX CENTURY))

Abstract: On the basis of the collector Zyryanov's manuscript (the middle of the XIX century) the transural riddle as the cultural marked text is examined in the article. Realities of everyday life of the transural peasants, features of national character and culture of the region are reflected in riddles.

Classification of riddles by the thematic principle is presented.

Keywords: riddles and answers, the cultural marked text, traditional culture, everyday life of peasants in Zauralye.

МЕСТНОГРАФИЧНОСТЬ «ФОЛЬКЛОРНЫХ СТРАНИЦ» В.Г. КОРОЛЕНКО

Аннотация: В статье анализируются проявления влияния фольклора на литературное творчество писателя В.Г. Короленко. Дан обзор циклов произведений, отразивших биографические факты, географическую и этническую определённую в художественных топосах. Выявлены оригинальные фольклорные жанры и методы их творческой обработки в украинских, вятских, якутских, волжских текстах писателя.

Ключевые слова: русская литература, фольклор, Короленко, этнографизм, сравнительное литературоведение.

В.Г. Короленко был самобытным, оригинальным художником слова. При этом его литературное мастерство формировалось с опорой на традиции писателей-предшественников и современников, как отечественных, так и зарубежных. Не обошлось становление и развитие короленковского стиля и слога без влияния на него фольклора.

Проблема фольклоризма творчества писателя не обойдена вниманием короленковедов [1-8, 10-13], но ясно, что эта тема, в сущности, неисчерпаема. Она охватывает различные стороны содержания и формы художественных произведений писателя, связана с его биографией, мировоззрением, эстетическими позициями, лингвистическими взглядами, с психологией творчества и восприятия. Особое значение представляет ярко выраженная региональная определённость «фольклорных страниц» наследия писателя, оказавшегося биографически связанным с различными территориями России и зарубежья.

Знакомство писателя с миром народной поэзии началось на его родине с раннего детства. На Волыни он слушал мелодичные украинские песни, сказки и легенды, анекдоты и небывальщины. Многие из детских впечатлений позднее нашли отражение в его рассказах и очерках («Ночью», «В дурном обществе»).

По своему характеру внимание и интерес писателя к народному творчеству с годами трансформировались. Изначально фольклор привлекал его, прежде всего, с познавательной точки зрения, как источник постижения народных идеалов, миропонимания крестьян, постепенно он стал служить материалом для его собственного творчества, и наконец, наблюдается восприятие и оценка фольклорных источников с научных позиций. В 1890-е гг. Короленко подходит к фольклору как своеобразной форме выражения миропонимания народа в целом и как к выражению его эстетических представлений.

Произведения фольклорного происхождения всегда связаны с местом их бытования, с национальным менталитетом, верованиями и диалектными особенностями языка их создателей и носителей. В творчестве писателя можно выделить несколько циклов, сохраняющих местнографическую определён-

ность, в том числе благодаря фольклорному следу в них: это украинский, вятский, сибирский, волжский, уральский, румынский циклы.

Так, например, вятская ссылка Короленко в Березовские починки Бисеровской волости позволила писателю узнать, как тесно входят в быт крестьян всевозможные суеверия, познакомиться с различными формами народной демонологии. Есть фольклорные элементы в очерке о Глазове «Ненасоящий город», набросках к повести «Полоса», в очерке «В Берёзовских починках». Материалы неопубликованной очеркистики были использованы в «Истории моего современника». Благодаря этому сохранились полные правды и достоверности описания бытования фольклора на северной окраине Вятской губернии – ценное свидетельство об «искорках» народного таланта в этой местности.

В.Г. Короленко проявлял огромный интерес к устному народному творчеству якутов в годы ссылки (1881–1884) и после неё. Он собирал и изучал его, раскрыл богатство и своеобразие фольклора народа саха [1]. В сибирских рассказах и очерках «Ат-Даван», «Артисты» писатель характеризует якутские песни-импровизации олонхо, подчёркивает их южные корни, отмечает их звуковое своеобразие («нечто горловое, тягучее, жалобное»). Показательно его наблюдение сопоставительного характера: «Песенный якутский язык отличается от обиходного приблизительно так же, как наш славянский от нынешнего разговорного. Песенный язык родился где-то далеко, в неведомых глубинах Средней Азии, оттуда великое смешение народов бросило жалкий осколок какого-то племени на дальний северо-восток. Он сохранил на севере пышные образы и краски далекого юга» [9, I, с. 281].

Внимание Короленко привлекли и предания: «Мангары и Омоче» – предание о двух якутских разбойниках и предание про Омолоона, о Чақырском наслеге и Байагантском улусе [8]. Некоторые из них позднее использовались им в произведениях сибирского цикла.

В этом цикле Короленко обращается к фольклору бродяг, арестантов и поселенцев как к ценнейшему материалу для изображения этой среды. Наряду с использованием в своём творчестве тюремно-арестантского и бродяжьего фольклора писатель обращается к поэтике старинной разбойничьей песни. Особенно ярко это отразилось в рассказе «Соколинец» («Бежал бродяга с Сахалина звериной узкою тропой»), ему помогает бежать Буран-старик («Старый товарищ бежать пособил»). Не исключено, что источником некоторых бродяжьих песен служили рассказы бывалых бродяг об удачных побегах. Писатель сумел передать в рассказе настроения, свойственные бродяжьим песням. В «Соколинце» неоднократно используется образ птицы; он даётся в рассказе как символ свободы: «Реет гордый орёл, тихо взмахивая свободным крылом».

Рассказы Короленко о бродягах были задуманы как отдельный цикл, но специально этой теме оказались посвящёнными три произведения: «Соколинец», «Фёдор Бесприютный» и «Марусина заимка». В других произведениях писатель изображает жизнь коренного сибирского населения: «Сон Макара», «Последний луч», «Убивец» и др.

Волжские произведения насыщены народными песнями, рассказами, меткими выражениями, словечками. Так, в рассказе «Художник Алымов» интертекстуально присутствует песенный волжский фольклор:

Волга-матушка бурлива, говорят,
Под Самарою разбойники шалят.

Особый интерес испытывал писатель к пугачёвскому фольклору. Задумав роман «Набеглый царь», в 1900 г. он едет на Урал, чтобы на месте исторических событий послушать и записать предания, легенды, песни о Пугачёве.

«Где кровь лилась, – поётся в одной из песен, – там вязь сплелась, где слёзы пали, там озёра стали... Много здесь очень своеобразного, самобытного, такого, что нигде более нет», – писал Короленко.

Писатель в своих очерках ярко и образно раскрыл специфику уральского казачьего края, его бытовую историю. Тщательное изучение фольклорно-этнографического материала отразилось в очерках «У казаков». «Все современные официальные характеристики Пугачёва составлялись в концелярски-проклинательном стиле и рисуют перед нами не реального человека, а какое-то невероятное чудовище, воспитанное “адским леленом” и чуть не буквально злопахующее пламенем», – писал Короленко. Совершенно другое явление наблюдал писатель в пугачёвском фольклоре.

Подводя итог сделанному, Короленко даёт следующую оценку собранному фольклору о Пугачёве: «Собрав то, что удалось мне записать по личным отзывам и что записано другими, и просматривая этот материал, я был поражён замечательной целостностью того образа, который вырос из этих образов». Его Пугачёв был «настоящий царь природный», созданный с учётом собранного писателем фольклора о предводителе крестьянского восстания, о чём свидетельствуют его высказывания в статье «Пугачёвская легенда на Урале» [9, I, с. 487; 10].

Много интересного фольклорного материала дали писателю поездки в Румынию, где он наблюдал особенности быта русских переселенцев («Наши на Дунае», «Турчин и мы»), изучал румынский язык, слушал и записывал сам румынские дойны. Происхождение дойны, пастушеской песни-импровизации, Короленко показал в лирической картине жизни одинокого чабана («Нирвана»). Он создаёт мелодические «дойны», на которые задрожит ответными звуками сердце. Писатель в дойнах видит своеобразное отражение национально-исторических традиций румынского народа.

«Следы» пребывания в каждом из регионов и «впитывания» фольклора аборигенов обернулись для творческой практики писателя комплексом мотивов («мотив стремления к счастью, связанный с идеей свободы личности, мотив противления, мотив бесприютности, мотив странничества, мотив «кончающегося терпения» [9, I, с. 146]), образов, стилевым многообразием, использованием поэтики устно-поэтического строя. СобираТЕЛЬСКАЯ и аналитическая деятельность Короленко, чутко улавливавшего и талантливо передающего самобытность народного творчества различных локусов,

характеризует писателя, как одарённого краеведа, этнографа и диалектолога, оставившего нам ценнейший материал для науки о фольклоре.

Список литературы

- 1 Башарина З. К., Башарина А. К. Якутский фольклор в творчестве В. Г. Короленко // Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире : материалы IV Международной научно-практической конференции «Флоровские чтения», посвящённой 80-летию удмуртского поэта Флора Ивановича Васильева. – Глазов : ГГПИ, 2014. – С. 74-77.
- 2 Власова Э. И. Рассказы В.Г. Короленко о бродягах и фольклор // Русский фольклор. Исследования и материалы. – М., 1959. – Т. 4. – С. 240-268.
- 3 Власова Э. Н. В.Г. Короленко // Русская литература и фольклор XIX в. – Л., 1987. – С. 305-333.
- 4 Ворончихин К. С. Фольклоризм творчества В.Г. Короленко // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. Итоговый сборник научных работ : материалы XIII Кирилло-Мефодиевских чтений 15 мая 2012 года. – М. ; Ярославль : Ремдер, 2013. – С.154-157.
- 5 Гущин Ю. Г. Творчество В.Г. Короленко и фольклор // Литература и фолькл. традиция : тезисы докладов науч. конф. – Волгоград, 1993. – С. 51-53.
- 6 Закирова Н. Н. В.Г. Короленко и фольклор // Закирова Н.Н. В.Г. Короленко и русская литература : семинарий. – Глазов, 2010. – С.42-48.
- 7 Иванова О. И. Поэтика произведений В.Г. Короленко в контексте якутской действительности и фольклора // Русская классика в контексте диалога культур : коллективная монография / отв. ред. Г. Т. Андреева. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – С.141-157.
- 8 Конева А., Тюнин А. Трансформация фольклорного мотива «доброе молодца» в рассказе В.Г. Короленко «Художник Алымов» // VII Короленківські читання : збірник наукових праць. – Полтава, 2009. – С.66-72.
- 9 Короленко В. Г. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Правда, 1971.
- 10 Малютин А. И. Сибирские рассказы В.Г. Короленко. Народно-поэтическая основа. – Енисейск, 1982. – С. 40-146.
- 11 Труханенко А. В. Местечково-фольклорные мотивы в произведениях В.Г. Короленко // Труханенко А. В., Гущина-Закирова Н. Н. Этюды о жизни и творчестве В.Г. Короленко / сост. А. Труханенко. – Львов: Сполом, 2009. – С.166-177.
- 12 Филимонов С. С. Уральская казачья песня в очерках В.Г. Короленко «У казаков» // Филологические науки. – 2000. – №2. – С. 20-28.
- 13 Шустов М. П. Сказочные традиции в творчестве Л.Н. Толстого, В.Г. Короленко, И.А. Бунина // М. П. Шустов. Сказочная традиция в русской литературе XIX века. – Н.-Новгород, 2000. – С. 169-181.

N. ZAKIROVA
(Glazov, Russia)

LOCAL STUDIES DETERMINANCY OF «FOLKLORE PAGES» OF V. KOROLENKO

Abstract: In article manifestations of influence of folklore on literary works of the writer V.G. Korolenko are analyzed. The review of cycles of the works which reflected the biographic facts, geographical and ethnic definiteness in art top wasps is given. Original folklore genres and methods of their creative processing in the Ukrainian, Vyatka, Yakut, Volga texts of the writer are revealed.

Keywords: Russian literature, folklore, Korolenko, etnografism, comparative literary criticism.

**ПРОБЛЕМА СКИТАЛЬЧЕСТВА В РАССКАЗАХ
В.Г. КОРОЛЕНКО «ФЁДОР БЕСПРИУТНЫЙ»
И «ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЕ»**

Аннотация: В статье на примере рассказов В.Г. Короленко «Фёдор Бесприютный» и «Птицы небесные» рассматривается проблема скитальчества. Фёдор Бесприютный показан автором как бродяга-интеллигент, задающийся философскими вопросами, как задумывающийся странник, фигура романтическая. Геннадий Автономов и Иван Иванович из рассказа «Птицы небесные» уже описываются в реалистическом ключе как безнадежно испорченные натуры.

Ключевые слова: В.Г. Короленко, скитальчество, странничество, неприютность, бродяга.

Набросок рассказа «Фёдор Бесприютный» (1886) был озаглавлен «Рассказ о бродягах. Рассказ второй». Первым рассказом о бродягах был «Соколинец». В рассказе поставлена актуальная в эти годы проблема разрыва интеллигенции с народом. В конце 80-х годов резко обнаружилась глубина той пропасти, которая искусственно создавалась между народом и культурой. Короленко считал это явление исторически неизбежным. Герой рассказа интеллигент Семенов нарисован автором с симпатией, сквозь которую проблескивает ирония. Его фигура резко выделяется в арестантской среде, которая ощущает его чуждость, но не испытывает недоброжелательства по отношению к нему. Семенов разговаривает с мальчиком-попутчиком и спрашивает у него об отце. Мальчик еще мал и твердит, что тятка и есть тятка. Другой арестант объясняет Семенову, что отец мальчика – поселщик. Этот разговор наводит Семенова на следующие грустные размышления о человеческой судьбе: «Да... вот она, судьба будущего человека. Она поставила уже мальчишку на дорогу. Тятка и поселщик... Две координаты будущей жизни... Любовь сына, послушание отцу – две добродетели, из которых может выработаться целая система пороков. Житейский парадокс, и этот парадокс, быть может, воплотится в какую-нибудь мрачную фигуру, которая возникнет из этого мальчика с такими синими глазами...» [5, с. 310]. Такова своеобразная экспозиция, увертюра сюжета.

Как бы ответом на размышления Семенова является фигура Фёдора Бесприютного. Он так же, как и мальчик, пошел в Сибирь за отцом. Он вырос и сформировался как человек в тюрьме и ссылке. Важнейшей особенностью внешнего облика Фёдора, указывающей на род его занятий, оказывается его характерная походка: «Шестьдесят верст на круг в сутки – такова была эта походка. Так идет человек, у которого нет ближайшей цели. <...> Эта ровная, неторопливая, хотя и довольно быстрая походка входит в привычку, и теперь, когда Семенов смотрел на фигуру Бесприютного, ему виделось в этой сгорбленной фигуре что-то роковое, почти символическое. Молодой человек [Семенов. – О.И.] опять кивнул головой: “Понимаю, – подумал он, – выражение этой поход-

ки состоит в том, что человек не идет по своей воле, а как будто отдается с полным фатализмом неведомому пространству» [5, с. 312-313].

Проблема скитальчества, странничества традиционна для русской литературы. В начале XIX века в ней изображался романтический порыв в неизвестное или побег разочарованного героя к диким, нецивилизованным народам. Таковы пушкинские кавказский пленник («Кавказский пленник»), Алеко («Цыганы»). Затем появляются толстовский Оленин в «Казаках», странники в «Записках охотника» Тургенева. После освобождения крестьян в литературе изображается бродяжничество «бесприютных», странничество праведников (Н.С. Лесков). Теперь, в конце столетия, получает новое раскрытие тема тюрьмы и каторги, когда каторжный путь, тюрьмы и ссылки превращают бродяжничество в образ жизни. Как отмечает философ Г.Д. Гачев, определяющей в характеристике Космоса России является пространственная, Россия – «бесконечный простор», и народ, который живет здесь – народ летучий, народ-странник, легкий на подъем [2, с. 217]. Да и сам писатель Короленко – писатель-путешественник. Вначале это были вынужденные путешествия – в ссылку, а после 1884 года он путешествует уже по велению души – по Нижегородской губернии, Америке, по Уралу, Румынии, европейским странам.

Фёдор – типичный бродяга, отличающийся от крестьян отсутствием наивности во взгляде и даже своего рода интеллигентностью. Он прошел жестокую и трагическую школу жизни. От предшественников-странников Бесприютного отличает механицизм, появившийся в его походе. Однако самым замечательным в нем является то, что Фёдор – задумывающийся странник, бродяга-философ. Он интересуется книжками Семенова и берет почитать «Вопросы о жизни и духе» Льюиса. Фёдору Бесприютному, естественно, трудно читать эту книгу, написанную сложным языком с использованием научных терминов: «метафизика», «метод эмпирический» и т.д. Семенов внимательно наблюдает за Фёдором, ему хотелось бы как-то помочь читающему. Утомленный долгим переходом Семенов засыпает и видит сон. Снятся ему люди, прокладывающие путь из леса к выходу, к солнцу. Среди этих людей выделяются те, у кого острее глаза и чутче слух. Их автор называет «искателями». У «искателей» сформировался свой условный язык, не понятный непосвященным. Семенову снится, что в толпе, которая «работает руками», вслед за «искателями» проснулся беспокойный одиночка. Он тоже желает найти выход из леса, но ему совершенно не могут помочь зарубки на деревьях, оставленные «искателями», для него они всего лишь загадочные и таинственные иероглифы.

По-видимому, одиночка из сна Семенова – это Фёдор, который тщетно искал истину, ответы на вечные «проклятые» вопросы в книге Льюиса. Вскоре Бесприютный в разговоре с Семеновым раскроет ход своих мыслей, свою философию. Как объясняет Фёдор, у каждого человека есть своя линия жизни. Одни рождаются в богатстве, холе и неге. Им не приходится прилагать много усилий, чтобы вести честную, праведную жизнь и сознавать, что каждый вечер можно засыпать с чистой совестью. Другое дело Бесприютный, которого на путь воровства наставил родной отец, тоже бродяга, и который вынужден был из чувства самосохранения убить старика, страдающего от «лихоманки». Федор

признается Семенову: «И совесть у меня нечиста, а иной раз так даже и места себе не найду... И по сию пору, бывает, старик этот не дает мне покою. Потому что, не иначе, думаю я, только что был он тогда вроде как в горячке. А я его, больного человека, убил... Как же теперь, по вашему-то: должен я за это отвечать или нет?» [5, с. 329-330]. А ведь и Федор Бесприютный был рожден для счастья и свободы, он тоже мог бы сказать о себе словами короленковского Макара: «... и он родился, как другие, – с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное в мире...» [4, с. 67]. Г.А. Бялый отмечает, что «апофеоз бунтующего Макара, как мы видим, получил в творчестве Короленко дальнейшее, очень своеобразное продолжение и развитие» [1, с. 72].

Фёдор не ограничивается только бродяжьей поэзией «вольной волюшки». Это человек, который задумывается над вопросами смысла и цели человеческого существования, об ответственности личности перед обществом. Встреча с «добрым» полковником, старым знакомым Фёдора, заканчивается страшной вспышкой последнего. Полковник напоминает Фёдору, что он – пропавший человек, никому не нужный и не способный оставить после себя ни доброй памяти, ни потомства, что его сестра, единственный близкий Фёдору человек, не обрадуется ему, а сама поспешит донести о нем сотскому. Фигура полковника является подтверждением слов Бесприютного о «линиях жизни»: «Хорошо полковнику, согревшему свою жизнь светом общепризнанных солидных добродетелей. А вот он – старый бродяга – стоит перед ним, сторбившись, в том же сером халате, с тем же тузом на спине, с сединой в волосах, с угрюмой лихорадкой во взгляде. Да, карьера Панова [Бесприютного. – О.И.] ... не удалась. Несмотря на всю силу и удачу, несмотря на то, что имя Панова гремит по всему тракту... что его имя от Урала и до Амура известно всем гораздо более, чем знают имя полковника... все же к этому повсюду прибавляется один эпитет – несчастного, незадачливого бродяги» [5, с. 336].

Совершенно справедлива точка зрения В.А. Гусева, который по поводу этого персонажа пишет: «Его неудовлетворенность своей общественной ролью, бунт против отвергшего его общества носит романтический характер, и Короленко показывает, насколько гуманней эта романтическая неудовлетворенность самодовольной ограниченности и показной доброты инспектора-полковника. Бесприютный уже не только подчиняется стихийному зову тайги, но и пытается разобраться в сложной путанице жизни. Вопрос отношения романтического самосознания героя к действительности решается в рассказе реалистически, Короленко показывает те социальные обстоятельства, которые заставляют бродягу задуматься над своею погубленную жизнью» [3, с. 27].

Жизнь бродяги Федора Бесприютного показана трезво, без идеализации. Это человек, который отнюдь не удовлетворен своей жизнью, кроме того, он осознает, что вина за его загубленную жизнь лежит не на нем одном. С самого начала его жизнь не задалась, он просто не мог противостоять сложившимся обстоятельствам, среде. Это уже бродяга, умеющий мыслить, анализировать. Он имеет силы для того, чтобы протестовать, хотя протест его и бесплоден.

У Федора Бесприютного большой природный ум, но он не развит, у него нет элементарных знаний, его размышления заходят в тупик. Его мысль бьется в поисках выхода из тупиков, в которые она упирается, но не останавливается, не капитулирует. Бесстрашие ищущей мысли героя поднимает его над обыденностью, наполняет образ Федора символическим смыслом.

Герой рассказа как бы символизирует пробудившуюся народную массу, «искатели» во сне Семенова – это интеллигенция, которая должна вывести народ к свету. Однако «беспокойный одиночка» – Федор – не может понять зарубок на деревьях, оставленных «искателями». Народу не доступна культура, и Короленко в этом вопросе близок народникам, которые в лице их теоретика Н.К. Михайловского горячо призывали интеллигенцию вернуть свой «исторический долг» народу, то есть поднять развитие народа до собственного уровня.

Проблема скитальчества затронута Короленко также в рассказе «Птицы небесные» (1889). У героя рассказа Автономова, как прежде у Федора Бесприютного, есть какая-то смутная мечта о другой, оседлой жизни, семейном счастье. Внешность бродяги Автономова не имеет в себе ничего героического, сильного, а производит скорее впечатление изломанности. Его спутник Иван Иванович напоминает «замученную и раздавленную птицу». Нравственное содержание героев малосимпатично – один из них – больной и жалкий алкоголик, в другом чуялось «что-то несчастное и вместе с тем чутко настроенное и, пожалуй, злое». Откровенный тунеядец Автономов с циническим презрением относится к людям, а в его бунте против жизни преобладает злое озорство. Тип странника в рассказе «Птицы небесные» подан уже не в романтическом, а в драматическом освещении. Авторские симпатии не связаны с этим типом героя, в рассказе «Птицы небесные» звучит настроение сочувствия и сожаления о напрасно загубленной жизни, а сравнение странника Ивана Ивановича с запуганным и близким к гибели животным, а также с замученной и раздавленной птицей воспринимается как символическое обозначение этого типа героя.

Геннадий Автономов в изображении Короленко предстает человеком без определенных убеждений, человеком авантюрного плана. Странничество для него – удобный способ существования. Он может выдать себя и за беглого попа в раскольничьем селе, и за странствующего проповедника. Выступает он в этих ролях опять же не по убеждению, а когда его волнуют сугубо «мирские» дела: как обеспечить себе ночлег или же раздобыть угощение.

Иван Иванович становится странником не из внутренних потребностей, а по требованию его настоятеля «постранствовать» и «принять горя», чтобы исцелить его от «слабости». Автономов в представлении Ивана Ивановича – человек, сбившийся с пути, поэтому-то он и находится на «странничьем положении»: «Ученый! – грустно махнул головой Иван Иванович... – Умнейшая голова! Но между тем пропадает ничтожным образом, как и я же. На одной степени... мы и странники-то с ним... самые последние...» В представлении же автора это «темные, ... безнадежно испорченные жизни».

Если в рассказе «Фёдор Бесприютный» фигура персонажа даётся в романтическом освещении, Фёдор описывается автором как бродяга-философ,

то в рассказе «Птицы небесные» уже подчёркивается отрицательная роль бродяжничества, скитальчества в судьбах Автономова и Ивана Ивановича.

Список литературы

- 1 Бялый Г. А. В.Г. Короленко. – Л. : Худож. лит., 1983.
- 2 Гачев Г. Д. Национальные образы мира : курс лекций. – М. : Изд. центр «Академия», 1998.
- 3 Гусев В. А. Романтические тенденции в русской реалистической литературе конца XIX века (В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, А. П. Чехов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1974.
- 4 Короленко В. Г. Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Правда, 1971. – Т.1.
- 5 Короленко В. Г. Собрание сочинений : в 5 т. – Л. : Худож. лит., 1989. – Т.1.

O. IVANOVA
(Yakutsk, Russia)

PROBLEM OF A ROGUISH STYLE OF LIFE IN THE STORIES BY V. G. KOROLENKO «FYODOR BESPRIYUTNY» AND «THE BIRDS OF HEAVEN»

Abstract: In the article on the example of V. G. Korolenko's stories «Fyodor Bospriyutny» and «The Birds of heaven» the problem of a roguish style of life is considered. Fyodor Bospriyutny is shown by the author as the intellectual tramp asking philosophical questions such as the reflecting wanderer, theromantic figure. Gennady Avtonomov and Ivan Ivanovich from the story «The Birds of heaven» are already described in a realistic clue as hopelessly spoiled natures.

Keywords: V.G. Korolenko, roguish style of life, wandering, homelessness, tramp.

В.Ю. КЛЕЙМЕНОВА
(Псков, Россия)

ИНТЕКСТ VS. ИНТЕРТЕКСТ

Аннотация: В статье на примере литературной сказки рассматриваются средства формирования интертекста: иностилевые вкрапления или интексты, а также повторяющиеся элементы смысла, вступающие в межтекстовый диалог.

Ключевые слова: интекст, интертекст, правдоподобие, элемент смысла, фикциональный мир.

Ни один художественный текст не появляется на пустом месте. Как дерево в почву, он уходит корнями в текстовый континуум мировой культуры, расширяя его как своей объективированной языковой формой, так и бесконечными прочтениями-интерпретациями. П. Рикер утверждал, что приверженность старому и стремление к новому (седиментация и инновации) взаимосвязаны, и эта взаимосвязь есть конститутивный элемент традиции, в пределах которой отклонения от нормы возможны «только на основе традиционной культуры, создающей у читателя те или иные ожидания, которые художник на свой вкус возбуждает или рассеивает.<...> Мыслимо только правильное воображение» [3, с. 66-67]. Таким образом, фантазия автора

изначально работает не в «парадигмальной пустоте» (термин П. Рикера), а в ментальном пространстве, разделенном на отдельные сегменты, каждый из которых представляет собой определенный текстотип, характеризующийся собственными характеристиками. Фикциональный мир отдельно взятого текста представляет собой вариант «образцового построения», пропущенного через призму авторского видения действительности.

Одним из языковых средств маркирования межтекстовых связей являются интексты, то есть текстовые включения разного объема или двунаправленные единицы, в которых взаимодействуют исходный и принимающий компоненты [1, с. 416]. Интексты создаются по моделям жанров (функциональных стилей или текстотипов) отличных от основного/фонового художественного текста и характеризуются относительной структурной цельностью, а также специфичным языковым и графическим оформлением. В качестве интекстов могут быть использованы как реально существующие тексты, цитируемые в художественном произведении (письма, документы, научные статьи и т.д.), так и квазитексты, то есть иностилевые фрагменты, созданные воображением автора основного текста. Выбор интекстуальных форм обусловлен стратегией диалога автора с читателем.

Интексты традиционно рассматриваются в контексте интертекстуальности художественного текста, которую, вслед за В. Дресслером и Р.-Л. де Богранде, предлагается рассматривать как «свойство текста, состоящее в наличии в нем в аутентичном или трансформированном виде содержательных и/или формальных элементов другого вербализованного или невербализованного текста, которые автор включил в свой текст для выражения определенного смысла, намерено акцентируя или маркируя включения, в результате чего текст не может быть во всей своей полноте воспринят читателем без выявления этих включений, осознания их функции в тексте и интеграции их в его смысловое пространство» [5, с. 196]. Широкое понимание интертекстуальности как онтологического свойства текста позволяет говорить о смысловых переключках каждого его элемента с иными текстами, о любых формах взаимодействия «своего» и «чужого» [4, с. 82], в результате которых художественный текст вступает во взаимодействие с другими текстами.

Таким образом, *интекст* представляет собой элемент предшествующего или вымышленного текста, включенный во вновь создаваемый текст и объективирующий в своей языковой форме процесс взаимодействия нескольких текстов внутри одного. Интекст является маркером интертекстуальности и элементом интертекста, который, в свою очередь, является результатом взаимодействия интекста, принимающего текста и ассоциаций, вызванных сочетанием данных вербальных конструкторов. *Интертекст* – это фрагмент картины мира индивидуальной языковой личности, возникающий в процессе осмысления текстового континуума, это целостный концепт, который формируется в сознании адресата при прочтении нового текста и основывается на хранящихся в его памяти формальных и содержательных элементах предшествующих текстов.

Такое понимание дихотомии интекст :: интертекст соответствует парадигме постмодернизма, в которой культура рассматривается как насыщенное стереотипами переплетение кодов и клише, формирующих в сознании читателя целостное образование. Такое переплетение оказывается особенно важным для адекватной интерпретации когнитивно-эстетической информации, закодированной в тексте сказки, фикциональный мир которой, несмотря на свою ирреальность, должен в той или иной степени соответствовать реальному положению вещей и быть убедительным для читателя [2, с. 83].

В качестве примера, иллюстрирующего взаимосвязь понятий интекст и интертекст, рассмотрим сказку Дж. Ролинг «Гарри Поттер и Орден Феникса», которая, перефразируя Ю.М. Лотмана, накапливает информацию, извлекая ее из других текстов и отражая действительность.

Включение в текст сказки фрагментов, которые структурно изоморфны и прагматически изофункциональны текстам, обслуживающим реальную коммуникацию, формирует текстовую полифонию фикционального мира. Модели построения и смыслы реальных текстов оказываются релевантными изображенной коммуникации фикционального мира, они повышают его правдоподобие, то есть соответствие вымышленного конструкта внетекстовой реальности, которое устанавливается на основе структурированной коммуникативно-значимой информации, репрезентированной в тексте. Квазичитирование фиктивных интекстов, имитирующих интертекстуальное заимствование, оформляется в соответствии с нормами английской пунктуации и маркирует особый статус привнесенных фрагментов во внутритекстовом пространстве. Сказочные интексты обеспечивают реализацию приписываемых персонажам коммуникативных интенций, аналогичных намерениям участников реального общения в типичных ситуациях, спроецированных в фикциональный мир из внетекстовой реальности.

Творческое сознание автора сказки создает фиктивный официальный интекст по модели текстопорождения, которая в сознании языковой личности ассоциируется со стандартной ситуацией: «уведомление о действиях официальных органов». Сохранение интекстом лингво-стилистических характеристик реальных прототипов (объективность, точность, ясность, логичность, стереотипность, точное и экономное использование языковых средств, сдержанность в выражении эмоций и оценок) обеспечивает быстрое и эффективное декодирование информации.

Рассмотрим текст письма из Министерства Магии, адресованного Гарри Поттеру:

«Dear Mr Potter, <...>

The severity of this breach of the Decree for the Reasonable Restriction of Underage Sorcery has resulted in your expulsion from Hogwarts School of Witchcraft and Wizardry. Ministry representatives will be calling at your place of residence shortly to destroy your wand.

As you have already received an official warning for a previous offence under Section 13 of the International Confederation of Warlocks' Statute of Secrecy, we

regret to inform you that your presence is required at a disciplinary hearing at the Ministry of Magic at 9 a.m. on the twelfth of August.

*Hoping you are well,
Yours sincerely,
Mafalda Hopkirk
Improper Use of Magic Office
Ministry of Magic» [6, с. 35].*

Приведенный интекст соответствует текстотипологическим ожиданиям читателя. Официальный характер создается использованием устойчивых словосочетаний нефразеологического характера (place of residence, disciplinary hearing, official warning), названий вымышленных официальных организаций (Ministry of Magic, Improper Use of Magic Office), а безличность – использованием форм страдательного залога (your presence is required). Ссылки на вымышленные официальные документы (the International Confederation of Warlocks' Statute of Secrecy, Decree for the Reasonable Restriction of Underage Sorcery) создают иллюзию непредвзятости и объективности аксиологической составляющей описания. Точность – недопустимость интолкования – достигается использованием синонимов, реализующих свои словарные значения и эксплицирующих отрицательную оценку поведения персонажа. Так существительное breach, называющее незначительное нарушение, соположено с лексической единицей severity, денотат которой включает оценочный компонент («the seriousness of something bad or unpleasant» [7, с. 981]), усиливает значение главного слова в словосочетании severityofthisbreach и актуализирует негативное отношение говорящего к поступку. Синоним offence в узусе называет более серьезный проступок, наказуемость которого входит в интенционал имени существительного. Таким образом, создается иллюзия юридической правомерности и социальной приемлемости действия фиктивных авторов письма в вымышленной ситуации.

Наличие в тексте узуальных лексических единиц, относящихся к тематической группе «волшебство» (magic, sorcery, wand, witchcraft, wizardry) актуализирует элементы фикционального мира, противоречащие экзистенциальному опыту участников литературной коммуникации. Авторские лексические новообразования, которые представляют собой устойчивые сочетания нефразеологического характера, нарушают нормы комбинаторики узуальных лексических единиц. Номинативные единицы Ministry of Magic, Improper Use of Magic Office, School of Witchcraft and Wizardry, Decree for the Reasonable Restriction of Underage Sorcery обозначают ментальные конструкторы, которые не соответствуют нормам структурирования знания, так как тематические группы «волшебство» и «организация социума» несовместимы в традиционной ментальной модели внетекстовой реальности.

Таким образом, представляется правомерным утверждать, что взаимодействие интекста и принимающего текста формирует у читателя иллюзию подобия фикционального и реального миров, а совокупность ассоциаций обеспечивает формирование интертекста.

Наиболее ярким примером межтекстовых параллелей, не знающих языковых границ, являются интертекстуальные связи современной сказки с рассказом Ф. Кафки «В исправительной колонии», который был опубликован в 1919 году.

В произведении Дж. Ролинг преподаватель Защиты от Темных Искусств Долорес Амбридж наказывает главного героя, заставляя его каждый вечер часами писать фразу «Я не должен лгать». Подобный вид наказания, широко применявшийся в английских частных школах, входит в семантическое поле «detention» и вызывает у читателя ассоциации с обыденной реальностью, включая данный эпизод в индивидуальную картину мира. Однако при написании, слова «Я не должен лгать» появляются не только на листе пергамента, но и на руке ученика в виде постоянно углубляющихся кровоточащих порезов. Адекватная интерпретация этого эпизода требует обращения к текстовому континууму, к целостной парадигме текстов, создающих культурный контекст сказки, а именно к произведению Ф. Кафки, в котором автор описывает наказание провинившегося. Жертву привязывают к вращающейся машине, острые фрагменты которой с каждым оборотом все глубже погружаются в тело осужденного, вырезая на нем нарушенную заповедь.

Межтекстовый диалог сказки и рассказа основан на повторяющихся элементах смысла предшествующего и нового текстов: несправедливость и несоразмерность наказания, детализированная визуализация результатов процесса, кровь, боль и страдание истязаемого персонажа, а также жестокость мучителя и его упоение собственной властью. Зловещая фантастичность происходящего в фикциональном мире контрастирует с экзистенциальным опытом читателя, а использование при описании экзекуции узусальной лексики в кодифицированном значении создает иллюзию правдоподобия, усиливая эмоциональное воздействие на читателя.

Идентификация текста-источника происходит на основе интертекстуального взаимодействия сюжетных ходов, декодирование информации осуществляется в рамках контекста, благодаря чему меняется восприятие описываемых событий. Интертекст формирует структурированную сеть ограничений, которая, будучи наложенной на восприятие читателя, модифицирует его свободные ассоциации.

Список литературы

- 1 Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
- 2 Клейменова В. Ю. В гостях у Гарри Поттера: фикциональный мир английской литературной сказки. – Псков : Изд-во ПсковГУ, 2014.
- 3 Рикер П. Что меня занимает последние 30 лет // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские интервью и лекции. – М. : АО «КАМІ» Издательский центр АCADEMIA, 1995. – С. 59-91.
- 4 Щирова И. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. – СПб. : ООО «Книжный дом», 2007.
- 5 Beaugrande R. de, Dressler W. U. Introduction to Text Linguistics. - London, NY : Longman, 1981.
- 6 Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. - L. : Bloomsbury, 2003.
- 7 Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. - Macmillan Education : Oxford, 2002.

V. KLEIMENOVA,
(Pskov, Russia)

INTEXT VS INTERTEXT

Abstract: The article describes means of intertext formation: intexts, i. e. text fragments created in accordance with norms of other functional styles, and repeated text content elements which arouse a dialogue between different texts.

Keywords: intext, intertext, believability, text content element, fictional world.

A.V. КРИВОНОГОВ
(Курган, Россия)

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация: В статье рассматриваются особенности феномена речевой манипуляции в политическом дискурсе. Анализируя различные точки зрения на понятия «манипуляция» и «политический дискурс», автор приходит к выводу, что речевое воздействие является одним из самых эффективных средств манипулирования сознанием в современном политическом дискурсе.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, речевое воздействие, манипуляция, речевое манипулирование.

В течение последних десятилетий термин «дискурс» так и не приобрел четкого и общепринятого определения, которое бы смогло охватить все вариации его употребления. Возможно, благодаря этому факту дискурс набрал столь широкую популярность, поскольку различные интерпретации понимания дискурса позволяют изменить традиционные взгляды на понятия стиля, текста и в какой-то мере языка.

Учитывая разнообразие подходов к изучению феномена дискурса, особого внимания заслуживает трактовка данного понятия, согласно которой дискурс рассматривается либо как текст, который состоит в неразрывной связи с контекстом определенной ситуации, либо как речевой коммуникативный процесс, в результате которого образуется формальная структура – текст.

Одно из самых известных определений понятия «дискурс» даёт Н.Д. Арутюнова: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте... Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [1, с. 136-137].

В.Е. Чернявская понимает дискурс как интегративную совокупность текстов, связанных содержательно-тематическими отношениями и объединенных в коммуникативном и функционально-стилевом отношении [7, с. 21].

Однако, по мнению Е.С. Кубряковой, понятия «дискурс» и «текст» необходимо дифференцировать. Под дискурсом имеется в виду когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого

произведения; текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную и зафиксированную форму [5, с. 19].

Выделяются различные типы дискурса, среди которых наибольший интерес для нас представляет политический дискурс.

Несмотря на то, что исследованием политического дискурса занимаются различные направления науки, среди ученых нет общепризнанного определения самого понятия «политический дискурс».

По мнению Е.И. Шейгал, под политическим дискурсом понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [8, с. 23].

Один из ведущих исследователей дискурса Т. ван Дейк рассматривает политический дискурс как совокупность жанров, находящихся в политической сфере общения [9, с. 12-13]. К жанрам, принадлежащим сфере политики, можно отнести предвыборные обращения, дебаты и обсуждения правительственных чиновников, выступления лидеров и представителей политических партий.

Публичные выступления для любого политического деятеля – это не тривиальный способ передачи информации, а глубоко продуманный процесс убеждения слушателей эту информацию принять, процесс внушения уверенности в истинности своих суждений и взглядов. Контакт со слушателями позволяет политику эмоционально настроить аудиторию, направить энергию адресатов на выполнение конкретного действия. Таким образом, основная функция политического дискурса состоит в том, чтобы убедить адресата выполнять необходимые действия, укладываемые в стратегию, проводимую в сфере политики.

При этом спичрайтер, пишущий речь политику, придерживается определенных требований, основное из которых можно охарактеризовать следующим образом: политический язык должен быть доступным для восприятия и понимания исходя из того, на какую социальную группу общества он ориентирован.

При создании такого рода текстов определенным образом структурируется ритмико-мелодическая и фоническая сторона речи. Для манипулирования эмоционально-мотивационной сферой слушателей при произнесении таких текстов имеет значение интонация, тембр и громкость голоса, темп речи и целый комплекс невербальных компонентов коммуникации: жесты, поза, взгляд адресанта [4, с. 152].

Исследование манипуляции является актуальным для многих наук, в частности, для лингвистики и политологии. Однако, несмотря на междисциплинарный характер изучения, понятие «манипуляция» до сих пор не имеет однозначного и общепризнанного определения.

В современной литературе под термином «манипулирование» понимается управление поведением и сознанием людей с помощью воздействия на общественные ценности.

Е.Л. Доценко предлагает следующее определение манипуляции: «Это вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего

выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [3, с. 53].

Одним из ярких примеров проявления манипуляции является отражение данного явления в политической сфере. Сущность политического манипулирования состоит в постоянном внедрении в сознание масс идей и ценностей, воспринимаемых без критических замечаний и возражений.

Говоря о манипулировании в политическом дискурсе, необходимо отметить, что данное явление может быть осуществлено как средствами психологического, так и речевого воздействия.

Согласно трактовке О.Н. Быковой, «речевое манипулирование – это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи. Как правило, речевое манипулирование предполагает такое воздействие на адресата, которое тот не осознает и воспринимает как часть объективной информации» [2, с. 99].

С точки зрения современной лингвистики политический дискурс является материалом для изучения эффективности речевого воздействия на слушателя. И.А. Стернин под речевым воздействием понимает «коммуникативное воздействие, осуществляемое средствами языка, при помощи языковых единиц» [6, с. 77].

Предвыборные дебаты, парламентские выступления, избирательные технологии и кампании – понятия, лежащие в плоскости терминологии политического дискурса и речевой манипуляции.

Одним из механизмов речевой манипуляции в политическом дискурсе является механизм воздействия на устойчивые формы сознания. Такое воздействие происходит, когда адресант может апеллировать к стереотипам слушателя [4, с. 153]. Именно на этом основана техника речевого манипулирования в сфере политического, рекламного, масс-медийного дискурса. В каждой из этих сфер речевое манипулирование формирует у целевой аудитории определенные стереотипы и предпочтения, выгодные адресанту.

Таким образом, можно сделать вывод, что цель использования речевого манипулирования в политическом дискурсе состоит во внушении адресатам идеи о том, что решение принимается адресатом самостоятельно, поскольку является собственным решением слушателя. Речевое воздействие в политическом дискурсе является, необходимым рычагом, с помощью которого можно манипулировать поведением, мышлением и сознанием массовой аудитории, а манипуляция направлена на изменение поведения реципиента.

Список литературы

- 1 Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.
- 2 Быкова О. Н. Языковое манипулирование : материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (8). – Красноярск, 1999. – С. 136-137.
- 3 Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М. : Изд-во МГУ, 2000.

- 4 Кинцель А. В. Психолингвистические механизмы речевого воздействия // Известия Алтайского государственного университета.– 2013. – № 2 (78). Т. 2. – С. 150-154.
- 5 Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время : материалы научной конференции. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 19-20.
- 6 Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж : Полиграф, 2001.
- 7 Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. – М. : Флинта : Наука, 2004.
- 8 Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004.
- 9 Dijk T.A. van. What is Political Discourse Analysis. URL: [http://www.discourses.org/OldArticles/What is Political Discourse Analysis.pdf/](http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf/) (дата обращения: 20.03.2016 г.)

V. KRIVONOGOV
(*Kurgan, Russia*)

SPEECH INFLUENCE AND MANIPULATION AS A PHENOMENON OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract: The peculiarities of the phenomenon of speech manipulation in political discourse are considered in this article. While analyzing diverse points of view on the concepts of manipulation and political discourse the author comes to the conclusion that speech influence is one of the most efficient means of a conscious-oriented manipulation in modern political discourse.

Keywords: discourse, political discourse, speech influence, manipulation, speech manipulation.

С.С. КУВАЛИНА
(*Курган, Россия*)

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А. ПРОХАНОВА

Аннотация: Раскрываются понятия агрессии, в том числе речевой. Обращается внимание на способы языкового выражения агрессии.

Ключевые слова: речевая агрессия, языковые средства выражения агрессии, оценочная лексика, тропы.

Вслед за Т.А. Воронцовой «рассматриваем речевую агрессию как целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое (через сознательный выбор речевых стратегий и тактик, а также отбор речевых и языковых средств) речевое поведение» [1, с. 13].

Проклятия публициста А.А. Проханова (статьи 1996-2001 гг.) направлены против Ельцина и его окружения. Основным показателем речевой агрессии выступает негативно-оценочная лексика (часто публицист использует метафоры, эпитеты), например:

бражник – (устар.) Пьяница, гуляка [4, т. 1, с. 111];

вывих – (перен. разг.) Отклонение от нормального положения, состояния [4, т. 1, с. 248];

истукан – (прост. бран.) О бессердечном или тупом, бестолковом человеке [4, т. 1, с. 692];

опухоль – (негат.) О ненормальных, болезненных, кризисных явлениях в развитии общества, государства, экономики и т.п. [3, с. 366];

невежда – Необразованный, малосведущий человек; неуч [4, т. 2, с. 424];

самодур – Тот, кто действует по личному произволу, по своей прихоти, не считаясь с другими людьми [4, т. 4, с. 18];

уродство – (перен.) Какое-либо ненормальное уродливое явление или отрицательное дурное свойство, черта и т.п. [4, т. 4, с. 513];

бессмысленный – Лишенный разумных оснований; нелепый, бесцельный; неразумный, ничего не понимающий // Выражающий отсутствие мысли [4, т. 1, с. 85];

гнилой – Испорченный или разрушенный гниением; гниющий, разлагающийся. (перен.) Порочный в каком-л. отношении // Общественно вредный, нездоровый, упадочнический [4, т. 1, с. 321];

извратить – Представить в неправильном виде, исказить [4, т. 1, с. 640].

«**Самодур, невежда, бражник, бессмысленный и злой истукан** оживлялся на мгновение лишь тогда, когда уничтожался очередной ломоть жизни <...> Он – **уродство** истории, её **вывих и опухоль**. Он – **извращение** человечества, погубил свою Родину-мать, казнил свой народ <...>. Самый худший из всех кого породила **гнилая** верхушка партии, он окружал себя **негодьями, плутами, придурками**, которые чавкали у золотой кормушки, безобразничали у святынь, дергали его за фалды, парили в бане, учили играть на деревянных ложках, наливали стакан» [2, с. 211-212].

Автор активно использует лексический повтор для выделения, подчеркивания наиболее важного: «Пишется “Черная книга” его преступлений, куда занесут **каждую** пядь земли, отторгнутую им от России, **каждый** военный секрет, переданный ЦРУ, **каждый** алмаз или рубль, отданные бандиту и вору» [2, с. 211]; «**Все** чувствуют тоску и немощь, даже самые молодые и здоровые. **Все** поражены невидимой болезнью. **Чахнут** румяные неунывающие предприниматели. **Чахнут** вечно веселые эстрадные певцы и модные киноактеры. **Чахнут** политические партии и государственные институты. **Чахнут** военные в гарнизонах и космонавты на орбитальных станциях» [2, с. 228]; «...Заручился поддержкой семьи, сплотившейся вокруг пирогов Наины Иосифовны, верящей, что Черномырдин не выдаст народу Ельцина. Ведь **вместе** расстреливали Дом Советов, **вместе** “зачищали Чечню”, **вместе** в четыре руки сыграли похоронный марш над убитыми летчиками и шахтерами» [2, с. 262]; «**Этот** отвратительный рецидив феодализма в начале третьего тысячелетия поддерживается колоссальными денежными суммами... **Этот** уродливый первобытный строй питают информационные отравы... **Этот** смердящий уклад освещается купленными за злато художниками и певцами, льстивыми царедворцами... **Этот** убивающий Россию уклад сохраняется благодаря хирургам, что умело разрезают единый народ на бесконечное множество движений и партий, идеологий и верований...» [2, с. 229].

Большой резкостью, даже грубостью отличаются сравнения. Так, А. Проханов сравнивает Ельцина с «гнилым топляком» («Ельцин **погрузился как гнилой топляк**») [2, с. 211], «с огрызком заплесневелого сыра» («Когда он зачитывал жалкий текст своего отречения, он **выглядел как огрызок заплесневелого сыра, проклеванный насквозь пороками и болезнями, и в дырки проглядывали лица его напуганной, нечестной родни**») [2, с. 212].

Публицист скорбит о судьбе России: «...страна, как тухлое мясо червяка, кишит вождями и идеологами, пророками и витиями, над которыми, пригубив мармеладку и выпив шампанского, хохочет Борис Березовский» [2, с. 229]; «Россия лишается крови, как мученица в концлагере, лежит в полосатом рубище, умирает от дистрофии» [2, с. 261].

Усиливают речевую агрессию стилистические фигуры. Автор с помощью парцелляции выделяет наиболее важные мысли: «Змей поселился в Кремле. **Который год сосет из России соки. Который раз сжирает очередную отданную ему на растерзание невесту**» [2, с. 228].

Анафорический синтаксический параллелизм в сочетании с эпифорой помогает привлечь внимание к актуальным проблемам внешней и внутренней политики страны: «**Если клану понадобится** продать острова Японии – продаст, и **народ промолчит? Если клану понадобится** расстрелять из пушек Думу – расстреляет, и **народ промолчит? Если клану понадобится** пустить в Москву группировку НАТО – пустит, и **народ промолчит?**» [2, с. 229].

Умело сочетая разнообразные средства выразительности, А.А. Проханов, с одной стороны, славит Россию, с другой – уничтожает Ельцина и его клан: «Виданное ли в истории человечества дело, когда огромная страна воздвигнутая между трех океанов князьями Олегом и Владимиром, царями Иваном Грозным и Петром Первым, красными вождями Владимиром Лениным и Иосифом Сталиным, держава, отбившая нападение страшных врагов подвигами ратоборцев Александра Невского и Дмитрия Донского, блистательных Суворова и Кутузова, несравненного в своей победоносности Жукова, родина мистических откровений о красоте, добре и вселенской правде, явленных устами Сергия Радонежского и Серафима Саровского, русского провозвестника Пушкина, русских пророков Толстого и Достоевского, чтобы страна, одухотворившая своим красным дыханием весь XX век, совершившая дерзновенную попытку построения “рая земного”, – вдруг оказалась собственностью никчемных, безнравственных, пронырливых людишек, сбитых в тесную горстку, именуемую “семьей”, и ей принадлежат русская нефть, русское оружие, русские железные дороги и электростанции, русская политика, русское будущее, которое они выстраивают в интересах своего прожорливого клана» [2, с. 228-229].

Итак, можно сказать, что речевая агрессия – это то, что является яркой особенностью публицистического стиля А.А. Проханова.

Список литературы

1 Воронцова Т. А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. – Челябинск, 2006. – 296 с.

- 2 Проханов А. А. Хроника пикирующего времени. – Екатеринбург : Ультра; Культура, 2005. – 336 с.
- 3 Солганик Г. Я. Стилистический словарь публицистики. – М. : Русские словари, 1999. – 650с.
- 4 Словарь русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985 – 1988.

S. KUVALINA
(*Kurgan, Russia*)

VERBAL AGGRESSION IN A. PROKHANOV 's JOURNALISM

Abstract: The article deals with the concept of aggression, including verbal. Attention is drawn to the ways of linguistic expression of aggression.

Keywords: verbal aggression, linguistic means of expression of aggression, evaluative vocabulary, tropes.

Т.Б. НАЗАРОВА
(*Москва, Россия*)

КРОСС-РЕГИОНАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА В СОСТАВЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация: В статье рассматривается проблематика кросс-региональной семиотики, связанной с выявлением, описанием и систематизацией региональной маркированности в современном английском языке. Показано, как регионально-маркированные единицы вовлекаются писателями в словесную ткань художественного произведения и содействуют достижению разнообразия метасемиотических эффектов.

Ключевые слова: семиотика, кросс-региональная семиотика, семантика, метасемиотика, словесно-художественное творчество, речевой портрет персонажа.

На протяжении многих десятилетий понимание, восприятие и толкование термина «семиотика» не раз становились поводом для разногласий и разночтений в научной среде как в нашей стране, так и за рубежом. Однозначного определения этого термина, принятого представителями разных наук и научных направлений, нет и по сей день. Тем не менее, рассматриваемая терминологическая единица остается одной из наиболее частотных в научном дискурсе широчайшей тематики и беспрецедентного жанрового своеобразия [14, 18].

Аналогичным образом наблюдается отсутствие единой позиции в решении вопроса о том, является ли язык знаковой системой. В этом смысле по-прежнему сохраняются разрыв и противостояние между теми, кто вполне однозначно (если не сказать безапелляционно!) утверждает, что язык есть семиотическая система, и теми, кто последовательно отстаивает иную позицию: естественный человеческий язык есть живая, динамично развивающаяся

семасиологическая система, служащая важнейшим средством общения в устной и письменной формах [9, 3, 4, 5].

Язык как система отвлекается от многообразия речевой деятельности и зиждется на динамичном соотношении выражения и содержания, которое может быть категоризовано через одну из составляющих такого триединства, как семантика, семиотика и метасемиотика. Опорной точкой отсчета и основной функциональной закономерностью является неразрывное единство звучания и значения; это семантика и собственно семантический уровень, без которого использование естественного человеческого языка в речи едва ли возможно.

Неразрывное единство звучания и значения подвижно, неустойчиво и динамично. В контекстах разной направленности в зависимости от целого ряда обстоятельств (специфика ситуации, намерение говорящего, взаимоотношения между участниками коммуникативной ситуации, стремление к воздействию на собеседника, нежелание называть вещи своими именами и т. д.) это неустойчивое равновесие может совокупно становиться выражением для нового (мета) содержания, т. е. возникают многочисленные проявления метасемиотики. Привычные для носителей английского языка словосочетания *an expensive luxury/affordable luxuries/a rare luxury/a real luxury/ live in absolute luxury/live in ostentatious luxury/a touch of luxury* функционируют на семантическом уровне, зарегистрированы в корпусных словарях сочетаемости и отличаются от окказионального коннотативного авторского словосочетания *aluxurymind* из произведения словесно-художественного творчества:

... *A luxury mind – that was what she had; not a necessity mind. A mind that thought of the world only in terms of beauty and enjoyment, not of use; a mind preoccupied with sensations and shades of feeling, and preoccupied with them for their own sake, not because sharp eyes and intuition are necessary in the struggle for life. Indeed, she hardly knew that there was a struggle* [15, S. 484-485].

Некоторые соотношения выражения и содержания не связаны с передачей предметно-вещественных значений (семантика) или метасодержаний (метасемиотика), являя собой пример иного типа отношений: это устойчивая, хотя не всегда отчетливо осознаваемая носителями языка и изучающими язык в качестве иностранного, связь между материальной/фонетико-орфографической оболочкой, с одной стороны, и обобщенным типом содержания, с другой стороны. В подобных случаях на первый план выходит семиотика, и вполне целесообразно можно говорить о семиотическом уровне с присущими ему проявлениями знаковых свойств. В англоязычной научной литературе для обозначения всей совокупности сигнальных/семиотических характеристик используются такие терминологические сочетания, как *signaling properties* и *signaling propensities*. Указания на «тождество» (*identity*) и «отсутствие тождества» (*otherness*) носят семиотический характер и подведомственны именно семиотике [9, 3, 4, 5, 17].

В 60-х – 70-х гг. прошлого столетия на кафедре английского языка-знания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова усилиями профессора Ольги Сергеевны Ахмановой было создано успешно развиваю-

щееся и в третьем тысячелетии научное направление «Лингвистическая семиотика» (Linguistics and Semiotics/ Linguistic semiotics/ Linguosemiotics) [1, 9], давшее в свою очередь импульс к обособлению и становлению нескольких новых научных направлений и поднаправлений: «Лингвистическая и литературная семиотика» [3, 4, 5, 16], «Филологическая семиотика» [3, 4, 5, 8, 17], «Кросс-региональная/Региональная семиотика» [2, 6, 7, 17].

В практическом плане с учетом современной языковой ситуации (English as a world language/ English as a global language) особую значимость в научных исследованиях и в разработке подходов, методов и приемов обучения английскому языку как иностранному (Teaching English as a foreign language/TEFL) приобретает именно региональная семиотика, основывающаяся на описании, сравнении и сопоставлении разных региональных вариантов современного английского языка (regional variants of English) с целью выявления общего и особенного. Вполне объяснимо то обстоятельство, что эту разновидность лингвистической семиотики называют не только региональной (regional), но и кросс-региональной (cross-regional) [6, 7, 17].

Кросс-региональная семиотика строится вокруг противопоставления между регионально-маркированным речеупотреблением (regionally marked units and uses) и его регионально-нейтральным соответствием (regionally neutral units and uses). Применительно к двум наиболее распространенным региональным вариантам — британский английский (British English/BrE) и американский английский (American English/AmE) – можно говорить о триаде [2, 6, 7, 17]: регионально-нейтральный пласт речеупотребления, который вырабатывается в процессе общения за счет частотности употребления тех или иных регионально-маркированных единиц с постепенной утратой ими региональной маркированности, и два постоянно пополняющихся регионально-маркированных пласта (BrE и AmE). Этих региональных вариантов и проявлений региональной маркированности значительно больше [13], но в настоящей статье для краткого изложения наиболее существенных моментов обсуждаемой проблематики целесообразно ограничиться двумя явными и, по общему признанию, наиболее влиятельными конкурентами.

Региональная (или кросс-региональная) семиотика обнаруживает себя многообразием проявлений в речевой деятельности на английском языке и связывается составителями словарей разной направленности с тем или иным ярусом/аспектом/уровнем языковой системы. Регионально-маркированные единицы распознаются на уровне орфографии, фонетики/фонологии, морфологии и синтаксиса, в лексике, фразеологии и терминологии, например: organize – organise, analyse – analyze, advertisement (с основным ударением на втором слоге, что характерно для общеанглийского пласта) – advertisement (с основным ударением и дифтонгом в третьем слоге, как это принято в американском английском), autumn – fall, company – corporation, shareholder – stockholder.

Термин initial public offering (IPO) возник в американском английском, но постепенно распространялся в англоговорящей бизнес-среде и, становясь все более употребительным, терял региональную маркированность, т. е. на

современном этапе развития и функционирования делового сообщества IPO воспринимается говорящими на английском языке как регионально-нейтральный общеупотребительный бизнес-термин. Следующий термин Bcorp (= benefit corporation) и термин-фразеологизм Boomerang C.E.O. (= re-hired CEO) появились в американском бизнес-дискурсе не так давно и на данный момент региональную маркированность сохраняют, отличаясь от частотных и преимущественно регионально-нейтральных терминологических единиц, включенных в толковые корпусные словари бизнес-английского, например: global corporation, multinational corporation, private corporation, public corporation; CEO, CFO, CIO, COO.

Способность лексических единиц создавать знаковые ситуации, т. е. функционировать семиотически, обнаруживая «сигнальные» свойства, неизменно используется художниками слова для целей метасемиотики: регионально-маркированные единицы подчиняются созданию выразительного и запоминающегося речевого портрета персонажа, содействуют противопоставлению разных персонажей, демонстрируют перемены в одном из них, указывают на осознание ими различий между англоязычными культурами и могут включаться писателем в ироничный комментарий литературного героя по этому поводу. Приведенные ниже отрывки из двух известных художественных текстов дают представление о динамике семиотического и метасемиотического аспектов в художественном повествовании:

'I think he's very good-looking in a dry sort of way,' said Mrs. Allerton. 'Rather a ruthless jaw. Probably the kind of man one reads about in the paper, who operates on Wall Street – or is it *in* Wall Street? I'm sure he must be extremely rich. Next – Monsieur Hercule Poirot – whose talents are really being wasted. Can't you get up a crime for Monsieur Poirot, Tim?' [12, S. 70].

I lived there for almost ten years and knew lots of Americans and liked them. I even married one of them. But they're not British. Even the ones who look British aren't British, especially them. Which is fine by me. What's that other cliché? Two nations separated by a common language? Yes, that's true too. ... But it's what's underneath the words that makes the difference [10, S. 24-25].

Then I sold out to my partner and moved down to Baltimore. Started another restaurant. That did well too. But after a while ... This is the thing about the States. In England it would be called 'not sticking at it' or 'not knowing what you want'. In the States, it's normal. You succeed, you look for something else to succeed at. You fail, you still look for something else to succeed at. Profoundly optimistic, as I say [10, S. 26].

В предыдущих двух высказываниях из художественного произведения персонаж – англичанин Stuart, осознавший разницу в мыслительных процессах и поступках, характерных для представителей двух англоязычных культур. В следующем отрывке впечатлениями от пребывания в Англии делится американец Билл Брайсон, написавший немало книг о разных странах мира и специфике разных национальных культур. То, что он пишет об Англии, убедительно подтверждает сказанное о региональной семиотике и кросс-региональных проявлениях знаковости. Приведем небольшой фрагмент из его

книги «Notes from a Small Island»: «England was full of words I'd never heard before ... I was positively radiant with ignorance» [11, s. 19].

Кросс-региональная семиотика – явление, объективно присутствующее в языковой системе и речевой деятельности. Английский язык постоянно пополняется за счет регионально-маркированного речепотребления, не ограничивающегося многочисленными фонетическими, лексическими, фразеологическими и терминологическими инновациями в британском английском (British English) и американском английском (American English). Одновременно с этим процессом непрерывного обновления регионально-маркированных пластов происходит общение в глобальном экономическом, политическом и образовательном межкультурном пространстве, что неизбежно содействует постепенной и необратимой нейтрализации региональной маркированности, что пополняет и обогащает регионально-нейтральный общеанглийский пласт современного английского языка. На фоне этих центробежных и центростремительных процессов возрастает роль словесно-художественного творчества, в эстетических целях регистрирующего, подчеркивающего и обыгрывающего разнообразие проявлений региональной маркированности – от предлога (on Wall Street и in Wall Street в первом из приведенных выше отрывков) до культурно-обусловленных процессов понятийной и, шире, когнитивной направленности.

Список литературы

- 1 Ахманова О. С. На подступах к семиотике // Общелингвистические аспекты оптимизации речевого сообщения. – М. : Изд-во Московского университета, 1966. – С.11-62.
- 2 Назарова Т. Б. Параллельные структуры и условия языковой коммуникации // Динамические процессы в германских языках : материалы чтений памяти В. Н. Ярцевой. – Вып. IV. – М. ; Калуга : Изд-во «Эйдос», 2012. – С.295-301.
- 3 Назарова Т. Б. Современный английский язык и методы его изучения: филология, семиотика и ЭВМ : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990.
- 4 Назарова Т. Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. – М. : Высшая школа, 1994.
- 5 Назарова Т. Б. Филология и семиотика. Современный английский язык. – 2-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 2003.
- 6 Назарова Т. Б., Преснухина И. А. Кросс-региональный перевод в университетской системе обучения английскому языку делового общения // Вестник Восточного университета. – 2007. – №2. – С.28-35.
- 7 Назарова Т. Б., Преснухина И. А. Региональное варьирование в деловом общении на английском языке. Спецкурс. – М. : АСТ/Астрель, 2009.
- 8 Юнусова И. В. Знак и знаковые отношения в языке и речи : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.
- 9 Akhmanova O. S., Idzelis Rolandas F. Linguistics and Semiotics. – М. : Moscow University Press, 1979.
- 10 Barnes J. Love, etc. Picador, 2000.
- 11 Bryson B. Notes from a Small Island. Harper Collins Publishers, 1995.
- 12 Christie A. Death on the Nile. Collins Fontana Books, 1969.
- 13 Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 1995.
- 14 Hi-Fives. A Trip to Semiotics. / Kevelson R. (ed.) New York : Peter Publishing, Inc., 1998.
- 15 Huxley A. Point Counter Point. London : Vintage Books, 2004.

- 16 Nazarova T. B. Linguistic and Literary Semiotics // Applied Semiotics. Volume 1 (№ 1 - № 3). Pascal G. Michelucci and Peter G. Martinson (eds). NC, Morrisville : Lulu Press, 2005. P.19-27.
- 17 Nazarova T.B. Semiotics in an ELT Setting // Vocabulary Acquisition as Ongoing Improvement. / T. B.Nazarova. – М. : ACT / Астрель, 2006. P.306-351.
- 18 On Signs. / Blonsky M. (ed.) Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press, 1991.

T. NAZAROVA
(*Moscow, Russia*)

CROSS-REGIONAL SEMIOTICS IN THE COMPOSITION OF THE ENGLISH LANGUAGE LITERARY WORKS

Abstract: The article centres on the notion of cross-regional semiotics which is an extension of linguistic semiotics and studies the levels of the language system in search of units with signalling propensities. Regionally-marked words and word-combinations are often used by literary authors to achieve a wide range of metasemiotic effects.

Keywords: semiotics, cross-regional semiotics, semantics, metasemiotics, verbal art, speech portrayal.

Г.М. САМОЙЛОВА
(*Курган, Россия*)

«РОМАН» ГОГОЛЯ С РИМОМ

Аннотация: Анализируется повесть Гоголя «Рим» в контексте отношений писателя к вечному городу. Намечается диалог русской и итальянской культур. Маленький человек Рима и Петербурга рассмотрен в сходстве и различии.

Ключевые слова: Гоголь, лейтмотив, олицетворение, маленький человек, художественная параллель, диалог.

Ни один город не вызывал в душе Гоголя такого тёплого чувства, как Рим, являвшимся миром, богатым искусствами и людьми. Это целая драматическая история со страстными увлечениями и охлаждениями, с притяжениями и отталкиваниями, с взаимодействием и диалогом культур. В Риме до сих пор бережно охраняются места, связанные с Гоголем, а читатели могут прочесть страстное признание самого писателя древнему городу – его повесть «Рим».

П. Муратов в книге «Образы Италии» отмечал, что Гоголь открыл в русской душе новое чувство – её родство с Римом. «Роман» с Римом начался у Гоголя в конце 1830 годов и продолжался чуть ли не десять лет. Писатель растворялся в городской среде, был одним из многих, впитывая в себя как новичок малейшие чёрточки иного быта. Ему нравилась местная еда. Он часто заходил в лавку, покупал макарон, масло и пармезан, а потом долго и обстоятельно готовил обед, иногда приглашая на него друзей. В России его не покидало это влечение. Многие современники Гоголя вспоминают о том, что он

любил заманивать их в гости и угощать каким-нибудь настоящим итальянским блюдом, собственноручно изготовленным.

Своеобразно складывались отношения Гоголя с простыми римлянами. Синьор Николо (так звали его итальянцы) был очень требователен и капризен в быту. Приходилось менять тарелку за тарелкой, чтобы варёный рис пришёлся ему по вкусу. Однако люди делали это спокойно и весело, так как знали добрую душу писателя и любили его. Хорошо знавшая Гоголя Александра Осиповна Смирнова-Россет говорила, что писателю всегда надобно было пригреться где-нибудь, тогда он и здоровее, и крепче духом. Совершенное одиночество было пагубно для него. Именно в Риме Гоголь находил большое количество самых разных общительных и доброжелательных людей, что создавало для него приятную, тёплую и творческую обстановку.

Валерий Брюсов в статье «Испепелённый» увидел в гиперболе основной лейтмотив жизни и творчества Гоголя. Яркие краски Рима, смуглые черноволосые красавицы, устремлённые ввысь кипарисы, потрясающее небо Италии – всё это отвечало внутренним устремлениям Гоголя, являлось своеобразной материализацией, земным воплощением его видений. После Италии Германия и Швейцария показались ему «низкими, пошлыми, гадкими, серыми и холодными». В октябре 1837 года Гоголь пишет Жуковскому: «Если б вы знали, с какой радостью я бросил Швейцарию и полетел в мою душеньку, в мою красавицу Италию. Она моя! Никто в мире её не отнимет у меня! Я родился здесь. Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр – всё это мне снилось... Как будто с целью всемогущая рука промысла бросила меня под сверкающее небо Италии, чтобы я забыл о горе, о людях, о всём и впился в её роскошные красы» [1, с. 119].

Ещё в античные времена ставилась проблема разных типов любви, которые не сводятся только к взаимоотношениям мужчины и женщины. Об этом писал Платон в «Пире». Любовное чувство распространяется на животных, предметы материального плана, на весь мир. Любовь, привязанность к своей шинели гоголевского Акакия Акакиевича Башмачкина (повесть «Шинель») так велика, что он не может существовать без неё после её потери. Позже разные типы любви будут проанализированы в «Анне Карениной» Толстого.

В жизнь Гоголя вошла любовь к целому городу. С Римом ему жалко было расстаться даже на короткий срок. Писателя не очень интересовало присутствие в Риме знакомых людей, так как он привык общаться с домами и архитектурными сооружениями вечного города. В письме от 15 марта 1838 года, обращённом к своей ученице М.П. Балабиной, Гоголь сообщал: «В остальном всё как обычно: все в гневе, что вы ничего не пишете. Колизей очень настроен против вашей милости. Из-за этого я к нему не иду, так как он всегда спрашивает: “Скажите-ка мне, дорогой человечике (он всегда зовёт меня так), что делает сейчас моя дама синьора Мария?... Скажите, почему она больше меня не любит?” – и я отвечаю: “Вы слишком стары, синьор Колизей”. А он, услышав эти слова, хмурит брови, его лоб делается гневным и суровым, а его трещины – это морщины старости – кажутся мне тогда мрачными и

угрожающими, так что я испытываю страх и ухожу испуганный» [1, с. 85]. Каждый дом что-то говорил Гоголю и диалог этот был постоянным и насыщенным. В его восприятии вещи, предметы, камни одушевлялись, олицетворялись, а живое часто омертвлялось и являлись на свет мёртвые души.

Повесть «Рим» Гоголя, жанрово определяемая самим автором как отрывок, красноречива, эмоциональна и увлекательна. В настоящее время она считается чуть ли не лучшим путеводителем по древнему городу. Когда в 1843 году в Рим приехала фрейлина императрицы Александра Осиповна Смирнова, то Гоголь каждое утро являлся в её палатку ярко одетый: в серой шляпе, светло-голубом жилете и малиновых панталонах, чтобы сопровождать даму в прогулках на осликах по Риму. Вот тут он во всём блеске продемонстрировал знание того, что было связано с его любимым городом. Александра Осиповна вспоминала: «Он хвастал перед нами Римом так, как будто это его открытие... Никто не знал лучше Рима, подобного чичероне не было и быть не может. Всё, что относилось до исторического развития искусства, даже благочинности итальянской, ему было известно и как-то особенно оживляло для него весь быт этой страны, которая тревожила его молодое воображение и которую он так нежно любил, в которой его душе яснее виделась Россия, в которой отечество его озарялось радостно и утешительно» [1, с. 139]. В Риме всё грустное и безотрадное не казалось Гоголю безнадежным. Город был для писателя как бы тем волшебным стёклышком, которое счастливым образом преображало весь мир.

Незримой цепью Гоголь был прикован к России, к бедному, неяркому миру, курным избам, открытым пространствам. И всё-таки на призывы М.П. Погодина вернуться на родину в 1837 году после гибели Пушкина Гоголь отвечал: «Но ехать, выносить надменную гордость безмозглого класса людей, которые будут передо мной дуться и даже мне пакостить, нет, слуга покорный. В чужой земле я готов всё перенести, готов нищенски протянуть руку, если дойдёт до этого дело. Но в своей – никогда» [1, с. 116].

В повести «Рим», завершённой в 1842 году, Гоголь ставил перед собой сложную задачу передачи неуловимого, того особого духа, которым живёт вечный город. Отсюда многообразие персонажей и красок, тема карнавала, организующая повествование. Подобно импрессионисту, отдельными мазками Гоголь воссоздаёт особый дух города, похожего на вечный праздник: «Солнце опускалось ниже к земле; румяней и жарче стал блеск его на всей архитектурной массе; ещё живей и ближе сделался город; ещё темней зачернели пинны; ещё голубей и фосфорнее стали горы; ещё торжественней и лучше готовый погаснуть небесный воздух... Боже, какой вид! Князь, объятый им позабыл и себя, и красоту Аннунциаты, и таинственную судьбу своего народа, и всё, что ни есть на свете» [1, с. 75].

В Риме для Гоголя сошлось всё, что противостоит тёмным силам, в которых писатель видел своего противника. Выставить чёрта смешным – основная задача его творчества. Рим для Гоголя – это не только мягкий климат и красота природы, но и многовековой дух искусства, природный художественный инстинкт чуть ли не каждого жителя Рима, сочетающийся с

бьющей в глаза яркостью красок: «Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскroивши чёрные, как уголь, тучи, нестерпимо затрепещет она целым потоком блеска. Таковы очи у альбанки Аннунциаты» [1, с. 11].

И ещё Рим – это для Гоголя любовное и внесловное единение людей, которому под силу преодолеть все напасти и которое убедительно представлено в раннем цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». В повести «Рим» создаётся образ Пеппе: «Он, как видно, уже успел попробовать карнавала. Его откуда-то сбокухватило сильно мукою. Весь бок и спина были у него выбелены совершенно, шляпа изломана, и всё лицо было убито белыми гвоздями. Пеппе был уже замечателен потому, что всю жизнь свою остался с уменьшительным именем Пеппе. До Джюзеппе он никак не добрался, хотя и поседел» [1, с. 68]. «Он был самый радушный исполнитель всех возможных поручений... Часто ему перепали порядочные деньги, но деньгами он распоряжался по-римски: то есть назавтра никогда почти их не ставало» [1, с. 69]. Этот римский «маленький человек» объединяет всех, создаёт особую доброжелательную атмосферу города, частью которого он является. И если история петербургского «маленького человека» Башмачкина (повесть «Шинель») заканчивается смертью персонажа, то «истинный римлянин» Пеппе останавливается на развилке, произнеся привычную фразу: «Что хочет ваше сиятельство?».

А князь – главный герой повести «Рим» – хотел бы узнать имя увиденной им красавицы, но остановился в финале, потрясённый красотой города, и забыл про Аннунциату. Таким образом, данная художественная параллель демонстрирует авторскую иерархию ценностей.

Радостный мир «Вечеров на хуторе...» и повести «Рим» – это начало и финал, своеобразное обрамление не всегда весёлого творчества автора. Экспрессия Гоголя, описание забавных случаев и привычек персонажей, появление нечистой силы – всё это позволяет сопоставлять удалённые друг от друга произведения. Следует заметить, что в «Вечерах...» кузнец Вакула шлёпнул чёртика вместо благодарности за полёт, а в «Риме» Пеппе увидел сон про сатану, таскающего его за нос по крышам домов за то, что он молился святому Панкратию. Пеппе легкомысленно вообразил, что сатана ему подсказал числа для игры в лотерею. Персонажи первого и последнего художественного произведения летали с нечистой силой и старались её подчинить своим эфемерным желаниям...

В 1847 году Гоголь по дороге на северные курорты в последний раз проезжает по Риму. Город его уже не интересовал так, как прежде. Он навсегда заключил его в своё сердце.

Список литературы

1 Гоголь Н. В. Рим – Roma / пер. на итал. яз. – М. : Центр книги, 2009.

G. SAMOYLOVA
(Kurgan, Russia)

GOGOL'S AFFAIR WITH ROME

Abstract: The «Rome» novel by Gogol is analyzed in the context of the writer's relationship to the eternal city. It is planned to be a dialogue of Russian and Italian cultures. The "little man" of Rome and that of St. Petersburg are considered in the similarities and differences.

Keywords: Gogol, the leitmotif, the personification, "the little man", an art parallel, dialogue.

T.M. СМАКОТИНА
(Курган, Россия)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТАФОРЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МАТЕМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу видов и функций метафоры в англоязычном математическом дискурсе. Комментируется роль метафоры в формировании терминологического словаря науки. Анализируется функция метафор разнообразных структурных и семантических типов в создании эмоционального компонента в математическом дискурсе. Отмечается одобрительная, оценочная, ироничная функция метафоры, взаимопроникновение таких семантических тем как наука-искусство, наука-природа в формировании метафоры. Метафора способствует усилению эмоциональности математического дискурса и созданию необходимого прагматического эффекта.

Ключевые слова: метафора, научный математический дискурс, структурные и семантические типы, экспрессивная функция, прагматический эффект.

Когнитивно коммуникативный характер научного дискурса предполагает не только логичное, точное, детальное изложение научного материала, но и разъяснение, убеждение адресатов в обоснованности, истинности предлагаемой трактовки научной проблемы. Адресованность научного дискурса безусловна, но в нем отражается и творческое «я» адресанта, его восприятие определенного фрагмента научного познания, его мнение, оценка и эмоции. Нельзя не согласиться с О.Е. Филимоновой, что научная речь не может быть сведена к простому сообщению фактов [4, с.18]. Использование образных средств не противоречит нормам научного дискурса, в котором реализуется не только сообщение информации, но и поиск истины, дискуссия, одобрение, возражения, аргументация.

Функция метафоры как одного из изобразительных средств языка в научном математическом дискурсе не только информативная, но и экспрессивная, направленная на прагматический результат. Метафора определяется как переносное употребление слов на основе аналогического сходства. М.В. Никитин отмечает познавательную ценность метафоры: «Любая метафора основана на аналогическом моделировании сложного для когниции и именованного через что-то более простое, наглядное, доступное для понимания и освоенное практически» [2, с. 37].

Метафора играет важную роль в формировании терминологического словаря науки. Языковая «стершаяся» метафора широко представлена и в математической терминологии: square root, set, right angle, equation, properties of figures, rational and irrational numbers, finite number of steps. Языковая метафора уже не воспринимается как изобразительное средство в таких словосочетаниях, как the field of geometry, every branch of maths, departments of algebra. Однако для того, чтобы подчеркнуть взаимосвязь всех областей математической науки, предостеречь от их изоляции друг от друга употреблено слово «compartment», которое при поддержке определения «sharply bounded» привносит значение малого, ограниченного пространства, образное значение замкнутости. Взаимосвязь, близость наук подчеркивается также метафорическим употреблением словосочетания «closeneighbour» и предикатом «borderson»: In place of the sharply bounded compartments of algebra, of analysis, of the theory of numbers and geometry, we shall see, for example, that the theory of prime numbers is a close neighbour of the theory of algebraic curves, or, that Euclidean geometry borders on the theory of integral equations [Д11, с. 68].

Иногда автор предостерегает читателя от буквального понимания значения термина с помощью кавычек и последующего разъяснения: Don't think that the word «imaginary» means that these numbers are mystical or unreal in the everyday sense of the word, or that «complex» means complicated [Д11, с. 68]. Basically «set» is simply a synonym of «class», it has more currency than «class» in math contexts [Д1, с. 443].

Кавычки довольно часто употребляются в математическом тексте с терминами, которые еще не утратили своего исходного языкового значения и могут восприниматься как изобразительная метафора: Such geometry may, for want of a better name, be called «subconscious geometry» [Д1, с. 140]. The modeling of creative processes gave birth to the term «artificial intelligence». But that does not mean that computers possess it [Д1, с. 409]. It does not give us a chance to «feel» or see antigravitation [Д1, с. 241].

Кавычки в подобных случаях являются признаком того, что метафора еще «не стерлась», сохранялось явно метафорическое сходство по аналогии и слову или словосочетанию ещё предстояло закрепиться в научном дискурсе как термину либо не стать таковым.

Анализ позволяет говорить о наличии эмоционального компонента в математическом дискурсе во множестве ситуаций при участии метафор разнообразных структурных и семантических типов.

Широко представлены именные, предметные метафоры, выраженные существительными:

the harvest of new consequences [Д11, с. 65] – урожай новых следствий (выводов); the great ocean of truth [Д1, с. 273] – огромный океан истины; the spirit of algebraic research [Д11, с. 66] – дух алгебраического исследования; many large chunks of classical material [Д11, с. 65] – много больших кусков (глыб) классического материала; the whole universe of sets [Д1, с. 455] – целая вселенная множеств; the cradle of western sciences [Д1, с. 147] – колыбель западных наук; the watershed of algebraic thought [Д1, с. 284] – водораздел алгебраической мысли; a

storehouse of abstract forms [Д11, с. 29] – кладовая абстрактных форм; the disease of doubting [Д11, с.15] – болезнь сомнения. The high water mark of the growth of mathematical logic was Whitehead and Russel's Principia Mathematica [Д11, с. 15]. (High water mark – мор. «уровень полной воды», перен. «высшее достижение».)

Многочисленны глагольные, предикатные метафоры, в которых глаголы механического, физического действия сочетаются с абстрактными существительными:

These words all carry the freight of meanings and emotional association [Д11, с. 323]. – Эти слова несут груз значений ...;

... It is very odd indeed that the theory of gravitation originated by Newton and developed further by Einstein should stand in majestic isolation [Д1, с.239]. – Очень странно, что теория гравитации ... должна стоять в величественной изоляции.

Глаголы, обозначающие чувства, эмоции и поступки, присущие человеку, в сочетании с абстрактными понятиями или неодушевленными предметами воспринимаются как метафорически переосмысленные:

The axiomatic method ... has revealed its Achilles heel in the logic and set theory [Д11, с. 342]. – Аксиоматический метод ... раскрыл (обнаружил) свою Ахиллесову пяту в логике и теории множеств (перен.: проявил слабость, несостоятельность, уязвимость);

... lest it (a math problem) mock at our efforts [Д1, с.108]. – Чтобы она (математическая проблема) не посмеялась над нашими усилиями;

Algebra ... has to listen to outside demands issued from various parts of maths [Д1, с. 284]. – Алгебра должна слушать внешние требования от различных частей математики.

Метафоры, выраженные прилагательными, весьма частотны в математическом дискурсе:

Evidently today this is an extremely complicated problem, even for omnipotent physics [Д1, с. 241]. Omnipotent physics – всемогущая физика.

Утверждение о красоте, гармонии, симметрии математики предваряется отрицанием такого качества, как ugly – безобразный: There is no ugly maths [Д1, с. 49].

Примеры синестетической метафоры, связанной с восприятием органов чувств, а именно, зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, оживляют дискурс, привносят эмоциональность: heated discussion, pure thought, brilliant observer, cold reason, thorny question.

...we seek to conquer these new fields of knowledge for the realm of pure thought [Д1, с. 109];

We take here a naive point of view and do not deal with the thorny questions, half-philosophical, half-math raised by the problem of the «nature» of the math «beings» or «objects» [Д11, с. 77];

Newton's theory was world-wide success, it impressed educated people not only as the brilliant ordering of celestial nature, but as a model for other grand explanations to come [Д1, с. 237];

...it is embodied by beautiful maths, we are offered it as a brilliant guess from the real universe [Д1, с. 238].

Математика предстает как живой агент, в котором все прекрасное (beautiful) не может быть поверхностным (skin-deep), но проникает в глубину математического организма:

That is, what is beautifulin maths can never be merely skin-deep, it must penetrate deep into the bottom of the math organism where all problems converge [Д1, с. 44].

Сравнительная и превосходная степени прилагательного придают большую выразительность метафоре.

Theories explaining this mysterious process abound, each more exotic than the other [Д1, с. 243];

The theory of numbers is generally considered to be the purest branch of pure maths [Д11, с. 66].

Если «puremaths» представляет собой привычное словосочетание, стержущую языковую метафору, то превосходная степень «the purest branch» возвращает метафоричность как новизну восприятия.

Карл Бюлер говорит о пластичности смысловых сфер номинативных слов и отмечает, что метафора употребляется и для выражения иронии, насмешки, предостережения [1, с. 322-325]. Участие метафоры в контексте «иронизирующего дискурса» газеты рассматривает Т.А. Пивоварчик [3, с.115].

Ироничная метафора не чужда математическому дискурсу. Веселая ирония и одобрительная оценка звучит в характеристике компьютеров, которые «демонстрируют неограниченное терпение и не требуют питания»:

... computers are ideal experimental subjects: they exhibit unlimited patience, they require no feeding [Д1, с. 358].

Эмоционально-оценочная метафора иронично, даже насмешливо выражает отношение Пуанкаре к теории множеств, которая не была далее «бесплодной», так как «породила противоречие»:

...set theory was no longer barren, for it gave birth to a contradiction! [Д1, с. 447]

Явно одобрительная эмоционально-оценочная метафора с иронией характеризует эволюцию теории чисел, когда арифметика и математический анализ «подчинили свою душу пытливому милосердию математической логики»:

The arithmetic of 1, 2, 3 ... and with it math analysis resigned its soul to the searchingmercies of math logic [Д11, с. 62].

Математика предстает в математическом дискурсе как активный субъект со своей внутренней жизнью и взаимодействием с миром человека:

Thus, with these indispensable qualifications, we can become better aware of the internallife of maths, of its unity and diversity [Д11, с. 66].

Отношение математиков к своей профессии, их амбиции также находят свое метафорическое выражение, например, «выгравировать свое имя на каком-нибудь дифференциальном уравнении»:

...every mathematician of the period tried at least to carve his name on some differential equation [Д11, с. 126].

Высокая оценка и уважение ученого к работам великих предшественников реализуются в сопоставлении двух аналогичных ситуаций. Пропуск доказательства Эвклида в книге по геометрии приравнивается к отсутствию самого Гамлета в трагедии «Гамлет»:

The leaving out of Euclid's proof is like the play of *Hamlet* with Hamlet left out [Д1, с. 170].

В следующей цитации проводится аналогия движения исследовательской мысли ученого-математика с перемещением его по «математическому ландшафту», при этом обнаружение, открытие им «структуры» яркой вспышкой озаряет его дальнейший путь в неожиданном направлении:

And for the research worker who suddenly discovers this structure in the phenomena which he is studying, it is like a sudden modulation which orients at one stroke in an unexpected direction the intuitive course of his thoughts and which illuminates with a new light the mathematical landscape in which he is moving about.

О взаимопроникновении семантических сфер как основе широкого распространения метафорических оборотов интересно рассуждает Карл Бюлер [1, с. 316]. Семантическая классификация метафор остается актуальной темой и в настоящий период времени. В англоязычном научном дискурсе математика сопоставляется с искусством. Между ними выявляется тесная, в том числе родственная связь, их коснулся один и тот же «гений, дух», как некое персонифицированное воплощение высокой энергии: Maths is the sister as well as the servant of the arts and is touched with the same genius [Д1, с. 42].

Близость математики и искусства выражается метафорически словом «intimacy»: The new maths and the new arts are capable of an intimacy that we have not seen since the Renaissance [Д1, с. 43].

Сопоставление с музыкой вводит в математический дискурс образы и лексику, типичные для этой сферы искусства, такие как musical phrase, lyre, orchestra, overtones, to sound, to pluck the strings:

Because of Fourier's work not even the elusive beauty of a musical phrase escapes math formulation. Whereas Pythagoras was content to pluck the strings of a lyre, Fourier sounded the whole orchestra [Д1, с. 44].

Экспрессивно комментируется роль математики в дизайне музыкальных инструментов – «арбитр совершенного дизайна»: Maths not only aids in the design of musical instruments but sometimes maths rather than the ear is the arbiter of perfect design [Д1, с. 47].

Взаимопроникновение семантических сфер наука-природа находит отражение в математическом дискурсе как в устойчивых, так и в окказиональных метафорических словосочетаниях: the growing fields of mechanics and astronomy, gnarled equation trees, the jungle of differential equations, the seed of calculus [Д11, с. 126];

Thus Hamilton started a glorious school of maths, though it was not to come into fullblossom for another half century [Д1, с. 299];

...the flowering of the modern form of the axiomatic method [Д11, с. 8];

...maths continues to grow new branches and bear fruit [Д11, с. 342].

В кратком обзоре мы отметили роль метафоры в формировании терминологического словаря математики как науки, разнообразие её структурных и семантических типов, взаимопроникновение семантических тем наука-искусство, наука-природа, эмоционально-оценочную и ироничную функцию метафоры в научном математическом дискурсе.

Анализ подтверждает мнение о том, что англоязычный научный математический дискурс эмоционален и экспрессивен. Метафора как изобразительное средство способствует привлечению внимания и интереса адресатов. Авторская художественная метафора украшает научный дискурс, вызывает нужные ассоциативные впечатления, служит вспомогательным средством для восприятия. Эмоциональность усиливает прагматическое воздействие, способствует созданию необходимого прагматического эффекта. Изучение выразительного своеобразия англоязычного научного дискурса несомненно представляет интерес, что соответствует вниманию современной лингвистики к эмоциональной сфере человека.

Список литературы

- 1 Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем. ; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2000.
- 2 Никитин М. В. Метафорический потенциал слова и его реализация. – *Studia Linguistica-10. Проблемы теории современных языков.* – СПб. : Тригон, 2001. – С. 36-50.
- 3 Пивоварчик Т. А. «Иронизирующий» дискурс газеты // *Филологические знания на современном этапе : сборник статей / отв. ред. И. А. Шушарина.* – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – Вып 3. – С.113-117.
- 4 Филимонова О. Е. Язык эмоций в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты). – СПб. : Изд-во РГПУ им А.И.Герцена, 2001.
- 5 Д1 – Дорожкина В. П. Английский язык для студентов-математиков. – М. : АСТ : Астрель, 2002. – 496 с.
- 6 Д11 – Дорожкина В. П. Английский язык для студентов-математиков и экономистов. – М. : АСТ : Астрель, 2004. Ч.2. – 347 с.

T. SMAKOTINA
(Kurgan, Russia)

SOME ASPECTS OF METAPHOR IN ENGLISH MATHEMATICAL DISCOURSE

Annotation: The article deals with the analysis of the types and functions of metaphors in the English mathematical discourse. The role of metaphor in the formation of mathematical terminology is commented on. The function of metaphors of various structural and semantic types in the intensification of the emotional component of the mathematical discourse is analysed. The approving, evaluating and ironic function of the metaphor is stressed. Mutual penetration of such semantic spheres as science-art, science-nature in the creation of metaphors is illustrated. It is shown that metaphor contributes to the expressive, emotional atmosphere of the mathematical discourse and intensifies the pragmatic effect.

Keywords: metaphor, scientific mathematical discourse, structural and semantic types, expressive function, pragmatic effect.

ЛАБИРИНТ ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ В КУЛЬТУРЕ СЕЛА СУНГУРОВА

Аннотация: На материале фольклорно-этнографической экспедиции 1995 года автор выявляет синтез исторического и мифологического в культуре села Сунгунова Мокроусовского района, показывает устойчивость архаических форм.

Ключевые слова: фольклор, этнография, мифологема, архаика, топоним, обряд, сакральность.

Задача статьи – выявить синтез исторического и мифологического в культуре села Сунгунова Мокроусовского района, показать устойчивость архаических форм. Эмпирической базой работы является материал фольклорно-этнографической экспедиции в это село зимой 1995 г. Они хранятся в архиве Фольклорной лаборатории при кафедре истории литературы и фольклора Курганского государственного университета. Село было образовано в середине XII века около озера Худорыбья. Позже возникли другие села, но история всех связана с озером. В 1995 году село было еще большим. Здесь зарождалась жизнь. Топоним «Сунгуново» обязан именем какого-то «князя», тоже появившимся невесть откуда. Об истоках названия нами записано четыре топонимических предания, сакрализующих водное пространство. Оно предстает связующим звеном между прошлым и настоящим, между народами и поколениями. Истоки этой функции расшифровываются пространственной характеристикой водоема: озеро представляет собой зеркальное отражение солнца. Оно – круговая чаша, осмысляемая как символ единства.

Мифологизировано начало самого озера. Оно отнесено в далекое, закрытое веками золотое время и в «ничейное», общее пространство, созданное Богом.

Село уже потеряло статус богатого совхоза, который еще в недавние времена в собственной теплице выращивал цветы и овощи. Население русское, по вероисповеданию – православные. Было небольшое количество старообрядцев разных толков (австрийцы, двоеданы, часовенные). Потомки старообрядцев кроме своей принадлежности к староверию ничего не знают. Они не могли объяснить, почему некоторых покойников хоронили в других селах, а в Сунгуново везли из других деревень. Здесь давно нет уставщика, который бы поддерживал старую веру. Сохранились только некоторые элементы старообрядческого похоронного обряда.

Одно селение притягивало другое. Сказывают здесь, что название дано по имени князька кочевников – Сунгура. «Он еще до русских пришел сюда и сел между озерами. Место хорошее: пастбища сочные и отборные. Пришли русские, он их принял мирно, никаких стычек не было. Русские сохранили имя Сунгура – мирного человека, оставили за своим селом. Я спрашивал у казахов. Они говорят, что такое имя у них есть» [1, с. 1-2. Зап. от учителя А.Е. Вершинина, 1964 г.р.]. Зоя Григорьевна Доможирова (1926 г.р.) тоже видит начало истории села в далеком, «нерусском» времени: «Да кто его знает. Был какой-то Тунгур. До нас

было, до наших дедов-прадедов еще. Здесь рядом все казахи были, или кыргызы, как их зовут. Вот от него и пошло название [1, с. 2]. Третий вариант записан от Александра Перфирьевича Кокорина (1981 г.р.): «Говорили, что был какой-то Кунгур, или Тунгур. А кто его знает, кто он» [1, с. 2].

Высокий сакральный статус озера мифологическое сознание видит не только в его патронаже дружбы народов, но и в охранительной силе, что является основой четвертого топонимического предания: «Старики сказывали, давно было. Здесь ишо и русских не было. Кыргызы место занимали. Русски пришли. Место большо, хорошо. Деревня вся была в лесу, огороды к озеру, высоко. В погребах воды не было. Целу зиму с озера лед возили. Нарубят его пластами, привезут. Натаят, когда надо, и пили. Ох, и вода! В погреба лед спускали. На улице жара, а в погребе ничего не портится. Холодно, ну, как в погребе! Эх, все нарушили. Всю скотину перевели из деревни, подстанция сгорела. Людям делать нечего, и стали разбредаться кто куда. Разошелся народ» [1, с. 3. Зап. от бабы Фени – Федосьи Петровны Митрофановой, 1905 г.р.].

Мифологизирует действительность архаическая мифема единства природы и человека. В этом плане характерен мотив помощи людям со стороны озера во время Великой Отечественной войны. «Рыба, она не всегда одинакова, – рассказывает Ф.П. Митрофанова. – Вот озеро. Зовется Худорыбье. Теперь рыба не та, меньше ее, и она суше. А не худая совсем-то уж. Худая она давно была, когда первы русски поселились. Смотрят, место хорошо, рыбы много. Словили, сварили там или как, а рыба сухая. Тогда они напустили хороших карасей. Они расплодились, а сухая, худая перевелась. Вот тебе и “Худорыбье”! А в войну как рыба была! На сковороде не уместишь. Разрежешь по хребту, распластнешь, вся семья сыта. Ребетня и бабы ловили рыбу дуриком: подолами, рубашками, ведрами, мордушками. Бредышки кой-каки были. Дед Кузьма рассказывал, что слышал от стариков, что давно когда-то рыбы было, как щепы. Только суховата была. Тут кыргызы тогда были. Когда русски пришли, принесли в озеро хорошу рыбу. Она толстая и желтая. Ну, как солнце» [1, с. 4]. Разрушение «неперспективных» деревень, снесение домов, уничтожение привычного быта, нанесение крестьянину удара вызвали, по суждению сунгуровцев, ответную реакцию природы: рыба, по мнению рассказчиков, хотя не ушла совсем, но стала суше. Увы, как сама жизнь.

Мифологизация озера способствовала устойчивости других древних представлений, поверий, быличек. В частности, сохранилась вера в неизбежность наказания за оскорбление земли. «Русские люди в основной своей массе не считали хозяйствование на земле только средством обеспечения своего существования или способом обогащения. Для них всегда это было нечто большое, связанное со всей их духовной жизнью. Связь эта проходила, прежде всего, через глубокое понятие – земля Божия, означавшее, что по происхождению своему и по существующему ныне порядку вещей, она принадлежит Богу», – сделан вывод на большом материале, включая и сибирский [2, с. 263]. Оскорбление, нанесенное земле, по убеждениям старожиллов, отозвалось разрухой. Непонимание политических и экономических процессов заменилось традиционными формами осмысления

действительности. Грех разрушения привычного уклада, непочтение к земле, по верованиям старожиллов, вызвало оскудение жизни: «Деревню, землю перепахали, даже могил не осталось. Зачем порушили? Дома-то вековые стояли. Наш-то вон откуда перевезен, только перестроен малость. Раньше в совхозе было восемь базовок для скота. Где они? Ни базовок, ни скота» [1, с. 4]. Пустеют места: люди разбредаются, рыба усыхает, бывшая совхозная живность исчезает на глазах – так связывают сунгуровцы человека и природу.

Устойчива в селе традиция быличек и поверий с образами домового, покойника и бани. Остановим внимание на поверьях о бане. В общих чертах локальная мифологизация ее соотносима с общерусской традицией. По поверьям, в «байне» можно мыться только трем партиям. Если не все помылись, надо хоть щепочки подбросить в печь или тонкие дрова, чтобы показать, что баню топили снова. Опять можно ходить трем партиям. По уверениям Е.А. Васильевой, Обдериша сдерет кожу с любого, кто пойдет в четвертый пар, то есть четвертым человеком или четвертой партией. На наши вопросы о причинах такого сурового наказания Обдеришой рассказчица неуверенно ответила: «Поди, кака-то хозяйка. И крест оставь в предбаннике» [1, с. 7, а]. О ее облике, а также о локусе пребывания можно судить по местной традиции святочного ряжения: парни наряжались Обдеришой, выворотив шубу мехом наружу и намазав лицо сажей. Получается, что Обдеришу воспринимали носители верований как персонаж «иног» мира, не «людского». На широкой источниковедческой базе фольклористы показали повсеместное бытование быличек об Обдерише как женском демоническом персонаже, обитающем в бане. Связь ее с иномирием проявляется в требовании сотворения молитвы (как оберега) перед тем, как войти в баню [10, с. 380].

Из мифологических далий дошли до современных сунгуровцев былички о приходе к живым покойников, особенно в случае тоски по усопшему. Эти сюжеты широко известны у русского народа [9, с. 478-482]. Былички по форме изложения – *мемораты*, что должно придать тексту особую достоверность. З.Г. Доможирова (1926 г.р.) слышала подобные рассказы: «Бывает, и приходят». Однако знает она и меры спасения. Главная из них – молитва: «По своей матери я молитвы читала и не боялась. И вот что: когда уходишь от могилы, надо сказать: “Мы к тебе ходим, а ты к нам не приходи”. Когда поблазнит, скажи: “Страх страха бойся, а я тебя не боюсь” [1, с. 31]. На свой опыт общения с покойным мужем сослалась А.П. Кокорина (1931 г.р.). Она убежденно говорила о том, что покойники являются: «Сама на себе испытала. Мой являлся как бы во сне и не во сне. Лежит рядом, и весь холодный к спине прижмется. Один раз я как толкну его: “Иди ты к черту!” И очнулась, всю затрясло. Сказала мне здесь одна, чтобы я не к черту посылала, а материла. Как-то тоже сплю и не сплю. Опять пришел, прижался. Это слышу. Хочу очнуться и не могу. Знаю, что к черту посылать нельзя. Я как крикну: “Иди ты к е... матери!” С той поры как не бывало. Не приходил!» [1, с. 31].

Мифологические мотивы сохранены в похоронном обряде, который жители стараются уберечь от разрушения. Консервация мотивов выявляет стойкость представлений о единстве сакральной общности живых и мертвых. И

сейчас принято провожать покойного всем селом, без приглашения садиться за «горячий» поминальный стол (после похорон), уносить булочки детям, которые тоже являются членами коллектива, но не доросшими до исполнения обряда. В течение 40 дней под образами стоит стакан с водой, накрытый хлебом. Его ставят во время «горячего» стола для покойного.

Архаичен мотив обмана злой судьбы изменением имени. Как известно, имя – «...обозначение человека (или животного, предмета), которое в народных поверьях считалось непосредственно связанным с судьбой человека... Наречение именем было равносильно для ребенка выбору судьбы» [10, с. 271]. Тяжелую судьбу, считалось, можно обмануть. «Обман – магический прием, используемый для защиты от нечистой силы, болезни и прочих опасностей, угрожающих человеку» [10, с. 380]. Выбор редкостного имени призван «сбить с толку» злые силы. Эта форма обмана известна у славян. Так, в южнославянской традиции детям «давали защитные имена типа Вук (“Волк”), Мртвак (“Мертвый”), Кривоц (“Кривой”), Малко (“Маленький”) и т.д.» [10, с. 380]. В Сунгурове у деда учителя Андрея Еперифьевича Вершинина умирали в младенчестве мальчики. «Деду подсказали, чтобы имя следующему сыну дали необычное. Родился мальчик. Назвал его поп Еперифием. И правда, редкое имя. Отец выжил, больше детей не рождалось. Так стал я Еперифьевичем» [1, с. 32].

Устойчив мотив наказания за насмешку, за жестокость, за предсказание человеку смерти. Он является основой сюжета следующей былички. Шеин Кузьма Николаевич (1912 г.р.) считает, что нельзя вмешиваться в распорядок мироздания и человеческой жизни: «Знать-то, есть какая-то сила, там она – наверху. Один раз пришел я в магазин, а болел туберкулезом. Встал в очередь. Впереди такая острая стояла и говорит: “Что, Кузьма, просмерть пришел запасать?” И так весело засмеялась. Я говорю, мол, от *нее* крестом не открестишься, не отгородишься. Не спрашивают, за кем придти. Обидно стало, и без нее знал, что дело плохо: туберкулез. Я вот слава Богу живу, а ее давным-давно нет. Через год после того разговора заболела, и нет. И мужик ее давно ушел: через ручей шел и утонул. Вот и судите, как выходит. Или вот еще один пример. Был у нас тут председатель сельсовета Захаров Конон. В 1921 году голод был, подумать страшно. Этот председатель сельсовета к одной подбивался. А ее хотел сватать тоже наш деревенский. Так этот председатель сельсовета навешал на него какую-то кражу. Судили парня, били. Не за что. Откликнулось уже после войны. Надумал Конон новую сударку завести. Она овдовела, жила со свекрами. Свекор его подкараулил да как жажнул железным пестиком около косицы. Вот, как шарик, глаз выскочил. Ну, как шарик. Один ученый человек (мы с ним в Марайке ночевали, так сошлось) говорил мне, что есть сила, которая всем руководит» [1, с. 39]. В подтверждение верности подобных рассуждений Е.А. Васильева привела слова своей матери, знавшей толк в жизни: «Живи как можно легче с людьми. А теперь атомная жизнь» [1, с. 39].

Мифологизирует предметный этнографический ряд мотив сакральности волос. Мифологическое сознание идентифицировало и волосы, и головные уборы, и человека. Нарушение общепринятого порядка относительно волос и

головных уборов наказывалось. Так, в селе не разбрасывали волосы, их собирали в «смертную» подушечку. Особое внимание во всей Сибири уделялось шишмурке (шамшурке), которая была третьей составляющей частью женского головного убора: платок, косынка, шишмурка. Шишмурка – род чепчика, который стягивал узел волос. Ее надевали невесте как символ женщины. Обычай, восходивший к архаическим верованиям, повелевал бережливое отношение к шишмурке, как к волосам, которые считались средоточием жизненных сил человека» [7, с. 105]. На памяти информаторов мифологема перешла в нравственную заповедь, которая неукоснительно соблюдалась в Сунгурове. Потеря шишмурки приравнивалась к потере чести: «Нормальные женщины держали себя в порядке. Один раз моя тетка выпила лишку в праздник и как-то потеряла шишмурку. А, может, и не выпила, так как-то. Не хватилась сразу. Дядька Родион крепко бил ее за то, что шишмурку потеряла. А так-то он ее не обижал. Потерять шишмурку – плохо» [1, с. 40. Зап. от А.В. Ивановой, 1912 г.р.].

Таким образом, анализ фольклорно-этнографических материалов, собранных в Сунгурове, позволяет говорить о тесном переплетении исторических реалий и мифологем: мотивов, образов. Архаика, сохранившаяся по традиции, остается жизнестойкой чаще в силу устойчивости формы. Она не отмирает благодаря тому многокрасочному лабиринту мотивов, который расцветивает духовную и материальную культуру села.

Список литературы

- 1 Архив Фольклорной лаборатории КГУ. Колл. «Сунгурово-95».
- 2 Громько М. М., Буганов А. В. О воззрении русского народа. – М., 2007.
- 3 Еременко М. В. Славянские боги. – М., 2009.
- 4 Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск, 2004.
- 5 Мифы народов мира. Энциклопедический словарь : в 2 т. – М., 1996. – Т. 1.
- 6 Русская мифология. Энциклопедия. – М., 2006.
- 7 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.
- 8 Топорков А. Л. Земля // Славянская мифология : энциклопедический словарь. – М., 1995.
- 9 Традиционная культура Гороховецкого края : в 2 т. – М., 2004. – Т. 2.
- 10 Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001.

V. FYODOROVA
(Kurgan, Russia)

THE MAZE OF HISTORICAL AND MYTHOLOGICAL MOTIFS IN THE CULTURE OF SUNGUROVO VILLAGE

Abstract: Using the material of folklore-ethnographic expedition of 1995, the author reveals the synthesis of historical and mythological culture of the village Sungurova in Mokrousovsky District (Kurgan Region, Russia), shows the stability of archaic forms.

Keywords: folklore, ethnography, mythology, archaic, placename, ritual, sacredness.

«ТЕКСТ ЛАСТОЧКИ» В БЕЛОРУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Исследование «текста ласточки» в белорусской традиции показало, что его мотивными доминантами являются хтоническое, женское начала и сопряженность с космическим верхом, небом, положительным полюсом ключевой христианской оппозиции в ее народной интерпретации, а также с идеями «перехода», «возвращения времени/поворота», «начала», «обновления», «пробуждения».

Ключевые слова: текст, мотив, орнитологический код, белорусская традиционная культура.

В области изучения орнитологической символики славянской народной традиции накоплено значительное количество фактов, с применением описательных и аналитических методик на славянском материале выявлены основные аспекты и мотивационная база символики определенных птиц, в том числе ласточки. Между тем ряд важных для прочтения «текста ласточки» в белорусской традиции характеристик не был специальным предметом исследования, и сам этот «текст» не рассматривался как отдельный семантически цельный фрагмент. Такое исследование даёт возможность всесторонне раскрыть этнокультурный потенциал символики и семантики этого элемента орнитологического кода. Из довольно представительного ряда исследований символики птиц особо следует упомянуть работы А.В. Гуры, в первую очередь, монографию «Символика животных в славянской народной традиции» [5], которые показывают, что в традиционной славянской культуре орнитологические образы с их чрезвычайно разветвленной сетью семантических связей могут быть описаны при помощи стандартной схемы. Эта схема и задает основную координату предпринятого нами исследования «текста ласточки» в белорусской традиционной культуре.

Комплекс представлений о ласточке в культурной традиции белорусов, как и других славян, характеризуется развитостью и богатством и в наиболее общем виде, по мнению А.В. Гуры, сводится к тому, что ласточка – почитаемая, чистая, святая птица, наделенная женской символикой и сочетающая в себе небесное и хтоническое начала [5, с. 618-633]. Свойство полноты и нарративная организация многих фрагментов указанного комплекса проецируется на такие конституирующие характеристики текста, как целостность и связность. Это позволяет говорить, как отметила в отношении «текста чёрта» Е.Л. Березович, о существовании не просто соответствующего образа, но и особого «текста» языковой и культурной традиции. «Не будучи данным в своем последовательном разворачивании, этот текст может быть собран (хотя бы частично) по своим устойчивым элементам – мотивам. При этом наиболее важны сквозные мотивы, которые выводят на ключевые эпизоды текста и обеспечивают его смысловую согласованность, в какой-то степени компенсируя отсутствие формальной связности» [3, с. 467].

«В тексте ласточки», как и некоторых других птиц, например аиста, кукушки, выделяется мотив **происхождения от человека**. Согласно белостоцкой легенде «Пра сівую зязюлю, ластаўку і салаўя», ласточка – дочь ужа и женщины. Когда ужу его тёща отсекла голову, жена окропила мужевой кровью себя, сына и дочь, вследствие чего сама она превратилась в кукушку, дочь – в ласточку, а сын – в соловья [11, с. 63]. В балладах «Три пташки возле убитого молодца» обыгрывается обратная метаморфоза женщин в ласточек [2, с. 152]. В этиологических легендах, объясняющих раздвоенность хвоста ласточки, эту птицу и **ужа (змея, змею)** связывают не кровно-родственные, а антагонистические отношения. Так, согласно легенде из Ельского района Гомельской области, ласточку схватил за хвост змей (возможно, «летучий»), когда птица отвлекала его внимание от своих детей, *«таму ў яе ў хвасце две палоскі засталася ззадзі»* [15, кн. 2, с. 592]. Либо, склевывая комара, ласточка защищает человека от всех хищных зверей, которые благодаря птице *«не дайшли практыкі, а то, падобна, чалавеча кроў сладка, то каб даведаліся, то хваталіся б людзей есць, а так – то не»* [11, с. 48].

Мотивы происхождения ласточки в результате метаморфозы девочки (ритуально чистой) и покровительства человеку, противостояния враждебно настроенным по отношению к нему зверям находятся в русле регулярно воспроизводимых утверждений о святости ласточки, отношения к ней как к **чистой, любимой Богом и людьми птице**. Довольно мощный пласт народных библейских легенд посвящен раскрытию причин возникновения такой положительной трактовки ласточки. Согласно одной из них, ласточка указывала Божьей Матери путь к месту распятия Сына, *«дэ Ісус Хрыстос высіть»* [16, с. 407]. Ласточки также старались уберечь Христа, поспособствовать прекращению Его мучения и кричали «Памёр! Памёр!», в отличие от «нечистых» воробьёв, кричавших «Жив, Жив!» [15, кн. 2, с. 567]. В отличие от всех остальных птиц ласточка не просто сочувствовала Христу, но и принимала реальные действия по облегчению Его мук – похищала гвозди, подносила росу, вынимала тернии из венца и *«паэтану яна ўсягда шчытаеца як бы сьвятая пцічка»* [15, кн. 2, с. 566–567]. Знаком того, что ласточка приняла на себя часть мук Христа (поранилась терниями), стало красное пятнышко на ее грудке [15, кн. 2, с. 567]. С библейским сюжетом распятия связано и другое объяснение появления пятнышка: *«У ластоўкі есть под горлушко красное. Это она гвоздзя прынэсла, як Ісуса Хрыста роспыналы. <...> Як прыбывалы, і кроў брызнула под горлушко»* [16, с. 407]. Согласно одной из легенд, ласточки мешали распятию Христа тем, что похищали гвозди: так сделали они дважды, но на третий раз Бог это запретил им, поэтому птицы и по сей день ругаются с Богом [1]. В щедровках ласточка уподобляется Божьей Матери. С мифопоэтическим концептом Воскресения Христова и моментом пробуждения природы, смены зимы весной (и соответствующих циклов хозяйственно-культурной деятельности) ласточки связаны в представлениях о том, что эти птицы прилетают после Пасхи, когда батюшка скажет: «Христос Воскрес!» (ФА; Старое Село Жабинковского р-на). Вообще, мотивы начала, возрождения-воскресения, стимуляции природы к календарной динамике, пробуждению и

развитию в «тексте ласточки» представлены довольно выразительно. Это может касаться и начала весенне-летнего сезона, и суточного цикла, дня – «*Ластаўка дзень пачынае, а салавей канчае*»; «*Ластаўка вясну пачынае, салавей летаканчае*» (ФА; Яглевичи Ивацевичского р-на).

С темой новолетия образ ласточки связан в щедровках типа: «*Да на Дунаечку, да на берэжэчку, // Шчодры вечор! // Там ластавочка ды й купалася // Да к сьветому дзеньку прыбіралася...*» [15, кн. 1, с. 149]. Согласно ряду свидетельств, именно с появлением ласточки в зимне-весеннее порубежье связано увеличение солнечного света и тепла – ласточка на крыльях приносит весну [15, кн. 2, с. 567]. Своим щебетом прилетевшая в зимне-весеннее порубежье ласточка маркирует границы календарного цикла, вербализирует представления о конце «состарившегося» календарного периода, в который были сделаны запасы урожая, и начале нового хозяйственного года, весеннего новолетия, когда эти запасы исчерпаны, а новый урожай только предстоит вырастить: «...*“Вылятала, вылятала паўнюсенька, прыляцела, прыляцела пусьцюсенька”*. *І праўда. Во яны цяпер паляцяць – і ў нас і карма есьць, і сена есьць, і ўсё есьць*» [13, с. 357–358]. Своеобразно структурируя годовое время, возвещая его поворот/возвращение, отмечая важные вехи хозяйственного календаря, птица высказывает недовольство исчерпанностью прошлогодних запасов (= самого календарного цикла), винит детей (либо воробьев): «*Нашто паелі хлеб?*» [14, с. 436].

Прилет ласточек в зимне-весеннее порубежье получал осмысление не столько на уровне празднично-ритуальной культуры, сколько традиционной нормативной практики и мог приурочиваться к дню Сорока мучеников (9/22 марта), Благовещению (25 марта/7 апреля), («*На Благовещенне прілітае ластівка – то ёё называюць Божою пташкою. То вэлыкэ свято, вэлыкэ*» (ФА; Ковердяки Брестского р-на)), Юрию (23 апреля/6 мая) или Николе вешнему (9/22 мая). Время прилёта ласточки рассматривалось как примета позднего либо раннего наступления осени. В приметах, связанных с весенним прилетом ласточек, актуализируются аграрная символика, тема роста, плодоношения культурных растений. Так, если первая увиденная ласточка высоко летает, уродится высокий лён; «*Колы рано прыляцяць ластаўкі, то будэ добрэ жыто*» (ФА; Селец Березовского р-на). При виде первой ласточки, знаменующей начало нового весеннего сезона, совершают ритуально-магические действия различной направленности. Часто это акты очистительной, профилактической, продуцирующей магии. С прилетом ласточки связывались очистительные акции переходного времени, направленные на уничтожение хтонических существ: «*Калі ластаўка прыляціць, мяці хату, штоб блох не было*». Большинство магических актов имело целью очищение тела: «*Як першы раз убачыш вясною ластаўку, то кінь што-небудзь, каб не было рабацення*» [9, с. 119]. Старались также обеспечить присутствие вернувшегося покровителя дома, хранителя скота в пределах культурного пространства: «*Шоб в доме был достаток, надо, когда первая ласточка прилетит, кинуть ей чуть-чуть земли, шоб она себе гнездо*

построила» (ФА; Полкотичи Ивановского р-на). В ответ на проявленное к ласточке гостеприимство ожидалось достаток и счастье в доме.

С темой новолетия, окончания старого сезона и наступления нового ласточка связана в масленичных песнях, большинство из которых характеризуется зачином: «А ў нас сёння Масленіца, // Прыляцела ластавіца». В зимних песнях ласточка – вестница весны и начала нового хозяйственного года – выполняет функции благожелающих колядников, щедровников: прилетает издалека, подлетает под окно, объявляет о своем прибытии, спрашивает хозяина и хозяйку, дома ли они, будит и вызывает хозяев, приносит «благую весть» о хозяйственном, семейном благополучии («*Шчодро, шчодро, шчадраўніца, // Прыляцела ластаўніца. // Стала сабе шчабятці, // Гаспадара выклікаці: // – Выйдзі, выйдзі, гаспадару, // Падзівіся да тавару. // У нас тавару поўна бора, // Твая жонка чарнаброва*» [8, с. 196]). Ласточку как райскую птицу отправляет с доброй вестью об окончании зимы и начале весны к людям Бог [9, с. 119]. Согласно кумулятивному тексту считалки, которая использовалась в весенне-летней игре «Прятки», ласточка находилась у Бога и выполняла там ткаческие работы – мяла просо и ткала пута: «– Ластаўка, ластаўка, дзе была? // – У бога. // – Што рабіла? // – Проса мяла, пута ткала. // – Дзе паклала? // – Пад лаўкай. // – Чым накрыла? // – Караўкай...» [15, кн. 2, с. 433]. Подчеркнём, что мотивы ткачества в «тексте ласточки» представлены довольно широко, причем нередко в связи с персонажами высшей христианской иерархии. Так, согласно легенде, зафиксированной в районе Вилейки, ласточка украла у Божьей Матери клубок ниток и ножницы, и это происшествие объясняет специфику щебета ласточки – в народно-этимологическом осмыслении это «Круцініці!» [1, с. 272]. Небесные черты ласточки, связь с верхним ярусом мироздания и его атрибутами (ночными), а также мотив ключей, который характерен весенним песням об «открытии» земли и выпускании росы, высвечиваются в загадке: «Шыла-матавіла па небе хадзіла, ключы пагубіла, а зорачка з месячыкам укралі» [7, с. 140]. В плане мифопоэтической соотнесенности ласточки с верхним ярусом мироздания, небом, Богом интересны представления, что ласточки летают выше других птиц [15, кн. 2, с. 567]), а также песенные картины локализации ласточки на церковных куполах, крестах.

На церкви – «доме Бога», предметном воплощении идеи Мирового дерева – размещена святая вещая птица в песнях, исполняемых на «Ушэсце» в обряде «Ваджэнне и пахаванне стралы». Ласточка, сидя высоко на горе, на церкви, на кресте, видит далеко и знает, что происходит в чужих краях, осведомлена о результатах противоборства членов двух молодежных групп – женитьбе одних и смерти других [15, кн. 2, с. 73]. Важно подчеркнуть, что в таких песнях ласточка может не спускаться к людям с небес, от Бога, и транслировать необходимую им информацию с высот храма, а вылетать из мира нижнего, хтонического, водного, например: «*І да раілася пчолачка // Да ў вяршэчку сосанькі. // Да вялятала ластаўка, // Ластаўка, ластаўка // Сы-пад сіняга возера, // Возера, возера, // Сы-пад белага каменя, // Каменя, каменя. // – Пытайцеся, дзеўкі, ў ластаўкі, // Ў ластаўкі, ў ластаўкі, // Што ў Заполлі дзеецца...»* [4, с. 246–247]. Возможна трактовка этого сюжета как

символического представления картины мира со всеми ее составляющими: среди первоначальных вод стоит камень, на котором расположено Мировое древо с пчелами на вершине. Однако ласточке отведено место на нижнем ярусе мироздания, что может быть соотнесено с мотивом возвращения сказочного героя из подземного царства именно на ней [1, с. 272]. Появление ласточки описывается через мотив «движения вверх», связанный с весенним раскрытием земли, ледоходом. В концептуально-поэтическую систему рассмотренной песни, таким образом, оказываются вписаны представления о хтонической природе ласточки и ее зимовье в воде. Полагали, что ласточки прячутся в реки, озёра и пруды, в их илистое дно, грязь, сцепляются лапками или крыльями в цепочки и спят под водой до весны, большие гирлянды таких сцепленных ласточек якобы вытаскивали рыболовы, от чего у них рвался невод [9, с. 118]. В зимне-весеннее порубежье, когда «пробуждается и открывается» земля и скрытые в ней хтонические существа выходят наружу, водный мир покидает и ласточка: *«Прыйшли Саракі. Ластаўкі вялятаюць з возера»* [6, с. 401]. В песнях на любовную тематику раннее возвращение ласточки из вырия символически соотносится с ранним замужеством девушки. Целый комплекс рассмотренных выше мотивов, связь ласточки с женским началом, брачной символикой, переходным статусом, нижним ярусом мироздания (морем, камнем) нашел преломление в известной хороводно-игровой балладе *«У нэдыльку ранэнько на зорэ // Шчэбятала ластоўка на морэ...»* (ФА; Суличеве Дрогичинского р-на). В весенних песнях «касістая, грабяністая» ласточка символизирует девушку, которая в текущем году должна выйти замуж, а в свадебных песнях – невесту. Ласточка, таким образом, связывается с началом и календарного, и социального циклов. Мотив брака, символическая ассоциация ласточки с женским началом, любовью и счастьем довольно активно реализуются в матримониальных приметах и любовной магии. На Могилевщине считается, что тот, кто носит при себе сердце ласточки, будет всеми любим, особенно женщинами [1, с. 272].

Ласточка, устраивающая, как и аист, гнездо на крыше дома или хлева, наделена функциями покровительницы дома и скота. Гнездование ласточки, как и аиста, приносит дому счастье, благодать, оберегает его от пожара: *«Колы ластовка зов'е гнэздо на хаты, то будэ добрэ ў сэм'і, о. То мне так маты казала. У нас было гнэдо под стрэхой»* (ФА; Конотоп Ивановского р-на). Плохим знаком считалось покидание гнезда приносящими счастье птицами: *«Колы ластовка збудовала гнэдо, а потым його покунула, то тая хата згорыць»* (ФА; Конотоп Ивановского р-на). Весьма значимый для «текста ласточки» мотив покровительства дому связан с представлениями о ее «семейственности», заботе о своем доме, детях. Среди всех прочих птиц ласточка выделяется тем, что максимально много стараний прикладывает к тому, чтобы вить крепкие, добротные гнезда. Согласно легенде, она стала лучшей последовательницей птичьего учителя, который *«расказуваў, як гняздо віць, як усё. Усе неяк так сядзелі, сядзелі, як на ўроку, ну так, па-птушынаму. А ластачкатак унімацельна слухала, так унімацельна, і з канца да канца выслухала. І паўглядайцеся: хто гэтак гняздо заўе? Ніхто...»* [13, с. 357-358]. Особое пристрастие ласточек к построению добротных гнёзд, возможно, ее

связь со скотом выявлены в загадках, где птица рисуется как конь, «кабылка», строящая дом (город): *«Лысая кабыла горад малявала, сеўшы панявала»; «Вараная кабылка на гару гліну вазіла»* [7, с. 140–141].

Из сказанного становится понятным, почему большим грехом считается разорение гнезда ласточки, ее убийство и употребление в пищу. Эти запреты получили разнообразные мифопоэтические толкования, в том числе оформленные в виде примет, поверий и др. Убивший ласточку может навлечь несчастье как на себя, так и на своих близких, хозяйство. Разнообразны наказания за разорение гнезда ласточки. Так, убийство ласточки чревато дисбалансом в хозяйственной деятельности, влечет за собой падеж скота: *«Нельга ластовку забіваты, бо, кажуть, скотына ўся подохне»* (ФА; Конотоп Ивановского р-на). Однако наиболее распространенное наказание касается сферы не хозяйственной, а частной жизни – появление на лице веснушек и прыщей, что связано с пестротой ласточкиных яиц, которые покрыты бурокрасными крапинками [5, с. 620-621]. В таких представлениях, поддерживаемых на уровне обрядового кода и норм бытового поведения (ограничительная кинесика, универсальный запрет касания, «лазания» в гнездо), косвенно проявляется сопряжение ласточки с солнцем. **Солярная символика** ласточки, как справедливо отмечает А.В. Гура, проявляется «в поверьях о солнечных ожогах и веснушках, вызванных нарушением запрета причинять вред ласточке, а также в превентивных магических действиях, приуроченных к прилету ласточки, которые направлены на то, чтобы не пострадать от загара и солнечных ожогов» [5, с. 633]. Особый интерес в связи с соотносительностью ласточки, веснушек и солнца представляют белорусские свидетельства, согласно которым веснушки могут появиться у человека лишь из-за того, что весной ласточка перелетит дорогу (вероятно, птица инициирует их появление не только в знак наказания, а в результате «реализации» своей солярной природы): *«Рабоцінье, калі вясной ластаўка пераляціць дарогу»* [12, с. 371]. В соответствии с принципом «кол колом вышибают» («Што зашкодзіла, тым і лячыся») связанное с ласточкой появление веснушек магически старались предотвратить (либо избавиться от имеющихся веснушек) обращаясь к этой же птице: *«Касатка, касатка! Вазьмі сваю рабіну – падай маю бяліну!»* [9, с. 119]. В рассматриваемом контексте характерно также использование крови ласточки и отвара ласточкиного гнезда против «рабаціння» [12, с. 373].

Тесная связь ласточки со всеми ярусами мироздания обусловила ее **медиативную, вестническую функциональность**. Если ласточка залетит в хату через окно, *«прыйдзе непажаданая вестка, а калі там ёсць нявеста – прыйдуць сваты ці жаніх»* [9, с. 124]. Ласточки, как и другие птицы, чей облик способны принимать души умерших, может предвещать смерть, либо приносить ее, как и весну, на крыльях [6, с. 235]. Между тем манистический комплекс в «тексте ласточки» выражен относительно слабо. Увиденная во сне, также как и наяву, ласточка приносит «новину», весть о возвращении солдата домой [10, с. 433]. Значительной устойчивостью в «тексте ласточки» обладает мотив звучащего иностранного языка – именно так пение ласточки трактуется в загадках

типа: «Шыла-матавіла пад нябесем хадзіла, па-нямецку гаварыла, па французску адказвала» [7, с. 140]. Такие загадки интересны и тем, что содержат упомянутые выше связанные с ласточкой мотивы прядения и ткачества, а также ношения на спине крови (что связано с темным окрасом этой части тела): «Я птушынага роду, так мяне называлі, маю шыла-матавіла, на плячах кроў нашу, а хто не знае маю загадку – адгадаць прашу» [7, с. 140]. Этот мотив прочитывается и в широко известных поверьях, что «калі ластаўка праляціт пад каровай, то неважна будзе» (ФА; Гошево Ивацевичского р-на), т.е. в молоке появится кровь. Аналогичные поверья зафиксированы и в отношении ласки.

В заключение отметим, что в «тексте ласточки» присутствует целый комплекс мотивов, объединенных понятиями «переход», «возвращение времени/поворот» (перелом биокосмического цикла и поворот к весне), «начало», «обновление/возобновление», «пробуждение», «открытие», «развитие/рост» (недаром поведение ласточки особо широко рефлектируется в зимне-весеннее порубежье). Перечисленные мотивы проявляются не только в устно-поэтических текстах, но и практически во всех сферах жизни: в повседневности, хозяйственной деятельности, магических практиках и др. Явно экслицированы идеи чистоты, почитания ласточки, соотнесенности этой птицы с космическим верхом, небом, положительным полюсом ключевой христианской оппозиции в ее народной интерпретации – Богом, Христом, Божьей Матерью. Другая мотивная доминанта «текста ласточки» – хтоническое и женское начала. Вместе с тем, многие из названных мотивов существуют не изолированно, а взаимопроникают, пересекаются. Хтоническая природа ласточки, происхождение ее от отца-ужа, зимовье в нижнем ярусе мироздания не мешает ей, появляясь из земли, воды во время сезонных перемещений, двигаться максимально высоко вверх, занимать высокие (в пространственном и аксиологическом измерениях) позиции, противостоять змею, служить Богу, сопрягаться с месяцем, звездами, солнцем. В этот контекст перемещения ласточки между различными ярусами мироздания и ее отмеченности печатью хтонического и солярного начал хорошо вписываются мотивы медиативности, пророчества, воплощенные в «тексте ласточки» (хотя мотив пророчества часто проявляет себя как тенденция и представлен в «тексте ласточки» не так весомо и последовательно как в «текстах» некоторых других птиц, в частности кукушки, ворона). В «тексте ласточки» представлены побудительные, благопожелательные интенции, подобно как у колядников, магический смысл прихода которых состоял в обеспечении хорошего урожая, приплода скота, заключения браков холостой молодежью и общего благополучия, счастья в доме. Этот круг представлений, как было показано, характерен и для мифопоэтической трактовки ласточки.

Список литературы

- 1 Антропаў М., Валодзіна Т. Ластаўка // Міфалогія беларусаў. Энцыклапедычны слоўнік. – Мінск : Беларусь, 2011. – С. 272–273.
- 2 Балады : у 2 кн. / уклад. Л. М. Салавей, Т. А. Дубкова. – Мінск : Навука і тэхніка, 1977–1978. – Кн. 1.
- 3 Березович Л. Е. Язык и традиционная культура. – М. : Индрик, 2007.

- 4 Веснавыя песні / склад. Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей, В.І. Ялатаў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979.
- 5 Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М. : Индрик, 1997.
- 6 Жыцця адвечны лад. Беларускія народныя прыкметы і павер'і: у 3 кн. / уклад. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 2.
- 7 Загадкі / склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. – Мінск : Беларуская навука, 2004.
- 8 Зімовыя песні: Калядкі і шчадроўкі / уклад. А.І. Гурскага, З.Я. Мажэйкі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – 736 с.
- 9 Зямля стаіць пасярод свету. Беларускія народныя прыкметы і павер'і: у 3 кн. / уклад. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 1.
- 10 Зямная дарога ў вырай: Беларускія народныя прыкметы і павер'і: у 3 кн. / уклад. У. Васілевіча. – Мінск : Маст. літ., 1996–1999. – Кн. 3.
- 11 Легенды і паданні / склад. М.Я. Грынблат, А.І. Гурскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983.
- 12 Народная медыцына: рытуальна-магічная практыка / уклад. Т.В. Валодзінай. – Мінск : Беларус. навука, 2007.
- 13 Традыцыйная культура беларусаў. У 6 т. Т. 3: Гродзенскае Панямонне. У 2 кн., кн. 2 / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2006.
- 14 Традыцыйная культура беларусаў. У 6 т. Т. 5: Цэнтральная Беларусь. У 2 кн., кн. 2 / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2011.
- 15 Традыцыйная культура беларусаў. У 6 т. Т. 6: Гомельскае Палессе і Падняпроўе. У 2 кн., кн. 1–2 / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск: Выш. шк., 2012–2013.
- 16 Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 4. Брэсцкае Палессе. У 2 кн. Кн. 2 / А. М. Боганева [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2009.
- ФА – Фольклорно-этнографічны архіў фольклорна-краеведчай лабараторыі Брэстскага дзяржаўнага ўніверсітэта ім. А.С. Пушкіна (рукаводзіць – І.А. Швед).

I. SHVED
(Brest, Belarus)

**«THE TEXT OF THE SWALLOW»
IN THE BELARUSIAN TRADITIONAL CULTURE**

Abstract: The study of the "text of the swallow" in the Belarusian tradition has shown that its motivic dominants are chthonic, feminine principles and conjugation with space, sky, the positive pole of the key Christian opposition in its people's interpretation, as well as with the ideas of "transition", the "return time / rotation", "beginning", "update", "awakening".

Keywords: text, motif, ornithological code, Byelorussian traditional culture.

ЯЗЫК И ПОЗНАНИЕ

Н.С. БОЧКАРЁВА, К.А. МАЙШЕВА
(Пермь, Россия)

ЭКФРАСИС РЕКЛАМНОГО ПЛАКАТА В РОМАНЕ Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»

Аннотация: В статье исследуется экфрасис рекламного плаката доктора Т.Дж. Эклберга и его место в художественной системе романа Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби». Рассматриваются связанные с ним сюжетные и образные мотивы, символизирующие ложные ценности, которые получили название «американская мечта». Делается вывод о разном восприятии плаката героями и неоднозначном отношении автора и повествователя к «веку джаза».

Ключевые слова: экфрасис, рекламный плакат, американская литература, американская мечта, век джаза, Фицджеральд.

Не только в зарубежном, но и в российском литературоведении существует большое количество работ, посвященных творчеству Ф.С. Фицджеральда (1896-1940), «американской мечте» и «веку джаза». Сам Фицджеральд в ноябре 1931 г. сравнивал «век джаза» (20-е гг. XX в.) – с декадансом (*findesiècle* – 90-е гг. XIX в.), отмечая среди прочего нервозность, цинизм, жажду удовольствий: «Это был век чудес, век искусства, это был век крайностей и век сатиры» [9, с. 40].

Художники рубежа XIX-XX вв., создавшие изысканный «стиль модерн», «идут в массовое искусство – охотно берутся за плакат, за рекламу» [7, с. 14]. Французский плакат, «самым совершенным и артистичным» создателем которого считается Тулуз-Лотрек, проникает в другие страны и оказывает влияние на другие художественные школы [7, с. 104-106]. Английский график Обри Бердсли в эссе «Искусство рекламного щита» (*The Art of Hoarding*, 1894) доказывает, что реклама является «безусловной необходимостью современной жизни» и «выполняет функцию художественной организации городской среды», соединяя «красоту» и «пользу» [1, с. 63-64]. В романе современной английской писательницы А.С. Байетт «Дева в саду» (*The Virgin in the Garden*, 1978) экфрасис патриотического плаката времен Первой мировой войны и рекламной вывески магазина одежды 60-х гг. XX в. свидетельствует о движении времени и изменениях, происходящих в стране [4, с. 127-128].

В романе Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (*The Great Gatsby*, 1925) ярким примером рекламного экфрасиса является описание плаката доктора Т.Дж. Эклберга в местечке между Уэст Эггом и Нью-Йорком, которое Ник называет «a valley of ashes» (17) («Долиной Шлака» [8, с. 53]). Рекламный щит Т.Дж. Эклберга, его форма и место расположения указывают на «современное» видение мира в «век джаза»: «The form – the billboard itself – points to modern America's growing capitalism, consumerism, and materialism, all which had a transformative effect on the standards of truth and morality of the American people» [12, p. 26].

Ф.С. Фицджеральд добавил изображение плаката и образ Т.Дж. Эклберга в роман после того, как увидел первую иллюстрацию обложки, на которой были изображены глаза Дэзи над парком аттракционов: «In the fact, Fitzgerald created then added the image of Doctor Eckleburg to the pages of completed manuscript draft of *The Great Gatsby* after he saw the dust jacket illustration in which Daisy's eyes loomed large over an "amusement park" scene» [12, p. 29]. Фицджеральд использовал этот образ, придуманный Френсисом Кугату, и превратил его в другой уникальный образ и символ, который одновременно рекламирует и критикует социальные, экономические, религиозные, моральные миры современной Америки.

Впервые мы встречаемся с плакатом окулиста доктора Т.Дж. Эклберга во второй главе романа: «But above the grey land and the spasms of bleak dust which drift endlessly over it, you perceive, after a moment, the eyes of Doctor T.J. Eckleburg. The eyes of Doctor T. J. Eckleburg are blue and gigantic – their retinas are one yard high. They look out of no face but, instead, from a pair of enormous yellow spectacles which pass over a nonexistent nose» (11). Описание глаз доктора Эклберга дает главный герой романа Ник Каррауэи. Важно, что он характеризует эти бестелесные, странные и холодные глаза в трех предложениях.

В восприятии Ника глаза доктора Эклберга «появляются» над «Долиной Шлака» неожиданно (after moment), как символ божества, причем их визуальное появление как будто предваряется предчувствием (you perceive). С одной стороны, глаза противопоставляются долине, с другой стороны, они как будто порождаются ею, как бесконечно простирающиеся над серой землей клубы безрадостной пыли (праха земного). «Долина Шлака» рассматривается как метафорическое место, символизирующее идею тленности, бренности жизни и духовную пустоту общества.

Во втором предложении характеризуются цвет и размер глаз доктора Эклберга – «blue and gigantic» (голубые и огромные), причем голубизна подчеркивается широкой радужной оболочкой. Н.Л. Иткина считает, что в романе «Великий Гэтсби» голубой цвет «выступает в своем традиционном значении извечного цвета романтических мечтаний, неземного желания, близкий по смыслу к лунному свету, сопутствующий ему» [6]. Голубой цвет глаз Уилсона, обитателя «Долины Шлака», связывается с тщетной надеждой: «When he saw us a damp gleam of hope sprang into his light blue eyes» (12). С одной стороны, голубой противопоставляется серому, как чистота – грязи, с другой стороны, парадоксально сближается с ним.

В третьем предложении подчеркивается, что глаза доктора Эклберга – «без лица» («no face»). Они так же бесчеловечны, как «Долина Шлака». Огромные желтые очки на «несуществующем носу» («a nonexistent nose») завершают визуальный образ, обнаруживая иронический подтекст «американской мечты». Желтый в европейской традиции, с одной стороны, ассоциируется с солнцем, с другой стороны, символизирует безумие, деньги, обман. Таким образом, голубые глаза доктора Эклберга в желтой оправе воспринимаются как подмена Бога, фальшивое божество, каковым для Гэтсби

была Дэзи – воплощение его «американской мечты». В трех лаконичных предложениях Фицджеральд объединяет идеи недолговечности, тленности мира и мечтательности, сопоставляя их с лживостью идеала.

Из следующего предложения читатель узнает, что глаза доктора Эклберга нарисованы на афише врача-окулиста: «Evidently some wild wag of an oculist set them there to fatten his practice in the borough of Queens, and then sank down himself into eternal blindness or forgot them and moved away» (11). Современные исследователи подчеркивают важность профессии окулиста, занимающего привилегированное положение в американском обществе начала XX столетия: «Reading Doctor T. J. Eckleburg as a symbol of American morality demands a closer attention to the oculist's professional perspective. The shifts in American societal norms accompanying the nation's industrialization, urbanization, and rapid spike in immigration – were accompanied by the professionalization of American medical practice, the development of new diagnostic technologies, and the rise of public health throughout the late-nineteenth and early-twentieth centuries, as well» [10]. Рекламный щит, на котором изображен Т. Дж. Эклберг, символизирует престиж медицинской профессии. Если бы доктор Эклберг был машинистом или продавцом в магазине, то трудно было бы поверить в присутствие морального авторитета. В романе Фицджеральда, однако, упоминается о «дикий выходке» (wild wag) окулиста, вероятно, перешедшего уже в край «вечной слепоты» (eternal blindness), что сближает образ доктора Т. Дж. Эклберга с гротескными персонажами Э.Т.А. Гофмана (например, в новелле «Песочный человек» адвокат Коппелиус, он же продавец оптических приборов Коппола, делает волшебные глаза кукле Олимпии, из-за которых сходит с ума Натанаэль [3]).

После экскурсии в прошлое повествователь возвращается к настоящему, замечая, что глаза доктора Эклберга немного поблекли под действием солнца и дождя: “But his eyes, dimmed a little by many paintless days under sun and rain, brood on over the solemn dumping ground” (11). Выцветшие глаза доктора Т. Дж. Эклберга, грустно созерцающие свалку в Долине Шлака, снова возвращают нас к образу несбыточной «американской мечты». Метафорический эпитет paintless (by many paintless days) подчеркивает отсутствие красок и на плакате, и в окружающем его мире.

«Пристальный взгляд» доктора Эксберга – «Doctor Eckleburg's persistent star» (12) – сопровождает героев романа как раз тогда, когда они замышляют недоброе. Во второй главе Том Бьюкенен и Ник Каррауэй направляются к любовнице Тома – Миртл Уилсон. При этом Том «переглядываясь» с доктором Эклбергом (exchanging a frown with Doctor Eckleburg), характеризует Долину Шлака как «ужасное место» (11). Том Бьюкенен, как один из представителей «века джаза», следует его главному принципу – двойной морали.

В седьмой главе романа «выцветшие глаза доктора Т. Дж. Эклберга» (Doctor N.J. Eckleburg's faded eyes came into sight down the road (11) как будто предупреждают героев о близящейся катастрофе или даже приближают ее: Ник напоминает Тому, что желтый форд Гэтсби следует заправить бензином, из-за чего они заезжают в гараж Уилсона. Оборачиваясь во дворе гаража, Ник вновь видит гигантские глаза доктора Эклберга, несущего свою вахту над грудями

шлака, но неожиданно (after a moment) он чувствует (I perceived) другие глаза (Миртл Уилсон), наблюдающие из окна за ним самим и его спутниками: «Over the ashheaps the giant eyes of Doctor T.J. Eckleburg kept their vigil but I perceived, after a moment, that other eyes were regarding us with peculiar intensity from less than twenty feet away» (11). Таким образом, в цепочке наблюдающих друг за другом глаз Миртл неожиданно замещает доктора Эксберга, предвосхищая сумасшествие своего мужа.

Связывая с женой обманчивые представления об «американской мечте», Уилсон после смерти Миртл теряет смысл жизни до тех пор, пока в «выплывающих» бледных и огромных глазах доктора Эклберга не видит призыв к мщению: «Standing behind him Michaelis saw with a shock that he was looking at the eyes of Doctor T.J. Eckleburg which had just emerged pale and enormous from the dissolving night. 'God sees everything,' repeated Wilson» (11). Примечательно, что и в этом описании выстраивается цепочка наблюдателей: на Уилсона смотрит сосед Михаэлис, который воспринимает плакат исключительно как рекламу. А.Н. Горбунов характеризует метод «двойного видения» у Фицджеральда как «прием постепенно раскрывающегося по ходу действия контраста, своеобразного совмещения противоположностей» [2, с. 66].

В романе отчетливо противопоставляется позиция Ника, следующего завету отца не осуждать людей, и позиция всех остальных героев, критикующих Гэтсби. Сам Ник противопоставляет мечты Гэтсби и «грязную пыль», т.е. тех, кто его использовал и предал: «what preyed on Gatsby, what foul dust floated in the wake of his dreams» [2]. Единственный человек, пришедший, правда, с опозданием, на его похороны, – это «похожий на филина человек в очках» (the man with owl-eyed glasses), с удивлением обнаруживший, что книги в библиотеке Гэтсби – настоящие. Книги и похороны демонстрируют сложное отношение Фицджеральда и его героя и к мечте, и к вере.

Важна, на наш взгляд, и еще одна деталь: загадочный окулист Т.Дж. Эклберг имел практику в «местечке Королев» (in the borough of Queens). Ник замечает, что и Дэзи, и Миртл, ведут себя, как королевы. Подъехав к квартире, которую снял для нее Том, Миртл «с видом королевы, возвращающейся в родную столицу» [8, с. 60], оглядела окрестности: «Throwing a regal homecoming glance around the neighbourhood, Mrs. Wilson gathered up her dog and her other purchases, and went haughtily in» [11]. Ироническое сравнение подчеркивается неоднократным упоминанием о Версальском парке, изображенном на гобеленовой обивке мебели в комнате Миртл. Пленительный голос Дэзи, в котором звенят деньги, по словам Ника, делает ее «королевной»: «High in a White palace the king's daughter, the golden girl...» [11].

Обе героини, в свою очередь, видят в своих возлюбленных героя с рекламного плаката: «'You resemble the advertisement of the man', she went on innocently. 'You know the advertisement of the man'» [11]. Дэзи дает эту восторженную и убийственную характеристику Гэтсби. Миртл при первой встрече с Томом в вагоне поезда отмечает его костюм и туфли («He had on a dress suit and patent leather shoes...»), отводя взгляд на рекламу за его головой

(«...and I couldn't keep my eyes off him, but every time he looked at me I had to pretend to be looking at the advertisement over his head») [11].

Таким образом, экфрасис рекламного плаката в романе связан практически со всеми героями, символизируя ложные ценности, которые получили название «американская мечта». Однако разное восприятие плаката и множественность мотивов, с ним связанных, подчеркивает неоднозначное отношение как Ника, так и самого Фицджеральда к «веку джаза» и к людям, их окружающим.

Список литературы

- 1 Бочкарева Н. С., Пикулева И. А. Жанровый синтез в эссеистике Обри Бердсли («Искусство рекламного щита» и «Перспектива для Вольпона») // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2009. – Вып. 1. – С. 61-71.
- 2 Горбунов А. Н. Романы Френсиса Скотта Фицджеральда / отв. ред. А. А. Елистратова. – М. : Наука, 1974. – 152 с.
- 3 Гофман Э. Т. А. Песочный человек / пер. с нем. А. Морозова // Гофман Э.Т.А. Новеллы. – Л. : Лениздат, 1990. – С. 97-129.
- 4 Графова О. И. Экфрастическая экспозиция романа А.С. Байетт «Дева в саду» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Вып. 4. – С. 126-134.
- 5 Зверев А. Фицджеральд: легенда и истина // Фицджеральд Ф.С. Портрет в документах: Художественная публицистика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 7-23.
- 6 Иткина Н. Л. Роман Ф.С. Фицджеральда «Великий Гэтсби»: композиция, герой, образный строй // Иткина Н. Л. Эстетические проблемы американской литературы XIX-XX веков : пособие по аналитическому чтению. – М. : РГГУ, 2002. – С. 88-133. URL: [http:// fitzgerald.narod.ru/critics-rus/ itkina-gatsby.html](http://fitzgerald.narod.ru/critics-rus/itkina-gatsby.html) (дата обращения: 7.03.2016 г.).
- 7 Сарабьянов Д. В. Стиль модерн. – М. : Искусство, 1989. – 294 с.
- 8 Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби : роман / пер. с англ. Е. Калашниковой. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 256 с.
- 9 Фицджеральд Ф. С. Отзвуки Века Джаза / пер. с англ. А. Зверева // Фицджеральд Ф.С. Портрет в документах: Художественная публицистика. – М. : Прогресс, 1984. – С. 39-48.
- 10 Bracken R. C. The eyes of Doctor T. J. Eckleburg and the diagnostic gaze as moral authority in The Great Gatsby // Hektoen International Journal, Chicago, 2009. URL: http://www.hektoeninternational.org/index.php?option=com_content&view=article&id=1898:the-eyes-of-doctor-t-j-eckleburg-and-the-diagnostic-gaze-as-moral-authority-in-the-great-gatsby&catid=113:books-reviews&Itemid=716 (дата обращения 7.03.2016 г.).
- 11 Fitzgerald F. S. The Great Gatsby. London: HarperPress, 2012. 168 p. В тексте статьи страницы указаны по этому изданию в круглых скобках.
- 12 Sanders J. L. The Art of Existentialism: F. Scott Fitzgerald, Ernest Hemingway, Norman Mailer and the American Existential Tradition. University of South Florida, 2007. – 196 p.

S. BOCHKAREVA, K. MAISHEVA
(Perm, Russia)

EKPHRASIS OF BILLBOARD IN FITZGERALD'S NOVEL «THE GREAT GATSBY»

Abstract: In the article the ekphrasis of billboard of Doctor T.J. Eckleburg and its place in imaginative system of Fitzgerald's novel «The Great Gatsby» are explored. Its imaginative and plot motifs symbolizing the false values called «American dream» are under the analysis. The conclusion is made that

the characters' perception of billboard varies, and author and narrator's attitude to «jazz age» is also ambiguous.

Keywords: ekphrasis, billboard, American literature, «American dream», «jazz age», F.S. Fitzgerald.

Е.Н. ГАЛИЧКИНА
(Астрахань, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА БИЛИНГВИЗМА

Аннотация: Статья представляет собой рассмотрение современных трактовок к пониманию лингвистического понятия «билингвизм». Приведённые разноплановые характеристики феномена двуязычия позволяют выявить приоритеты будущих исследований в рамках гуманитарной парадигмы.

Ключевые слова: двуязычие, учебный билингвизм, интерференция, моделирование речемыслительных процессов.

Рассмотрим содержание понятия «билингвизм» с точки зрения различных научных дисциплин, определим степень его изученности и сформулируем базовые теоретические положения, наиболее значимые для исследования учебного билингвизма.

Первое определение термину «билингвизм» было дано в 1938 году В.А. Аврориным, который трактовал данное понятие как «одинаково свободное владение двумя языками» [1, с. 51]. Начиная с 1950-х годов, появляется большое количество определений данного феномена:

- *владение двумя языками и регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения* [3, с. 22; 11, с. 9-10];
- *способность отдельного индивидуума, народа в целом или его части общаться на двух языках* [8, с. 368];
- *возможность владения носителем одного языка другим языком в различной мере, а следовательно, и возможность двуязычия разных степеней* [12, с. 7];
- *способность объясняться на двух языках* [14];
- *одинаково свободное владение двумя языками* [1, с. 12];
- *практика попеременного пользования двумя языками* [3];
- *одновременное существование в обществе двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах* [5];
- *владение двумя языками, когда оба языка достаточно часто реально используются в коммуникации* [14];
- *знание двух языков* [9];
- *функционирование двух языков для обслуживания нужд этнического коллектива и его отдельных членов; отличается от простого знания еще одного*

языка наравне с родным и предполагает возможность пользоваться разными языками в различных жизненных ситуациях [2];

– в узком смысле – одинаково совершенное владение двумя языками, в широком смысле – относительное владение вторым языком, умение им пользоваться в определённых сферах общения [7]

и др.

Столь разноплановое понимание исследуемого феномена свидетельствует об отсутствии единого взгляда на его понимание и необходимость комплексного изучения. В этой связи согласимся с А.С. Остапенко в том, что билингвизм представляет собой единство трех составляющих: языковой (знаковой) структуры, коммуникативного аспекта (умение использовать освоенную систему знаков в ситуации общения) и социокультурного аспекта, включающего общекультурное представление и картину мира [10].

Вместе с тем, отметим, что существуют разные подходы к пониманию феномена «билингвизм». Одни полагают, что суть билингвизма психологическая (Леонтьев, 1977; Ахунзянов, 1976), другие уверены, что данная проблема должна рассматриваться с позиции лингвистики (Дешериев, 1972). Третьи обращают свое внимание на общественную функцию языка (Блягоз, 2001; Холмогоров, 1972), а четвертые предлагают изучать билингвизм в рамках лингвокультурологии (Маслова, 2001; Вежбицка, 1996).

Анализ научной литературы показал, что понятие «билингвизм» является широко изученным, особенно в области социологии, социолингвистики, психологии, лингвистики и педагогики. Оно часто встречается в трудах отечественных и зарубежных исследователей (Макаров, 2003; Черватюк, 2003; Воробьева, 2006; Stabbs, 1983; Weaver, 1987; Canary, 1994; Wood, 2004 и др.).

Термин «билингвизм» достаточно часто используется в контексте таких наук, как социология и социолингвистика. Рассматривается широкий круг проблем, связанных с воздействием социальных факторов на формирование и взаимодействие основных компонентов двуязычия (Швейцер, 1976, 1978; Вафеев, 1998; Бурыкин, 2000; Карелина, 2004; Кондакова, 2001; Крысин, 1988, 1989; Литвиненко, 1998; Соколова, 2004 и др.).

Изучая сущность билингвизма как общественного явления, социологи приходят к выводу о том, что «социальная сущность билингвизма представляет собой глобальный социальный процесс, включающий в себя всю проблематику информационно-коммуникативного обмена и охватывающий всю гамму социальных отношений» [10].

С социолингвистическим аспектом тесно связан лингвистический аспект, предметом изучения которого являются внутривидовые процессы в условиях развития двуязычия (Аврорин, 1975; Балашкин, 2003; Блягоз, 2005; Верещагин, 1969; Воробьев, 1997; Дешериев, 1966, 1976; Жлуктенко, 1974; Мечковской, 1983; Розенцвейга, 1972; Щерба, 1974).

Психолингвистика акцентирует свое внимание на актах речепорождения, в которых проявляется качество и уровень освоения того или иного языка, языковая, речевая и социокультурная компетенция (Белянин, 2001; Бурыкин, Выготский, 1935; Завьялов, 2001; Леонтьев, 2003).

Наиболее продуктивно термин «билингвизм» используется в области педагогики. Ученые, занимавшиеся проблемами детского билингвизма и двуязычным обучением (Розенцвейг, 1972; Швейцер, 1973; Барсук, 1979, 1984; Бельдеев, 1999; Пашкевич, 2002; Крупская, 2007; Бузмаков, Костарев, 2009) достаточно глубоко проработали методологический аппарат его исследования, выявили цели, задачи, принципы организации.

Несмотря на то, что билингвизм рассматривается с разных точек зрения, все отрасли знания едины во мнении о том, что существует первичная языковая система, которая используется монолингвом (носителем одной системы общения) во всех ситуациях общения или билингвом (носителем двух и более систем), употребляющим две и более языковые системы для общения.

Наряду с многочисленными взглядами на суть феномена билингвизма существуют и его различные классификации. По мнению Л.В. Щербы, билингвизм можно считать чистым, когда те или иные группы населения объясняются на двух языках (например, в семье говорят на одном языке, а в общественных кругах на другом). Смешанный билингвизм (двуязычие) предполагает постоянный переход от одного языка к другому [13].

Е.М. Верещагин выделяет рецептивный билингвизм (билингв понимает речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе), репродуктивный билингвизм (билингв способен воспроизводить прочитанное и услышанное) и продуктивный билингвизм (билингв понимает и воспроизводит речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе, и порождает их) [4, с. 78].

А.А. Залевская и И.Л. Медведева различают естественный (бытовой) и искусственный (учебный) билингвизм. При этом овладение вторым языком происходит благодаря обильной речевой практике без углубления в изучение языковых особенностей осваиваемого языка, а иностранный язык изучается с помощью волевых усилий и с использованием специальных методов и приемов [6, с. 7].

Как общественное явление двуязычие характеризуется не в качестве состояния, но процесса, имеющего определённую структуру. Наличие фаз, стадий или уровня развития билингвизма упоминается в работах большинства авторов, занимающихся разработкой указанного предмета исследования (Залевская, 1996; Дебрэнн, 2006; Шлангман, 2013). Доказательством градуальности двуязычия служит наличие на сегодняшний день европейской практики организации билингвальных образовательных программ (Erasmus Mundus, Sokrates, Leonardo da Vinci, Tempus, DAAD, IAESTE), а также проведение международных экзаменов сертифицированного образца на выявление уровня речевых знаний и умений в области языковой подготовки – IELTS, TOEFL, GMAT, GRE (английский), Daf (немецкий), HSK (китайский).

Психолингвистические разработки в области двуязычия позволяют осуществить моделирование речемыслительной деятельности билингва благодаря семиотическому феномену, получившему название когнайзер [14]. Данная машина представляет собой картотеку всех возможных проявлений интерференции в речи носителя иностранной культуры. Систематизация

отбираемого материала осуществляется посредством проведения ассоциативных и когнитивных экспериментов. По нашему мнению, задачей современной гуманитарной парадигмы в области освоения проблемы двуязычия является составление методологических комплексов выявления уровня языковой компетенции носителей иной лингвокультуры, которое должно осуществляться параллельно с выявлением особенностей языкового сознания билингвов разных стран, усваивающих языковые системы вторичных лингвокультур. Такая постановка проблемы учебного билингвизма отвечает запросам системы образования в условиях повсеместной глобализации.

Таким образом, современные тенденции к созданию интегрированного общества диктуют необходимость выявления лингвистических аспектов формирования навыков речевого иноязычного общения, установления психолингвистических коррелят между языковыми системами родного и усваиваемого языков.

Список литературы

- 1 Аврорин В. А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972. – С. 49-62.
- 2 Бурыкин А. А. Билингвизм и мультилингвизм в образовательном процессе // Язык образования и образование языка. – Великий Новгород, 2000. – С. 42-43.
- 3 Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25-60.
- 4 Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. – М. : МГУ, 1969. – 160 с.
- 5 Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. – Вып. 1. – М. : 1972. – 57 с.
- 6 Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия : учебное пособие. – Тверь, 2002. – 194 с.
- 7 Капочкина А. Г. Статус родного языка в билингвальной школе // Проблемы билингвального образования. URL: http://gcon.pstu.ac.ru/pedsovet/programm/-section=2_1-12.htm (дата обращения: 1.03.2016 г.).
- 8 Мечковская Н В. Языковой контакт. – Минск : Высш. школа, 1983. – 456 с.
- 9 Миньяр-Белоручев Р. К. Место перевода в обучении иностранным языкам. – М., 1992.
- 10 Остапенко А. С. Дискурсивно-лингвистические аспекты искусственного билингвизма // дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 255 с.
- 11 Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 5-24.
- 12 Супрун Л. Е. Лекции по языкознанию. – Минск : Высш. школа, 1971. – 188 с.
- 13 Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
- 14 Энциклопедия «Кругосвет» // Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия. URL: <http://krugosvet.ru> (дата обращения: 3.03.2016 г.).

E. GALICHKINA
(Astrakhan, Russia)

NEW APPROACHES TO STUDYING LINGUISTIC PHENOMENON BILINGUALISM

Abstract: The article is aimed at presenting modern definitions of bilingualism as a linguistic phenomenon. The listed characteristics of the phenomenon give the opportunity to state out linguistic priorities for further investigations.

Keywords: bilingualism, academic bilingualism, interference, modeling of the speech operations.

Ю.Н. ИВАНОВА
(Курган, Россия)

БЫТИЕ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ

Аннотация: Эта статья рассматривает одну из форм бытия языка – текст, который является компонентом структуры коммуникации. Другими элементами этой структуры являются коммуниканты (коммуникатор и коммуникант), канал коммуникации и предмет речи. Статья описывает особенности каждого компонента, уделяя наибольшее внимание тексту. Коммуникатор выражает, кодирует свои мысли с помощью знаков, слов, предложений, отрезков речи и различных текстов. Он отправляет эту информацию коммуниканту по каналу коммуникации. Роль коммуниканта – интерпретация, декодирование, понимание полученной информации, текста, а затем ответное речевое действие или изменение своего поведения.

Ключевые слова: язык, текст, информация, коммуникация, коммуниканты, канал коммуникации, предмет речи.

Язык как сложная семиотическая система является универсальным средством объективации содержания общественных отношений, культурной традиции и индивидуального сознания, обеспечивающим процесс функционирования последнего в пространственно-временных формах и возможности интерсубъективности. Сочетание объективного и субъективного в языке организует формы бытия языка – в тексте с многообразными смысловыми оттенками, в речевой коммуникации как средстве общения ее участников и в лингвистических правилах, содержащихся в специальной справочной литературе [5, с. 298-299].

Текст есть «социокультурная константа, предназначенная для организации, трансляции и хранения социально значимого содержания» [8, с. 6]. Выражая средствами языка те или иные социальные отношения, текст, или речевое сообщение, включает в себя разноуровневую информацию – предметно-логическую, объективную, не связанную с коммуникативной ситуацией и ее участниками, и прагматическую, субъективную, передающую отношение автора к предмету речи, ситуации, адресату с целью организации его поведения. Текст, передающий прагматическую информацию, имеет собственную темпоральную структуру, включающую в себя элементы прошлого, настоящего и будущего времени, соотношение которых способствует его адекватной интерпре-

тации, пониманию и в результате – соответствующему поведению его адресата. Если смысловая структура текста ориентируется на временную плоскость прошлого, он, как правило, не представляет информационной ценности; преобладание элементов настоящего времени свидетельствует о том, что это текст-однодневка; текст с ориентацией на временной отрезок будущего не воспринимается получателем адекватно вследствие его информационной перегруженности. В том случае, когда временные элементы текста сочетаются гармонично, его содержание является актуальным для коммуниканта [8, с. 86-87].

Исходя из определения, текст как речевое сообщение является одним из элементов структуры речевой коммуникации наряду с адресантом (коммуникатором или отправителем сообщения), адресатом (коммуникантом или получателем сообщения), каналом коммуникации и ее предметом [9, с. 319]. Коммуникативная роль адресанта заключается в языковом оформлении и подаче некоторого текста, т.е. продуцировании сообщения, кодировании информации языковыми средствами, конструировании и комбинировании речевых отрезков с целью адекватного выражения мысли, их демонстрации в логической последовательности. «Сказать – значит показать, объявить, дать видеть, слышать» [7, с. 265]. В лексико-семантическом отношении этот процесс представляет собой обозначение предметов, действий, качеств материального или духовного мира знаковыми единицами языка. В синтаксическом отношении под текстообразованием понимается формирование совокупности лексических единиц во фразовое единство – предложение, демонстрирующее отношение говорящего к предмету речи, коммуникативной ситуации или адресату и реализующееся в повествовании, вопросе или побуждении к действию. Соответствующая коммуникативная задача предложения выражается фонетическими оттенками – интонацией и ее составляющими – мелодикой, ритмом, ударением, темпом и тембром. Фиксация речевого сообщения осуществляется графическими средствами, в то время как стилистические, отбирающие и трансформирующие языковые средства передают его содержание в соответствии с требованиями конкретного функционального стиля.

Субъект речи находится в состоянии выбора одной из многочисленных форм, которые предоставляет в его распоряжение система языка для выражения конкретного намерения. При этом невыбранные для осуществления интенции коммуниканта языковые средства характеризуют его личность столь же полно, как и те, которым он отдал предпочтение, ибо «всякое слово позволяет присутствовать в настоящий момент его сказывания также и всему несказанному, с которым оно соотносится, отвечая или указывая» [3, с. 529]. Речевое поведение поэтому зависит от языкового ресурса говорящего человека и его умения правильно оценивать и понимать коммуникативную ситуацию.

Коммуникативная роль адресата – интерпретация – представляет собой процесс декодирования информационного сообщения адресанта и в результате – ответное речевое действие. «Каждое произнесенное слово есть ... ответный сказ, идущая навстречу, слышащая речь» [7, с. 265]. Являя собой искусство толкования, понимания и объяснения речевого сообщения, текста, интерпретация составляет содержание герменевтики как общей теории лингвистического

понимания, развитию которой способствовали идеи Х.-Г. Гадамера, В. Дильтея, П. Рикера, М. Хайдеггера, Ф. Шлейермахера. Успешность речекоммуникативных актов определяется тем, насколько коммуникантам удается понять мысли, намерения, желания друг друга. Этот факт обнаруживает парадокс речевой коммуникации, состоящий в многообразии смысловых оттенков значений и иногда их несовпадении, приводящем к непониманию. В данном случае адресат упрощает сообщение, воспринимая и реагируя лишь на его поверхностный смысл или, напротив, придает высказыванию собеседника оттенок, который тот не подразумевал. В подтверждение этого Н.А. Бердяев отмечает, что «общение мучительно трудно, потому что личности представляют разные и таинственные миры, лишь частично соприкасающиеся и друг другу открывающиеся» [1, с. 312].

Получатель информации оценивает ее качество по принципу новизны, позволяющей различать абсолютную и относительную познавательную ценность сообщения. В первом случае речь идет об информации, которая является новой с точки зрения определенного этапа развития общественной мысли, например, открытий в науке, технике и искусстве. Во втором случае информационная ценность соотносится с частным опытом получателя сообщения как отдельного представителя социума. В связи с этим возникает вопрос об информационной насыщенности речевого сообщения, отношении общего объема передаваемой информации к количеству знаков кода, т.е. слов и предложений, которыми она передается. Информационная насыщенность определяет оптимальный диапазон возможного увеличения или уменьшения ее количества, за пределами которого восприятие сообщения адресатом может оказаться неадекватным. Крайними точками этого диапазона можно считать сообщения с минимальной или максимальной избыточностью, представляющие скопление информации или расплывчатые в смысловом отношении контексты. При равномерном распределении субъективного и объективного компонентов коммуникации между ее участниками наступает состояние гармонии, в то время как критическая разница их потенциалов вызывает разбалансированность коммуникативной ситуации.

Устная или письменная речь, передающая информационное сообщение, обуславливает выбор соответствующего канала коммуникации. При этом устная речь ориентируется на трансляцию личностных смыслов, выражаемых собеседниками с помощью заданного контекста социокультурной ситуации, референтов, т.е. предметов обозначения, темы разговора, предпосылочным знанием коммуникантов относительно друг друга. Письменная речь, разграничивающая процессы текстообразования и интерпретации в пространственно-временных параметрах и отделенная от душевно-духовного мира субъекта речи, приобретает объективность, своеобразную независимость от автора и тем самым предлагает возможным адресатам неограниченное число текстовых прочтений с различными смысловыми оттенками.

Предмет речи обуславливает разнообразие информации и задает тематический диапазон сообщения, ибо «говорить друг с другом значит: вместе высказываться о чем-то, показывать друг другу такое, что выявляет в говоримом

обговариваемое, выводит его собою на свет» [7, с. 265]. В связи с этим выделяется «ближний» круг тем, зависящий от участников коммуникации и происходящих в момент речи событий, и «дальний» круг тем, расширяющий ассоциативным путем поле тематики [2, с. 153].

Перечисленные элементы структуры речевой коммуникации и ее функции обуславливают многообразие отношений между ее участниками – познавательное, ценностное, практическое. Познавательное отношение в коммуникативной ситуации выражается в любом высказывании, поскольку оно является интенциональным, имеет мотив и цель. Интенция составляет доязыковую фазу высказывания, на которой дается субъективная оценка объектам окружающего мира, формируется модульная рамка предложения. Субъект речи вмешивается в действительность, конструирует свою модель, выбирая подходящие для определенного коммуникативного акта языковые средства и формы, обусловленные когнитивной функцией языка как совокупностью номинативной, репрезентативной, сигнификативной, эвристической и оценочной функций. Благодаря номинации коммуникатор указывает, выделяет и обозначает какое-либо явление материального или духовного мира; благодаря репрезентации реализует возможность их представления, закрепления и описания; сигнификация служит ему средством логического развертывания знания через обобщение, абстрагирование, объяснение; благодаря эвристике, предсказанию, коммуникатор способен утверждать о дальнейшем развитии обозначенных явлений; оценкой, экспрессией и образностью выражается субъективное отношение к ним [4, с. 88-94]. При этом говорящий человек как личность, осуществляющая речевую деятельность, включающую в себя как процесс порождения, так и процесс восприятия речевых произведений, с одной стороны, сохраняет свою целостность в разных сферах общения, с другой стороны, формирует свою многомерность и готовность изменить речевое поведение в зависимости от коммуникативных обстоятельств.

Ценностное отношение раскрывается в виде ценностных предпочтений, выражаемых оценками. Фиксируя пользу, вред, нейтральность, оценка несет знание о значимости объекта для субъекта. Так, коммуникативная ситуация оценивается по личным-общественным, неформальным-институциональным параметрам. Они определяют свойства половой и возрастной принадлежности, роли и статусы речевых партнеров, создавая образ собеседника, а также позволяют предсказать его дальнейшее поведение и разработать план коммуникативного взаимодействия. К примеру, расположение наиболее важной информации в конце сообщения, кульминация, является предпочтительной для заинтересованного адресата, который при незначительном стимуле внимательно читает текст до конца, где он ожидает веских аргументов. Напротив, расположение важной информации в начале текста, антикульминация, эффективно для нейтрального или совсем незаинтересованного адресата, которого приемлемыми аргументами нужно расположить к восприятию сообщения. Для этого используются психологические и рациональные элементы коммуникативного воздействия, причем первая группа представлена фонетическими особенностями оформления высказывания, а вторая – аргументацией некоторой точки зре-

ния или целесообразности выполнения адресатом тех или иных действий. При этом любая аргументация предполагает предварительный выбор фактов и ценностей, их описание языковыми средствами с акцентами на понятиях и признаках, которые автор сообщения считает наиболее значимыми.

Практическое взаимодействие коммуникантов реализуется в речевом акте, любой из которых представляет собой трехуровневое образование, включающее локуцию, иллокуцию, перлокуцию. Локуция (локутивный акт) – это оформление высказывания средствами языка, говорение. Иллокуция (иллокутивный акт) – это наделение локуции определенным смыслом, выражающим коммуникативное намерение говорящего. Перлокуция (перлокутивный акт) – это воздействие высказывания, имеющего оттенок убеждения, удивления, восхищения и т.д., на мысли, чувства, поведение речевого партнера [6, с. 57-62]. Именно на этой стадии речевого акта в наибольшей степени реализуется прагматический потенциал языковых единиц. Выбирая определенные лексические, грамматические, фонетические, графические и стилистические средства выражения своих интенций, комбинируя их в соответствующих речевых актах, а также текстах, отправитель информационного сообщения, автор, оказывает воздействие на поведение его получателя, адресата.

Список литературы

- 1 Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Н.А. Бердяев. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – С. 230-316.
- 2 Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. – М. : КомКнига, 2005.
- 3 Гадамер Х. -Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М. : Прогресс, 1988.
- 4 Ким В. В., Блажевич Н. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998.
- 5 Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. – М. : ПРИОР, 2001.
- 6 Серл Дж. Р. Что такое речевой акт? // Дж. Р. Серл. Философия языка. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 56-74.
- 7 Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М. : Республика, 1993. – С. 259-273.
- 8 Храпова В. А. Текст как социокультурный код общества. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2006.
- 9 Якобсон Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р. О. Якобсон. Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 319-330.

Yu. IVANOVA
(Kurgan, Russia)

THE GENESIS OF LANGUAGE IN THE TEXT

Abstract: This article considers one of the forms of the language being – the text which is a component of the communication structure. Other elements of this structure are communicants (communicator and communicant), communication channel and the subject topic. The article describes specific features of every component, with the most attention to the text. The communicator expresses, codes his thoughts by means of the signs, words, sentences, speech passages and various texts. He sends this information to the communicant by mean of a communication channel. The role

of the communicant is an interpretation, decoding, understanding of the received information, the text, then – speech reaction or changing of his behaviour.

Keywords: language, text, information, communication, communicants, communication channel, subject topic.

В.И. КАБЫШ
(Курган, Россия)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ»

Аннотация: В настоящей статье выявляются особенности функционирования процессуальных фразеологизмов в публицистическом стиле (на примере «Литературной газеты»). Описывается семантическая структура исследуемых единиц (выявляются субкатегориальные семы деятельности, состояния и отношения и различные групповые семы; определяется роль компонентов единиц в формировании семантики фразеологизмов). Дается стилистическая характеристика материала (характеризуются межстилевые, книжные и разговорные фразеологизмы).

Ключевые слова: процессуальный фразеологизм, субкатегория деятельности, субкатегория состояния, субкатегория отношения, семантика фразеологизма, стилистическая окраска фразеологизма.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей функционирования процессуальных фразеологизмов в публицистическом стиле (на примере «Литературной газеты»). В связи с этим необходимо решить следующие задачи: описать семантическую структуру процессуальных фразеологизмов; охарактеризовать стилистическую окраску исследуемых единиц. Процессуальные фразеологизмы – это единицы языка, выполняющие номинативную функцию, то есть называющие действия, состояния и отношения, существующие в реальной действительности. В.А. Лебединская отмечает: «Они обладают семантической достаточностью (полнотой), функциональной самостоятельностью (синтаксической), системной организованностью (объединением в фразеограмматические, морфологические разряды, семантические группы и антонимические пары) [1, с. 20]. Процессуальность исследуемых единиц оформляется морфологическими категориями вида, залога, склонения, времени, лица.

На примере «Литературной газеты» («ЛГ») мы рассмотрим функционирование фразеологических единиц в публицистическом стиле. Выбор «Литературной газеты» в качестве объекта исследования обусловлен тем, что это старейшее российское периодическое издание. Первый номер газеты, основанный группой литераторов при ближайшем участии А.С. Пушкина (его профиль украшает логотип «ЛГ»), вышел 1 января 1830 года.

Следует отметить, что у «ЛГ» нестандартный подход к своим изданиям. С одной стороны, в «ЛГ» не печатают нравоучительные статьи: авторы выбирают чисто информационный стиль (максимум объективной информации). С другой стороны, как отмечают сотрудники газеты, это барометр здоровья общества и

духовного, и социального, и экономического, и политического. Поэтому для журналиста важным всегда является не только назвать предмет сообщения, но и выразить свое отношение к предмету сообщения и оказать воздействие на адресат. Для успешного выполнения этих задач существуют специальные языковые средства, к числу которых относятся фразеологические единицы.

Функция воздействия, важнейшая для публицистического стиля, обуславливает острую потребность публицистики в оценочных средствах выражения, поэтому публицистика берет из языка практически все средства, обладающие свойством оценочности. В публицистическом стиле фразеологические единицы играют особую роль: они призваны служить не только средством создания образности и выразительности, но и средством выражения своего отношения к явлениям действительности. Таким образом, они придают речи меткость, образность, оценочность.

Исследуемые процессуальные фразеологизмы содержат в семантической структуре следующие субкатегориальные семы:

1) деятельности (38%): *сделать/делать ход конем, довести до конца, вывернуть карманы, поднять руку, собрать/собирать голоса, потряхнуть стариной* и др.;

2) состояния (33%): *протянуть ноги, балансировать на грани жизни и смерти, волосы стали дыбом, терпение лопнуло, глаз радуется, выжить/выживать из ума, сойти/сходить с ума* и др.;

3) отношения (29%): *найти общий язык, вести переговоры, бросать вызов, брать/взять слово, передать/передавать в руки правосудия, выйти/выходить замуж, сломать/ломать жизнь, катить бочку* и др.

В исследуемом материале преобладают процессуальные фразеологизмы субкатегории деятельности. Это обусловлено тем, что публицистам важно показать разнообразную деятельность субъекта-человека. Субъектом процессуальных фразеологизмов субкатегории деятельности всегда является человек, который активно, осознанно, целенаправленно, прилагая волю, производит какие-либо действия, которые могут быть направлены на какой-либо объект. Например:

Свою репутацию поставить под удар может не каждый. «Л.Г.», апрель 2011г., с.3.

Не надо, товарищи, на нас катить бочку. «Л.Г.», апрель, 2011г., с.2.

Исследуемый материал позволил выделить следующие семантические группы внутри субкатегории деятельности: поведенческая деятельность; конкретная физическая деятельность; финансовая деятельность; мыслительно-речевая деятельность.

Семантика фразеологизмов группы «поведенческая деятельность» формируется на основе яркой, осязаемой метафоры (*влиять хвостом, сталкивать лбами, подливать масло в огонь, развязать себе руки, запустить утку, подсластить пилюлю, ломиться в открытую дверь* и др.):

Рубить сук, на котором сидишь, не стоит. «Л.Г.», 2012г., март, с. 5.

Подливать масло в огонь может каждый... «Л.Г.», май, 2001г., с. 5.

Групповую семантику фразеологизмов конкретной физической деятельности формируют компоненты–глаголы и отглагольные существительные (*стереть с лица земли, проливать реки крови, пустить в расход*). Например:

Иванов готов Михайлова стереть с лица земли, за только что высказанную мысль. «Л.Г.», май, 2010г., с.4.

Проливать реки крови из-за такой мелочи, наверное, не стоит. «Л.Г.», сентябрь, 2011г., с.3.

Чтобы пустить в расход целое предприятие, большого ума не надо. «Л.Г.», август, 2010г., с.4.

Семантику финансовой деятельности, как правило, приносят во фразеологизмы компоненты–существительные, обозначившие в свободном употреблении экономические понятия (бабки, цена): *заработать бабки, взвинтить цены*:

С этого дела можно срубить бабки, и немалые. «Л.Г.», 2013г., март, с. 4.

Правительство своим постановлением заморозило цены на горюче-смазочные материалы. «Л.Г.», 2013г., март, с. 3.

Семантику мыслительно-речевой деятельности приносят во фразеологизмы компоненты-существительные с бывшим значением мыслительных и речевых актов (мысль, слово, дума, речь): *взять слово, толкать речь, думать думу, пришла мысль*. Например:

Несговорчивого гаишника я поминала добрым словом. «Л.Г.», 2011г., февраль, с.1.

Правительству придется поломать голову над этой проблемой. «Л.Г.», 2013г., март, с. 2.

Нам остается только теряться в догадках. «Л.Г.», 2010г., март, с. 5.

Процессуальные фразеологизмы субкатегории состояния отличаются одним общим признаком – пассивностью субъекта процесса. Например:

Для уверенности в завтрашнем дне необходимо сегодня чувствовать почву под ногами. «Л.Г.», 2011г., ноябрь, с.3.

От такой новости волосы стали дыбом. «Л.Г.», 2014г., август, с. 6.

В этом году появиться на свет может в два раза больше младенцев. «Л.Г.», март, 2012, с. 3.

Анализ исследуемых единиц субкатегории состояния позволил выделить три семантические группы: процессуальные фразеологизмы психического состояния; процессуальные фразеологизмы социального состояния; процессуальные фразеологизмы физического состояния.

В первую группу объединены фразеологические единицы со значением психического состояния субъекта-лица, например: **возлагать/возложить надежды** – «надеяться», **дышать неровно** – «влюбиться», **ходить/выйти из себя** – «взбеситься», **опускать/опустить руки** – «пропадает всякое желание или способность действовать, делать что-либо», **отлегло от сердца** – «полегчало», **держаться на острие уха** – «быть начеку», **выпускать/выпустить пар** – «злиться» и др. Например:

Сергей Шойгу, у которого тоже лопнуло терпение, назвал это словом «бардак». «Л.Г.», 2014г., февраль, с.4.

У меня волосы дыбом встали оттого, что я там увидел. «Л.Г.», 2013г., февраль, с.3.

Посоветуем им выпускать пар на других, а не на нас. «Л.Г.», 2010г., март, с.3.

В основе семантики таких фразеологизмов лежит яркая метафора (*опустить руки, выпустить пар, выйти из себя, волосы встали дыбом*). Групповую семантику формируют компоненты – существительные, обозначающие в свободном употреблении психологическое состояние: *терпение, надежда, злость* и др.

Фразеологизмы второй семантической группы обозначают социальное состояние человека: **сводить концы с концами** – «жить бедно, нищенствовать», **долг висит** – «задолжать», **лишаться/лишиться куска хлеба** – «потерять работу, нищенствовать», **попадать/попасть под каток** – «быть в опале», **остаться без крыши над головой** – «потерять дом, лишиться дома» и др. Например:

Говорят, что МВД лишается куска хлеба. «Л.Г.», 2013г., февраля, с.5.

Вы не представляете, что значит остаться без крыши над головой... «Л.Г.», 2010г., февраль, с. 2.

Сейчас не каждый колхоз в состоянии подняться с колен. «Л.Г.», 2014г., сентябрь, с. 6.

Третью семантическую группу составляют процессуальные фразеологизмы, обозначающие физическое состояние субъекта - живого существа (как правило, переход из одного состояния в другое): **появиться на свет** – «родиться», **балансировать на грани жизни и смерти** – «быть в опасности», **сохранить жизнь** – «спасти», **уходить из жизни** – «умереть», **протянуть ноги** – «умереть» и др. Например:

Боюсь, что если 7 недель не буду есть животной пищи, то протяну ноги. «Л.Г.», 2010г., февраль, с. 2.

В России ежегодно уходят из жизни 79 тысяч человек. «Л.Г.», 2011г., февраль, с.1.

Если вы хотите сохранить еще и жизнь, тогда инвестируйте в сохранение российского суверенитета. «Л.Г.», 2012г., февраль, с.6.

Когда я появился на свет, то не заплакал, а зачихал. «Л.Г.», 2013г., февраль, с.2.

Несколько невинных жертв балансируют на грани жизни и смерти. «Л.Г.», 2012г., февраль, с.1.

Субкатегориальная сема отношения характерна в меньшей степени для процессуальных фразеологизмов в «Литературной газете». Субъект-лицо этих фразеологизмов менее активен по сравнению с процессуальными фразеологизмами субкатегории деятельности; в роли объекта выступает также лицо, потому что описываемые фразеологизмы обозначают отношения между лицами. Объект процессуальных фразеологизмов субкатегории отношения является членом отношения: он не подвергается целенаправленному воздействию со стороны активного субъекта-лица.

В «Литературной газете» фразеологизмы рассматриваемой субкатегории, как правило, выражают межличностные отношения, например:

Если вы самому простому американцу начнете говорить о важности государства, он вас или не поймет, или пошлет очень далеко. «Л.Г.», 2014г., февраль, с.4.

Никто не осмеливается бросить вызов президенту. «Л.Г.», 2012, февраль, с.4.

Субкатегория отношения представлена группами доминантных, вербально-коммуникативных, гендерных отношений.

К первой группе относятся фразеологизмы, обозначающие доминантные отношения: *обвести вокруг пальца, погладить по голове, подцепить на крючок, вызвать куда надо* и др. Например:

Выбросить на улицу, как ненужную вещь. «Л.Г.», 2012г., октябрь, с.4.

Взять на себя ответственность за расследование данного дела. «Л.Г.», 2012г., октябрь, с.4.

Ко второй группе относятся фразеологизмы, обозначающие вербально-коммуникативные отношения, например: *вести переговоры, вести беседу, вести разговоры, держать пари* и др. Их семантическая структура содержит обязательные элементы активности, взаимности, двунаправленного речевого процесса. Эти фразеологические единицы объединяются общим семантическим свойством обозначать взаимные действия равноправных участников речевых процессов. Групповая семантика формируется за счет компонентов – существительных с бывшим значением «речевые процессы»: *разговор, беседа, переговоры*. Например:

Вести переговоры с Джорджем Бушем надо немедленно. «Л.Г.», сентябрь 2006г., с.5.

Пари держать с ними не стоит, наши все равно проиграют. «Л.Г.», апрель 2010г., с.4.

Вести разговоры вокруг нашей сборной и предвещать далекое будущее ей рано. «Л.Г.», сентябрь 2010г., с.3.

К третьей группе относятся фразеологизмы, обозначающие отношения между полами: *выйти замуж, взять в супруги, взять в мужья*. Групповую семантику в единицах формируют неглагольные компоненты с бывшим значением вступления в брак. Например:

Однако она не рвется выйти замуж за отца своего ребенка. «Л.Г.», 2013г., март, с.3.

Вышла замуж только за английского фотографа Д. Бэйли - и очень скоро развелась. «Л.Г.», 2014г., март, с.3.

Среди главных языковых особенностей публицистического текста следует назвать принципиальную неоднородность стилистических средств. Процессуальные фразеологизмы в «Литературной газете» имеют разную стилистическую окраску. Они представлены тремя группами: межстилевые, разговорно-просторечные и книжные.

Межстилевые процессуальные фразеологизмы преобладают в «Литературной газете». Они формируются на основе общеупотребительной лексики, а также путем нейтрализации фразеологических единиц книжной и разговорной

окраски (*брать взятки, вывести из себя, выходить замуж, найти общий язык, отдать голос, появиться на свет, сдаваться без боя, уйти в отставку, выходить в свет* и др.).

В произведениях автора они употребляются как средство наименований процессов реальной действительности, хотя и в этом случае оживляют текст:

В этом году смогли появиться на свет 12345 мальчуганов. «Л.Г.», сентябрь, 2012г., с.2.

Разговорно-просторечные процессуальные фразеологизмы активно используются в «Литературной газете». Они отличаются богатством эмоционально-экспрессивных оттенков: *выдавить из кресла, брать с потолка, вздуть цены, вилять хвостом, волосы стали дыбом, выживать из ума, дышать неровно, задираТЬ цены, катить бочку, лезть на рожон, ломиться в открытую дверь, лопнуло терпение, плюнуть в лицо, срубить бабки* и др.

Подобными фразеологическими единицами, обладающими сниженной стилистической окраской, публицисты придают статьям иронический тон, резкую, возмущенную оценку фактам:

С хорошенького дельца всегда можно получить навар. «Л.Г.», 2011 г., ноябрь, с.6.

Вот только лезть на рожон мы не будем. «Л.Г.», март 2012 г., с.6.

Зюганов пытается выдавить из кресла своих коллег по цеху. «Л.Г.», май, 2013 г., с.5.

Основное назначение фразеологизмов с книжной стилистической окраской в тексте – придать ему высокое, торжественное звучание. Подобные фразеологические единицы встречаются в «Литературной газете» редко: *блюсти традиции, начать новую страницу, передать в руки правосудия, поднять на щит, подняться с колен, понести тяжелую утрату* и др. Например:

Банду талибов обещали передать в руки правосудия «Л.Г.», июнь 2012 г., с.4.

Совхозы, колхозы и малые деревеньки уже не смогут подняться с колен. «Л.Г.», апрель, 2010г., с.6.

«Литературная газета» формирует у читателя определенное отношение к факту, который в связи с этим должен быть изложен особым образом, поэтому предпочтительнее оказываются фразеологические единицы, способные выразить не только мысль, но и передать отношение к ней.

Фразеологизмы в «Литературной газете» используются как заменители слов, обладающих низкой степенью коннотации, отчего усиливается экспрессивность речи автора, речь становится живой, красочной, выразительной и эмоциональной.

Список литературы

1 Лебединская В. А., Усачева Н. Б. Семантика процессуальных фразеологизмов. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1999.

V. KABYSH
(Kurgan, Russia)

PROCEDURAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN «LITERATURNAYA GAZETA»

Abstract: This article identifies features of the procedural functioning of phraseological units in publicistic style (on the example of «Literaturnaya gazeta»). It describes the semantic structure of the studied units (subcategorical seme activities, status and relations and various group semes, the role of the components in the formation of the semantics of phraseology). We give a stylistic characteristics of the material (interstyle, bookish and conversational idioms).

Keywords: procedural idiom, activities subcategory, subcategory, subcategory relations, the semantics of the idiom, the stylistic colouring of phraseological unit.

Е.М. КАКЗАНОВА
(Москва, Россия)

ЧЕЛОВЕК В ЯЗЫКЕ И ТЕРМИНЕ: ПЛАТОН И ПЛАТОНИЗМ

Аннотация: Анализируя терминологию философии математики, мы не можем обойти стороной термин-эпоним «платонизм», который является предметом исследования настоящей статьи. В данном случае речь идет об аффиксальном антропонимическом термине, который обязательно входит в любую философскую периодизацию как наиболее значимый для развития философии. В статье уделяется внимание не только термину, но и личности Платона, который первым указал на концептуальный характер любого, в том числе и математического знания.

Ключевые слова: платонизм, Платон, термин, эпоним, математика, философия.

Вся западная философия
есть комментарии к Платону.
А. Уайтхед

Термин-эпоним «платонизм» образован аффиксальным способом путем прибавления к антропониму *Платон* частотного продуктивного интернационального суффикса *-изм* (англ. *-ism*, нем. *-ismus*). Термин «платонизм» настолько устоялся в философии математики, что мало кто знает, что сам термин «математический платонизм» был введен в обиход относительно недавно, а именно математиком П. Бернайсом в лекции, прочитанной им в 1934 году и опубликованной годом позже в виде статьи «О платонизме в математике» [17, с. 34; 15, с. 492]. При этом В.В. Целищев указывает на то, что многие философы считают термин «платонизм» неудачным в том смысле, что он ассоциирует со специфическими вопросами математического мышления философские категории, смысл которых давно утерян. Часто термину «платонизм» предпочитают термин «математический реализм», хотя термин «реализм», подчеркивает В.В. Целищев, слишком многозначен, чтобы такая замена оказалась удачной [15, с. 493-494].

Платон (428/427-348/347 гг. до н.э.) – это прозвище человека по имени Аристокл. Платон в течение восьми лет был учеником Сократа (ок. 470-399 гг. до н.э.) [18, с. 749], в круг учеников которого Платона ввёл известный афинский политический деятель Критий (460-403 гг. до н.э.), родственник матери Платона. После смерти Сократа Платон продолжил дело учителя – поиск истины. Он покидает родину на целых 12 лет [2, с. 177] и едет в Мегары к знаменитым философам, изучает математику, пифагорейскую теософию, древнюю орфическую мудрость, посещает Египет. Он не только напряженно ищет истину – он стремится претворить её в жизнь и для этого едет на остров Сицилию, в Сиракузы, чтобы попытаться построить идеальное государство [8, с. 101, 102]. Свои идеи он называл «монадами», что в философии обозначает единство, стабильность, форму. Основная форма сочинений Платона – диалоги [11, с. 59] (так называемые «сократические, или сократовские» диалоги). Сократовский метод диалога (возможно, с самим собой) – это искусство задавать вопросы, приводящие к рождению истины [3, с. 64]. П.А. Флоренский писал: «Живы и будут жить претрепетные Диалоги Платона. И нет такого человека, который хотя бы одно время жизни своей не был платоником. Кто ведь не испытывал, как растут крылья души?» [14].

Платону было около сорока лет, когда к нему пришла слава. Он становится знаменитым на всю Элладу, к нему едут ученики. Недалеко от Афин ученики Платона приобрели небольшое имение с рощей, посвященной герою Академу (см. об этом [5, с. 5]). Там философ беседовал с учениками, работал. С тех пор этот приют мысли – Академия – много веков будет притягивать самых разнообразных искателей мудрости. Из неё выйдут, в частности, Аристотель и Зенон, Плутарх (представитель среднего платонизма) и Климент Александрийский, Василий Великий и Григорий Богослов [8, с. 102].

Платона в Европе знали по пересказам его современника Августина Тимея и арабов [11, с. 67].

Платонизм – это понимание познания как процесса восприятия образов и идей [12, с. 33]. При этом идея у Платона всегда первична, как в онтологическом, так и в гносеологическом аспекте. Идея – это общее, совершенное, вечное, неподвижное. Общее построено в форме пирамиды, на вершине которой находится идея добра, которая, подобно солнцу, дает свет другим идеям. Для доказательства существования идеи и познания необходим Бог. Бог делит четыре элемента, из которых состоит материя, на определенные пропорции по принципу золотого сечения [18, с. 751, 752, 753].

А.Ф. Лосев выделяет пять ступеней в учении Платона об идеях в его систематическом развитии. На первой ступени (наивно-реалистической) о терминологии Платона можно прямо сказать, что она почти отсутствует. Это, считает А.Ф. Лосев, почти не терминология. Это – эмбриональное состояние платонической терминологии. Раз нет специального учения или понятия о бытии или идее, то не может быть и соответствующих терминов. Это употребление Платоном терминов, которые потом получают онтологический и диалектический смысл, совершенно несомненно, по мнению А.Ф. Лосева,

имеет исключительно наивно-реалистический характер. Терминов же для выражения понятия «идеи тут совсем нет». На второй ступени (описательно-феноменологической) из его наивно-реалистического самоощущения рождается философское осознание жизни и бытия, т.е. философская терминология, и вот рождается платоновская философия идей. Платоновская идея, утверждает А.Ф. Лосев, есть диалектически обоснованный умно-софийно-интеллигентно-символический миф. А.Ф. Лосев подчеркивает, что Платон сам или совсем не употребляет эту терминологию, или употребляет ее в специфическом значении [7].

Математики вспоминают Платона значительно чаще, чем, например, физики. Большая часть направлений в современной философии математики так или иначе связана с платонизмом, защищая или опровергая его. Многие математики остаются приверженцами платонизма в математике, так как верят в объективность существования открываемых ими объектов математической реальности и в этом, по мнению В.В. Целищева, расплывчатом понимании природы абстрактных объектов математики являются платонистами [15, с. 494, 500]. Среди них самые примечательные фигуры – выдающиеся мыслители Курт Гёдель и Готлоб Фреге [6, с. 53], причем, по мнению В.В. Целищева, поставленная Г. Фреге проблематика актуальна до сих пор. Г. Фреге ответственен за четкую постановку позиции платонизма в отношении математики, по сути, различив онтологический платонизм, эпистемологический платонизм и методологический платонизм [15, с. 495].

Для полноты картины следует упомянуть ещё и так называемый пленительный платонизм (от лат. plenitudo – полный, обильный), согласно которому в каждой математической теории неизбежно вводится представление об объектах, и они должны приниматься в качестве реальных [6, с. 54].

Среди ряда предположений о концептуальной структуре платонизма (тезис о незаменимости математики в науке, математическая интуиция и др. [15, с. 495]) предположение о том, что математический платонизм основан на некоторых принципах изобилия, занимает особое место [16, с. 76]. Одной из интересных попыток использовать принцип изобилия для более четкого понимания соотношения математики и философии является так называемый «полнокровный платонизм» М. Балагера [16, с. 12, 77]. Речь идет о неразрешимых утверждениях, которые, по мнению В.В. Целищева, вполне допустимы в полнокровном платонизме и недопустимы в традиционном платонизме [16, с. 81].

Платон придавал большое значение математике [1, с. 15]. Платонизм в области математики утверждает существование другого, нематериального мира, населенного математическими объектами. Платонисты настаивают на том, что люди имеют вневещественное осознание математических структур, называемое часто интуицией математика, и что при помощи интуиции мы входим в контакт с математическими сущностями. С точки зрения платониста математика изучает мир внепространственных, вневременных, не созданных сознанием сущностей, который недоступен нашим чувствам [17, с. 32-33].

В особый вид бытия и соответственно в особый предмет знания Платон выделяет математические предметы и математические отношения. В системе предметов и видов знания математическим предметам принадлежит место между областью «идей» и областью чувственно воспринимаемых вещей, а также областью их отображений, или изображений. Размышление, направленное на математические предметы, занимает, по Платону, середину между подлинным знанием и мнением. Почему же математические предметы занимают такое положение? Дело в том, что, по Платону, математические объекты родственны одновременно и вещам, и идеям. Они, как идеи, неизменны, не зависят в своей сущности от отдельных экземпляров, представляющих их в чувственном мире. Например, сущность треугольника не зависит от того, какой частный конкретный треугольник мы станем рассматривать, эта сущность остается для любого треугольника одной и той же. Но вместе с тем, поясняет Платон, математики вынуждены прибегать для постижения своих предметов к помощи фигур, как это делает геометрия, а эти фигуры рисуются посредством воображения. Именно поэтому математическое знание не есть знание, совпадающее с тем, при помощи которого постигаются идеи. Оно совмещает в себе части истинного знания с некоторыми частями мнения [2, с. 209, 210].

Другими словами, Платон и неоплатоники считают математику срединной наукой, находящейся между Миром вещей и Миром идей. Математические понятия, как и любые другие универсалии, находятся в Мире идей. Математическая реальность существует и воплощается в человеческом сознании и окружающих нас вещах. Чувственные восприятия вещей, наблюдения и практическая деятельность человека служат лишь толчком к рефлексии, умозрительному постижению математики. Размышления настраивают сознание на определенную познавательную волну, а механизмом познания, открытия нового для человека знания, всегда и неизменно обитаемого в Мире идей, является знаменитый сократовский диалог, или майевтика [3, с. 70].

В.В. Целищев указывает на то, что, несмотря на странности платонизма, следует понять, в какой степени платонизм неизбежен, и есть ли ему жизнеспособные альтернативы в объяснении природы математики [16, с. 74].

Платонизм может пониматься весьма по-разному, поскольку взгляд, согласно которому математические объекты существуют и описываются математическими теориями, – а это и составляет суть математического платонизма – совместим со многими дополнительными предпосылками как математического, так и метафизического толка. Так что неверно было бы полагать, считает В.В. Целищев, что платонизм как философия математики представляет собой четко очерченное направление с набором ясных догм и посылок [15, с. 494-495].

Математический платонизм заключается в том, что математические понятия отождествляются с метафизическими [16, с. 74]. Проблема, которая была в центре идей Платона, заключается в совмещении существования мира идеальных объектов и мира несовершенных материальных объектов. В случае

математического платонизма это проблема применимости математики к реальному миру. Самый простой взгляд на способы такого совмещения состоит в том, что вневещественная реальность математических объектов является результатом абстракции [15, с. 498].

В последние годы своей жизни Платон переработал своё учение об идеях в свете пифагорейцев, заменив идеи идеальными числами [18, с. 752]. Таким образом, чисто платоновское мировоззрение отличается от платоновско-пифагорейского именно тем, что идеи пополняются в последнем числами. По словам Аристотеля, пифагорейцы мыслили числа пространственно. Числа платоно-пифагорейские, так называемые идеальные числа, отличаются от математических, для античных мыслителей всегда конкретных. Вместе с тем они отличаются и от абстрактных чисел, совершенно чуждых античной мысли [9, с. 286-287].

Обычно выделяют две волны влияния пифагореизма на Платона. Первую связывают с его поездкой в Великую Грецию (часть территории современной Южной Италии) в 388/7 годах: знакомство с Архитом и его окружением дало импульс диалогам среднего периода, в которых математика, ранее едва упоминавшаяся, выходит на передний план и становится путем к овладению диалектикой [4, с. 356].

Вторую волну видят в философии позднего Платона: в математизации космоса и диалектики, и особенно в математизации теории идей, отразившейся в неписанном учении о началах. Влияние пифагорейских математиков на Платона бесспорно. Архиту принадлежит столь ценная для Платона идея о благотворном воздействии математики на душу. И всё же, считает Л.Я. Жмудь, было бы слишком прямолинейно видеть в математизации философии Платона её пифагоризацию [4, с. 357].

Вершиной античности было представление об умопостигаемом космосе, развитое неоплатониками и нашедшее величественное завершение в корпусе прокловских текстов [10, с. 48].

А. Уайтхед отмечает, что Платон предугадал будущую сферу прикладной математики [13, с. 550].

В.А. Канке считает, и мы не можем с ним не согласиться, что Платона мы должны вспоминать с благодарностью потому, что он первым указал на концептуальный характер любого, в том числе и математического знания [6, с. 55].

Список литературы

- 1 Абрамова О. Ю., Гимазетдинова А. Х. История и философия математики и техники : учебное пособие. – Казань : Издательство Казанского государственного технического университета, 2013. – 134 с.
- 2 Асмус В. Ф. Античная философия. – М. : Высшая школа, 1976. – 544 с.
- 3 Вечтомов Е. М. Философия математики. – Киров : Издательство ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. – 316 с.
- 4 Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2012. – 445 с.

- 5 Какзанова Е. М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов. Название и происхождение. От А до Z. – М. : ООО «Галлея-Принт», 2015. – 307 с.
- 6 Канке В. А. Философия математики, физики, химии, биологии : учебное пособие. – М. : КНОРУС, 2011. – 368 с.
- 7 Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М. : Мысль, 1993. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/lose000/index.htm> (дата обращения: 15.02.2016 г.).
- 8 Мень А. История религии : в 2-х кн. Кн. 1 : В поисках Пути, Истины и Жизни. – М. : Издательская группа «ФОРУМ – ИНФРА-М», 1997. – 216 с.
- 9 Мордухай-Болтовский Д. Д. Философия. Психология. Математика. – М. : Серебряные нити, 1998. – 560 с.
- 10 Паршин А. Н. О платонизме в математике // Философия математики: актуальные проблемы : тезисы Второй международной научной конференции 28-30 мая 2009. – М. : МАКС Пресс, 2009. – С. 48-49
- 11 Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Терминологическая деятельность. – М. : URSS : Издательство ЛКИ, 2014. – 288 с.
- 12 Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 232 с.
- 13 Уайтхед А. Избранные работы по философии / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1990. – 717 с.
- 14 Флоренский П. А. Общечеловеческие корни идеализма // Богословский вестник. – 1909. – № 2, 3. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren01.htm> (дата обращения: 15.02.2016 г.).
- 15 Целищев В. В. Математический платонизм // Scholae. Философскоантисковедение и классическая традиция. Вып. 2. – Т. 8. – Новосибирск, 2014. – С. 492-504.
- 16 Целищев В. В. Онтология математики: объекты и структуры. – Новосибирск : Нонпарель, 2003. – 240 с.
- 17 Целищев В. В. Философия математики. – Новосибирск : Наука, 2002. – Ч. 1. – 212 с.
- 18 Philosophenlexikon/Hrsg. von Erhard Lange und Dietrich Alexander. – Berlin : Dietz Verlag, 1984. – 975 S.

E. KAKZANOVA
(*Moscow, Russia*)

A HUMAN BEING IN THE LANGUAGE AND TERM. PLATON AND PLATONISM

Abstract: Analyzing the terminology of philosophy of mathematics we can't avoid mentioning the eponym term "platonism", which constitutes the object of our research. In this particular case, the affixal term formed from an anthroponym, which comprises any philosophical periodization as highly valuable in the development of philosophy, is addressed. The article deals not only with the term, but also with the personality of Platon who was the first to specify the conceptual character of any knowledge including mathematical.

Keywords: platonism, Platon, term, eponym, mathematics, philosophy.

АНТРОПОЛОГИЯ ЯЗЫКА В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: Статья рассматривает основные работы герменевтической философии о языке и речи и их влиянии на человеческое бытие.

Ключевые слова: язык, речь, бытие, понимание, коммуникация.

Язык и речь являются неотъемлемой частью человеческого бытия. Изучением их взаимовлияния занимается множество наук, в том числе и герменевтическая философия. Хайдеггер считал, что человек живет в языке как в своем доме. Однако в последнее время отношение к языку и его функциям несколько изменилось, снизился не только уровень всеобщей языковой грамотности, но и потерялась высокая поэтичность, красота речи, основная функция языка сейчас сводится всего лишь к передаче информации, а вместе с этим теряется и связь бытия человека с культурой. По мнению Хайдеггера, язык, открывающий «истину» бытия, живет, прежде всего, в произведениях поэтов (неслучайно Хайдеггер обратился к исследованию творчества Ф. Гельдерлина, Р. Рильке и других). Он считал искусство хранилищем бытия, дающим человеку защищенность и надежность.

Хайдеггер полагал, что только язык делает человека человеком: «Сущность человека покоится в языке» [4, с. 259]. Практически все люди, за исключением редких случаев, имеют возможность с младенческого возраста говорить, однако философ полагал, что «путь к языку», пониманию его сущности является весьма сложным. В качестве сущностных свойств языка он выделяет речь («язык – это язык, исходящее из уст» [4, с. 259]) как указывание, обозначение, существование («поскольку язык *есть*, он, т.е. так или иначе совершенствующаяся речь, принадлежит к существующему» [4, с. 265]), деятельность духа человека, преходящее, порождение.

В поисках возможности и причины единства, гармонии и понятности языка, Хайдеггер использует термин «разбить», указывая на структуру языка, «разметку» речи и говорящих. Содержанием языка является то, что зовется словом «сказать»: «Сказать – значит показать, объявить, дать видеть, слышать» [4, с. 265]. В связи с тем, что речь встраивается в структуру языка, учёный именует язык «сказом» в том смысле, что он всегда что-то показывает. Сущность языка философ усматривал в показывании, указывании знаками на различные области: «*Существо языка есть сказ в качестве такого сказа*» [4, с. 265]. Поскольку язык есть средство общения между людьми, то Хайдеггер обнаруживает, что говорение есть вместе с тем слушание участвующих в разговоре. Однако далеко не каждый обладает способностью слушать и слышать. «Только послушно принадлежащим ему, – разъясняет М. Хайдеггер, – сказ дарит слушание языка и тем самым речь. В сказе дано это дарение. Оно дает нам принять дар речи. Существо языка покоится в таком дарующем сказе» [4, с. 266].

Характеризуя язык как сказ, М. Хайдеггер выявляет его сущность при условии обнаружения того, что сам сказ есть указывание на *особенное* или *событие*, которое «дает быть собой» людям. Обращающийся с речью произносит сказ, слышащий и слушающий – «ответный сказ, идущая навстречу слышащая речь». Поэтому путь к языку обозначается философом как «путь событийный», а событие «оказывается проделыванием пути сказа к речи» [4, с. 269], что обеспечивает «истину пути к языку» [4, с. 270].

В понимании философа язык не сводится к форме, а выражает событие, что, в свою очередь, делает «поставленной» речь, т.е. делает ее информацией. Однако не просто информацией, ибо «всякий язык историчен», есть сказ о своей исторической эпохе. Сами люди, считает философ, «встроены в язык» и никогда не могут из него выйти. Поэтому «язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он способ события, его мелодия» [4, с. 272]. Язык есть «хранитель присутствия» событий, говорящих на нем людей, их культуры, исторической эпохи, в которую они живут. Конечно, язык может меняться, но, как подчеркивает Хайдеггер, «изменение достигается не изготовлением новообразованных слов и словесных рядов. ...Оно обусловлено мерой захваченности историей, тем, включены ли мы и как включены существом языка как первосвидетельством события в него самого» [4, с. 273]. Философ выражает согласие со словами знаменитого лингвиста В. Гумбольдта о том, что изменения языка есть «непременный плод *литературы* народа, а в ней – преимущественно *поэзии и философии*» [4, с. 273].

Работы Хайдеггера представляют тот аспект философии языка, который можно назвать антропологией языка. Он раскрывал особенности бытия языка с точки зрения говорящих и слышащих его людей и показывает, какие его особенности делают язык комфортным для людей, позволяющим им «присутствовать» и действовать в своей исторической эпохе. Хранителями языка выступает народ, особенно в лице мыслителей и поэтов, которые вскрывают разнообразные смыслы языка и делают его открытым для понимания людей, их языкового диалога, и тем самым язык выступает как способ взаимопонимания, толерантного отношения между людьми.

Х.-Г. Гадамер вслед за Хайдеггером продолжает развивать идею о самостоятельной бытийности языка и при этом онтологизирует язык, который, согласно ему, есть центр бытия человека, особая реальность, внутри которой человек себя застаёт. Мы окружены языком, мир языка – это своеобразный дом, в котором мы живем. Языковая интерпретация мира всегда предвосхищает любую мысль, любое познание. Поэтому с уверенностью можно сказать, что и герменевтика является не только теоретической наукой о смыслах текстов, но и практической языковой деятельностью. В отличие от Хайдеггера, Гадамер говорит не об истине языка, а о диалоге как об обнаружении некоей сути, которая и является условием понимания: «... Понять означает прежде всего понять само дело и лишь во вторую очередь – выделить и понять чужое мнение в качестве такового. Наипервейшим из всех герменевтических условий остается, таким образом, предпонимание, вырастающее из нашей обращенности к тому же делу» [1, с. 349]. Именно предпонимание обуславливает и лежит в основе теоретического познания.

Гадамер подтверждает способность герменевтики открывать активный характер языка, однако она получает более точную (и ограниченную) сферу использования: «Понимание начинается с того, что нечто к нам обращается» [1, с. 350]. Этим «нечто», по мнению философа, является предание, или традиция: «Герменевтика должна исходить из того, что тот, кто хочет понять, соотносен с самим делом, обретающим голос вместе с историческим преданием, и связан или вступает в соприкосновение с той традицией, которая несет нам предание. С другой стороны, герменевтическое сознание отдает себе отчет в том, что его связь с этим делом не может быть тем самоочевидным и несомненным единством, которое имеет место в случае непрерывно длящейся традиции» [1, с. 351].

Герменевтический круг Хайдеггера становится моделью существования языка и человека в языке. В качестве позитивного условия понимания Гадамер использует понятие предрассудка. При этом он рассматривает предрассудок как особую, исторически сложившуюся и фиксированную («традиционную») форму «набрасывания смысла»: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется в свою очередь лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл. Понимание того, что содержится в тексте, и заключается в разработке такого предварительного наброска, который, разумеется, подвергается постоянному пересмотру при дальнейшем углублении в смысл текста» [1, с. 318]. Отличие предрассудка, по Гадамеру, заключается в том, что он подвержен случайности и возможности не отражать «суть дела» в силу своей исторической обусловленности в гораздо меньшей степени, нежели любое другое сознательное суждение.

Гадамер подчеркивает, что для понимания текста огромную роль играет сам язык, который имеет общий характер. «...Язык, в котором нечто “обретает язык”», – утверждает он, – не является достоянием и не находится в распоряжении того или иного из собеседников. Всякий разговор предполагает общий язык, или, вернее, он вырабатывает этот общий язык... Это не просто внешний процесс подгонки инструментов; неверно будет даже сказать, что собеседники приспособляются друг к другу; скорее в получающемся разговоре они оказываются во власти истины обсуждаемого ими дела, которая и объединяет их в новую общность» [1, с. 446]. Обычный язык и разговор на таком языке Гадамер считает ложным, не соответствующим сути. Однако результатом такого рассуждения становится мифологизация «истинной беседы». Для Гадамера как бы не существует «неистинный» язык-как-средство, но только «истинный», «общий» язык-как-среда.

Особенностью гадамеровской концепции языка можно считать соотношение понятий «язык» и «истина», связанные с понятиями «традиция» и «предрассудок». При этом основным является понимание языка, прежде всего, как среды понимания, а не как средства передачи информации, т.е. онтологическое, а не гносеологическое толкование языка. В то же время

«общий язык», возникающий в «подлинном» разговоре, сам является формой существования истины, «сути дела». Таким образом, разговор собеседников или диалог интерпретатора с текстом может одновременно рассматриваться и как процесс актуализации имеющейся системы представлений, и как процесс создания «общего языка». Функция этого «общего языка» оказывается сходной с функцией текста, одновременно и сформированного языком как системой, и формирующего его.

Постмодернисты рассматривали вслед за Л. Витгенштейном язык как произвольные, спонтанно возникающие языковые игры с постоянно изменяющимися правилами. Содержание и форма языка считаются лишенными объективного значения. Все области знания рассматриваются лишь как языковые игры, что является основанием для критики и развенчания разума и науки. При этом сам человек и смысл его бытия теряются в меняющихся актах речевой коммуникации. Языковое сообщество людей теряет комфорт, оказывается лишенным устойчивой сферы языкового общения. Так, В.Л. Лехцнер писал о Ж. Дерриде: «Он пытается нам доказать, что нет никаких “трансцендентальных означаемых”, что все *опорные означаемые* – фантомы, оптические обманки, мифические реликтовые излучения, означающие в бесконечной цепи означающих. ... бог – не исключение, он – только очередной удар теннисной ракетки по белому шарiku, узелок на память, трамвайная остановка, фигура на “бесконечной шахматной доске”» [2, с. 83]. Признавая относительность всего, Деррида утрачивает и философский язык своих рассуждений. Он использует философские понятия как призраки, перечеркивая их. Лехцнер характеризует философию языка Дерриды как самую радикальную философию абсурда, отражение абсурда нашей эпохи, запечатленной в языке [2, с. 87].

В последнее время много говорят об упадке языка. По мнению философво-лингвистов, это следствие того, что язык под влиянием новоевропейской метафизики субъективности выпадает из своей стихии. Чтобы человек мог снова оказаться вблизи бытия, обрести свой дом и обеспечить комфортное существование, «он должен сперва научиться существовать на безымянном просторе. Он должен одинаково ясно увидеть и соблазн публичности, и немощь приватности. Человек должен, прежде чем говорить, снова открыться для требования бытия с риском того, что ему мало или редко что удастся говорить в ответ на это требование. Только так слову снова будет подарена драгоценность его существа, а человеку – кров для обитания в истине бытия» [3, с. 22].

Список литературы

- 1 Гадамер Х. -Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М. : Прогресс, 1988. – С.349.
- 2 Конев В., Лехцнер В. Знак: игра и сущность: самарские семинары. – Самара : Самарский университет, 2002. – С.83.
- 3 Кузнецов В. Г., Кузнецова И. Д., Миронов В. В., Монджян К. Х. Философия : учебник. – М. : ИНФРА-М, 2001. – С. 21-22.
- 4 Хайдеггер М. Путь к языку // М. Хайдеггер. Время и бытие. – М. : Республика, – 1993. – С. 259.

E. KALACHEVA
(Kurgan, Russia)

THE ANTHROPOLOGY OF LANGUAGE IN HERMENEUTIC PHILOSOPHY

Abstract: The author studies the main work of the hermeneutic philosophy about language and speech and their interaction with a human being.

Keywords: language, speech, being, understanding, communication.

А.М. КАЛИКОВА
(Астрахань, Россия)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ И КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ СВЯЗКИ 是 (shì) В КИТАЙСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Аннотация: На сегодняшний день понимание функциональной принадлежности связочного компонента в китайском предложении неоднозначно. Преувеличение его грамматической роли сосуществует наряду с признанием за ним исключительно модально-оценочной функции. Статья предьявляет анализ имеющихся точек зрения на проблему и выдвигает компромиссный подход к её решению.

Ключевые слова: связочный компонент, базовая структура, модальность, актуализированная структура, теория актуального членения предложения.

Повсеместная путаница в определении функциональной принадлежности связочного компонента '是' наблюдается в учебниках по китайскому языку, составленных как методистами-носителями данного языка, так и нашими отечественными синологами. Часть учебников интерпретируют использование связочного компонента и образованных на его основе связочных конструкций в качестве базовых синтаксических структур (Jichu Hanyu Keben, 1980; Hanyu Jiaocheng, 2007; Xinshi Yong Hanyu Keben, 2009). Противоположное мнение отстаивают методисты, сводящие роль связки к выражению значения подтверждения в экспрессивных целях, т. е. функциональной маркировки рематизированных компонентов с позиций теории актуального членения (Xiandai Hanyu Yufa Yaodian, 1981).

Е.И. Шутова, представившая подробное описание парадигматического строения класса предикативных структур китайского языка, на страницах своей работы осторожно упоминает о возможности включения служебного слова в состав любого сказуемого. Автор констатирует, что граница между синтаксически обязательной и модальной функциями служебного компонента не всегда отчётлива [3, с. 88]. Задачей данной работы является определение семантико-прагматических характеристик, служащих выявлению роли служебной единицы в составе предикативных структур на китайском языке.

Описывая грамматический механизм зависимости связочного типа предикации от категориальной принадлежности слов, составляющих

присвязочный компонент сказуемого, Е.И. Шутова выделяет классификационный предикативный признак, образуемый на базе существительного и его позиционных эквивалентов, и изъяснительный предикативный признак, выражаемый глагольным сочетанием слов в составе присвязочного компонента.

Показатель, исходя из своей семантики, изначально является носителем модально-утвердительного значения. Китайско-русский словарь поисковой сети Интернет при запросе выдает следующие семы этого слова: 1) ведь; а вот, именно; 2) этот, такой; 3) тот, о котором идёт речь; определённый; 4) верный, правильный, истинный; 5) сверять, править, считать правильным[1]. Приведённый список значений связки объединяет общее представление подтверждения, служащее формированию модальности высказываний. Данный факт является причиной использования именно этого служебного слова в создании предикации между смысловыми компонентами слов, выраженных именем существительным. Отсутствующее значение признака у имени существительного актуализируется за счет связки. Тогда образующийся комплекс '是' + имя существительное' даёт представление о признаке, имеющем предметную отнесённость. Рассмотрим примеры:

(1) 他// 是 / 工人。 Он рабочий.

он // связка / рабочий

(2) 这朵花// 是/ 红色。 Этот цветок красного цвета.

этот цветок // связка / красный цвет

Присвязочный компонент примеров (1 и 2) выражен именем существительным, что наглядно представлено в подстрочном поэлементном переводе. Подвергнуть данные примеры структурной трансформации не представляется возможным. Аналогичная ситуация наблюдается и в случае с изъяснительным предикативным признаком, формируемым на базе глагольных сочетаний слов:

(3) 任务// 是 / 保卫村子。 Задача состоит в защите деревни.

задача // связка / защищать деревню

Сопоставление двух предметов возможно только в случае использования связочного элемента, вводящего толкование смыслового компонента подлежащего. Теперь проанализируем примеры связочных структур категоризирующе-атрибутивного предикативного признака, для которых характерно использование просубстантивного комплекса на的(de). Отметим, что согласно классификации Е.И. Шутовой категоризирующе-атрибутивный признак представляет собой разновидность классификационного предикативного признака.

(4) 我爱人// 是/ 好的。 Мой супруг из числа хороших.

мой супруг // связка / хороший + частица

(5) 我// 是 / 爱好人的。 Я из тех, кто любит хороших людей.

Я / связка / любить хороших людей + частица

В представленном переводе на русский язык мы попытались отразить референтные особенности приведенных высказываний, сказуемое которых содержит связочный компонент. Данная референтность образуется именно за счёт выделительной конструкции, '是... 的' которая способствует передаче уточнения выделенного рамкой признака. Возможность преобразования данных конструкций в предикативные структуры описательного характера свидетельствует о модальной функции связочного компонента более, чем о его синтаксической роли. Перефразируем примеры (4, 5), используя структуры описательного предикативного признака адъективного вида:

(6) 我爱人/ 很好。 Мой супруг очень хороший.

мой супруг/ очень хороший

(7) 我// 爱 /好人。 Я люблю хороших людей.

я// любить/ хорошие люди

Сравнивая смысловую заданность базовых структур (примеры 6, 7) с их актуализированными аналогами (примеры 4, 5), обнаруживаем определённые различия в содержательном характере предикативных признаков. Исходные структуры (6, 7) сообщают информацию о предмете последовательно. Важным моментом здесь является отсутствие личного отношения к излагаемому событию. Такие структуры свойственны для языка прессы, для них характерна строгая констатация фактов без привлечения субъективных факторов. И, напротив, разговорный стиль речи пестрит языковым разнообразием равнодушного отношения говорящего к сообщению. В китайском языке выделительная конструкция '是... 的' является одним из самых распространённых способов рематизации синтаксических компонентов. Приведём ещё примеры трансформаций базовых конструкций с нейтральным порядком слов в рематизированные под влиянием связочной маркировки структуры:

(8) 这件事 / 根据天干地支得名。 «Это событие было названо циклическими знаками».

→ 这件事 / 是根据天干地支得名的。 «Именно в соответствии с циклическими знаками это событие приобрело свое название».

(9) 他们/ 为我们提供例子。 «Они служат для нас примером».

→ 他们/ 是我们的例子。 «Они — пример для нас».

(10) 这种危险/ 存在着。 «Такая опасность существует».

→ 这种危险/ 是存在的。 «Такая опасность существует непременно».

(11) 你/ 生于 1960 年。你属鼠。 «Ты родился в 1960 г. Твой циклический знак — крыса».

→ 假如你/ 是 1960 年生的， 你就应该属鼠。 «Если ты 1960-го года, то тогда твой циклический знак — крыса».

В представленных примерах (8-11) информация, на которой говорящий желает акцентировать внимание слушателя, обрамлена структурной рамкой. Однако выделительные свойства показателя '是' при глубоком рассмотрении могут быть стратифицированы на две подгруппы:

1 конструкция shì ... de, обрамляющая препозитивные партиципаны сказуемого либо сам глагол с целью наделения их статусом ремы;

2 конструкция ... de shì ..., переводящая тему сообщения в статус ремы (фокус контраста) с последующим введением новой информации в постпозиции.

Обе конструкции участвуют в создании модуса «разъяснения», «уточнения», «подтверждения» [2, с. 119]. Сферы употребления таких конструкций включают диалогическую речь, вопросно-ответный режим ведения устной беседы. Реорганизация базовых структур происходит в соответствии с видовременной представленностью описываемых событий. Первая связочная конструкция (СК1) выделяет присвязочный компонент сказуемого, действие которого уже имело место и стало фактом. Вторая связочная конструкция (СК2) идентифицирует тему сообщения, имеющую место в момент речи. Таким образом, информация о времени совершения события или признака заключена в презумпции связочной структуры и не требует дополнительной грамматической маркировки.

Произведенный анализ связочных конструкций и их базовых вариантов позволяет констатировать сохранение модально-оценочной коннотации связочного компонента в предложениях на китайском языке. Мы допускаем рассмотрение связки в качестве грамматического средства связывания компонентов подлежащего и сказуемого, наделённых определёнными категориальными признаками. Однако и в этом случае связочный компонент не утрачивает своего основного семантического значения 'подтверждения', который используется носителями языка для формирования высказываний со значением идентификации и классификации.

Список литературы

1 Русско-китайский и китайско-русский электронный словарь Zhonga. URL: <https://zhonga.ru/chinese-russian/%E6%98%AF/xvkne> (дата обращения: 25.02.2016 г.).

2 Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики: синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.

3 Шутова Е. И. Синтаксис современного китайского языка. – М. : Наука, 1991. – 390 с.

M. KALIKOVA
(*Astrakhan, Russia*)

THE GRAMMATICAL AND ACTUAL COMMUNICATION DIFFERENCE OF THE LINK WORD IN THE CHINESE SENTENCE

Abstract: The functional essence of the link word in a Chinese sentence is still ambiguously interpreted. The perspective of its grammatical role co-exists with the views of its modal function. The article is devoted to the analysis of the present theories and finds a compromise solution of the problem.

Keywords: a link word, a basic structure, modality, an inverted structure, the theory of topic-focus structure.

Т.С. КИРИЛЛОВА, И.Р. ОДИШЕЛАШВИЛИ
(Астрахань, Россия)

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Аннотация: Термин – особая когнитивная структура, несущая информацию о профессиональных знаниях. Специфика терминологической номинации отражается в основах её терминообразования.

Ключевые слова: термин, когниция, структура, дефиниция, знания.

Для современного развития терминологии большое значение имеет осознание того, что термины – это часть языка, который, как утверждал В. фон Гумбольдт, следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), а как созидающий процесс (*Erzeugung*). Такой подход представляется наиболее оправданным, поскольку термины образуются в соответствии с законами конкретного языка, а терминологическая номинация – творческий процесс, в котором участвуют языковой опыт и научно-профессиональное знание человека. Терминообразование в этом смысле представляет собой сложно структурированный когнитивный процесс, включающий передачу и получение информации, важную роль при котором играют условие его осуществления и среда [6]. Безусловно, применение положений когнитивно-дискурсивной парадигмы к определению медицинского термина как единицы языкового и научно-профессионального знания дает возможность раскрытия информационной емкости термина, его понятийно-семантической структуры.

Современная медицинская терминология неоднородна по своему составу и обширна по своей функциональной направленности. Она представляет собой не только ядро профессиональной (медицинской) лексики, позволяющее медикам оперировать информацией и использовать ее в профессиональной сфере, но и отражает часть национальной языковой картины мира. Ядро медицинской терминологии составляют медицинские термины, соотносящиеся с единицами медицинской концептосферы картины мира. Периферию образуют общенаучные, общемедицинские термины. Единицы медицинской терминологии являются носителями и хранителями фрагмента информации, имеющей определенную ценность в понятийной системе медицины. В этом смысле термин представляет собой особую когнитивную информационную структуру, в которой аккумулируются в конкретной языковой форме научно-профессиональные знания. Особую значимость имеет то, что за терминологией закрепляются специфические средства именованья научных концептов. По этой причине термин должен представлять собой открытую для инноваций знаковую единицу. Этот факт объясняется тем, что термин передает знание в пространстве и во времени и тесно связан с теорией, формирующей знание.

Следовательно, прогрессу научного знания может отвечать только динамичный, способный меняться термин.

Специфика терминологической номинации раскрывается в процессе способов терминообразования. Так, например, семантическое терминообразование связано с использованием общеупотребительных слов в функции термина. Чем больше в существующем значении слова содержится информации, совпадающей со свойствами познаваемого объекта, тем выше вероятность избрания данного слова для обозначения именуемого объекта. Использование общеупотребительной лексики в функции терминов базируется на обобщающей природе слова и потенциальных возможностях, заключенных в его смысловой структуре.

Широкая семантическая структура слова служит своеобразной вуалью, прикрывающей сущность явления. Новая языковая конструкция приобретает осмысленный характер, включаясь в привычные контексты мыслительно-языковой деятельности. Очень часто используется в медицине метафора для примерного описания явления путем сравнения его с хорошо известным предметом («cauliflower ear», «lame dark», «dog`s disease», «English disease», «to carry the baby», «hard case»), что продуцирует метафорически скомбинированные понятия, мотивация которых находится в сходных элементах формы, позиции и функции [5]. Как справедливо отмечает А.А. Залевская, медицинская метафора выполняет роль, сравнимую с «ролью лазерного луча при считывании голограммы»: она «выполняет определенный условно-дискретный фрагмент континуальной и многомерной индивидуальной картины мира» [4]. Следовательно, метафора – это, прежде всего, способ уловить индивидуальность конкретного предмета или явления. Понять метафору – это проследить путь ее создания, что неизбежно требует умственного усилия в «преодолении несовместимости значений» и «восстановления смысловой гармонии» [2]. «Ангел-хранитель» – образное название анестезиолога, гипертонию часто называют «болезнью неотреагированных эмоций», «сахарный укол» – название знаменитого опыта французского физиолога К. Бернара. Следовательно, основным механизмом метафорического переноса в медицине является ассоциативное сравнение. Слово общелитературного языка берется для обозначения понятия определенной науки, при этом его значение обычно сужается и получает строгое определение.

Особенность дефиционного способа заключается в том, что термин соотносится с некоторым предложением, его заменяющим, поскольку название термина представляет собой сжатую в одно слово, простую или сложную формулу изучаемого предмета или явления. Поэтому термин можно рассматривать как «конденсированное предложение». Следует отметить, что выступая языковым выражением понятия, отображающим важнейшие его признаки, термин фокусирует в краткой языковой форме – «семантический инвариант» или «семантическое ядро» – соответствующего предложения. Конденсируя информацию, термин приобретает профессиональную память. Объективное содержание термина представляет собой своеобразную запись научного профессионального знания и характеризуется тем, что оно дается как

смысл или значение специального выражения, которое отражает не только объект познания, но и мыслительный процесс, связанный с его познанием. При этом мыслительный процесс фиксируется дефиницией, которая содержит конкретное определение термилируемого объекта. По мнению М.Н. Володиной, определение выражается сначала: 1) суждением о термилируемом предмете или явлении, затем 2) раздельнооформленным словосочетанием и после этого 3) стягивается в цельнооформленную лексическую единицу [3]. Конденсируемая в термине информация декодируется дефиницией, представляющей собой научное высказывание. Подобную точку зрения выражает Л.М. Алексеева, которая рассматривает процесс терминообразования как часть сложнейшего процесса вербализации нового знания, средствами которого служат язык, интеллект и опыт исследователя.

Основным содержанием терминообразования является создание терминологических единиц на основе дефиниции. Под дефиницией при таком подходе понимается прямая или косвенная экспликация понятия о каком-либо явлении или объекте действительности в предшествующем термину тексте, необходимая для осуществления последующего акта коммуникации. Процесс терминообразования, таким образом, представляется как «свертывание» формы дефиниции и семантическое «сгущение» ее плана содержания. Порождаемый термин Л.М. Алексеева называется «компрессантом», так как он представляет результат процесса компрессирования. При этом формально происходит упрощение синтаксической конструкции, что сопровождается соответствующим усложнением семантики компрессанта. Все это дает исследователю основание полагать, что термины – это коды мысли, а процессы терминообразования – это процессы перекодирования естественного языка. «Термин – это, скорее всего, не результат мыслительной деятельности, выраженный в строго заданном мыслительном содержании, а сама мыслительная деятельность, определяемая как акт или как терминотворчество» [1]. Дефиниция в процессе терминообразования выполняет три основные функции: 1) дефиниция является непосредственно отражающей базой термина; 2) дефиниция – семантический эквивалент термина; 3) дефиниция обеспечивает однозначное толкование термина в тексте.

Список литературы

- 1 Алексеева Л. М. Проблемы термина и терминообразования. – Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 1998. – 120 с.
- 2 Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
- 3 Володина М. Н. Теория терминологической номинации. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 180 с.
- 4 Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
- 5 Зубкова О. С. Метафора в профессиональной семиотике : монография. – Курск, 2011. – 334с.
- 6 Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

T. KIRILLOVA, I. ODISHELASHVILI
(Astrakhan, Russia)

TO THE QUESTION ABOUT TERMINOLOGICAL NOMINATION

Abstract: The term is a special cognitive structure carrying information about professional knowledge. The specific feature of terminological nomination is reflected in the ways of its term formation.

Keywords: term, cognition, structure, definition, knowledge.

О.Н. КОШЕЛЕВА, И.С. СОЛОХИНА
(Астрахань, Россия)

ИЗ ИСТОРИИ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ТЕРМИНОВ И ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ КАК РЕЗУЛЬТАТА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА КОМПЬЮТЕРОВ В ГЕРМАНИИ

Аннотация: Возникновение новых терминов и профессионализмов в компьютерном программировании тесно связано с развитием промышленного производства в Европе (Германии).

Ключевые слова: термины, профессионализмы, компьютер, промышленность.

Известно, что американец Герман Голерих, изобретатель машины с перфокартой и основатель «Tabulating Machine Company», направил инженера Р. Вилльямса в Германию в 1910 году для приобретения патента на продажу его машин. 30 ноября в Берлине было основано ДЕНОМАГ (Deutsche Hollerith-Maschinen Gesellschaft mbH). Вюртемберг, Эльзас-Лотарингия и Баден впервые провели подсчет населения с помощью перфокарт (dieLochkarte). Это привлекло внимание Пруссии, у которой из-за высокой численности населения была особенная потребность в технических средствах. В первый период их развития в Германии эти машины использовались исключительно для статистических целей. Первым клиентом ДЕНОМАГ, который организовал собственный отдел, оснащенный такими машинами, и использовал их в коммерческих целях, стали фабрики по производству красок Baeyer в Эльберфельде.

В 1911 году в Берлине машины Голериха демонстрируются в Рейхстаге. Статистическая служба Рейхстага в первый раз обрабатывает данные статистики торговли во внутренних водах с помощью перфокарт.

В 1912 году ДЕНОМАГ начинает выпускать свой первый журнал для клиентов – «Сегодняшние новости АйБиЭм» (Die heutigen IBM Nachrichten).

В 1914 году Голерих получает королевский патент. В Германии количество клиентов ДЕНОМАГ насчитывает 44 предприятия, а капитал составляет уже 250 000 марок. Во время Первой мировой войны ДЕНОМАГ причисляют к стратегически важным организациям.

В 1918 году открывается первый филиал DENOMAG в Виллинге, а в 1921 году в качестве дочерней фирмы открывается Degemag (Deutsche Geschäfts-Maschinen GmbH), которая выпускает часы, весы и проверочные аппараты.

В 1930 году основатель фирмы и первый генеральный директор DENOMAG Вилли Хайдингер становится председателем акционерного общества с таким же названием, а Херман Ротке – председателем руководства фирмы.

8 января 1934 года было открыто новое предприятие с главным управлением в Берлин - Лихтерфельде.

После Второй мировой войны, вслед за созданием IBM в США, в 1949 году немецкое общество машин Голлериха переименовывается в международное бюро машин IBM (Internationale Büro-Maschinen Gesellschaft), а в США основывается IBM World Trade corporation, чтобы координировать деятельность фирмы за территорией США. Проходит новый этап в развитии обработки данных. Новые формы организации появляются за счет внешнего хранения таких данных, как адреса и контингент в картотеке. В 1951 году IBM Deutschland впервые выходит на рынок. Появляются первые предприятия, занимающиеся проблемой обработки текстов. IBM Deutschland основывает свою исследовательскую лабораторию и создает ценную перфокартную систему (das Lochkartensystem). На немецкий рынок выходит первый электронный вычислительный прибор с лампами – вычислительный штамповщик (der Rechenstanzer) IBM 604. Он стал предзнаменованием приближающейся электронной эпохи.

И вот, наконец, в 1955 году появился первый настоящий программируемый компьютер. Это магнитный барабанный вычислитель (der Magnettromelrechner) IBM 650, который работает на электронных лампах (die Elektronenröhre). Открывается первый вычислительный центр в Зиндельфингене. Новшеством в компьютерной технике становится первое внешнее запоминающее устройство – магнитная пластина (die Magnetplatte) с прямым факультативным управлением.

В 1958 году начинают производить компьютер RAMAC 305 с памятью на основе магнитных пластин (die Magnetplattenspeicherung) и печатным устройством со сжатым брусом. Основанная в 1953 году лаборатория открывает отдел по изучению полупроводников (der Halbleiter). Система IBM 1401, первый компьютер, оснащенный транзисторами (der Transistor) и печатными схемами (die gedruckte Schaltung), был выпущен на рынок и имел сокрушительный успех. Предприятие Зиндельфингена готовило этот компьютер к выходу на европейский рынок. Заявляет о себе система IBM 360, первое семейство совместимых компьютеров любой величины. Благодаря интегрированным элементам управления и схемам достигается неограниченная вместимость памяти. Байт начинает свое торжественное шествие. Открывается предприятие в Маинце, которое занимает первое место по сборке компьютеров в Европе. Прогрессирующие технологии делают применение электронной обработки данных интересным и для средних и малых предприятий.

Летом 1970 года система IBM 370 дополняется новыми моделями 155 и 165.

В 1980 году появляется процессор (der Prozessor) IBM 3081, мощность которого более чем в два раза превышает мощность существовавшей до сих пор огромной вычислительной машины IBM. К производству компонентов привлекаются предприятия в Ганновере и Зиндельфингене. Появляется возможность цифровой обработки и хранения языка и возможность обмена новостями с несколькими адресатами, независимо от того, находится ли собеседник в пределах досягаемости. В это же время был основан кредитный банк IBM, который является стопроцентной дочерней компанией IBM Deutschland.

В 1983 году на немецкий рынок выходит персональный компьютер IBMPC. Он стал ярким примером того, как быстро развивалась тогдашняя технология микропроцессоров. Его расширенные возможности позволяли вносить в производство изменения в соответствии с растущими требованиями.

В 1985 году проходит большая выставка технологий IBM, которая привлекла внимание молодых людей в возрасте от 16 до 25 лет. Выставка называлась EXHIBIT. С этого года и до 1987 выставка проехала по двадцати городам и четырнадцати странам Европы. Целью выставки было привить новому поколению понимание компьютерной техники и помочь преодолеть страх перед компьютером. По инициативе IBM Deutschland состоялась выставка Леонардо да Винчи. Были показаны модели, построенные по чертежам этого художника и ученого, жившего в пятнадцатом веке. Шестнадцать из них впервые были показаны в Германии.

На технологической конференции в Нью-Йорке инженерами IBM был представлен дизайн четырехмегабитных чипов (4-Megabit-Chip). Он стал доработанной версией предыдущей модели. Он был всего на 30% больше, но несмотря на это его объем памяти стал в четыре раза больше. IBM представило восемь моделей новой персональной системы IBM. Благодаря этому сфера использования персональных компьютеров была расширена. К тому времени была преодолена следующая трудность в обработке информации – появились системы с открытой архитектурой.

В 1990 году фирма IBM организывает двенадцать обучающих центров, которые располагаются в крупнейших школах. Обучением и обслуживанием студентов занимаются опытные работники IBM. Малая персональная система IBM была оснащена программным обеспечением для обработки текстов, графиков, данных, таблиц, а также обучающими программами. Благодаря этому даже начинающие могли начать работу уже через пять минут. С появлением новой системы IBM 390 начинается новая эра вычислительной техники. Особенностью этой системы стал большой объем памяти и высокая скорость обработки данных.

Список литературы

- 1 Deutschland «Новые технологии» Frankfurt am Main. – 2001. – №2. – 67 с.
- 2 Deutschland «Куда ведет сетевое общество» Frankfurt am Main. 1999. – № 6. – 65 с.
- 3 IBM im Nordwesten: Eine Reise durch die Region. Enzyklopädie der Informationsverarbeitung. Stuttgart. 1997. – 39 с.

O. KOSHELEVA, S. SOLOKHINA
(Astrakhan, Russia)

FROM THE HISTORY OF APPEARANCE OF NEW TERMS AND PROFESSIONAL WORDS IN THE GERMAN LANGUAGE AS THE RESULT OF INDUSTRIAL PRODUCTION OF COMPUTERS IN GERMANY

Abstract: The appearance of new terms and professional words in computer programming is closely connected with the development of industrial production in Europe (Germany).

Keywords: terms, professional words, computer, industry.

М.Ю. МИРОНОВА, С.В. КИСЕЛЕВА
(Россия, Санкт-Петербург)

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ТЕРМИНОВ С СОДЕРЖАТЕЛЬНЫМ ЯДРОМ «КОМПАНИЯ»)

Аннотация: В работе анализируются происхождение и функционирование инвестиционных терминов с содержательным ядром «компания», исследуются словарные дефиниции. Также выявляются признаки, на основании которых произошел метафорический перенос значения. Исследования проводятся на материале корпусных данных.

Ключевые слова: метафора, метафоризация, корпусные данные, семантические компоненты, содержательное ядро.

Современные лингвистические исследования доказали, что метафора пронизывает весь язык, включая не только тексты художественных произведений, но и профессиональный дискурс. Сегодня метафора уже не считается только литературоведческим термином, а используется с целью эмоционального воздействия на адресата в текстах многих других языковых жанров, являясь неотъемлемым атрибутом языка в целом. Значительная часть человеческих понятий структурирована с помощью метафор. Метафора выступает когнитивным феноменом, влияющим на мышление человека и обеспечивающим понимание [6].

Более того, сегодня «метафора является одним из способов образования терминов, наполняя словарный состав языка продуктивными моделями. Факт образования новых терминов при помощи метафоры лишний раз свидетельствует о тесной взаимосвязи лексических единиц общеупотребительного языка и языка специальных целей и о возможности взаимообмена лексическими единицами между ними» [4, с. 487]. Метафоризация выступает творческим способом познания концептуальных абстракций, осуществляемым в эвристических целях, а также для оформления потока новых мыслей [5].

Метафора является и способом закрепления реалий окружающего мира, и орудием создания новых смыслов. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «Метафора не

нужна практической речи, но она ей в то же время необходима, не нужна как идеология, но необходима как техника» [1, с. 9]. Это утверждение подтверждает тот факт, что метафора реализует одну из наиболее важных функций – когнитивную. Согласно теории Дж. Лакоффа, «...метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [8, с. 18-19].

По словам Г.Н. Складневской: «Едва ли не каждое многозначное слово содержит переносные значения и оттенки. Следовательно, будучи описана в словаре, языковая метафора эмпирически уже систематизирована и классифицирована» [7, с. 27].

В результате внедрения корпусных данных появилась возможность верифицировать наблюдения над функционированием метафорических единиц. Исследование процесса метафоризации через когнитивные реалии позволяет выявить базовые метафорические модели.

В качестве материала для исследования был выбран корпус COCA (Corpus of Contemporary American English), который насчитывает 450 млн слов. Данный объем является достаточным для доказательства релевантности, тематичности и наличия в необходимом количестве исследуемой лексики.

В фокус исследования помещены метафоры, базовым типом мотивирующих признаков которых являются «животные». На основе анализа данных инвестиционных словарей были выявлены следующие метафоры с мотивирующим признаком «животные»: *gorilla, cash cow, cats and dogs, lame duck, ostrich, lemming, fat cat, wildcat, celtic tiger, paper tiger, wolf, currency snake, deer market, dog, watchdog, dog and pony show, dogs of the dow, shark, dolphin, red herring, eagle, gold eagles, kangaroos, turtle, pig, sheep, bull, bear, bearhug, teddy bear hug, protected or covered bear, elephants, rat trading, seagull manager, monkey*. Из приведенного списка были отобраны метафоры с содержательным ядром «компания», а именно: *gorilla, lameduck, wildcatcompany, shark, cashcow, dog*.

С целью изучения образования метафор был проведен дефиниционный, компонентный и статистический анализ. Ниже представлены словарные дефиниции, примеры контекстуального употребления, а также выводы по каждой метафоре.

Рассмотрим метафору *Gorilla*:

1 «"горилла": компания, которая доминирует в определенной отрасли, но не имеет полной монополии (происходит от шуток насчет 800-фунтовых горилл, которые делают все, что им нравится); = *800-pound gorillas*» [12, с. 664];

2 «а company that dominates an industry without having a complete monopoly. A gorilla firm has large control of the pricing and availability of its products, relative to its competitors in the industry» [25];

3 «а company that has the greatest market share in a particular industry without having a monopoly. A gorilla usually has greater leeway in its decisions; for example, it may charge a higher price for its products without fear of losing too much business. Large companies, such as Wal-Mart or Microsoft, are considered gorillas» [28].

Далее приведены примеры употребления метафоры «*800-pound gorilla*»:

1 «If you want to compete with an *800-pound gorilla* Like Facebook, it helps to be an *800-pound gorilla* named Google» [20];

2 «"In the post-financial crisis global economy, China is quickly becoming the proverbial '*800-pound gorilla*' – the player that has to be courted, but that can't be tamed," said Money Morning Contributing Editor Peter Krauth» [22];

3 «The *800-pound gorilla* in the field is \$8 billion Microsoft (MSFT; NASDAQ \$94; no yield), now trading at a 14% discount to last year's high of \$109.25. With the Windows 95 operating system's debut last year, Redmond, Wash. company released what is sure to become the bestselling personal-computer software of all time» [20].

Корпусные данные подтверждают активное использование метафоры «*800-pound gorilla*» в текстах инвестиционной тематики (найденно более 100 употреблений). Также в процессе анализа корпуса текстов было обнаружено частое применение этой метафоры не только в инвестиционной сфере, но и относительно всего, что может иметь такой же вес, влияние и быть непредсказуемым в своих действиях, как 800-футровая горилла, а именно, люди, места, события, все, что является важным, существенным, значимым для того, кто в данный момент употребляет эту метафору.

Более того, при исследовании корпусных данных было обнаружено, что для описания менее влиятельных и значимых компаний или людей в составе метафоры употребляется число, меньшее по порядку, нежели 800, например, «*100-pound gorilla*», «*300-pound gorilla*», «*600-pound gorilla*», «*500-pound political gorilla*». Это доказывает то предположение, что языковая метафора достаточно свободно вступает в семантические связи и реализуется в разнообразных лексических окружениях, в то время как для усиления признака употребляется метафора «*900-pound gorilla*». Например:

1 «The Saudi Kingdom remains the *600-pound gorilla* of the global oil market» [20];

2 «If Southern is the *100-pound gorilla*, Shell is the *900-pound gorilla*» [20];

3 «The second reason for current congressional unease is as unpredictable as a *400-pound gorilla*: Sen. Daniel Patrick Moynihan's proposal to cut the social security tax, in order to unmask the true dimensions of the annual deficit» [20].

Также следует отметить, что метафора «*800-pound gorillas*» содержит в себе скрытую гиперболу. Это доказывает тот факт, что зафиксированная максимальная величина горилл составляет не 800, а 600 фунтов (270 кг). Цель такого преувеличения – еще больше подчеркнуть влиятельность и неуправляемость «компаний-горилл».

Чтобы лучше понять, как возникла метафора «*gorilla*» и на основании какого признака произошел перенос значения, обратимся к определению лексической единицы *gorilla*. Согласно дефинициям, которые приводят толковые словари современного английского языка, *gorilla* – это:

1 «1. a very large African monkey, that is the largest of the APES. 2. a man who is very large and who looks as if might become violent» [17, с. 759];

2 «1. a type of very large ape that has black fur and that comes from Africa. 2. a large, strong, and usually ugly or frightening man» [16];

3 «1. a powerfully built great ape with a large head and short neck, found in the forests of central Africa. It is the largest living primate. 2. *informal* A heavily built aggressive-looking man» [26].

Очевидно, что такие семантические компоненты, как «very large», «the largest», «violent», «strong», «ugly», «frightening», «powerfully», «aggressive-looking», и легли в основу сравнения компании с гориллой. В данном случае мы имеем дело с переносом значения на основании сходства функции. Именно поведение гориллы, а не какого-либо другого животного, ассоциируется в сознании человека с тем, кто для достижения своих целей пользуется силой и мощью, чьи действия пугают и вводят противника в ужас и состояние оцепенения, благодаря чему гориллы, а в инвестиционной сфере компании-гориллы, достигают своей цели доминировать среди себе подобных. Весьма иллюстративным является семантический компонент «Africa». По всей видимости, с началом колониальных захватов и развитием работоторговли к африканцам утвердилось отношение как к «дикарям, которых миновала история», неисторическим народам на уровне диких животных. И хотя многое изменилось с тех пор, подобный стереотип продолжает существовать в сознании многих европейцев.

Так, термин *gorilla* не утрачивая исходной семантической структуры, соотносимой с фондом общелитературного языка, приобретает терминологические значения в силу эволюции экстралингвистической реальности.

Далее рассмотрим метафору *Lame duck*:

1 «"хромая утка": 1. компания в тяжелом финансовом положении, нуждающаяся в поддержке государства; 2. джоббер, не способный выполнить обязательства по заключенным сделкам (Великобритания); 3. президент, премьер или губернатор, проигравший выборы» [13, с. 9];

2 «A company which is in financial difficulties. The government has refused to help lame duck companies» [19, с. 198];

3 «An ineffective trader who is in or near bankruptcy due to a series of bad trades, often over a long period of time. A lame duck has suffered heavy losses, not from a bear market or something similar, but simply due to his/her ineptitude. This is a slightly pejorative term that is most common in Europe» [28].

Результаты исследования текстов показали, что в отношении компаний данная идиома практически не употребляется и был найден только один пример: «Current argument is that Yahoo is a great example of a lame duck company. The management has not executed the plan they provided» [15].

Однако идиома «a lame duck» активно применяется, когда говорят о политических деятелях и руководителях организаций, чья работа оказалась неэффективной (365 употреблений), например: lame duck president, lame duck senator, lame duck Democrats. Например:

1 «He's a lame duck, so his term's ending» [20];

2 «By the time he and Prime Minister Ehud Olmert drew close to agreement in 2008, corruption charges made the Israeli leader a lame duck» [20];

3 «Speaking in an interview with the Wall Street Journal, Ballmer said he wanted to avoid being seen as the "lame duck" on the company's board, admitting that he had been much quieter in meetings since his change of position within the company» [23].

Более того, анализ корпусных данных выявил частое применение идиомы *lame duck* в отношении всего, что не увенчалось успехом. Были найдены следующие сочетания: *lame duck session*, *lame duck congress*, *lame duck period*, *lame duck agenda*, *lame duck votes*, *lame duck time*, *lame duck mentality*, *lame duck presidency*. Например:

1 «So, the question, is this going to light a fire under Congress to come up with a grand bargain before the *lame duck session* to avoid these painful cuts that could have a dramatic impact on people's livelihood right before the election?» [20];

2 «But just how did the *lame duck administration* of Barack Obama become a lame duck presence in the South China Sea?» [21];

3 «So whoever wins control of the presidency, whichever party gains control of the - of the Congress is going to have to wait until they're sworn in, and watch this *lame duck Congress* and potentially lame duck president deal with things, like the expiration of the Bush tax cuts...» [20].

Так, анализ корпусных данных показал, что идиома «a lame duck» сегодня наиболее популярна в американской политической журналистике как уничижительное и пренебрежительное описание непопулярного политика, который точно не будет переизбран на занимаемый пост. И хотя президент все еще обладает всем спектром властных полномочий, он все равно воспринимается как «доживающий» свой срок.

С целью проведения компонентного анализа были рассмотрены следующие словарные дефиниции:

1 *Lame* – «1. unable to walk properly because your leg or foot is injured or weak. 2. A lame explanation or excuse is weak or difficult to believe» [17, с. 975];

2 *Duck* – n. «a very common water bird with short legs and a wide beak, used for its meat, eggs, and soft feathers»; v. «1. to lower your head or body very quickly, especially to avoid being seen or hit; 2. to avoid something, especially a difficult or unpleasant duty; 3. to duck out of something: to avoid doing something that you have to do or have promised to do» [17, с. 524].

Значение лексической единицы *lame* определяется через следующие семантические компоненты: *unable*, *injured*, *weak*, *difficult*. Анализ значения лексической единицы *duck* в роли существительного не дает нам ответа на вопрос, почему же именно это слово вошло в состав идиомы «a lame duck». В то время как из определения слова *duck* в функции глагола можно вычлени такие семы, как *to lower*, *to avoid*, *difficult*, *unpleasant*. Так, при помощи идиомы *lame duck* можно охарактеризовать все, что претерпевает трудности, нуждается в помощи, не способно эффективно функционировать и выполнить обещания.

И все же остается вопрос, на который не удастся в полной мере ответить, произведя дефиниционный и компонентный анализ: почему языковым сообществом была выбрана именно идиома «a lame duck», а не, например, «a wingless duck» или «a sinking duck»? Для ответа на этот вопрос необходимо

обратиться к истории возникновения идиомы «a lame duck». Происхождение этой идиомы не имеет ничего общего с политикой. Первые употребления датируются 60-70 годами XVIII века. Идиома «a lame duck» применялась на Лондонской фондовой бирже и обозначала обанкротившегося игрока или инвестора, который, подобно подстреленной утке, не может больше угнаться за стаей. По всей видимости, данный исторический факт объясняет то явление, что, хотя идиома «a lame duck» сегодня редко употребляется в инвестиционном секторе и в основном используется в политике, она все-таки продолжает фиксироваться инвестиционными словарями, так как ее возникновение уходит своими корнями именно в инвестиционно-финансовую сферу [11].

Так, корпусные исследования доказывают, что идиома «a lame duck» чаще всего реализует то значение, которое приведено в словарной статье под пунктом 3. Хотя, как показали исследования, это не единственное значение данной идиомы. Гораздо чаще она используется применительно к тому, чьи методы работы оказались неэффективны, но при этом лицо продолжает занимать свой пост.

Следующая метафора – *a wildcat company*:

1 «компания, которая занимается спекуляциями или аферами (первоначально в основном в добыче нефти)» [13, с. 797];

2 «компания, занимающаяся аферами» [10];

3 «1. risky or unsound, especially financially 2. issued by a financially irresponsible bank: *wildcat currency* 3. operating or accomplished outside the norms of standard, ethical business procedures: *wildcat life insurance schemes* 4. of, relating to, or being an oil or natural-gas well drilled speculatively in an area not known to be productive 5. undertaken by workers without approval of the officials of their union: *a wildcat strike*» [28].

Чтобы разобраться в происхождении значения метафоры «*a wildcat company*», необходимо обратиться к экстралингвистической реальности, которая отсылает нас к метафоре «*a wild cat bank*».

Период с 1837 по 1866 год назывался в Соединенных Штатах Америки Свободной банковской эрой (Free Banking Era), когда деятельность банков не контролировалась государством, и они имели полномочия выпускать свою валюту. Это привело к тому, что государственной валюте противопоставлялась валюта частных банков отдельных штатов и муниципалитетов. Так как не существовало Центрального банка и государственного страхования, единственной гарантией ценности валюты каждого отдельного банка была ценность его активов [10].

Период *free banking* часто связывают с явлением *wildcat banking*. Использование слова *wildcat* для обозначения чего-то несостоятельного и финансово нездорового, возникло в штате Мичиган в 1830-е годы, где банкиры одного из впоследствии разорившихся банков выпускали банкноты с изображением дикой кошки. После того, как банк потерпел крах, а держатели банкнот понесли огромные финансовые потери, валюту этого банка стали называть «*wildcat currency*», а банки, славившиеся нечестными методами ведения бизнеса, получили в дальнейшем название «*wildcat banks*». Положив

деньги в такие банки, вернуть их обратно было практически невозможно, если только гоняться за их владельцами, как за дикой кошкой. Более того, такие банкиры основывали свои банки в недосыгаемых местах, где зачастую и бродили дикие кошки [11].

Сегодня же метафора «*a wildcat bank*», а вместе с ней и метафора «*a wildcat company*» практически не употребляется в связи с изменением экстралингвистических факторов, а именно, введением национальной банковской системы, а также изменениями в сфере инвестиций и управления бизнесом. В корпусе текстов найдено лишь несколько примеров употребления метафор «*a wildcat bank*» и «*a wildcat company*» с ссылкой на словарь The American Heritage Dictionary, который дает скорее исторический обзор функционирования этих метафор, а не примеры современного употребления.

Тем не менее, как показали результаты корпусных исследований, прилагательное *wildcat* продолжает активно употребляться при описании незаконных и несанкционированных действий, как правило, забастовок: *wildcat strikes*, *wildcat marches*, *wildcat labor actions*, *wildcat protest*. Наиболее часто употребление таких метафор отмечено в 90-х годах XX века, когда происходило большое количество демонстраций в связи с борьбой афроамериканского населения с расовой сегрегацией. Ниже приведено несколько примеров употребления метафор с семой *wildcat*:

1 «In the factories, unions frequently engage in *wildcat strikes*, slowdowns, and sabotage at a time when high productivity, not turmoil, is needed» [20];

2 «That event led to *wildcat mass marches* and the arrests of hundreds of young blacks, a flourishing of protest that came to be known as the Jackson Movement» [20];

3 «Such fears have been exacerbated in the past six months by an upsurge in strikes, *wildcat labor actions*, many of them violent, and the collapsing fortunes of centrist political parties» [20].

В процессе исследования была выявлена еще одна метафора с прилагательным *wildcat* - *wildcat drilling* (бурение методом «дикой кошки»), например: «Early 1950s: Moved to Denver and later took control of Davis Oil Co., a *wildcat drilling* operation started by his father» [20].

Происхождение термина *wildcat drilling* датируется первой половиной XX века, когда пробные буровые работы проводились на неосвоенных территориях, расположенных далеко от населенных пунктов. Как правило, в таких местах проживало большое количество диких животных, в особенности кошек.

Так, выбранная для анализа метафора «*a wildcat company*» практически не используется сегодня, но сема *wildcat*, входящая в ее состав? стала основой для образования новых, актуальных в наше время метафор.

Следующая метафора - *shark*:

1 «"акула": 1) организация, которая пытается поглотить другую компанию; 2) хищник, спекулянт; 3) вымогатель, жулик, мошенник» [13, с. 533];

2 «Someone who cheats other people out of money, especially by giving bad financial advice: *Never do business with these sharks*» [10];

3 «A company that is offering or executing a hostile takeover. If a firm makes an offer to shareholders to acquire a publicly-traded company after the board of directors refused, or if it bypasses the board completely, one refers to the acquiring firm as a shark. This is a derogatory term, and so one might expect the board, management, or even employees, to use it more than shareholders» [28].

Результаты исследования корпуса не подтвердили активного использования метафоры *shark* в отношении компаний. В корпусе представлено всего 5 примеров, как например: «But in snarky Hollywood, Iger has the misfortune of toiling in the shadow of an executive idol. Where Eisner is viewed as a *shark* – creative, cunning and controlling – Iger is a likeable doer: decisive and diplomatic» [20].

Однако, аналогично ситуациям с метафорами, рассмотренными выше, семантический компонент *shark* часто функционирует в составе метафоры «*a loan shark*». Согласно определению инвестиционных и толковых словарей «*a loan shark*» – это «a person who lends money at a very high interest rate and will often use threats or violence to get the money back» [24].

Результаты проведенного экстралингвистического исследования показали, что данный термин, как правило, употребляется, когда речь идет о нелегальной деятельности, хотя может применяться и по отношению к официальным лицам и организациям, которые выдают займы под грабительский процент. Исторические факты свидетельствуют о том, что ростовщики или «кредитные акулы» являлись символом преступного мира XIX-XX веков. К ним обращались отчаявшиеся люди в тяжелой финансовой ситуации. Таких кредиторов называли акулами, потому что они отличались безжалостностью, жадностью и агрессией. Чтобы вернуть свои деньги, они использовали любые методы: от шантажа до убийства.

С целью проведения компонентного анализа были рассмотрены следующие словарные дефиниции:

1 «shark: 1. a large sea fish with several rows of very sharp teeth that is considered to be dangerous to humans 2. informal someone who cheats other people out of money» [17, с. 1063];

2 «a person who preys on or victimizes others, esp by swindling or extortion» [20];

3 «any of a group of elongate elasmobranch, mostly marine fishes, certain species of which are large, voracious, and sometimes dangerous to humans» [18].

Очевидно, что такие семантические компоненты, как «*dangerous*», «*to kill*», «*extortion*», «*to victimize*», «*voracious*», и легли в основу сравнения людей и организаций с акулой. По всей видимости, перенос значения произошел на основании сходства функции.

Ниже приведены примеры использования метафоры «*a loan shark*»:

1 «The man at the center of the litigation, painted by accusers as "*a shark*" who «personally manipulated» *loans* at every step of the process to keep black and elderly borrowers from repaying their loans and causing them to lose their homes, will not be in the courtroom» [20];

2 «The hotel REITs have been swept into the arms of the most unlikely of partners, vulture capital funds, the equivalent of borrowing money at higher rates from *a loan shark*» [20];

3 «Interest rates in Brazil would make an American loan shark blush. Credit cards charge more than 240 percent a year. Bank loans top 100 percent» [20].

Так, корпусные данные показывают, что метафора *shark* реализует не первое значение, а то, которое приведено в словарной статье под пунктами 2 и 3.

Следующая метафора - *cash cow*:

1 «наличная “корова”: бизнес, который дает непрерывный приток наличных денег (денежных поступлений): надежная и доходная компания с устойчивым уровнем прибыли и дивидендов; такая компания обычно медленно растет и мало инвестирует в развитие и исследования (напр., журнал с большим и устойчивым числом подписчиков)» [12, с. 240];

2 «A product or subsidiary company that consistently generates good profits but does not provide growth» [19, с. 198];

3 «A business or a division of a company, product, or service that makes a large profit» [10].

Ниже представлены примеры употребления метафоры *cash cow*:

1 «A concessions contract at Hartsfield-Jackson International Airport can be a long-term *cash cow*» [20];

2 «Why has one Texas town become a *cash cow* for doctors?» [20];

3 «What isn't in doubt is that outsiders to the Capital City see the influence industry as a potential *cash cow*» [20].

Рассмотрим дефиниции слова *cow*, которые приводят толковые словари, чтобы определить, на основе какого признака произошел перенос значений.

1 Cow: «a large female animal that is kept on farms and used to produce milk or meat» [17, с. 391];

2 Cow: «a large animal that is raised by people for milk or meat usually on a farm» [14];

3 Cow: «a fully grown female animal of a domesticated breed of ox, kept to produce milk or beef» [26].

Так, проанализировав дефиниции термина *cash cow*, которые приводят толковые и инвестиционные словари, можно выделить следующие семантически компоненты: *to generate, to produce, to raise*.

Исследования возникновения термина *cash cow* показали, что ему предшествовало понятие *dairy cow* (молочная корова). Молочных коров выращивали и держали на ферме не для последующего получения мяса, а для того, чтобы регулярно получать от них большие объемы молока, продажи которого обеспечивали постоянный приток дохода при небольших затратах на содержание. Такой вид деятельности не предоставлял фермерствам возможности для большого роста, но гарантировал стабильные финансовые поступления. В дальнейшем термин *cash cow* стал применяться маркетологами для обозначения компаний, которые имеют большую долю рынка, стабильное финансовое положение и функционируют в развитых отраслях промышленности с низким коэффициентом роста. В последующем термин *cash cow* начали употреблять в отношении зарабатывающих подразделений компаний, а также услуг и товаров, которые за счет своей высокой доходности

могут даже поддерживать менее рентабельные и прибыльные подразделения, товары и услуги.

По всей видимости, перенос значения с общепринятого понимания коровы как животного на организацию произошел на основе сходства их функции: корова дает поток молока – организация дает поток денег.

Согласно результатам исследования корпусных данных, сегодня метафора *cashcow* активно употребляется в инвестиционной сфере, а область ее применения даже расширилась. Словарные статьи указывают на то, что термин *cash cow* применяют тогда, когда говорят о компаниях, их подразделениях, товарах и услугах. Однако анализ текстов корпуса показал, что термин *cash cow* используется в том случае, если речь идет обо всем, что может приносить выгоду и доход: имущество, города, люди, отрасли промышленности, различные виды деятельности.

Следующая метафора - *dog*:

1 «"собака": 1) компания или продукт с плохими перспективами (малая доля в устоявшемся, застойном или слабо растущем рынке); 2) объект недвижимости, который трудно продать из-за местоположения, состояния или истории» [12, с. 446];

2 «1. an investment, company or product that will probably fail (informal); 2. A product that has a small share of the market that has a low rate of growth» [27];

3 «In the BCG growth share matrix, the quadrant representing companies, especially subsidies, that require minimal cash injections but have low market shares, and therefore usually operate with little or no profit. These companies usually exist in mature industries with well established but not very profitable markets, products, or brands. Some analysts recommend selling dogs, as they have little potential for growth; however, because they require little capital to operate, they may be useful and may perhaps produce an earnings surprise» [28].

Рассмотрим примеры употребления термина *a dog*:

1 «As for currency, it's been *thedog* that hasn't barked. We have seen very dramatic increases in the dollar relative to the yen and the mark over the past several quarters, but we haven't seen an impediment to profits» [20];

2 «So you put a little Jamaica in the fund, a little South Africa, a little Thailand," said Christian Stracke, an analyst with CreditSights, an independent research firm. «In a global crisis, all three will be a *dog*. But if you're a hedge fund manager, you don't care» [20];

3 «Greg and Jon concluded that the business was *a dog*, but that it might make for an interesting play in online media, since the only money the company made was selling and placing banner ads» [20].

Чтобы определить на основе какого признака произошел перенос значений, рассмотрим дефиниции слова *cow*, которые приводят следующие толковые словари:

1 Dog: «a common animal with four legs, fur, and a tail. Dogs are kept as pets or trained to guard places, find drugs; 2. informal not polite an offensive word meaning an unattractive woman» [17, с. 499];

2 Dog: «a worthless or contemptible person» [14];

3 Dog: «1. a domesticated canine mammal, occurring in many breeds that show a great variety in size and form 2. spurious, inferior, or useless 3. a man or boy regarded as unpleasant, contemptible, or wretched» [16].

Проанализировав словарные статьи, описывающие термин *a dog*, были выделены следующие семантические компоненты: *unattractive, worthless, contemptible, common, unpleasant, useless*. Данные семы доказывают отсутствие либо незначительную пользу собаки.

Негативная коннотация термина *a dog*, вероятно, происходит от низкого статуса собаки среди домашних животных, поскольку несмотря на важную работу, которую выполняют собаки (охотятся, пасут овец, выступают в роли поводырей), они долгое время воспринимались как некрасивые, ленивые, бесполезные животные. Таким образом, сегодня слово *adog* применяют по отношению ко всему, что является непривлекательным и неуспешным: некрасивая женщина, несчастный человек, не увенчавшееся успехом мероприятие и т.д. В инвестиционной сфере *a dog* – это товар с низкой долей рынка или компания, которая не станет прибыльной. По всей видимости, перенос значения со слова *adog*, обозначающего животное, которое приносит мало пользы на неприбыльный товар или организацию, произошел на основе сходства их функции.

Так, анализ текстов корпуса показал, что термин *a dog* активно употребляется в речи (найден более 50 примеров), но применяется не только в отношении товаров, инвестиций и компаний, как заявлено в инвестиционных словарях, но и когда речь идет о чем-либо неприбыльном и бесперспективном.

Таким образом, мы пришли к выводу, что процессы метафоризации лежат в основе процесса возникновения вторичной номинации и появления у общеупотребительных слов терминологического значения. Человеческое мышление всегда стремится к формированию общего и частного концепта в употреблении каждого отдельного слова. Так как все лексико-семантические варианты являются результатом процесса актуализации, то есть наложения одного и того же концепта (инварианта) на различные речевые ситуации, каждый из них интерпретируется как частная реализация этого концепта. Тем не менее, существующее разнообразие остается в пределах определенных рамок и служит универсальной основой обобщающего человеческого сознания, тем самым позволяя коммуникантам понимать друг друга. Метафора остается одним из самых распространенных способов образования терминов. Она позволяет общеупотребительному языку и языку специальных целей обмениваться лексическими единицами, наполняя словарный состав всего языка продуктивными моделями. Применение же корпусного подхода к анализу метафорических контекстов позволяет максимально объективно оценить значение и употребление лексических единиц, подтвердить, уточнить и скорректировать данные словарей и верифицировать интуитивные умозаключения, применяя комплексный лексико-грамматический подход.

Список литературы

- 1 Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5-33.
- 2 Выготский Л. С. Мышление и речь. – М., 1934. – 324 с.
- 3 Киселёва С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. – СПб., 2009. – 130 с.
- 4 Киселева С. В., Миронова М. Ю. «Метафорические процессы образования банковских терминов английского языка». Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Вып. XXI. – М. : Ин-т языкознания РАН : Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.
- 5 Киселева С. В., Панкратова С. А. И снова о метафоре: Когнитивно-семантический анализ : монография. – СПб. : Астерион, 2013. – 218 с.
- 6 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- 7 Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб. : Наука, 1993.
- 8 Lakoff J. The Neural Theory of Metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / Ed. By Raymond W. Gibbs, Jr. University of California, Santa Cruz. – N.Y. : Cambridge University Press, 2008. – P. 17-38.
- 9 Palmatier Robert A. Speaking of animals: a dictionary of animal metaphors. – London, 1995.
- 10 Академик – Большой Энциклопедический словарь. URL: http://www.investment_dictionary.academic.ru (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 11 Википедия – Свободная энциклопедия. URL: <http://wikipedia.org> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 12 Федоров Б. Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 1 (А-К). – СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011.
- 13 Федоров Б. Г. Новый англо-русский банковский и инвестиционный энциклопедический словарь : в 2 т. Т. 2 (L-Z). – СПб. : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2011.
- 14 An Encyclopedia Britannica Company. URL <http://leanersdictionary.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 15 Answers Corporation. URL: <http://answers.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 16 Dictionary and Thesaurus Merriam-Webster. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 17 Dictionary of contemporary English. New edition. Pearson Education Limited. – Longman, 2009.
- 18 Digital Dictionary. URL: <http://dictionary.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 19 Collin, P.H. Dictionary of Banking and Finance. Third edition. – London, 2003.
- 20 Corpus of contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 21 Daily Internet Publication American Thinker. URL: <http://www.americanthinker.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 22 Free Daily Newspaper. URL: <http://moneymorning.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 23 International Business Times. URL: <http://www.ibtimes.co.uk> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 24 Investing Glossary Investor Words. URL: <http://www.investorwords.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 25 Investopedia Financial Glossary. URL: <http://www.investopedia.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 26 Oxford Dictionaries. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 27 Cambridge Dictionaries Online. URL: <http://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 22.02.2016 г.).
- 28 The Free Dictionary. URL: <http://financial-dictionary.thefreedictionary.com> (дата обращения: 22.02.2016 г.).

M. MIRONOVA, S. KISELEVA
(Russia, Saint-Petersburg)

METAPHORIZATION OF ENGLISH TERMS (THE CASE OF INVESTMENT TERMS WITH DENOTATIVE NEXUS “COMPANY”).

Abstract: the article analyzes the origin and functioning of investment terms with the invariant «company», investigates definitions. In addition, the article identifies the features, which were the basis for the metaphorical transfer of meaning. The research is made using corpora data.

Keywords: metaphor, metaphorization, corpora data, semantic components, invariant.

Г.Н. НОСЕНКО, Т.С. КИРИЛЛОВА
(Астрахань, Россия)

ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА НАРОДНОГО ВРАЧЕВАНИЯ

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые семантико-этимологические особенности лексики, входящей в семантическое поле «народная и традиционная медицина». На примере конкретных слов показано, как изменялся их семный состав и какое из значений актуализировалось в настоящее время.

Ключевые слова: этимология, сема, народная медицина, традиционная медицина, лексика.

Отношение к растительному миру наших предков принципиально отличалось от того, как воспринимает окружающую его флору современный человек. Особый интерес в этой связи представляют этимология и семантика слова «трава», а также изменения семантического объёма слов и словосочетаний, так или иначе соотносимых с семантической сферой «целебные дары природы».

Слово «трава» связано со словом «травить», которое имеет общий корень с «тереть». Изначальное значение – «то, что тратится, травится» (т.е. съедается). Этим словом называли траву на лугах, которую поедал скот. Сейчас это слово получило специальное значение. «Трава – съедобное растение, широко используемое в питании, кулинарии (укроп, петрушка, кинза, сельдерей); трава, используемая для приготовления лечебных средств (чай; отвары; настойки; напары; настои; вытяжки; сборы)». Такие слова, содержащие более детализированные семы, появились сравнительно позже по отношению к таким наименованиям, как «снадобье» и «зелье».

Слово «зелье» – собирательное от ЗЕЛЬ – зелёный. В древнерусском было также существительное зель – «молодая озимь, зелень, трава». От этого корня произошли такие наименования лиц, как «зельник» или «зелейник», а также словосочетания «зелейные лавки», «зелейные ряды» (прообразы современных аптек). Следует отметить, что слова «зелейник, травник,

травоврач» полисемантичны. В одном значении (при наименовании лиц) доминирующей является сема «деятель», в другом случае доминирует сема «периодическое издание» («Зелейник», «Травник», «Травоврач» – названия изданий, в которых описываются целебные свойства трав). От корня – зель- образованы также слова «зелье, золотой, зола, жёлтый». Слово «зелье» первоначально означало «настой из трав». Обычно его готовили ведьмы и колдуны, отсюда название «колдовское зелье». Именно с этим выражением связано старое выражение «зелёное вино», т.е. «водка, настоечная на травах», а также «зелёный змий», употребляемое по отношению к спиртному.

В настоящее время слово «зелье» не употребляется в своём первоначальном значении. В его семантике ядерной семой является «средство, губительное для здоровья» (алкоголь, наркотическое вещество). Слово «травя» также получило в настоящее время негативное значение: «травя» – наркотик, это относится и к варианту уменьшительно-ласкательного названия «травка».

Слова «зелье» и «снадобье» уже не встретить в современных рецептах народной медицины. Тем не менее, для того, чтобы подчеркнуть чрезвычайную целебность древних «снадобий» и «зелья», в целях впечатляющего действия на читателей в современных рецептах широко используются прилагательные в превосходной степени. Если раньше употребление таких прилагательных объяснялось, в первую очередь, верой в сверхъестественные, магические свойства используемых средств, то в настоящее время использование таких прилагательных зачастую служит целям рекламы.

Современные знахари, лекари, маги, экстрасенсы, широко используя в своей практике дары природы, дают при характеристике оказываемых этими средствами действий такие определения, которые обладают высокой степенью коннотативности и которые не используются в аннотациях к фармацевтическим средствам, например: сильнейшее средство; лучшее средство; мощнейшее средство; достойнейшее средство; превосходное средство; замечательное средство; величайшее средство; всеисцеляющее средство; великое средство; выдающееся средство; чудодейственное средство; уникальное средство; универсальное средство; таинственное средство; божественное средство.

Современные производители лечебно-профилактических средств, основанных на старинных народных рецептах, широко используют для наименований своей продукции слова «эликсир» и «бальзам». Слово «эликсир» употребляется в русском языке с XVII века. Слово имеет несколько значений: «крепкий настой или вытяжка из растений, употребляемые в медицине, косметике»; устаревшее значение слова – «чудодейственный напиток», «фантастический напиток, удлиняющий жизнь человека».

Термин «эликсир» функционирует в медицинской терминологии с основным значением «лекарственное средство», в языке народной и традиционной медицины в семантике данного слова чаще доминирует сема устаревшего значения «обладающий чудодейственным действием». Всё чаще в рекламных проспектах можно встретить выражение «эликсир жизни», «эликсир молодости», «эликсир долголетия». В то же время хотелось бы отметить, что в языке народной и традиционной медицины отмечаются случаи замены

простых, существующих веками наименований более сложными понятиями, что объясняется, в первую очередь, развитием науки [1].

Так термин «бальзам» был включён в «новую понятийную парадигму» и вступил «в определённые родовидовые отношения с другими терминами» [2], например: «золотой бальзам» – структурированный ионами золота; «серебряный бальзам» – структурированный ионами серебра; «малахитовый бальзам» – структурированный ионами медного малахита. Таким образом, произошло семантическое наполнение слова «бальзам», а его сема актуализировалась на уровне более широкого понятия.

Список литературы

- 1 Кириллова Т. С. Пути формирования и лексикологические особенности английской терминологии подязыка медицины : автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Пенза, 1990. – 17 с.
- 2 Монастырская О. В. Терминологизация слов общепотребительного языка и транстерминологизация в рамках французской лексики сферы международных отношений // Единицы языка и их функционирование : межвузовский сборник научных статей. – Саратов : Издательство СГУ, 2001. – С. 96-99.
- 3 Универсальный словарь по русскому языку. – СПб. : ИГ «Весь», 2009. – 1184 с.

G. NOSENKO, T. KIRILLOVA
(*Astrakhan, Russia*)

THE COMMON VOCABULARY OF NATIVE MEDICAL TREATMENT

Abstract: Some semantic and etimological peculiarities of lexical units which form the semantic field «native and traditional medicine» are represented. On the base of some concrete words the changings of the seme contents and how their meanings being used at present time are proved.

Keywords: etimology, seme, native medicine, traditional medicine, vocabulary.

OLGA MARAL
(*Wien, Österreich*)

DIE SYNTAKTISCHEN BESONDERHEITEN IN OTFRID VON WEIßENBURGS «EVANGELIENBUCH»

Abstract: Die Aktualität des gewählten Themas hat folgende Gründe: Die Darstellung der syntaktischen Besonderheiten in althochdeutschen Werken sind heutzutage aufgrund des steigenden Interesses an diachroner sprachwissenschaftlicher Analyse, deren Probleme und ihrer möglichen Lösung, welche spezifisches Wissen voraussetzt, höchst aktuell. Die Problematik der Besonderheiten der Syntax in Otfrid von Weissenburgs «Evangelienbuch» befindet sich an der Grenze von Literaturwissenschaft und Sprachgeschichte. Das Objekt der Untersuchung in der vorliegenden Arbeit ist das 19. Kapitel des V. Evangelienbuchs von Otfrid von Weissenburg. Als Gegenstand der Untersuchung werden die syntaktischen Besonderheiten in dem 19. Kapitel des V. Evangelienbuches aufgegriffen. Das Ziel dieser Arbeit ist in folgender Aufgabe konkretisiert worden: Die wichtigsten Besonderheiten der Syntax im 19. Kapitel des V. Evangelienbuches zu erschließen und deren Analyse durchzuführen.

Keywords: syntaktisch, Besonderheiten, Otfrid von Weissenburg, Evangelienbuch.

Otfrids «**Evangelienbuch**» wurde seit seiner Entstehung im 9. Jahrhundert im Laufe der Zeit weitgehend erforscht, wobei die meisten Wissenschaftler sich mit Interpretationen und Intertextualität dieses Werkes beschäftigt haben. Nur wenige Forscher legten ihren Fokus auf die **syntaktischen Besonderheiten** in *Otfrids* «Evangelienbuch» und versuchten diese zu untersuchen. Hierzu zählen *Schrodt* [3] und *Wunder* [5], die ihre Arbeiten der **Syntax** im Evangelienbuch von *Otfrid von Weißenburg* gewidmet haben. Die durchgeführte Untersuchung basiert auf diesen zwei Büchern und stellt ein Versuch dar, die am häufigsten auftretenden syntaktischen Mittel im *19. Kapitel des V. Buches von Otfrid von Weißenburg* darzustellen und ihre Analyse durchzuführen. *Relativsätze, Lokaladverbien, dass-Sätze und besondere syntaktische Formen* sind in diesem Werk dargestellt worden. Die Analyse beginnt mit dem Relativsatz, welcher mehrfach auftritt und als Erstes behandelt wird.

Dahingehend wurde das 19. Kapitel des 5. Buches von *Otfrid von Weißenburg* nach dem Vorkommen von Relativsätzen untersucht und eine Tabelle erstellt (*Tabelle 1* «*Relativsätze*»):

Tabelle 1– Relativsätze

Fall Nr.	S.	Z.	Text (Ahd.)	Text (Nhd.)
1	246	4	...thez aleswio biginne...	...der es anders versuche...
2	246	6	...thie hiar gidatun follon then iro muatwillon...	...die hier taten Vollauf den ihren Mutwillen...
3	247	7	...nist ther fon wibe quami...	...nicht sind die, die von der Frau kamen...
4	247	12	...thie thar thoh bigonoto sint sichor iro dato...	...die dort doch ganz und gar sind sicher ihre Taten...
5	247	13	...In thie thoh ubil thanne nist wiht zi zellenne...	...gegen die doch etwas Schlechtes dann nichts zu erzählen ist ...
6	247	14	...mit thiu sih thoh biwerien joh etheswio ginerien!	...mit diesem können sie sich noch irgendwie retten!
7	247	20	...thie thar thoh bigonoto sint sichor iro dato...	... die dort doch ganz und gar sind sicher ihre Taten...
8	247	26	...thie blasent hiar in lante...	...die blasen hier im Lande...
9	247	28	...thiu zuei firwazent thanne thie suntigon alle...	...und die beiden vertreiben dann alle, die Sünder sind...
10	248	42	...thie thar thoh bigonoto sint sichor iro dato...	... die dort doch ganz und gar sind sicher ihre Taten...
11	248	43	...In thie thoh ubil thanne nist wiht zi zellenne...	... gegen die doch etwas Schlechtes dann nichts zu erzählen ist ...

12	248	44	...mit thiu sih thoh biwerien joh etheswio ginerien!	... mit diesem können sie sich noch irgendwie retten!
13	248	54	...ni si thie thar bi noti gifordoront thio guati.	...außer die, die einen hohen Rang haben...
14	248	56	...thie thar thoh bigonoto sint sichor iro dato...	... die dort doch ganz und gar sind sicher ihre Taten...
15	248	61	...ther thaz urdeili duat...	...der dort das Urteil fällt...
16	248	64	...thie thar thoh bigonoto sint sichor iro dato...	... die dort doch ganz und gar sind sicher ihre Taten...
17	248	65	...In thie thoh ubil thanne nist wiht zi zellenne...	... gegen die doch etwas Schlechtes dann nichts zu erzählen ist ...
18	248	66	...mit thiu sih thoh biwerien joh etheswio ginerien!	...mit diesem können sie sich noch irgendwie retten!

Tabelle 1 enthält fünf Spalten: in der ersten Spalte befindet sich die **Fallnummer**, in der zweiten und der dritten wurde jeweils die **Seite** und die **Zeile** im Buch von *Erdmann* [1] vermerkt, in der vierten ist ein **Zitat** angeführt und die fünfte Spalte ist für die eigene **Übersetzung [O.M.]** vorgesehen (in der weiteren Analyse werden gleiche Bezeichnungen verwendet – *O.M.*).

Nach dem Eintragen in die Tabelle, in der die Horizontalachse die Nummer der Zeile und die Vertikalachse die Anzahl der Relativsätze bezeichnet, wurden die im Abschnitt gefundenen Stellen analysiert und folgende Ergebnisse konnten festgestellt werden: Im analysierten Kapitel werden 18 Relativsätze ermittelt. Dadurch wird hervorgehoben, dass der Relativsatz die am häufigsten vorkommende Art des Nebensatzes des Kapitels darstellt. Zusätzlich ist anzumerken, dass die Relativsätze ebenso einen gewissen **Zyklus** bilden (*Zeilen 12-14, 42-44, 64-66*), welcher sich mit dem «*Refrain*» dieses Kapitels überschneidet. Die **Satzwiederholung** (in diesem Falle – die Wiederholung drei aufeinanderfolgender Sätze) wird von Otfrid mit gewisser Absicht verwendet und dient nicht nur der Dichtung, sondern veranlasst Leser und Zuhörer dazu, ihre Aufmerksamkeit auf diese Stellen zu richten. Dies entspricht ebenso der pädagogischen Natur von *Otfrid von Weissenburg* – er unterhält nicht nur, er lehrt durch seine Werke. Die Punctuation betreffend, ist festzuhalten, dass die Relativsätze auf Althochdeutsch genauso wie auf Neuhochdeutsch fast immer durch **Kommata** getrennt werden (die Ausnahme bilden *Zeilen 5 und 6*: «*Quement thara ouh thanne/ thie wenegun alle// thie hiar gidatun follon/ then iro muatwillon*» [1, S. 246]).

Nach dieser kurzen Analyse kommen wir zum nächsten Punkt unserer Untersuchung – den Adverbien, insbesondere die Adverbien *thar* und *hiar* des 19. Kapitels. **Adverbien** charakterisieren ein Ereignis, eine Angelegenheit oder spezifizieren eine Relation. Im 19. Kapitel *des V. Evangelienbuches* treten die **Lokaladverbien** wiederholt auf (S. *Tabelle 2.1 und 2.2*):

Tabelle 2.1 – Lokaladverb *thar*

Fall Nr.	S.	Z.	Text (Ahd.)	Text (Nhd.)
1	246	5	thara	dorthin
2	247	8	thar	dort
3	247	9	thar	dort
4	247	12	thar	dort
5	247	16	thar	dort
6	247	17	thar	dort
7	247	20	thar	dort
8	247	22	thar	dort
9	247	23	thar	dort
10	247	32	thar	dort
11	247	38	thar	dort
12	248	40	thar	dort
13	248	42	thar	dort
14	248	45	thar	dort
15	248	46	thar	dort
16	248	47	thar	dort
17	248	48	thare	dort
18	248	51	thar	dort
19	248	53	thar	dort
20	248	54	thar	dort
21	248	56	thar	dort
22	248	57	thar	dort
23	248	60	thar	dort
24	248	64	thar	dort

Tabelle 2.2 – Lokaladverb *hiar*

Fall Nr.	S.	Z.	Text (Ahd.)	Text (Nhd.)
1	246	3	hiar	hier
2	246	6	hiar	hier
3	247	30	hiar	hier
4	248	39	hiar	hier

Gemäß der Analyse der erstellten Tabellen ist festzustellen, dass die Adverbien *thar* und *hiar* mehrmals vorzufinden sind (in **24 Fällen kann das** Adverb *thar* und in **vier Fällen das** Adverb *hiar* entdeckt werden). Diese verweisen auf Zeit und Ort des Jüngsten Gerichts. Die Lokaladverbien werden beinahe in jeder Zeile wiederholt, dies wird als das Vermeiden der Wortwiederholung gedeutet (statt *Gericht, Jüngstes Gericht, Tag* als Synonym und Zeit- und Ortsbezeichnung verwendet wird- *hier verstehe ich nicht, was zu du ausdrücken möchtest*). Die sich im Text ständig wiederholenden Adverbien dienen dem Rhythmus des Gedichtes und dem Reim («*ni hilfít gotowebi thar / noh thaz silabar in war*» [1, S. 258]), zudem füllen sie die Leerstellen zwischen den sinntragenden Wörtern («*Ni losent thar in noti / gold noh diuro wati*» [1, S. 258]).

Nachdem die Lokaladverbien des *19. Kapitels vom V. Buch* charakterisiert worden sind, wird eine weitere Art des Nebensatzes – die «**dass**»-Sätze in weiterer Untersuchung betrachtet. Zu den «**dass**»-Sätzen gehören nach **Schrodt** folgende Nebensatzarten: *Finalsätze, Konsekutivsätze, Komporativsätze und Explikativsätze*. In dem analysierten Kapitel wurden insgesamt fünf «**dass**»-Sätze (S. *Tabelle 3*) entdeckt:

Tabelle 3 – «dass»-Sätzen

Fall Nr.	S.	Z.	Text (Ahd.)	Text (Nhd.)
1	247	22	...er zelit bi thaz selba thing, thaz thar si mihilaz githuing...	Er erzählt über das Gericht, dass dort sei große Bedrängnis.
2	247	26	...thie blasent hiar in lante, thaz worolt ufstante...	Die blasen hier im Lande, dass/sodass die Menschheit aufersteht.
3	247	34	...thanne er iz zi thi u gifiarit thaz sih ther himil ruarit...	Wenn er bewirkt, dass/sodass sich der Himmel rührt.
4	247	38	...thazsarmaningithankontharmegiwihtbiwankon...	...dass man dann den Gedanken fassen könnte, dass/sodass dort [ein Wesen] ausgelassen wird...
5	248	58	...thaz iaman thes giwise, mit wihtu sih irlose...	Dass/sodass jemand gewiss sein kann, sich mit etwas zu erlösen.

Laut Schrodt drücken die Konsekutivsätze eine Folge aus, die die Tatsache des im Hauptsatz beschriebenen Geschehens bestätigt. Bei Otfrid sind dies die Sätze 2 bis 5 (S. *Tabelle 3*). Sie bezeichnen das Ergebnis der Handlung des Hauptsatzes und können auf Neuhochdeutsch auch mit dem Wort *sodass* übersetzt werden (dies ist in der Tabelle verzeichnet). Der erste Satz wird nach seiner Bedeutung und Funktion zu den Explikativsätzen gezählt. Er führt inhaltlich ein Bezugsnomen aus und stellt ein satzförmiges Attribut dar. Hierbei ist zu betonen, dass die Sprache von Otfrid eine Schriftsprache ohne lange Tradition war und die genaue Einordnung der Nebensätze weiterhin ein Problem darstellt, weil manche Sätze nach heutiger wissenschaftlicher Ansicht zu unterschiedlichen Satztypen zählen.

Zum Schluss werden die **besonderen syntaktischen Formen** behandelt, die im *19. Kapitel von Otfrids V. Evangelienbuch* vorkommen. Unter den besonderen syntaktischen Formen werden nach **Schrodt** **Setzungen** und **Parenthesen** unterschieden (darunter in dem analysierten Text **Ausrufe** und **Parenthesen**). **Schrodt** vertritt die Meinung, dass als Auslöser der Parenthesen bei *Otfrid* der Reimzwang gilt. Das lässt sich im Text von *Otfrid* beweisen. Als Beispiel dazu dient der Fall 1, in welchem das Wort «*ubarlut*» keinen besonderen Wert hat:

Tabelle 4 – Die besonderen syntaktischen Mittel

1	246	3	Thir zellu ih hiar ubarlut...	Ich sage dir hier mit Nachdruck...
2	247	15	...thaz gilaubi thu mir...	...das glaube du mir...
3	247	21	Weist thu...	Weißt du...
4	247	27	...lewes!	...leider!
5	247	30	...waz mag ih zellen thir hiar mer?	-Was soll ich dir hier noch mehr erzählen?
6	247	36	...queman mag uns thaz in muat!	- übergehen soll uns das in unser Gemüt!
7	248	51	Giwisso thaz ni hiluh thih...	Gewiss hilft dir wahrhaft nichts...
8	248	63	...ih sagen thir ein...	... ich sage dir...
9	247	8	...es irquimit muat min...	-es erschreckt mein Gemüt-
10	247	16	...werd er thar bifangan...	...der dort gefangen wird...
11	247	17	...werd er thar biredinot...	...der dort überführt wird...

Parenthesen haben laut *Schrod*t außerdem eine Einschaltstelle, die sehr oft einer Sprechpause zwischen Haupt- und Nebensatz entspricht. Häufig treten diese vor einer direkten Rede auf. Nach den von Schrodt unterschiedenen Arten gibt es im **19. Kapitel** sowohl Ausrufe als auch "koordinierte" Parenthesen, die entweder eine **Additionsbeziehung** oder eine **Teilbeziehung** zeigen: Es wurden insgesamt **11** Fälle der besonderen syntaktischen Formen im analysierten Kapitel entdeckt, darunter **1 Ausruf (Zeile 27 «lewes!»** [1, S. 247]) **und 10 Parenthesen**. Hierbei lässt sich eine Tendenz feststellen, die Parenthesen verteilen sich wellenförmig im Kapitel, d.h. es entsteht ein ständiger Dialog zwischen Autor und Leser, welcher mit Hilfe dieser syntaktischen Mittel versucht Einfluss auf den Leser auszuüben.

Die *Parenthesen* haben bei *Otfrid* eine belehrende Funktion. Als hervorragender Lehrer versucht Otfrid, durch die syntaktischen Mittel einen Dialog mit dem Leser zu führen, um somit das Vertrauen des Lesers gewinnen zu können. Er wendet sich stets an den Lesenden, dies ist in den Fällen 1,2,3,5,7, und 8 in **Tabelle 4** besonders zu erkennen: die Personalpronomen *thu* und *ih* in unterschiedlichen Fällen, weisen auf Otfrid und sein Auditorium hin. Da das «*Evangelienbuch*» als schriftliches Werk eine Möglichkeit darbot, nicht nur in engeren Kreisen, sondern auch individuell gelesen zu werden, kann unter diesem «*thu*» entweder eine einzelne Person oder eine Person innerhalb eines Kreises verstanden werden, dies war von der Lesesituation abhängig. Mit Hilfe von Parenthese steigt die **Emotionalität** des Textes. «*Das Evangelienbuch*» stellt kein klassisches kirchliches Buch dar, sondern kann als eine Art Unterhaltungsbuch auf der Basis der heiligen Schrift mit zahlreichen Belehrungen des Autors verstanden werden.

Nachdem den Zielen und Aufgaben der Arbeit entsprechend, die theoretischen Werke «*Otfrids Evangelienbuch*» und «*Syntax des Althochdeutschen*» im Rahmen des Themas bearbeitet und das 19. Kapitel des V. Evangelienbuches von *Otfrid von Weißenburg* analysiert wurde, kann folgende Schlussfolgerung gezogen werden: *Syntax* ist ein wichtiges Objekt der Untersuchungen der deutschen Sprachgeschichte

aus literarischer Sicht. Infolgedessen ist die Stellung der *Syntax* mit der Darstellung der syntaktischen Besonderheiten im Rahmen der Linguistik und Literaturwissenschaft sehr **aktuell**. Als eine Disziplin, deren Fragen und Probleme noch nicht vollständig untersucht sind, bereitet sie ein Feld für weitere Forschungen. Das *Problem der Besonderheiten der Syntax im Evangelienbuch bei Otfrid* stellt eine breite Perspektive dar und lässt sich anhand der weiteren theoretischen Werke und praktisch orientierten wissenschaftlichen Arbeiten weiter untersuchen.

Literaturverzeichnis

Primärliteratur

1 Erdmann O. (Hrsg.). Otfrids Evangelienbuch. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1962.

Sekundärliteratur

2 Ernst U. Der Liber Evangeliorum Otfrids von Weissenburg. Literarästhetik und Verstechnik im Lichte der Tradition. – Köln, Wien: Bohlau, 1975.

3 Schrodtt R. Althochdeutsche Grammatik II. –Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004.

4 Vollmann-Profe, G. (Hrsg.). Otfrid von Weissenburg. Evangelienbuch. -Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2010.

5 Wunder, D. Nebensatz bei Otfrid. – Heidelberg: Carl Winter, Universitätsverlag, 1965.

OLGA MARAL
(Vienna, Austria)

THE SYNTACTICAL FEATURES IN OTFRID VON WEISSENBURG'S GOSPEL BOOK

Abstract: The relevance of the selected subject is due to the following reasons: The representation of syntactic peculiarities in Old High German works is nowadays very relevant due to the increasing interest in diachronic linguistic analysis, their problems and their possible solution, which requires specific knowledge. The problem of the peculiarities of the syntax in Otfrid of Weissenburg's "Gospel Book" is at the border of literary science and linguistic history. The object of the investigation in this work is the 19th chapter of the book of the Gospels by Otfrid von Weissenburg. The syntactic peculiarities in the 19th chapter of the book of the Gospels are taken up as subject of the study. The aim of this thesis has been concretized in the following task: to open up the most important peculiarities of syntax in the 19th chapter of the book of the Gospels and to carry out their analysis.

Keywords: syntactic, special features, Otfrid von Weissenburg, Gospel book.

Н.Н. БОЧЕГОВА
(Курган, Россия)

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОВ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация: В статье анализируется сегмент «бытийной» концептосферы современного английского языка США. Рассматривается связь выделенных концептов с аксиологической системой американского общества.

Ключевые слова: языковое сознание, культура, этнос, концепт, концептосфера.

Развитие когнитивной лингвистики поставило в центр внимания исследователей взаимодействие языка и культуры. В соответствии с этим теоретическим подходом структура языка является порождением двух важных факторов: внутреннего (языковое сознание индивидуума) и внешнего (культура, общая с другими говорящими на том же языке).

Любой язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, её хранителя. Самой интересной областью исследования в каждом языке является, на наш взгляд, его национально-культурная семантика, т.е. те языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению собственно языковую картину мира. По мнению В.В. Морковкина, «язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка – когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении её к непрерывной культурной традиции соответствующего народа» [8, 47]. Языковое сознание – это сознание понятийного (т.е. абстрактно-обобщающего) уровня, обеспечиваемого освоением языка.

Такой взгляд на взаимосвязь языка и культуры восходит к философии В. Гумбольдта: «человек преимущественно – даже и исключительно, поскольку ощущение и действие его зависят от его представлений, – живёт с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык изнутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [3, 80]. Отсюда следует, что содержание, которое заложено в языковых единицах, отражает не только предметы, явления и отношения внешнего мира, но и их специфическое преломление в «речевых представлениях» говорящих и слушающих. А эти представления весьма часто существенно отличаются от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира.

Определению понятия «культура» посвящена обширнейшая литература в различных гуманитарных науках – этнографии, философии, этнолингвистике и др. Следует различать научное и обиходное понимание слова «культура». По

мнению К.М. Клакхона, в обиходном языке «культурный человек» – это тот, кто знает иностранные языки, знаком с историей, литературой, философией, искусством. С точки зрения антрополога «быть человеком значит быть культурным. Существуют отдельные культуры: русская, американская, английская, культура готтентотов и инков... Опыт других людей в форме культуры присутствует едва ли не в каждом событии. Любая отдельная культура формирует нечто вроде плана всей жизнедеятельности человека» [5, 39]. По классификации А.С. Кармина [4], существует более десятка определений культуры, каждое из которых помещает в фокус своего видения тот или иной аспект духовной либо материальной деятельности человека. Так, существуют антропологическое, ценностное, семиотическое, символическое, герменевтическое, идеационное, психологическое, дидактическое и другие определения культуры. Для целей нашего исследования наиболее подходящими являются антропологическое и герменевтическое определения культуры. В рамках антропологического подхода, «культура» – это совокупность продуктов человеческой деятельности, мир вещей, противостоящий Природе, искусственно созданный человеком. Для герменевтического подхода характерно отношение к культуре как к множеству текстов, которые интерпретируются и осмысливаются людьми.

По определению И.В. Кондакова «культура повседневности представляет собой образ жизни и мышления людей данной социальной общности и исторической эпохи и складывается из нравов, обычаев, верований, привычек сознания и поведения, способов мировосприятия и картины мира в целом, ставших коллективным достоянием целых классов, сословий, наций в целом на определенном этапе их исторического развития» [6, 1]. В отличие от специализированных форм культуры, в основе своей индивидуализированных, в той или иной мере элитарных и рефлексивных, культура повседневности носит массовый, коллективный характер; она с трудом рефлексивна ее носителями и выливается в дорефлексивные формы, слабо структурированные обыденным сознанием. Как и специализированные формы культуры, культура повседневности обладает своей национальной, социальной и исторической спецификой, своей логикой исторического развития, которые требуют детального и глубокого изучения.

Мы рассматриваем на примере отобранных лексических единиц концепты, передающие реальные ценности, то есть те, которыми люди руководствуются в повседневной жизни и которые выражены в материальном коде культуры. По мнению О.А. Корнилова [7], знание национально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов – это составная часть когнитивной базы любого социума, объединённого общим языковым сознанием.

Концептосфера современного английского языка США, как и концептосфера любого развитого языка, широка и многообразна. Она включает в себя концепты, различные по степени абстракции. В ней присутствуют, например, такие ценностные концепты, как успех, мечта, идеализм, благотворительность и др. В последние десятилетия большую дискурсивную

активность приобрели концепты «diversity» и «community», включающие в себя квинтэссенцию американской социальной философии. Концепты, представленные в данной работе, характеризуются большей конкретностью. Это, в основе своей, эмпирические концепты, представленные лексемами, характеризующимися высокой степенью рекуррентности, в первую очередь, в художественных текстах. Их актуальность для современного американского дискурса подтверждается материалами публицистического и информационного характера. Большинство концептов, отобранных нами для анализа, представлено лексемами, отмеченными в словарях пометой «WesternUS». Эти слова и стоящие за ними культурные концепты сделали американскую культуру уникальной, непохожей на культуру, вывезенную из Старого Света. Данные концепты актуализируют целый пласт ментальности, отражённой в фольклоре, литературе, различных видах дискурса и невербальных формах искусства. Американская культура – это, прежде всего, материальная культура, поэтому лексика, отобранная для анализа, отражает, в основном, бытийную сторону жизни народа, но концепты, стоящие за представленными в языке артефактами, отражают и духовные ценности, связанные с производством данных артефактов. Основные идеальные ценностные концепты определённым образом преломляются и наполняются конкретным содержанием в информационном поле исследуемых нами концептов. Можно сказать, что каждый из них заключает в себе определённый ценностно-культурный код, лежащий в основе национальной ментальности. Известная философская формула «бытие определяет сознание» как нельзя лучше отражает логику отбора репрезентируемого материала.

В данной работе мы делаем попытку максимально полно представить когнитивное содержание отобранных для анализа концептов, используя следующие информационные блоки: этимология, принадлежность к концептуальному домену, объём лексического значения в соответствии со словарной дефиницией, данные культурологических словарей, контекстуальные признаки. Рассмотрим в соответствии с предложенной логикой ряд интересующих нас концептов, таких как *work, job, quilt, ranch, cowboy, farm, land, west*. Выбор данных концептов является неслучайным, так как они связаны сложным комплексом гипо-гиперонимических и других типов семантической связи, что и предполагается доказать в ходе анализа.

1 WORK – [ME *werk, work*, fr. OE *werk, weork, work*, akin to OHG *werk, werah, work*, ON *verk*, Gk *ergon, erdein, rhezein to do, make sacrifice*].

По данным Концептуального Словаря Английского Языка [CDE], лексическая единица «work» возглавляет домен «work», который характеризуется следующим образом: перечисление видов работ и деятельности, требующей значительных затрат энергии. Включает в себя следующие идеи: строительство и производство; ручные инструменты и место работы (*job*); усилие и труд.

Рассмотрим когнитивные компоненты, составляющие интерпретационное поле концепта в художественном, информационном и публицистическом дискурсах. Для американского народа характерно трудолюбие и практицизм,

ориентированность на действие, оправданность любого предпринимательства и коммерческой деятельности, приносящей успех; высокая моральная оценка денег и богатства, уважение к плодам своего труда, ответственность, что отражено в воспоминаниях о детстве, проведённом на ферме героини романа Дж. Смайли «Тысяча акров»:

«Every story, when we were children, revealed a lesson – “**work hard**”...» (J.S. - 132).

В работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [1] даётся анализ истоков подобного отношения к труду. Объяснение состоит в том, что труд издавна считался церковью Запада испытанным аскетическим средством. Считалось, что он служит превентивной мерой против всех искушений и является поставленной богом целью всей жизни человека. Профессиональная принадлежность человека связывается с провиденциальной идеей, в соответствии с которой Провидение дало каждому его профессию, которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться. О значении провиденциальной цели, в соответствии с которой люди делятся по профессиям, мы узнаем по плодам этого деления, поэтому определенная профессия (“*certaincalling*”/ “*statedcalling*”) является наивысшим благом для каждого человека. Полезность профессии по М. Веберу определяется: 1) с нравственной точки зрения; 2) степенью важности для «всего общества»; 3) доходностью.

Моральный кодекс американца выразил в литературе Б. Франклин: труд, а вместе с ним и успех, есть путь к достижению человеком своей независимости. Библейские предписания: «Трудитесь в поте лица на стезе своей» и «не трудящийся да не ест» вошли в ядерную зону как провозглашаемой, так и практически воплощаемой морали американского общества.

В информационных материалах американской прессы, посвящённых деятельности американских президентов, постоянно присутствует лейтмотив работы, часто упоминаются слова «*ranch*», «*horse*» и традиционные виды работ, выполняемых на ранчо. Таким образом создается имидж президента, который является типичным представителем своего народа («*acommonman*»).

В работе «Национальный эрос в культуре» известный исследователь философии языка Г.Д. Гачев делает следующее наблюдение о месте концепта «*work*» в американском менталитете: «Вот во что перелился Эрос американца – в бешеный Труд, страстный и яростный» [2, 19].

Для сравнения можно привести данные исследования Н.В. Уфимцевой о месте концепта «труд» в русской культуре. Она отмечает, что труду в системе ценностей русской культуры, в отличие от протестантизма, отводится место отнюдь не главное: «работа для русского, прежде всего, трудная (33), труд – тяжёлый (40), непосильный (7), напрасный (6), каторжный (5), бесполезный (4). До последнего времени практически не связаны были в сознании русских концепты *труд* и *деньги*» [10, 18].

2 JOB – входит в домен «*work*» по принципу гипо-гиперонимических отношений [perh. Fr., obs. E. Lump, fr. ME *jobbe*, perh. Alter. Of *gobbe*].

Стабильность присутствия этого концепта в американской языковой

картине мира подтверждают примеры из художественных текстов разных временных периодов. Так, в рассказе Э. Хемингуэя «Очень короткая история» (*A Very Short Story*) концепты работа и семья выведены в качестве основных ценностей послевоенного периода:

After the armistice they agreed he should go home to get a **job** so they might be married... Only **to get a job** and be married. (Е.Н., 34).

В рассказе современной американской писательницы Э. Прулкс "Job History" («Трудовая биография») лексема «job» находится в сильной позиции – в названии. Тематическая цепочка ключевого смысла «работа» представлена в рассказе структурой из 29 элементов, включающей в себя кульминацию – потерю работы: (1) raise sheep; (2) pumping gas; (3) joins the army; (4) snow fence crew; (5) drive soil trucks; (6) business for them selves; (7) ranch supply store; (8) rents the service station doing all the carpenter work Lori painting the interior and exterior; (9) raises hogs; (10) road construction crew...

Среди перечисленных профессий и видов занятий мы находим следующие: фермер, работник заправочной станции, солдат, дорожный рабочий, водитель грузовика, владелец магазина, рабочий мясокомбината, безработный, член добровольной пожарной дружины, повар и т.д.

Идейное содержание всего рассказа, отражающее один из аспектов американского этноса, состоит в том, что человек наиболее полно проявляет себя через работу; труд представляет собой главную ценность и непереносимое условие выживания, становления и ценности человеческой личности, несмотря на жизненные испытания. При этом суть работы не имеет большого значения, важен сам факт ее наличия как источника средств к существованию и как образа жизни.

Концепты работы и мобильности тесно связаны между собой в американском менталитете:

‘Long as there’s automobiles I can get work, but suppose the place I work goes broke. I got to move where there’s a **job**. I get to my **job** in three minutes. You want I should drive twenty miles because I got roots?’ (J.S. - 91).

Ведущее место концепта «job» в американском менталитете и языковом сознании с необходимостью отражается во многих видах искусства, включая кинематограф. В кульминации сценария голливудского фильма «Чего хочет женщина» представлена встреча двух влюблённых людей. Как следует из текста, вместо идиллического объяснения в любви следует обсуждение проблемы работы и увольнения:

Nick: You know, you ought to try returning some of your phone calls. You got your **job** back.

Darcy: Oh, do I, You are a real riot, you know that? ...

Darcy: Well, I was thinking that um ... if everything that you’re saying is true, if I have my **job** back, then I think you’re fired.

3 QUILT (QUILTING) – 1 cloth made by sewing several layers together or by filling two layers with feathers or a similar substance;

2 the work of making a quilt, especially of making an attractive quilt together with several other people.

Концепт «**work**» связан гипо-гиперонимическими отношениями с другими концептами этого поля. Названия конкретных ремёсел несут в себе национально-специфическую информацию и акцентируют виды трудовой деятельности либо ремесла, которым отдаётся предпочтение в том или ином регионе. Концепты прядения, ткачества очень важны в культурном отношении, так как стоящие за ними реальности отличали одну культуру от другой. Ю.С. Степанов отмечает, что «способ приготовления чего бы то ни было вообще в культурном отношении очень важен. Часто различие в способах обработки даже одного и того же вещества определяет различия культур или, по крайней мере, различия двух «парадигм», двух «стилей» в одной культуре. С подобным явлением мы сталкиваемся в материале данного Словаря ещё раз, говоря о прядении и ткачестве» [9, 287]. Наблюдения за рекуррентной лексикой позволили нам выделить особое своеобразие концептов «**quilt**» и «**quilting**» для американской культуры.

«**Quilt**» это не просто лоскутное одеяло – это продукт ремесла, принадлежность к какой-нибудь школе или стилю внутри этого ремесла. Это проявление характера через размер и степень сложности рисунка. Рисунок – это ключевые национальные ценности того или иного исторического периода и, наконец, – это общение в кругу единомышленников. Концепт «**quilting**» – это концепт-сценарий, который представлен в качестве национально-специфического концепта в романе У. Отто «*How to make an American Quilt*». Инструктивный стиль, повтор лексемы «**quilt**» (**quilting**), наличие лексики, называющей компоненты ремесла и трудовые операции – всё это характерно для этого произведения и других текстов, помещающих в фокус своего внимания национально-специфические ремёсла, чтобы через них показать особенности национального духа, душу этноса и её неповторимое своеобразие. Описание национального ремесла, традиционного промысла особенно важно для этого в силу глубоких исторических корней, которые и определяют отличия между этносами:

Instructions No.2

If you **quilt** alone, choose your subject carefully. Expect to live with it for approximately two years, depending on the simplicity or complexity of the work. The fairly intricate **quilt** will contain, roughly, thirty – five pieces per block. Perhaps a thousand pieces in the finished **quilt** (W.O. - 13).

По законам жанра художественного текста, концепт «**quilt**», повторяясь, обрастает обертонами смыслов, всё больше проявляет свой антропоцентрический импликационал и в итоге символизируется, разрастаясь до размеров человеческой судьбы:

The scenic pattern is the great dream; the repeating pattern a nod to reality. Your life. Everyone's life. Which brings you to the **Crazy Quilt** and its lack of order, its randomness, its shrouded personal meanings. Differentiated from a quilt with one theme; this other quilt that requires many hands, many meanings juxtaposed with each other (W.O. - 50).

Смысл множественности и разнообразия заложен во многих культурных символах США, начиная с национального девиза «*e pluribus unum*». Знаменитая

метафора «meltingpot» приложима не только к пёстрому этническому составу Америки, но и к культурно-религиозной сфере. В. Герберг употребил развёрнутый вариант этой метафоры: «the triple melting pot: Protestant, Catholic, Jew», подчеркнув тем самым главные культурно-религиозные течения в составе «основного потока». Эти различия, обусловленные историческими и географическими факторами, нашли своё выражение в излюбленных языковых образах, к которым можно отнести метафоры «quilt», «patchwork» и «tapestry». Как видно из их значения, все они принадлежат к определённым сферам ремесла: шитью и ткачеству. На распространённость этих средств указывает частотность их употребления в качестве названий ряда художественных и научных текстов (Ann Tyler «The **Patchwork** Planet»; W. Otto «How to Make an American **Quilt**»; Raymond Williams «Religions of Immigrants from India: New **Thread** sin the American Tapestry»).

Концепты «quilt» и «quilting» относятся к константам американской культуры в силу их большой дискурсивной активности.

4 RANCH– [Mex. Sp. Rancho – small ranch; fr. Sp. camp, temporary habitation, hut and Sp. Dial.(Andalusia), small farm, fr. O Spranchar(se), ranhear(se) to take up quarters, be billeted, fr. MF (se) ranger to take up a position, be quartered, fr. Ranger = to set in a row, place, station]

- 1 an establishment for grazing and rearing of horses, cattle, or sheep that usually includes the buildings occupied by the owner and employees with the adjacent barns and corrals;
- 2 a farm of any size usu devoted to the raising of one particular speciality (poultry ~; wheat ~ ; mink ~)

dude ranch (US) – ranch organized for tourists [WNWDAL].

«Ranch» относится к доменам «work» и «earth» по ассоциативной связи. В содержательной структуре ядра значения содержится указание на принадлежность этого слова американскому образу жизни. Следовательно, этот признак можно отнести к интенционалу значения слова.

В системе культурных ценностей североамериканского этноса ранчо – это не просто жилище и угодья для разведения скота, это образ жизни, своеобразная психология, «плавильный котел» для формирования определенных черт характера. Для многих американцев ранчо – это, прежде всего, символ «малой родины», который ассоциируется с концептом «детство». Как и во всех индустриальных цивилизациях, города вбирают в себя бывших жителей сельской местности, оставляя им душевную тоску по «утраченному раю».

When I was a child on the **ranch** near Salinas, California... (J.S. - 55)

Long ago I owned a **littleranch** in the Santa Cruz mountains in California. In one place a forest of giant madrjne trees joined their tops over a true tarn, a black, spring – fed lake. If there is such a thing as a haunted place, that one was haunted, made so by dim light strained through the leaves and various tricks of perspective (J.S. - 57).

Как и многие концепты, имеющие особую актуальность для той или иной культуры, концепт «ranch» характеризуется определённой амбивалентностью.

Так, в контексте цикла рассказов Э. Прулкс понятию “ranch” часто сопутствуют признаки, указывающие на некий упадок, сопутствующий этому типу хозяйствования и образу жизни: «aso-calledranch», «they called it aranch and it had been», «...the scratch of Wyoming dir the name das home».

У Дж. Стейнбека:

Strait down there, forty miles away, our family ranch was – **oldstarvation ranch** (J.S. - 180).

Импликационал понятия “ranch” включает в себя множество признаков порой исключаящих друг друга. С одной стороны, ранчо – это символ дома, «малой родины», источник жизненных сил. С другой стороны – это «тюрьма», ловушка, вовлекающая человека в круг повторяющихся монотонных обязанностей, ограничивающая его социальные контакты и возможность увидеть другую, полную разнообразия жизнь, поэтому уход с ранчо иногда воспринимается как символ новой жизни:

Every ten days or so Ottaline reared up and said she wanted to go to town and look for a job (A.P. - 127).

Концепт «ranch» передаёт дух Америки, её традиционные ценности и частью своего смыслового объёма этот концепт охватывает и политическую сферу. Непременное условие успешной карьеры политика на Западе США – это его «отношения» с ранчо. Человек, не знакомый с этой основой земли американской, не будет иметь политического доверия со стороны избирателей. Описание этой стороны американской ментальности находим у Дж. Стейнбека в «Путешествиях с Чарли в поисках Америки» при описании Техаса:

A candidate for public office who does not own a **ranch** is said to have little chance of election. The tradition of **the land** is deep fixed in the Texas psyche... And the energy of Texans is boundless and explosive. The successful man with his **traditional ranch**, at least in my experience, is no absentee owner. He works at it, oversees his herd and adds to it. The energy, in a climate so hot as to be staggering, is also staggering. And the tradition of **hard work** is maintained whatever the fortune or lack of it (J.S. - 200).

Этот отрывок весьма показателен для подтверждения основного тезиса данного раздела: взаимодействие концептов «work», «ranch», «cattle», «land» «steer» показывает близость их семантических доменов и свидетельствует о том, что они представляют один из существенных сегментов концептосферы современного английского языка США основного потока. Когнитивные компоненты данных концептов, раскрывающиеся в их контекстуальной актуализации, дают нам представление о традиционных ценностях американского общества, о связи политики с экономикой, настоящего с прошлым. Представление о надёжном политике тесно связано с его отношением к основам американского образа жизни, отражённым в упомянутых выше концептах. Не случайно, Дж. Буш - младший вскоре после своего избрания на пост президента США покупает ранчо в Техасе и позиционирует себя в качестве старожилы данных мест, надёжного человека, а значит, и хранителя традиционных ценностей. Поскольку базовые составляющие национального менталитета формируются за счёт неосознанных

или не полностью осознанных смыслов, именно контекстуальный анализ способствует выявлению этих смыслов в содержании тех или иных концептов. Присутствие в контекстуальном окружении интересующих нас лексических единиц значений, выраженных словами *fortune, the largest, public office, election, tradition, psyche, businessmen, great wealth*, с одной стороны, и словами *strength, simplicity, the source of energy, hard work* – с другой, позволяет осознать наличие в концептах «ranch», «land», «cattleman» и «work» когнитивных компонентов «традиционная ценность» и «необходимое условие вхождения во власть».

Душа американца, особенно если он с Запада, имеет нерасторжимую связь с землёй, аграрной культурой и составляющими её ценностями.

Концепт «ranch» и репрезентирующая его лексема активно функционируют и в современном политическом дискурсе. Так, во время встречи на высшем уровне президентов США и России приглашение Дж. Бушем В.В. Путина на свое ранчо является знаковой ситуацией и указывает на то, что именно пребывание на ранчо позволит представителю другой культуры ощутить квинтэссенцию американского духа.

О важности места понятия “ranch” в системе национальных ценностей свидетельствует и фрагмент следующей публикации:

The president loses his temper. “Look”, he says, you can tell me to do a lot of things, but **you’re not going to tell me when to go to the ranch.**” It’s an admirable moment: the president bucking his handler’s ceaseless appetite for spin. But the handler is not Karen Hughes, it’s Michael Deaver. **The ranch** is not Prairie Chapel in Texas, but **Rancho del Cielo** in California. The anecdote comes not from sources in Crawford, but from Lou Cannon’s biography. And the president is not George W. Bush, but R. Reagan” (Lizza, 2001).

То внимание, которое уделяется политическими историками анализу отношения различных президентов США к пребыванию на ранчо, – рассматривается ли это пребывание как отдых (vacation) или деятельность на пользу общества (“Western White House”) – подтверждают наше предположение о роли понятия “ranch” как одного из важных концептов в иерархии американских национальных ценностей.

Ещё один универсальный концепт, относящийся к сфере повседневности и имеющий национально-культурный прототип – это концепт «street».

Ядерная зона концепта определяется путём анализа словарных дефиниций авторитетных лексикографических источников. Словарь *Macmillan Dictionary* даёт следующие определения понятию *street*:

1. used in the names of roads. She works on Oakwood Street.

2. a. outside in a city or town – on/in the streets: Additional police officers are being deployed on the streets.

b. [only before noun] relating to streets, or taking place on the streets in a city or town: a street map/sign, street crime, a street vendor/musician, a street corner (=the place where two streets meet) [2].

Другой словарь, *Webster English Dictionary*, представляет информацию следующим образом:

Street noun \stri:t\ 1. **a:** a thoroughfare especially in a city, town, or village that is wider than an alley or lane and that usually includes sidewalks; **b:** the part of a street reserved for vehicles; **c:** a thoroughfare with abutting property <lives on a fashionable *street*>;

2: the people occupying property on a street <the whole *street* knew about the accident>;

3: a promising line of development or a channeling of effort <a crafty politician working both sides of the *street*>;

4a: a district (as Wall Street or Fleet Street) identified with a particular profession;

b: the people who work in such a district <doing better than the *Street* expected>;

5: an environment (as in a depressed neighborhood or section of a city) of poverty, dereliction, or crime <grew up on the mean *streets*>.

Кроме того, словарь *Webster* также даёт и несколько наиболее частотных и известных устойчивых сочетаний с исследуемой лексической единицей: **onthestreet** or **inthestreet**:

1: idle, homeless, or out of a job; **2:** out of prison: at liberty;

Up one's street or **down one's street** - suited to one's abilities or taste.

Как видно из приведённых примеров, лексема *street* является неотъемлемой частью описания городских пространств, к тому же с развитием языка она получает и метафорические значения.

Происхождение слова, по данным словаря *Webster*, происходит от позднелатинского *strata*, обозначающего мощёную дорогу, в древнеанглийском – *strǣt*, в среднеанглийском – *street*. Первое упоминание зафиксировано в период XII века [Там же].

Пожалуй, одним из самых известных концептов, актуализированных лексемой *street/улица* является концепт *MainStreet/главная улица*. В английском языке концепт «*MainStreet*» представлен в топонимах (названия улиц, станций и др.), а также в произведениях искусства. Было создано огромное количество песен, стихотворений и прозаических произведений, содержащих в себе это название. Например, песни таких американских исполнителей, как группа *VanHalen*, а также певцов Игги Попа и Гарта Брукса. В период с 1972 по 1996 гг. в Диснейленде существовало популярное шоу – *MainStreetElectricalParade*, большой парад по главной улице парка с костюмированным шествием, выступлениями на специальных тематически украшенных платформах и игрой света.

Сложно переоценить и значение романа С. Льюиса “*MainStreet*” для американской культуры. Он первым принёс в США Нобелевскую премию по литературе. Позднее по произведению был снят немой фильм. В 2010 году вышел новый одноимённый фильм с Орландо Блумом в главной роли, но к роману отношения он не имеет. Даже не читая роман можно сказать одно: главная улица небольшого города в США часто называется не иначе как *MainStreet* и присутствует почти во всех небольших городах этой страны. Стоит отметить, что в родном городе С.Льюиса, Сок-Сентре, *Главная улица* теперь носит имя писателя, прославившего её.

По сути, *Главная улица* в данном романе является и главным отрицательным персонажем. Это объясняется авторским замыслом – С. Льюис хотел показать консервативность и закостенелость жителей города, которые довели над молодой и ищущей главной героиней и, в конце концов, сделали её такой же типичной “mainstreetite”.

В рамках исследования был проведён лингвистический эксперимент для выявления периферийных значений и изучения функционирования концепта *MainStreet* в английском языке и *улица* – в русском. Для решения этой задачи было опрошено 40 человек-носителей английского языка в возрасте от 25 до 70 лет, имеющих разный род занятий и проживающих в разных штатах. Среди носителей русского языка – 50 человек от 19 до 65 лет, проживающих в России и Беларуси.

При опросе был использован бихевиористический подход. Респондентам давался вопрос-стимул: «Ваши ассоциации со словосочетанием *mainstreet* (*главная улица*)», на который следовали реакции.

По результатам эксперимента, самыми частотными среди англоговорящих респондентов оказались следующие ответы:

Down town (6), primary street going through the middle of a city or town (6), small town (4), home (2), Parade (Walt Disney World) (2), main drag (2), quaint (2), commerce, new or old (2), ice cream (2), Café (2).

Остальные ответы можно разделить на несколько групп:

1 Абстрактные понятия, основанные на индивидуальном опыте носителей языка: *hospitality, popularchoiceoridea*;

2 Понятия, связанные с торговлей и коммерцией: *Wall street, investments, market, finances, shopping, shopping bags*;

3 Учреждения, здания и предметы, расположенные на главных улицах городов США: *lightposts, whitepanedwindows, barbershops*;

4 Характеристики улицы (прилагательные и причастия): *quiet, rather slow area, old-fashioned, ritzy, accessible, thriving or dying, dirty*;

5 Понятия, связанные с городом и ролью главной улицы в нём: *City, small town center, where the activity is, the center of everything, cruising, social center, a thoroughfare*;

6 Понятия, обозначающие людей: *the upper half of a society, pedestrians. laughing children, cheerleaders*;

7 Понятия, связанные с праздниками: *flags, buntings, parades, ice cream, cheerleaders*.

Русскоговорящие участники отличались краткими ответами, что говорит отнюдь не об интеллектуальном развитии опрошенных, а об отсутствии у концепта *главная улица* яркой культурной специфичности. Улица для носителей русской лингвокультуры – понятие обыденное, не связанное с особыми событиями, не отражение определённого менталитета. Многие затруднялись назвать в своём городе одну главную улицу (за исключением жителей Санкт-Петербурга, которые в 100% случаев отмечали Невский проспект).

Проведённый анализ показывает, что в языках существуют лексические единицы, которые характеризуются эквивалентностью на лексическом уровне,

но за которыми в разных лингвокультурах стоят отличающиеся по объёму и «конфигурации» концепты. Изучение национально-культурных прототипов универсальных концептов является важной задачей этнолингвокультурологии, поскольку позволяет прояснить, с одной стороны, особенности ментальности этноса, язык которого является предметом изучения, а, с другой стороны, предоставляет возможность объяснить когнитивные механизмы формирования лексических значений.

Подобным же образом нами был проведён анализ ряда других концептов повседневной культуры США, представленных рекуррентной лексикой, а именно, концептов *cowboy, land, farm* и *West*.

На основании проведённого исследования можно сделать определённые выводы. Концептосфера современного английского языка США, как и концептосфера любого развитого языка, широка и многообразна. Она включает в себя концепты, различные по степени абстракции. В ней присутствуют как идеальные абстрактные концепты – такие как, например, *freedom, democracy, opportunity, equality, diversity, faith, leadership, entrepreneurial spirit*, так и более конкретные концепты, отражающие реальный опыт повседневной жизни – *private property, community, work, family, neighbours, ranch, farm, cowboy* и др. Особую ценность для понимания специфики американского менталитета, отражённого в его языковом сознании, имеет осмысление содержательного объёма концептов, выраженных словами-реалиями (*ranch, cowboy, quilting*), а также национально-специфических прототипов неспецифических концептов (*land, farm, work* и др.), каковые и составляют основное своеобразие национального сознания, недоступное поверхностному восприятию даже при хорошем знании английского языка.

Аксиологическая система любого этноса, как правило, включает в себя ценности двух порядков – провозглашаемые (идеальные) и реальные, которыми члены данного этнокультурного сообщества руководствуются в повседневной жизни. Анализ таких конкретных концептов как *land, farm, work, job, ranch, cowboy* и др. позволил определить их национально-специфические прототипы, которые включают в себя определённым образом преломлённые идеальные концепты, несущие в себе этический код нации. Проанализированные концепты *West, land, farm, ranch, cowboy, work, job* принадлежат к константам американской культуры, передают её базовые ценности. Об этом свидетельствует тот факт, что они широко употребляются в качестве художественных образов в литературных произведениях, темой которых является осознание американцами своей идентичности, своих корней, поиска ответа на вопрос «кто мы?», а также в современном политическом, информационном и публицистическом дискурсах.

Список литературы

- 1 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М., 1972. – 380 с.
- 2 Гачев Г. Д. Национальный эрос в культуре // Национальный эрос и культура. – М., 2002. – 400 с.
- 3 Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 2001. – 397 с.
- 4 Кармин А. С. Основы культурологии. Морфология культуры. – СПб., 1997. – 509 с.

- 5 Клакхон К. К. М. Зеркало для человека: Введение в антропологию. – СПб., 1998. – 351 с.
- 6 Кондаков И. В. История культуры повседневности. URL : <http://curriculum.rsuh.ru/index.php?option=content&task=view&id=528&Itemid=26> (дата обращения: 10.03.2016 г.).
- 7 Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 2003. – 349 с.
- 8 Морковкин В. В., Морковкина А. В. Язык как проводник и носитель знания // Русский язык за рубежом. – 1997. – № 1-2. – С. 44-53.
- 9 Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. – М., 2001. – 834 с.
- 10 Уфимцева Н. В. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. – Воронеж, 2000. – Т. 1.

N. BOCHEGOVA
(*Kurgan, Russia*)

ETHNOSPECIFIC FEATURES OF EVERYDAY CULTURE CONCEPTS

Abstract: The article examines the «being» segment of the conceptual sphere of the contemporary English language in the USA. The connection between the selected concepts and the axiological system of the American society is analyzed.

Keywords: language consciousness, culture, ethnos, concept, conceptual sphere.

О.А. КАЗЕНАС
(*Курган, Россия*)

Г. ГЕРЭН

(*Шато-Тьерри, Франция*)

Г.В. КАЗЕНАС, Е.В. КАЗЕНАС
(*Курган, Россия*)

НЕКОТОРЫЕ КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОЛОГИИ НАСТОЛЬНОГО ТЕННИСА: РУССКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые когнитивные аспекты терминологии настольного тенниса в русском, французском и английском языках. Исследование наименования вида спорта и некоторых семантических групп свидетельствует о высокой степени мотивированности терминологии и ее интернационализации.

Ключевые слова: спортивная терминология, настольный теннис, семантические группы терминов, мотивированность, словообразование, интернационализация.

Исследование терминологических систем того или иного вида спорта с позиций когнитивного подхода позволяет вскрыть особенности номинации аналогичных явлений в одной и той же предметной области (в нашем случае в области конкретного вида спорта – настольного тенниса) представителями различных языковых культур.

Для проведения данного исследования мы опирались на анализ различных словарей, в том числе размещенных на специализированных интернет-сайтах, справочников и специальной литературы¹.

Е.И. Гуреева при изучении спортивной терминологии в лингвокогнитивном аспекте отмечает, что каждое понятие, обозначенное в терминологической системе, относится к определенной логической категории. Опираясь на работы Д.С. Лотте и Т.Л. Канделаки, в терминологической лексике можно выделить следующие категории понятий: 1) предметы, 2) процессы, 3) свойства, 4) величины, 5) состояния, 6) режимы, 7) единицы измерения, 8) науки (и отрасли) [3].

В нашей работе мы хотели бы остановиться на рассмотрении некоторых тематических групп терминов настольного тенниса и выявить способы их словообразования в русском, французском и английском языках.

1 Наименование вида спорта. Общеизвестным является факт, что первоначально этот вид спорта назывался *pingpong*: *пинг* — звук, издаваемый мячом, когда он ударяется о ракетку, и *понг* — когда мяч отскакивает от стола. Иначе говоря, для наименования вида спорта использовалась элементарная ономотопея. Русский язык заимствовал слово *пингпонг*, которое употребляется в основном в разговорной речи. Официальное название данного вида спорта — настольный теннис, что является калькой английского *tabletennis*.

Для французского языка также характерно сосуществование двух терминов *tennisdetable* и *ping-pong*, причем последнее достаточно широко распространено и вступает в словообразовательные процессы: *lepongiste* — игрок в настольный теннис. За словосочетанием *letennisdetable* так же, как и в русском языке, сохраняется официальное наименование.

Следует, однако, отметить, что в настоящее время пингпонг сосуществует с настольным теннисом в качестве самостоятельного вида спорта, который имеет некоторые отличия от настольного тенниса в плане инвентаря, правил и др., но по которому также проводятся соревнования.

2 Наименования игроков. К этой группе относятся названия игроков (таблица 1), которые используют определенные техники игры.

Таблица 1 – Наименования игроков

<i>Русский язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>
игрок в настольный теннис	joueur de tennis de table	table tennis athlete table tennis player
теннисист	pongiste	
нападающий	attaquant	looper
защитник	défenseur	chopper
подающий	serveur	server
принимающий	receveur relanceur	receiver

¹ Мы выражаем благодарность за консультации Н.А. Овчинниковой, тренеру, мастеру спорта по настольному теннису.

Анализ приведенных лексем обращает внимание на то, что в английском языке, в котором существительные и глаголы часто совпадают графически, названия ударов служат для образования слов, называющих игроков, которые специализируются на выполнении тех или иных ударов, используя для этой цели специальный суффикс *-er*: *alooop, toloop* → *aloooper*.

Французский язык также использует специальные суффиксы, которые традиционно используются для образования существительных, называющих человека по роду его занятия, а именно *-eur*, который присоединяется к основе глагола: *jouer* → *lejoueur*, и *-iste*, который присоединяется к сокращенной основе: *lepingpong* → *lepongiste*. Причем следует отметить, что последнее является достаточно употребительным и используется не только в разговорной речи, но и в языке прессы. Исключением является существительное *attaquant* (нападающий), которое представлено причастием настоящего времени, и в этом случае французский язык сближается с русским.

В русском языке наименование игроков связано не с тем, какие удары они используют, а с общим стилем игры: нападение – *нападающий* или защита – *защитник*. При этом только в случае с лексемами *теннисист* и *защитник* употребляются суффиксы существительных, в остальных случаях это причастия, перешедшие в разряд существительных.

3 Наименования инвентаря. Данная тематическая группа соответствует категории предметов. При ее рассмотрении мы решили остановиться лишь на одном предмете: ракетке (таблица 2).

Интересным оказалось наличие в трех исследуемых языках кальки. Проведенное исследование не смогло объяснить этого факта, т.к. этимологические словари дают противоречивую информацию. Так, согласно этимологическому словарю М. Фасмера, русская лексема *ракетка* происходит от французского *raquette*, которое пришло во французский язык с арабским *rāḥat* – «кисть, рука».

Относительно английского *racket* мы обнаружили эту же информацию с оговоркой, что данная этимология в последнее время ставится под сомнение в связи с существованием фламандского слова *raketsen*, которое, в свою очередь, происходит от среднефранцузского *rachasser*, что означает *ударять (мяч) назад*.

Этимологические словари французского языка, поддерживая арабское происхождение, указывают в качестве возможного и исконно латинское от глагола *radere*, что означает *скрести*.

Этот термин интересен еще и тем, что английский язык наряду со словом *racket* использует в качестве синонимов *paddle* (лопасть, весло) и *bat* (палка, дубина). Последнее используется и в значении *бита*, т.е. инвентарь для игры в крокет, лапту, бейсбол. В русском языке слово *ракетка* тоже имеет синоним *лопата*, но это слово используется только в разговорной речи и носит жаргонный характер.

Таблица 2 – Эквиваленты лексемы *ракетка*

<i>Русский язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>
ракетка	raquette	racket paddle bat

Изучение данной лексемы позволяет сделать как минимум два основных вывода. Во-первых, во всех трех языках слово ракетка является заимствованным: французский заимствует его либо из арабского, либо из латинского, а позднее английский и русский заимствуют его из французского. Во-вторых, все наименования данного инвентаря мотивированы его формой.

4 Наименования технико-тактических приемов. Это достаточно многочисленная тематическая группа терминологии настольного тенниса, которая соотносится по классификации Д.С. Лотте с категорией процессов и действий.

Технико-тактических приемов игры в настольном теннисе, как и в любом другом виде спорта, много, мы же остановимся только на самых основных, базовых понятиях (таблица 3), которые, тем не менее, позволяют проследить некоторые тенденции.

В терминологии, как и в общелитературном языке, слова, обозначающие действия или процессы, выражаются глаголами либо отглагольными существительными.

Таблица 3 – Наименование технико-тактических приемов игры

<i>Русский язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>
удар	coup frappe	chop shot
вращение	effet	spin
подрезка	coup coupé	backspin shot, chop
подрезка справа форхенд-подрезка	coup coupé droit	forehand chop
подрезка слева бэкхенд-подрезка	coup coupée du revers	backhand chop
плоский удар	coup à plat	flat stroke
удар справа	coup droit	forehand (stroke)
накат атака	attaque coup (d'attaque) frappe	attacking shot attacking stroke
накат справа (атакующий) форхенд-удар	(attaque du) coup droit (frappe du) coup droit	forehand attack forehand stroke
накат слева (атакующий) бэкхенд-удар	attaque du revers frappe du revers	backhand attack backhand stroke
топспин	top-spin	topspin loop

Среди исследованных лексем-наименований технико-тактических приемов встречается лишь один термин, который используется в трех сопоставляемых языках: *монспин* / *top-spin* / *topspin*.

Однако в английском языке, в отличие от русского и французского, существует синоним слова *topspin* – *loop* (петля). Оказалось, что разницы между этими словами нет, а наличие слов-синонимов в данном случае обусловлено тем, что *loop* – это американский эквивалент английского *topspin*. Кроме того, существительное *loop* используется не только в области настольного тенниса, но и в других видах спорта, например, в бейсболе.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от английского языка, в русском и французском языках наряду с терминами, производными от слов родного языка (*накат* от *накатывать*, *подрезка* от *подрезать* и т.д.; *lafrappe* от *frapper*, *lescour* от *couper*, etc.) используются заимствования из английского *форхенд*, *бэкхенд*. Примечательно и то, что эти заимствованные термины отсутствуют в Словаре спортивной терминологии 2010 года издания, но уже фиксируются в Российской энциклопедии настольного тенниса, опубликованной в 2014 году. Очевидно, что это обусловлено необходимостью обеспечить однозначность понимания терминологии как для самих спортсменов, так и для судейства при проведении международных соревнований.

С другой стороны, термины *бэкхенд* и *форхенд*, содержащие в себе компонент *hand* (рука), используются не только в области настольного тенниса, но в области, соответственно, большого тенниса, волейбола, хоккея и обозначают в самом общем смысле *удар слева* и *удар справа*, указывая с точки зрения мотивации наименования на локализацию удара и на то, что удар производится рукой. В то время как лексемы русского языка *накат* и *подрезка* содержат в себе описание техники производимого удара.

Английское существительное *hand* фигурирует и в составе словосочетания, обозначающего европейскую хватку ракетки: *Shakehand*, что дословно переводится как *рукопожатие*. В остальных случаях все три языка используют словосочетания с прилагательными национального или географического характера (таблица 4) за исключением *хватки пером*. *Хватка пером* – это описательное наименование азиатской хватки, которое раскрывает особый характер расположения ракетки в руке спортсмена. Причем в русском языке ассоциация возникает с *пером*, во французском – с *ручкой для пера*. Английский язык образует сложное существительное *penhold*, которое состоит из *pen* (*ручка*) и *hold* (*хватка*).

Несмотря на достаточно большой список хваток ракетки, в современном настольном теннисе различают две основных: азиатскую и европейскую, при их официальном наименовании *вертикальная* и *горизонтальная*. Остальные являются их разновидностями, а наименование *хватка пером* – скорее разговорным. Однако и в этом случае мы вновь сталкиваемся с очевидной мотивацией наименований, которая связана с географической локализацией либо с описанием особого способа владения ракеткой.

Таблица 4 – Наименования хваток ракетки

<i>Русский язык</i>	<i>Французский язык</i>	<i>Английский язык</i>
хватка	prise	grip
азиатская хватка	prise asiatique	Asian grip
китайская хватка	prise chinoise	Chinese grip
классическая хватка	prise classique	shakehand grip
европейская хватка	prise européenne	
японская хватка	prise japonaise	Japanese grip
ортодоксальная хватка	prise orthodoxe	orthodox grip
хватка пером	prise porte-plume	oriental grip penhold grip

Все вышесказанное позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, во всех трех языках терминология настольного тенниса мотивирована, хотя способы лексической мотивации различны, также как и словообразовательные модели, используемые в исследуемых языках.

Во-вторых, очевиден процесс интернационализации терминологии настольного тенниса.

Список литературы

- 1 Блеер А. Н., Суслов Ф. П., Тышлер Д. А. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник. – М. : Издательский центр «Академия», 2010.
- 2 Вартамян М. М., Терешкин Н. П. Российская энциклопедия настольного тенниса. – Магнитогорск : Магнитогорский Дом печати, 2014.
- 3 Гуреева Е. И. Спортивная терминология в лингвокогнитивном аспекте : дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2007.
- 4 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986-1987. – Т. 1-4.

O. KAZENAS

(Kurgan, Russia)

G. GUÉRIN

(Chateau-Thierry, France)

G. KAZENAS, E. KAZENAS

(Kurgan, Russia)

SOME COGNITIVE ASPECTS OF TABLE TENNIS TERMINOLOGY : RUSSIAN, FRENCH, ENGLISH

Abstract: This article discusses some of the cognitive aspects of table tennis terminology in Russian, French and English. Study name of sport and certain semantic groups shows a high degree of motivation terminology and its tendency to international character.

Keywords: sports terminology, table tennis, semantic groups of terms, motivation, derivation, international character.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Аннотация: Междисциплинарные исследования являются характерной особенностью современной науки. Когнитивное терминоведение использует достижения и методы когнитивной лингвистики, когнитивной семантики. Когнитивный подход к терминам позволяет исследовать экспрессивность терминологических единиц. Термины в области экономики характеризуются положительными коннотациями в связи с оптимистической нацеленностью на будущее, созданием привлекательного имиджа и формированием позитивных ожиданий.

Ключевые слова: термин, терминоведение, когнитивное терминоведение, английская экономическая терминология, экспрессивность терминологии.

Изменение ракурса научного анализа термина обусловлено достижениями современного языкознания и потребностями информационного общества. Когнитивное терминоведение, исследуя роль терминов в научном познании и мышлении, использует достижения и методы когнитивной лингвистики, в частности когнитивной семантики. В настоящее время когнитивное терминоведение развивается такими известными российскими учеными, как В.Ф. Новодранова, Е.И. Голованова, В.М. Володина, Л.А. Манерко и др. Особенности развития и функционирования терминологий различных специальных дисциплин рассматриваются на фоне национального наполнения семантических полей, лексико-семантических групп и областей.

Междисциплинарные исследования являются характерной особенностью современной науки. Когнитивная лингвистика является частью междисциплинарной парадигмы когнитивной науки. В центре внимания лингвистов-когнитивистов находится язык как общий когнитивный механизм. В основе когнитивного подхода к языку, по словам Н.Н. Болдырева, лежит понимание и изучение языка как средства познания мира, формирования и выражения мысли, хранения и организации знания в человеческом сознании [1, с. 14]. Когнитивной лингвистикой исследуются процессы организации, обработки и передачи информации как отдельным индивидуумом, так и социумом в целом.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, в настоящее время существует настоятельная потребность в системном изучении работы человеческого сознания, в то время как единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает язык [1, с. 22]. По мнению Е.С. Кубряковой, вся деятельность по категоризации мира носит всегда в конечном счете языковой характер [6, с. 37]. На современном этапе развития лингвистики существенно изменились представления о том, как люди концептуализируют и категоризируют мир. «Появление нового научного когнитивного подхода представляет дополнительную возможность заново осмыслить процессы концептуализации и

категоризации мира, формирования разных структур знания и способов их репрезентации в языке, взаимодействия языкового и неязыкового содержания сознания в процессе речемыслительной деятельности» [5, с. 182].

Когнитивный подход к исследованию термина как инструмента познания вызывает к жизни новые дефиниции понятий «термин» и «терминосистема». В парадигме когнитивного терминоведения термин понимается как информационно-когнитивная структура, аккумулирующая специальные знания, необходимые в процессе научной коммуникации и профессионально-научной деятельности. Е.И. Голованова предлагает рассматривать термин как «вербализованный результат профессионального мышления, значимое лингвокогнитивное средство ориентации в профессиональной сфере и важнейший инструмент профессиональной коммуникации» [3, с. 58]. «Термин — это основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [4, с. 14]. Термины представляют собой элементарные когнитивно-информационные модели, которые несут в себе информацию о данном объекте или явлении [2, с. 22].

Понимание термина как слова или словосочетания, связанного с понятием, принадлежащим к какой-либо области знаний или профессиональной деятельности, в настоящее время не препятствует единству мнений отечественных исследователей. Е.И. Голованова отмечает, что в термине как языковом знаке аккумулировано знание трех видов: *языковое, рациональное и собственно специальное*, причем каждый из видов знания, репрезентированного в термине, основан на определенном опыте взаимодействия человека с миром [3, с. 70]. В соответствии с когнитивным подходом в современных исследованиях терминологические единицы и терминологические системы рассматриваются в связи с концептами научных теорий и спецификой предметно-понятийных областей знания.

Язык в сфере профессиональной коммуникации, по мнению Е.И. Головановой, выступает как объект активной преобразующей деятельности, предмет рационального осмысления и переосмысления, необходимого для формирования новых средств обозначения. Поскольку в современном мире существует множественность моделей интерпретации различных областей знаний и профессиональной деятельности, наличие корпоративных и узкоспециальных образов мира способствует росту числа искусственных наименований в сфере языка профессиональной коммуникации [3, с. 63, 65].

В процессах терминологической номинации существует необходимость ассоциирования признаков понятия по разным линиям аналогии. Требование классической теории термина о стилистической нейтральности терминологических единиц, требование об отсутствии у них экспрессии и эмоциональных коннотаций вступает в противоречие с идеей о том, что у терминов всех терминосистем могут присутствовать коннотативные значения (эмоциональность, образность, экспрессивность), определенные семантические

наслоения [7, с. 17]. Образность, эмоциональность и экспрессивность характерны, прежде всего, для метафорического терминообразования. В рамках когнитивного терминоведения рассмотрение метафорического терминообразования, таким образом, представляется исключительно перспективным направлением, особенно для терминологий гуманитарных дисциплин.

Терминология области экономики, связанная непосредственно с человеком, его эмоциями и финансовыми надеждами предлагает исследователям широкий выбор материала, иллюстрирующего возможность изучать не нейтральность и отсутствие экспрессии, а наоборот, их наличие и органичную встроенность в терминосистему.

Термины-экспрессивы в целом представляют собой еще недостаточно изученную область, поэтому требуют пристального внимания терминоведов. Экспрессивность терминов, являясь системным явлением в современных терминологиях, отвечает потребностям уточнения информации в специальной коммуникации и способствует интуитивному восприятию профессионального знания. Термины-экспрессивы представляют собой форму с более сложным когнитивным содержанием, фокусируя при терминологической номинации не только существенные, ядерные признаки, выражающие профессиональное знание, но и периферийные признаки.

Нельзя не согласиться с мнением В.Н. Прохоровой, которая полагает, что сама активность образования содержащих коннотации терминов во многих терминосистемах, живучесть, устойчивость подобных терминов, словообразовательная активность, вхождение их в синонимические ряды утверждает такие термины как равноправные элементы терминосистем [7, с. 23].

Анализ роли и функции терминов-экспрессивов в терминосистемах может способствовать углублению понимания природы научного знания, его накопления, передачи и творческого развития.

В рамках настоящей работы экспрессивность рассматривается как компонент семантики термина (на примере многокомпонентных терминов, содержащих в своем составе терминокомпонент *golden*).

Прилагательное *golden* выступает терминокомпонентом в терминологических единицах, связанных с различными областями экономики. Рассмотрим в качестве иллюстрирующего примера многокомпонентные термины с терминокомпонентом *golden*, которые функционируют в области Human Resources Managment (HRM) (управление человеческими ресурсами).

Вознаграждение управленческих кадров в крупных корпорациях осуществляется на планомерной основе и представляет собой детально разработанную систему выплат, которая находит отражение в соответствующей терминологии. В таблице 1 представлены двухкомпонентные терминологические единицы с терминокомпонентом *golden*, характеризующие различные виды поощрительных, стимулирующих или компенсационных выплат руководящим работникам.

Таблица 1 – Выплаты высшему звену руководства (*financial incentives*)

№	Термин	Перевод
1	Golden boot	золотой пинок
2	Golden goodbye	«подслащенные» отступные
3	Golden hello	золотое приветствие
4	Golden handcuffs	золотые наручники
5	Golden handshake	золотое рукопожатие
6	Golden key	золотой ключ
7	Golden parachute	золотой парашют
8	Golden umbrella	золотой зонт

Экспрессивность, согласно определению ЛЭС, является совокупностью семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъектисного отношения говорящего к содержанию или адресату речи. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка. Экспрессивность как одно из свойств языковой единицы тесно связана с категорией эмоциональной оценки и в целом с выражением эмоций у человека. В связи с этим обстоятельством в работах ряда лингвистов категории экспрессивности и эмоциональности отождествляются [8, с. 591].

С нашей точки зрения, продуктивность метафорической терминологической номинации в области экономики следует объяснять причинами экстралингвистического характера. Как отмечает Л.В. Ивина, когнитивные структуры мозга человека, фиксирующие его предметно-познавательный опыт, способны содержать в себе не только проекцию объектов и процессов, но и их эмоциональную оценку [4, с. 151].

Термины в области экономики характеризуются положительными коннотациями в связи с оптимистической нацеленностью на будущее, созданием привлекательного имиджа и формированием позитивных ожиданий. Так, в частности, прилагательное *golden* также используется для обозначения позитивной экспрессии. Исследователями отмечается, что золотой цвет воспринимается людьми как некий идеал и цель устремлений. Совет директоров и, в частности, назначаемые компенсационные комитеты выполняют амбициозную задачу создания компенсационной структуры для исполнительных директоров и других управленцев высшего звена, которые балансируют интересы корпораций и акционеров. Основная идея заключается в том, чтобы выплаты топ-менеджерам были соотносимы с получаемой годовой прибылью, особенно в трудные периоды слияния и поглощений компаний. *Например:*

Golden umbrella is a clause inserted in the contract of employment of a senior employee that details a financial package payable if the employee is dismissed. A golden umbrella provides an executive with a measure of financial security and may be payable if the employee leaves the organization following a takeover or merger, or dismissed as the result of a poor performance [9].

Отечественные правовые порталы разъясняют, что в условиях России при увольнении руководителя организации работодатель обязан выплатить ему выходное пособие (так называемый «золотой парашют» или «золотой зонт») не ниже его трехкратного месячного заработка (ст. 279 ТК РФ). На практике часто возникают споры, связанные с предоставлением такой компенсации. В силу того, что отношения между руководителями организаций и организациями (работодателями) регулируются и трудовым, и гражданским законодательством, суды не всегда единообразно разрешают возникающие между этими субъектами споры [10].

Наличие и функционирование в английской экономической терминологии метафорических терминов с терминокомпонентом *golden* свидетельствует о том, что компенсационные пакеты как экономическое явление не есть нечто сугубо официальное, прагматическое и сухое, а напротив, весьма коммуникативно подвижное и экспрессивно востребованное. Контраст строгости финансовых взаимоотношений и экспрессивной терминологии создает нишу для гармонизации эмоциональной жизни человека. Именно антропоцентрическая направленность подобной терминологической номинации и дает возможность исследователям рассматривать ее в русле когнитивного подхода в терминоведении. Таким образом, вплетение в терминологию фрагментов эмоциональной жизни человека позволяет сделать вывод о том, что терминосистемы содержат более глубокие пласты знаний о мире и человечестве, чем можно было бы предполагать.

Список литературы

- 1 Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. – Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов, 2014.
- 2 Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой коммуникации). – М. : Изд-во МГУ, 2000.
- 3 Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. – М. : Флинта : Наука, 2011.
- 4 Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). – М. : Академический проект, 2003.
- 5 Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке : монография. – СПб. : Астерион, 2009.
- 6 Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М. : Знак, 2012.
- 7 Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М., 1996.
- 8 Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – 685 с.
- 9 URL: financepractitioner.com (дата обращения: 23.03.2016 г.)
- 10 URL: garant.ru (дата обращения: 23.03.2016 г.)

S. KISELYOVA, T. ROSANOVA
(Saint Petersburg, Russia)

COGNITIVE ASPECTS OF STUDYING THE TERMINOLOGY AT THE PRESENT STAGE (THE CASE OF ENGLISH ECONOMIC TERMINOLOGY)

Abstract: Interdisciplinary researches are characteristic features of modern science. The cognitive term studies use achievements and methods of cognitive linguistics and cognitive semantics. Cognitive approach to terms allows to investigate expressivity of terminological units. Terms in the field of economy are characterized by positive connotations in connection with optimistic aiming at the future, creation of attractive image and formation of positive expectations.

Keywords: term, term studies, cognitive term studies, English economic terminology, expressivity of terminology.

Н.А. ПАТОВ
(Санкт-Петербург, Россия)

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТОВ Ж. ПИАЖЕ ДЛЯ ОПИСАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ РЕЧИ И КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТОВ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Аннотация: В данной статье рассматривается становление и развитие речи и речевого мышления на основе ключевых наблюдений Ж. Пиаже, сделанных им в ходе построения теории интеллекта.

Ключевые слова: конструктивизм, психолингвистика, символическая функция, предпонятие, символическая игра.

В философской традиции конструктивизма мы видим озабоченность соотношением интеллекта и действительности, которая не касается исторического аспекта и упускает из виду существование сенсомоторной составляющей процесса развития мышления, что означает отказ от попытки рассмотрения довербального интеллекта, о котором говорит Ж. Пиаже. Поэтому бесспорным является ключевое влияние французского психолога на то, как данное философское направление выглядит сегодня в понимании Э. фон Глазерсфельда [5, p. 53].

Следуя за предшествующими психологическими интерпретациями, Ж. Пиаже считает, аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми, поскольку «всякий взаимообмен предполагает одновременно и наложение структуры, и создание ценностей», в чем он предвосхищает А. Дамазио [4, p. 10], но при этом, по его мнению, отказаться от понятия интеллекта нельзя, потому что эта нераздельность не дает повода сводить одно к другому. «Интеллект – это определенная форма равновесия, к которой тяготеют все структуры, образующиеся на базе восприятия, навыка и элементарных сенсомоторных механизмов», «гибкое и одновременно устойчивое структурное равновесие поведения», «система наиболее жизненных

и активных операций», «наиболее необходимое и эффективное орудие во взаимодействиях субъекта с окружающим миром» [2, с. 65]. В его определениях интеллект не просто подвергается психологическому анализу в его соотношениях и взаимодействиях с другими механизмами, но вписывается как один из необходимых элементов в функционирование организма в целом. «Интеллект для нас есть определенный конечный пункт, а в своих истоках он неотделим от сенсомоторной адаптации в целом, так же как за ее пределами – от самых низших форм биологической адаптации» [2, с. 66].

Ж. Пиаже не был первым ученым, изучавшим интеллект с психологической точки зрения, но он ставил перед собой задачу описать выработку операций мышления, начиная с физического действия, и понять, посредством каких законов равновесия регулируется их эволюция. От негенетических теорий интеллекта он заимствует лишь идею о том, что данные операции сгруппированы в целые системы, но эти системы не являются неподвижными и данными изначально в его теории.

Можно отметить, что следом за Ж. Пиаже, отправляясь искать принципы формирования не интеллекта, но языковой способности в детском возрасте, Н. Хомский в отличие от первого приходит к признанию существования внутренних неизмеряемых структур, которые являются врожденными схемами использования языка, что не может не вызывать сомнений, особенно в связи с преуменьшением роли опыта [1, с. 181]. Ж. Пиаже ставит развитие языка в зависимость от образования и упражнения «символической функции» [2, с. 178], но можно предположить, что если существует переход от довербального интеллекта к взрослому, то появление языковой способности так же связано с процессом организующей ассимиляции. И данный взгляд позволяет иначе оценить проблему критического возраста и расширить его из языковой сферы на формирование прочих мыслительных способностей, что лишает хомскианство единственной возможности обосновывать наличие врожденных идей.

Связь сенсомоторной ассимиляции с развитием интеллекта характеризуется тем, что существует определенный переход от ранних уровней образования схем ассимиляции к уровню их дифференциации. На ранних стадиях происходит образование первичных, когда, к примеру, ребенок воспроизводит результат, достигнутый случайно, и вторичных круговых реакций, когда ребенок выделяет из фактов новые возможности, к примеру, подбрасывая мяч разными способами. Третичная же круговая реакция подразумевает не просто применение известных схем, но различение средства и цели, что позволяет детям создавать новые способы достижения желаемого [2, с. 157–159].

Подобное описание имеет точки пересечения с исследованием А. Картера, который показал, что единицы речи ребенка представляют собой «перевод» сенсомоторных значений [3, р. 249], то есть обусловлены ходом сенсомоторной ассимиляции. Вполне возможно, что образование интеллекта в ходе дифференциации средств и целей достижения материального результата сопровождается дифференциацией языковых схем, усвоенных на ранних

стадиях и воспроизводимых в ходе первичной и вторичной реакции. Таким образом, хотя для речевой способности нужна физиологическая субстанция, т.е. внутренние структуры, невозможно утверждать, что языковые правила и знания о языке могут быть им приравнены, так как невозможно отождествлять саму языковую способность с принципами, по которым она реализуется.

На стороне подобного вывода также одно недооцененное наблюдение Ж. Пиаже, которое он приводит в ходе объяснения интериоризации форм поведения: «С другой стороны, в этом же возрасте ребенок приходит к наиболее элементарным формам символической игры, состоящей в том, что используя собственное тело, он осуществляет действие, чуждое актуальному контексту (например, для развлечения притворяется спящим, совершенно не будучи при этом сонным). Здесь опять-таки возникает нечто вроде игрового и, следовательно, еще моторного образа, который, однако, находится уже почти на уровне представления». Нужно отметить, что помимо частичного возникновения у ребенка этого *представления* о некотором физическом действии, важной является его имитация вне материального контекста. Можно сказать, что уже на этой стадии происходит попытка конструирования, возможно и неосознанная, протосемантического поведения, когда конкретный акт лишается своего естественного предназначения и используется в игровом поле существования. Что касается языкового поведения, то каждый его акт является подвижным и не привязанным, в сущности, к первичным нуждам или материальным объектам или действиям. Однако на ранних стадиях развития оно усваивается исключительно в этой строгой привязке к сенсомоторным значениям, и только в дальнейшем вместе с оперированием языковыми схемами и их дифференциацией находит отражение эта телесная протосемантическая игра, которая претворяется в конструирование языкового поведения ребенка.

Таким же образом в детском языке преломляется отношение с внешними объектами, точнее, с теми впечатлениями, которые были сконструированы на предшествующих стадиях: этими впечатлениями, связанными с первыми словами, можно оперировать, как и вещами, посредством приобретаемого навыка говорения, помещая их в неналичный контекст. В этом отношении развитие ребенка движется от актуализации языкового навыка в результате появления внешнего стимула (номинация представляющих наибольший интерес фактов восприятия) к третичной круговой реакции в игровом поле посредством языковых и протоязыковых средств (имитация объектного впечатления).

Возвращаясь к вопросу о соотношении интеллекта, языка и действительности, мы можем сказать, что отношения первых двух начинают проясняться в связи с наблюдениями Ж. Пиаже, но если интеллект и связан в своем образовании с сенсомоторными операциями, которые распространяются на объекты действительности, то это не значит, что аккомодация определяет какие бы то ни было эквивалентные отношения между ними. Ключевым в формировании мышления является опыт, но это не опыт прямого взаимодействия с объектом, а опыт наложения конструктивных структур в

распознавании объекта и на процесс и результат его распознавания в рекурсивной перспективе.

Поэтому Ж. Пиаже не может остановиться только на сенсомоторике, выпустив из поля зрения восприятие, которое и определяет наши сложные отношения с объектом. Он приходит к ряду важных выводов, основываясь на сравнении взрослого и детского восприятия.

«Развитие восприятия зависит от умственной эволюции в целом» [2, с. 136]. Значит, восприятие изменяется в ходе взросления, следовательно, необходимо понять, каким образом это происходит. После ряда экспериментов Ж. Пиаже приходит к заключению, что на адекватности восприятия сказывается соотношение процессов центрации и децентрации. Первое является чистым восприятием объекта, без наложений, к примеру, представления об удаленности, в то время как второе – особенностью отличного от восприятия «перцептивного акта». Во втором случае, децентрируя восприятие, мы способны сравнивать, например, размеры объектов, находящихся на разных расстояниях от наблюдателя, и с возрастом эта способность улучшается [2, с. 137]. Таким образом, действие перцептивного акта обуславливает наличие «константностей» нашего восприятия, что говорит о тесной связи не только с сенсомоторным интеллектом, но и интеллектом вообще. «Развитие восприятия свидетельствует о наличии перцептивной деятельности как источника децентраций, перенесений (пространственных и временных), сравнений, перемещений, предвосхищений и вообще все более и более мобильного анализа, *приближающегося к обратимости*» [2, с. 141]. Данная способность изменять направление перцептивного акта репрезентирует их общность с интеллектом, который способен отталкиваться и возвращаться во времени и в пространстве ко всему множеству объектов мышления. Другими словами, он возникает не «как новая сила, надстраивающаяся *ex abrupto* над предшествующими вполне готовыми механизмами, а является лишь выражением тех же самых механизмов, когда они, выходя за пределы актуального и непосредственного контакта с вещами (восприятие) и коротких, быстро автоматизируемых связей между восприятиями и движениями (навык), начинают становиться подвижными и обратимыми, действуя на все более значительных расстояниях и по все более сложным траекториям» [2, с. 172].

В процессе онтогенеза Ж. Пиаже выделяют четыре стадии становления интеллекта. Первый из них – этап символического и допонятийного мышления (от 1,5-2 лет до 4 лет). Переход к оперированию символами происходит в результате упомянутой ранее протосемантической игры ребенка, притворяющегося спящим. Она составляет определенный паттерн поведения, обуславливающий индивидуализацию действия или жеста, экстрагированного из естественного контекста. Этой индивидуализации недостает осознания связей между действительным объектом и его символом. Поэтому подобное «совершенствование» игры происходит на этапе допонятийного интеллекта, когда все еще сильно влияние сенсомоторной ассимиляции.

Данный критический период обусловлен становлением понимания символических связей, умения представить одну вещь посредством другой,

которые позволяют наделить символическим смыслом, необходимым интеллекту на данном этапе формирования, языковые знаки. Эта завершенная система знаков является ограниченной и в то же время малодоступной для эгоцентрического ассимилятивного детского мышления, поскольку не может выразить «то индивидуальное, на котором центрирован субъект». «Вот почему в той мере, в какой преобладает эгоцентрическая ассимиляция реального системой собственной деятельности, ребенок всегда будет нуждаться в символах; отсюда символическая игра, или игра воображения – наиболее чистая форма эгоцентрического и символического, отсюда же ассимиляция реального системой собственных интересов и выражение его через образы, созданные собственным “я”» [2, с. 181].

Отсюда предпонятия и трансдуктивные операции, осуществляемые детским умом. Первые возникают будучи совмещенными с вербальными знаками и содержат как индивидуальные, так и объективные свойства. Вторые являются внутренней имитацией внешних актов и их результатов, «умственным опытом» [2, с. 182].

Формирование интуитивного (наглядного) мышления происходит на втором этапе (от 4 до 7-8 лет). На данном этапе интеллект подобен перцепции в сенсомоторной сфере, то есть определяет «интуитивные (наглядные) центрации и децентрации» [2, с. 184]. Несмотря на свою протологическую природу, его механизм лучше, так как относится к «конфигурациям целого».

Ж. Пиаже, однако, экспериментально доказал, что в этом возрасте ребенком не проводятся логические «операции», а имеет место именно интуиция, форма наглядного мышления (как он ее понимает), определявшая разные суждения детей о количестве бусинок в сосудах разной высоты и толщины.

Связь интуитивного интеллекта с предыдущими этапами развития выражается в том, что для успешного прогноза или «верного» решения ему необходимо совершить мысленное действие, в чем проявляется связь с сенсомоторным интеллектом. Однако эгоцентризм, свойственный более ранним стадиям, редуцируется лишь до центрации на реальном действии, которое наблюдает или в которое вовлечен субъект. Символизм игровой, определявший ранее ассимиляцию готовых знаков и индивидуализацию знаковой деятельности, становится (или используется как) репрезентативным символизмом, «имитирующим контуры реальности, но не корректирующим их» [2, с. 192].

На третьем этапе (от 7-8 до 11-12 лет) происходит формирование конкретных операций. Само их зарождение не свидетельствует о зарождении зрелой логики. Однако в данном возрасте такие явления, как например сохранение материи, не подвергаются сомнению. Единственное, в чем проявляется несостоятельность конкретно-операционального мышления, заключается в противоречивости «операциональных композиций», параметры которых остаются привязанными к конкретному содержанию. Так, в ходе экспериментов дети могут не связывать понятия материи и веса или материи и объема и считать, что при сохранении первого, в случае, когда изменяется форма объекта, последнее все же уменьшается или увеличивается.

Становление формальных операций начинается на последнем этапе (с 11-12 лет) – это начало рефлексивного мышления, когда индивид способен использовать гипотетико-дедуктивный метод безотносительно к конкретной ситуации и не связан пространственно-временными рамками. Здесь имеет место логическая аксиоматизация операций.

Важным выводом из данной периодизации является то, что сама по себе «логика не является адекватным описанием живого мышления: формальные операции образуют структуру лишь конечного равновесия, к которому стремятся конкретные операции, когда они переносятся в более общие системы, комбинирующие между собой выражающие их высказывания» [2, с. 205].

Картина развития интеллекта, построенная Ж. Пиаже на основе проведенных им экспериментов, сближает нас еще больше с понимаем истоков ассимилятивных процессов человеческого разума и их ключевой роли в его становлении. Мы видим, что непременным условием формирования способности оперировать абстрактными понятиями, а также понятиями вообще, является необходимость знакового поведения, символизация индивидуальных процессов, необязательно подчиненных внешней обусловленности, на начальных стадиях проявляющаяся в протосемантической игре. В данный период язык, которым окружен ребенок и который координирует действие окружающих его людей, становится инструментом подобной индивидуализации, несмотря на априорную замкнутость, язык осваивается в символической игре и благодаря потребности символического действия. Данным символическим действием является поведение, регулируемое знаками и само являющееся набором знаков. Одно заменяет другое только в момент созревания и подчинения внешним условиям, до этого же рубежа не существует большой разницы между языком тела и вербальным языком, пока все происходящее лишено ясно осознаваемого контекста и рекурсивной интерпретации контекстуального действия. Другими словами, имитация сна подобна его вербальной индикации, поскольку они находятся в игровом поле эгоцентрического сознания, которое в процессе развития и воспитания приспособляется к ограничениям и множественным контекстам, ситуациям и нормам поведения. Таким образом, последующее использование телесных жестов наполняется большим смыслом, определяемым местом и временем его осуществления, а также целью, намерением и характерными деталями, несущими в свою очередь тоже определенное содержание. Формальное мышление, научившееся распознавать необходимость, причину и следствие в социальном и физическом мире, попадая в игровой контекст, различает смысловые связи и понимает обусловленность того или иного факта, делая саму игру наполненным смыслом действием, которое изначально было лишь толчком к развитию интеллекта и речи. Однако данный смысл намного сложнее и более удален от естественного контекста.

Отсюда следует вопрос, который больше всего нас интересует в связи языковым поведением: каково дальнейшее проявление ассимилятивных процессов в области вербальной коммуникации и какова грань между

индивидуализацией и социальной обусловленностью. Необходимо также понять, в чем заключается последующее проявление ассимиляции языка. Как мы знаем, на одном из ранних этапов возникают «предпонятия», которые соединяются с первыми вербальными знаками [2, с. 181]. Однако то, как протекает эволюция этих предпонятий и завершается ли она абсолютным замещением полноценными, правильными понятиями, концептами, когнитивными образами, паттернами, никто не отвечает. Вполне вероятно, объективное существование последних, вне зависимости от их обозначения, будет постоянно подвергаться сомнению.

Список литературы

- 1 Ахутина Т. В., Горелов И. Н. Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М. : Наука, 1985. – 240 с.
- 2 Пиаже Ж. Избранные психологические труды. – М. : Просвещение, 1969. – 659 с.
- 3 Carter A. L. The transformation of sensorimotor morphemes into words // Journal of child language, Volume 2, Issue 2. – Stanford Univ. California, 1975. – P. 233-250.
- 4 Damasio A. Decartes' Error: Emotion, Reason and the Human Brain. – New-York : Avon Books, 1994. – 312 p.
- 5 Glasersfeld von E. Radical Constructivism: A way of knowing and learning. – London, Washington: The Falmer Press, 1996. – 214 p.

N. PATOV
(Saint Petersburg, Russia)

THE VALUE OF THE EXPERIMENTS OF JEAN PIAGET IN DESCRIPTION OF SPEECH FORMATION AND COGNITIVE ASPECTS OF ITS DEVELOPMENT

Abstract: The following article is concerned with formation and development of speech and verbal cogitation based on the key observations of J. Piaget, which he used to construct his theory of intellect.

Keywords: constructivism, psycholinguistics, symbolic function, proto-notion, symbolic game.

Д.Д. САТИНА
(Курган, Россия)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕМЫ ИГРЫ В РОМАНЕ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»

Аннотация: Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», впервые изданный в 1951 г., до сих пор пользуется популярностью, привлекая внимание не только читателей, но и литературоведов. Тем не менее, недостаточно исследованные проблемы остаются, и одной из них является тема игры. В статье рассматривается смысловое наполнение эпизодов произведения, содержащих упоминание командной либо парной игры, их роль в установлении и развитии межличностных отношений и формировании образа современной автору социальной действительности.

Ключевые слова: критический реализм, конформизм, командные игры, парные игры, социальные отношения, социальная действительность.

Джером Дэвид Сэлинджер родился в Нью-Йорке в 1919 году в семье успешного предпринимателя. Много раз менял школы, посещал множество высших учебных заведений, но не окончил ни одно из них. Джером начал писать, еще будучи подростком, а его первый рассказ был опубликован в 1940 году. После Второй мировой войны, в которой принимал участие, Сэлинджер написал и опубликовал множество новых рассказов, а в 1951 году вышел в свет его единственный роман «Над пропастью во ржи».

Роман в значительной степени автобиографичен: например, его главный герой Холден Колфилд постоянно переходит из одной школы в другую. Тем не менее, действие романа разворачивается уже в послевоенное время [3].

Как пишет М. Тугушева в предисловии к изданию романа «The catcher in the rye» 1968 г., главной заслугой американского критического реализма стало разоблачение несоответствия между материальным благополучием общества и его духовной деградацией [1, с. 5]. Творчество Дж. Сэлинджера продолжает эту традицию: его герои пребывают в поиске вечных человеческих ценностей среди равнодушия и жестокости окружающего мира [1, с. 5].

Роман «Над пропастью во ржи» создавался в тяжелое время. Вторая половина сороковых годов ознаменовалась усилением реакционных тенденций в американском обществе, что не лучшим образом отразилось на положении интеллигенции. Реализм в литературе уступил место конформизму: многие писатели, ранее стремившиеся пробудить общественное сознание, теперь старались в угоду коммерческому успеху «усыпить» его, создавая иллюзию благополучия и процветания. Литература этого периода «сознательно низлагает идею гражданственности, прокламирует мелкотравчатый, сиюминутный гедонизм – спорт, вино, секс, призывает поиски "счастья" заменить стремлением к эгоистическому "комфарту"» [1, с. 7].

Тем не менее, не все согласились смириться с описанным положением вещей. «Над пропастью во ржи» – яркое тому доказательство. Роман проникнут чувством одиночества и безысходности, неприятием фальши и лицемерия, отчаянием от бесплодности попыток преодолеть разобщенность между людьми. Это книга о поисках душевного тепла среди холода отчуждения.

Проблематика романа, его основные образы, мотивы и символика в достаточной степени исследованы, но неосвещенные аспекты, тем не менее, присутствуют. Данная статья посвящена одному из них – теме игры в романе. Упоминания командных и парных игр в тексте романа могут показаться случайными, но их весьма значительное количество наводит на мысль об обратном.

В самом начале романа Холден Колфилд, рассказывая о том, как его исключили за неуспеваемость из очередной школы (на этот раз школы Пенси), отмечает, что реклама этой школы в журналах неизменно демонстрирует игрока в поло, хотя на самом деле в Пенси нет ни одной лошади и, следовательно, в поло там никто не играет: «The advertise in about a thousand magazines, always showing some hot-shot guy on a horse jumping over a fence. Like

as if all you ever did at Pencey was play polo all the time. I never even once saw a horse anywhere *near* the place» [2, с. 28].

Деталь на первый взгляд несущественная, но, тем не менее, ярко иллюстрирующая описанную выше тенденцию выдавать желаемое за действительное, царящую, разумеется, не только в Пенси, но и во всем обществе.

В день, когда Холден уехал из Пенси и начал свои скитания, он все же успел стать свидетелем традиционного футбольного матча между командами Пенси и школы Саксон Холл. Холден опоздал и поэтому следит за игрой не со стадиона вместе со всеми, а стоя на холме в окрестностях школы. Матч воспринимался или должен был восприниматься как весьма значимое событие, но Холден совершенно не проникается этой значимостью и чувства солидарности со своими товарищами не испытывает. Более того, он наблюдает за происходящим с изрядной долей иронии: «The game with Saxon Hall was supposed to be a very big deal around Pencey. It was the last day of the year, and you were supposed to commit a suicide or something if old Pencey didn't win» [2, с. 28].

Футбол является для Холдена не захватывающим и увлекательным зрелищем, а бессмысленным и абсурдным действием. Единственное, что он замечает – это игроки, которые нещадно колотят друг друга, и ревущие болельщики: «You could see the whole field from there, and you could see the two teams bashing each other all over the place» [2, с. 28].

«You couldn't see the grandstand too hot, but you could hear them all yelling, deep and terrific on the Pencey side, because practically the whole school except me was there, and scrawny and faggy on the Saxon Hall side, because the visiting team hardly ever brought many people with them» [2, с. 28].

В сознании Холдена футбол устойчиво ассоциируется со столь ненавистным ему стадным конформизмом, заменившим искреннее чувство единства и взаимопонимания. Люди играют в футбол не потому, что хотят этого, а потому, что это является одной из традиций школы.

Несколько позже в романе встречается еще одно упоминание футбола. Оно связано со сценой в кафе, когда молодой человек долго и занудно рассказывает подруге об увиденном им футбольном матче, нисколько не заботясь, интересно ли ей об этом слушать: «He was telling her about some pro football game he'd seen that afternoon. He gave her any single goddam play in the whole game – I'm not kidding. He was the most boring guy I ever listened to» [2, с. 100].

Данный эпизод иллюстрирует, насколько люди могут быть далеки друг от друга даже в личном общении.

В Пенси Холден был капитаном команды фехтовальщиков, и на упомянутый ранее футбольный матч он не попал, потому что поздно вернулся с соревнования по фехтованию, которое, правда, не состоялось: Холден забыл весь инвентарь в метро: «Only, we didn't have the meet. I left all the foils and equipment and stuff on the goddam subway» [2, с. 29].

Это происшествие сделало его предметом насмешек товарищей и одновременно показало его несколько фаталистический взгляд на жизнь и

нежелание брать на себя ответственность. Холден считает, что в случившемся нет его вины: «It wasn't all my fault. I had to keep getting up to look at this map, so we'd know where to get off» [2, с. 29].

Также Холден выражает свое негативное отношение к спортивным играм, ставя их в один ряд с другими проявлениями человеческой глупости: «You figured most of them would probably marry dopey guys. Guys that always talk about how many miles they get to a gallon in their goddam cars. Guys that get sore and childish as hell if you beat them at golf, or even just some stupid game like ping-pong. Guys that are very mean. Guys that never read books. Guys that are very boring...» [2, с. 133].

Тем не менее, тема игры в данном произведении имеет и позитивную сторону. Например, с игрой в шашки у Холдена связаны приятные воспоминания о девушке, с которой он когда-то дружил. Холден описывает манеру игры Джейн с детальностью, свидетельствующей о чутком, внимательном отношении к подруге, уважении к ее индивидуальности: «She wouldn't move any of her kings. What she'd do, when she 'd get a king, she wouldn't move it. She'd just leave it in the back row. She'd get them all lined up in the back row. Then she would never use them. She just liked the way they looked when they were all in the back row» [2, с. 54].

Играя с Джейн в гольф и обучая ее, Холден получает довольно редкую и поэтому особенно важную возможность почувствовать власть над ситуацией. Обычно не очень удачливый как в учебе, так и в межличностных отношениях, здесь Холден становится хозяином положения, что, разумеется, повышает его самооценку: «I played golf with her that same afternoon. She lost eight balls, I remember. *Eight*. I had a terrible time getting her to at least open her eyes when she took a swing at the ball. I improved her game immencely, though. I am a very good golfer» [2, с. 93].

Эпизод, когда Холден увлеченно беседует с одним из своих знакомых о теннисе, также говорит о том, что игра может помочь установить контакт с собеседником, даже если это не непосредственный игровой процесс, а лишь разговор об игре: «He was quiet interested in tennis, and so was I. He told me he went to the Nationals at Forest Hills every summer, and I told him I did too, and then we talked about certain hot-shot tennis players for quite a while» [2, с. 124].

Прослеживается интересная закономерность: командные игры, особенно футбол, вызывают у Холдена неприязнь, возможно, из-за связанной с ними необходимости подчинения личности коллективу, когда человека начинают ценить не как индивидуальность, а как часть команды. Парные игры, напротив, увлекают Холдена, так как помогают лучше понять партнера, почувствовать его внутренний мир.

Спенсер, учитель истории, которого Холден навещает перед отъездом из Пенси, утверждает, что жизнь – это игра, и каждый играет по установленным правилам: «Life is a game, boy. Life is a game that one plays according to the rules» [2, с. 33]. Холден готов согласиться, но, с его точки зрения, это нечестная игра, исход которой предопределен заранее. Правила этой игры не создаются самим человеком и даже не принимаются добровольно, а навязываются извне, заранее

причисляя каждого либо к победителям, либо к проигравшим: «If you get on the side where all the hot-shots are, then it's a game, all right – I'll admit that. But if you get on the other side, where there aren't any hot-shots, then what's a game about it? Nothing. No game» [2, с. 33-34]. Для проигравших жизнь – не игра, а лишь постоянное подчинение чужим правилам. Мы не беремся судить, насколько эта идея верна или ошибочна, но она гармонирует с общим депрессивным настроением романа.

В книге встречаются и другие упоминания различных игр, но мы выбрали и проанализировали самые, на наш взгляд, показательные эпизоды. В целом включение данных эпизодов в сюжетную канву произведения можно рассматривать как один из способов проиллюстрировать социальные отношения, характерные для американской действительности того времени.

Список литературы

- 1 Тугушева М. Предисловие // The catcher in the rye. – М. : Progress Publishers, 1968. – С. 3-21.
- 2 Salinger J. D. The catcher in the rye. – М. : Progress Publishers, 1968.
- 3 The catcher in the rye. Context. URL: <http://www.sparknotes.com/lit/catcher/context.html>. (дата обращения: 03.03.2016 г.).

D. SATINA
(*Kurgan, Russia*)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT OF THE THEME *GAME* IN THE NOVEL BY J. D. SALINGER «THE CATCHER IN THE RYE»

Abstract: The novel «The catcher in the rye» by Jerome D. Salinger was published in 1951, and thereafter it has been an object of interest for literary criticism. Nevertheless, there remain problems, open for discussion and analysis. This article is concerned with imagery of team and two person games in the novel and aims to reveal the role of episodes, mentioning team and two person games, in depicting typical features of social intercourse in the background the plot of the novel is set in.

Keywords: critical realism, conformism, team games, two person games, social intercourse, social background.

Н.Е. УКРАИНЦЕВА
(*Курган, Россия*)

КОНЦЕПТ «ПРИРОДА» В ФОЛЬКЛОРЕ КАЗАКОВ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Аннотация: В статье рассматривается концепт «природа» на материале фольклора казаков Южного Зауралья. Выявляется своеобразие компонентов названного концепта. Важнейшей особенностью представляется эквиполентность картин природы, показ общения казака с природой в процессе труда и воинской службы. Для иллюстрации привлекаются разные виды и жанры фольклора, в том числе топонимические предания.

Ключевые слова: фольклор казаков, концепт «природа», эквиполентность, менталитет, топонимы.

Понятие концепта (лат. *conceptus* – мысль, представление) разрабатывается разными гуманитарными дисциплинами. Так, лингвистика наиболее детально рассматривает план выражения понятия, отсюда концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона» [7, с. 90]. Культурология обращается прежде всего к плану содержания. Ю.С. Степановым определяется культурный концепт как отпечаток, слепок культуры в сознании человека, посредством которого формируется менталитет и с помощью которого человек вписывается в мир культуры и может влиять на нее [9, с. 46]. В.Г. Зусман подчеркивает интеркультурный характер концепта [12] и с этой позиции дефинирует литературный концепт как «образ, символ или мотив, который имеет выход на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения» [4, с. 14]. Представляется целесообразным использовать эти определения и для работы с фольклорным материалом, рассматривая его (материал) в контексте народной культуры.

Картина мира в народной поэзии немыслима без изображения природы, без него не обходится ни один род и жанр фольклора, от лирической песни до мемората. Предметом нашего исследования является концепт «природа» в фольклоре казаков, который собирался в бывших казачьих станицах Оренбургского казачьего войска (ОКВ), ныне – поселках Целинного и Звериноголовского районов Курганской области. Исторически ОКВ формировалось государством в XVIII – XIX вв. принудительно, для защиты и расширения южных рубежей: сюда переселялись казаки из разных мест, записывались крестьяне, башкиры. Поэтому в Южном Зауралье фольклор казаков включает то, что перенималось и принималось на новой почве, и в этом его своеобразие. Концепт «природа» в данном культурном контексте своеобразен тем, что включает следующие компоненты: эквиполентность картин природы (показ качественных различий в тождественных явлениях) [11, с. 98]; описание лесостепного раздолья края; показ общения казака с природой в процессе труда и воинской службы; своеобразное выражение чувства единения человека с природой.

Эквиполентный характер картин природы происходит от изображения раздольной степи, на фоне которой протекала жизнь казачества, и средоточия жизни казаков в пограничных укреплениях по причине противоборства со степью. В летнюю пору лесостепное приволье любо сердцу станичников, о нем слагались топонимические предания: «Село называется Усть-Уйское, потому что в устье Уя расположено. Раздолье здесь ой какое! Слыхал от стариков, что Усть-Уйка называется так потому, что кыргызы (кочевники. – Н.У.), когда перегнали сюда стада, обрадовались и закричали: “Уй, уй!”», дескать, “хорошо”! Места, видишь, какие красивые, все в траве, в ягодах. Народ долго жил. Дед 115 годов на этом свете тянул. Воздух свежий, реки прекрасные были: Тобол, Уй. Рыбы в изобилии. Озера, лес» (с. Усть-Уйское. Записано от Бавина Н.В., 1905 г. р.) [2]. В крохотной частушке нарисован пейзажик родного края в миниатюре: «Развеселая Усть-Уечка стоит на берегу – Развеселую Усть-Уечку забыть я не могу» (с. Усть-Уйское. Записано от Сироткиной Н.Н., 1934 г. р.) [3]. При этом климат Южного Зауралья резко континентальный, зимы суровы, степные бураны наводят ужас на человека. Однако казаки научились у природы

бесстрашию, по едва заметным знакам в любое время дня и ночи могли отыскивать жильё, чувствовать дорогу под ногой коня. И в праздничные дни, в любой мороз, не отменялись у них зимние забавы, в которых демонстрировался размах души и удаль казака, отразившиеся в народной песне и воспоминаниях старожилов.

Однако на протяжении столетий жизнь в пограничных крепостях была связана со строгими законами общения с другой – «дикой степью», с угрозой набега кочевников. Сенокос, сбор ягод и грибов, ловля рыбы без вооруженного казачьего наряда были опасны, грозили пленом, рабством: «Отец с дочерью сено косили, | Сено косили, стога метали. | Увидала дочь: пыль столбом пылит. | - Ой ты, батюшка, родной батюшка, | Ты бросай скорей стоговы вилы, | Ты бросай скорей и беги в камыш, | Вон бегут, бегут злы татарове» (Записано в с. Прорыв) [5, с. 4]. Одно из преданий о плене записано было в 1993 году в с. Казак-Кочердык от Журавлевой Е.А. 1915 г. р.: «Рассказ деда вспомнила. Они пошли рыбачить на Тобол. Их (двух товарищей деда. – Н.У.) казахи поймали и увезли туда, в степи, в степные аулы. Один из товарищей через несколько лет вырвался из плена и пришел домой. Он рассказывал так: «Когда нас поймали, увезли в степи, то пятки разрезали, настригли конского волоса и натолкали его в разрезанные пятки, чтобы мы не могли убежать. Я все время мечтал о побеге... Я сбежал, а тот, Резепин, принял ихнюю веру и женился на казашке» [8, с. 77]. На линейных казаков возлагалась «охрана границ, разъезды, партии, конвой для сопровождения почты» [6, с. 17], и служба в поле всегда была тревожной. Мир природы помогал укрыться от врага и выследить его, в знойный день освежиться водой, добыть пропитание охотой. И в то же время выжженная солнцем степь стала народнопесенным образом поля боя, на котором умирает раненый казак под одинокой «кучерявой вербой»: «Ой, поля вы, поля, | Вы широки поля, да, | Как на вас, на полях, урожая нема, | Только выросла там кучерява верба. | Как под этой вербой казак битый лежал. | Он убит – не убит, тяжело раненый был» (с. Усть-Уйское. Записано от Воробьевой Л.П., 1947 г. р.) [3].

Выражение чувства единения с природой традиционно отражено в календарной и обрядовой поэзии. Неповторимо - в топонимике края. Редут, позднее отряд, затем поселок станицы получал такие названия, как Озерный, Луговой. Солёные озера назывались «горькими»: Горькое, Большое Горькое, Малое Горькое. Традиция называть населенный пункт по реке, на которой он расположен, сохранялась, так как номинация издревле служила топографическим ориентиром. Однако здесь к гидрониму добавлялось слово, которое звучало устрашающе для кочевников: Казачий Кочердык (поселок на речке Кочердык), Отряд-Алабуга (на речке Алабуга). В крае хранятся топонимические предания о селах Прорывном и Звериноголовском. Естественной границей со степью служила река Тобол, вдоль реки кое-где тянулись ленты соснового бора. В Звериноголовском районе, там, где лес внезапно расступается, расположился отряд Прорывной (ныне село Прорывное). Перебравшись через реку, враги стремились прорваться в этом удобном месте к поселениям, поэтому название отряда служило напоминанием о бдительности в казачьей службе. Крепость (затем станица) Звериноголовская была построена неподалеку от урочища Зверина Голова (по преданию, здесь

была найдена голова крупного ископаемого животного). Очевидно, крепость получила название по урочищу не только потому, что это был ориентир на местности, но и потому, что оно служило маркировкой опасности для степняков, отпугивало их.

По-своему мотив единения с природой звучит в песне. Назовем до сей поры бытующую в крае «В островах охотник целый день гуляет». Народная песня литературного происхождения – явление, обычное в культуре казаков, поскольку грамотность на территории ОКВ и других войск была достаточно высокой. Авторство ее анонимно, публиковалась в сборниках пасторальной поэзии второй половины XVIII века. В конце XIX века появилась в лубочных песенниках, фольклоризованные варианты песни записывались в разных местах, но особенно полюбилась она в среде казачества. «Распетая народом, песня стала не изображением “пастушеских забав”, которыми услаждали себя дворянские любители поэзии, а художественным выражением народной мощи и удали, широких искренних движений души» [1]. В казачьей стихии песня освободилась от заимствованных слов, тяжеловесных старославянизмов. Вариант песни записан и нотирован Ю.В. Скворчевским в 2003 году в с. Звериноголовском, где ее называют старинной походной казачьей песней. В ней – сказочная мечта молодого казака, подолгу находившегося в походах, о встрече с красивой женщиной. Без сомнения, полюбилось в Южном Зауралье, богатом озерами, выражение «в островах охотник» – здесь немало островов, где можно поохотиться казаку. Интересно, что эпитет *кристальны* (воды) заменился в песне на *теплы* (воды) – в озерах вокруг Зверинки (Звериноголовского) вода отнюдь не кристальная, зато на просторных мелководьях в теплое время года, действительно, хорошо прогревается! Романтическая история встречи охотника со спящей красавицей, которую он называет Венерой (имя осталось от пасторали) и зовет с собой в казачий лагерь, происходит на фоне красочной картины природы: «Поехал охотник на те теплы воды, | Где птица гуляет при ясной погоде»; «Бросился в лес по тропе, тропе, тропе, | Где спала красавица на мягкой траве»; «Груди ее белы укрыты цветами, | Щеки ее алы умыты слезами» [10, с. 11]. Мечта о счастливой встрече неотделима в этой песне от видения вешней красоты, даже мелодия напоминает журчание весенних вод.

Внимание к компонентам концепта «природа» в фольклоре казаков Южного Зауралья дает новое его прочтение. Перед нами встает образ вольного казака – по сути, подневольного странника, искренне верившего в Христа, но часто искавшего в скитаниях по степи и в мирном труде заботы и утешения у матери-природы.

Список литературы

- 1 Анна Новикова – Пасторальная и анакреоническая поэзия (Русская поэзия XVIII – первой половины XIX века и народная песня. Гл.2). URL: <http://a-pesni.org/popular20/novikova2.htm> (дата обращения: 16.02.2016).
- 2 Архив кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского госуниверситета. Усть-Уйское. 1983.
- 3 Архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Целинный район. 2013.
- 4 Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. – Н. Новгород : Деком, 2001.
- 5 Ивушка – ракитовый кусток: Народная лирика Зауралья / сост. В. П. Федорова. – Челябинск : Юж.-Ур. кн. изд-во, 1983.

- 6 Исторический очерк Оренбургского казачьего войска / сост. жена хорунжего Н. И. Алексеева. – Оренбург, 1910.
- 7 Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1996. – С. 90-93.
- 8 Русский дом. Русские семейно-бытовые традиции, обряды, говоры, заговоры, молитвы, поверья в рассказах и песнях старожилов Зауралья / авт.-сост. Л. А. Саверский. – Шумиха : ОГУП «Шумихинская типография», 2013.
- 9 Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры. – М. : Акад. проект, 2004.
- 10 Сторона ли ты, моя сторонюшка : сборник народных песен из репертуара казачьего ансамбля станицы Звериноголовской / Запись песен, нотир., сост. сборника Ю. В. Скворчевского. – Курган : Курганское обл. метод.объедин. «Культура», 2003.
- 11 Украинцева Н. Е. Эквиполентные оппозиции в основе фольклорной картины мира казачества Южного Зауралья // VII Лазаревские чтения : материалы международн. науч.-практ. конф. (июнь 2015). – Челябинск : ЧГАКИ. – 2015. – С. 98-102.
- 12 Zusman V. Vergleichende Konzeptologie in der Theorie und Praxis der interculturellen Kommunikation, in: Interculturelle Kompetenz: vermitteln, erverben, anwenden. – Wien : LIT Verlag. – 2015. – P. 31-43.

N. UKRAINTSEVA
(Kurgan, Russia)

CONCEPT «NATURE» IN COSSACKS FOLKLORE OF SOUTH ZAURALYE

Abstract: The article discusses the concept of «nature» in the folklore material of the Cossacks of the southern Urals. The author reveals the identity of the components of the concept. The most important feature is equipollent paintings of nature, which demonstrates the communication of a Cossack with nature in the labor process and military service. For illustration different types and genres of folklore, including toponymical legends are involved.

Keywords: folklore, the concept of «nature», equipollent, mentality, place names.

Г. ГЕРЭН
(Шато-Тьерри, Франция)
О.А. КАЗЕНАС
(Курган, Россия)

АУДИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ НАВЫКОВ ОБЩЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Аннотация: Устная речь на иностранном языке невозможна без развитых навыков аудирования иноязычной речи. В данной статье аудирование рассматривается как средство формирования навыков устной речи. Предложенный подход основан на наблюдениях и личном опыте работы.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, аудирование, устная речь, оценивание.

В методике и практике преподавания иностранных языков аудирование рассматривается как один из важных, но вместе с тем и сложных видов речевой деятельности. Важность данного вида речевой деятельности заключается в том, что это оборотная сторона говорения, и без понимания речи собеседника общение невозможно. Сложности процесса формирования навыков аудирования в процессе обучения иностранным языкам носят как объективный, так и субъективный характер.

Анализ практики обучения аудированию на занятиях по иностранным языкам показывает, что традиционно аудирование рассматривается как цель обучения.

Цель данной статьи заключается именно в том, чтобы показать вариант одного из способов формирования умений и навыков аудирования как средства развития и совершенствования навыков устной речи.

Экспериментальная работа проводилась на занятиях со студентами 3 курса, изучающими французский язык как основной иностранный, и со студентами 4 курса, изучающими французский язык как второй иностранный.

Для еженедельных занятий подбирались или составлялись самостоятельно текст, который записывался преподавателем-носителем языка на диктофон.

Методика работы заключалась в прослушивании аудиотекстов продолжительностью звучания от 3 до 4 минут и последующим их обсуждением с преподавателем-носителем языка. На прослушивание студентам отводилось до 15 минут, в течение которых можно было прослушивать текст многократно и делать необходимые записи.

В течение следующих 15 минут проводилось индивидуальное собеседование с преподавателем, которое состояло из двух этапов. Первая часть носила в большей мере репродуктивный характер и заключалась в том, чтобы передать основное содержание услышанного, не ограничиваясь при этом простым повторением фраз аудиотекста: необходимо было

продемонстрировать умение излагать содержание исходного текста своими словами.

Вторая часть собеседования предполагала собственно дискуссию по тем вопросам и проблемам, о которых говорилось в аудиотексте.

Каждое собеседование оценивалось, но для оценивания была выбрана французская 20-балльная система, которая, на наш взгляд, позволяет сделать оценку более точной и объективной, но вместе с тем и более строгой. Так, согласно французской системе оценивания оценка 17/20 является достаточно редкой, а 20/20 практически невозможна. Однако такая система позволяет лучше отслеживать прогресс обучающихся.

Для оценивания была разработана следующая 20-балльная шкала:

- общее понимание текста – 8 баллов (оценивалось умение студента резюмировать содержание прослушанного и объяснить смысл);

- языковое оформление изложения прослушанного аудиотекста – 4 балла (оценивалась грамматически правильная структура предложений, отсутствие заимствованных фраз из прослушанного текста, лексическое разнообразие использованного словаря, умение слышать и исправлять свои ошибки и др.);

- понимание речи преподавателя-собеседника – 2 балла (оценивалось умение слышать и понимать речь собеседника и адекватно реагировать на нее);

- устное высказывание во время дискуссии – 5 баллов (оценивались грамматическая и лексическая сторона спонтанной речи);

- инициативность и активность в ходе дискуссии – 1 балл (оценивались умение организовать свое высказывание и способность взять инициативу на себя в ходе дискуссии, в том числе умение выражать собственное мнение, отстаивать свою точку зрения и др.).

В ходе реализации данного вида работы возник ряд трудностей, на анализе которых хотелось бы остановиться.

Одна из трудностей, с которой столкнулись студенты, оказалось незнание некоторых лексических единиц, но мы умышленно не пошли по пути снятия трудностей, т.к. задача заключалась именно в том, чтобы сформировать у обучающихся умение передавать своими словами содержание прослушанного без использования неизвестных им лексических единиц.

Другая проблема была связана с тем, что студенты привыкли к практике перевода фраз, построенных первоначально на русском языке. В результате этого они не до конца осознавали объем того лексического запаса, которым они уже владеют, и наталкивались на те лексические единицы, которые им неизвестны. Как следствие, они терялись и замолкали вместо того, чтобы попытаться выразить свои мысли своими словами, используя уже известные лексические единицы.

Неумение организовывать свою работу и распределять время представляет особую сложность: студенты посвящали все время, которое им отводилось для прослушивания аудиотекста, на то, чтобы понять и записать текст, не задумываясь над тем, как построить свое высказывание, чтобы

изложить содержание услышанного, и совсем забывали о необходимости его обсуждения, что составляет половину работы.

Еще одна проблема связана с неумением выражать свое мнение, отношение к прослушанному. Эта часть собеседования, особенно в начале экспериментальной работы, заканчивалась очень быстро, т.к. она предполагала неподготовленное высказывание. В этом случае приходилось задавать вопросы-стимулы типа «Можно ли сравнить эту ситуацию с той, которая существует в России?», «Знакомы ли вам другие подобные ситуации?» и т.д. для того, чтобы выстроить дискуссию.

Причиной трудностей организации дискуссии является также и недостаточно высокий уровень общей культуры обучающихся: им не хватает жизненного опыта, примеров из жизни, знаний по той или иной теме и др.

Иногда приходилось сталкиваться с ситуациями, когда обучающиеся совсем не понимали содержание аудиотекста. В этом случае обсуждение начиналось лишь после того, как преподаватель объяснит его содержание на иностранном языке.

Боязнь ошибиться является также причиной того, что обучающиеся с трудом привыкали к выполнению предлагаемой работы по прослушиванию и обсуждению текстов. Однако надо понимать, что это такой вид работы, где ошибаться нормально и естественно. В связи с этим важным этапом работы является обратная связь. В заключение каждый получал печатную копию прослушанного текста и свой индивидуальный лист оценивания, на котором преподаватель-собеседник фиксировал грамматические и лексические ошибки, незнакомые лексические единицы, которые выявлялись при собеседовании. Это дает возможность студенту в дальнейшем самостоятельно еще раз проработать тот материал, которым он владеет не в полной мере.

Главная задача и преимущество подобного вида работы в том, чтобы подтолкнуть обучающихся к использованию тех лексико-грамматических средств, которыми они уже владеют.

Важно при этом создавать соответствующую атмосферу, которая бы располагала к общению. Необходимо понимать, что при проведении такого вида работы обучающийся находится в состоянии небольшого экзамена, а само упражнение требует от него больших усилий и концентрации внимания: в течение 30 минут прослушать и понять аудиотекст, сделать соответствующие записи, продумать свое высказывание, адекватно реагировать на реплики собеседника и т.д.

Практика проведения такого вида работы в течение года показала очевидные изменения как в развитии языковых навыков студентов, так и в подходах к выполнению предлагаемых упражнений. Так, если при прослушивании первых текстов обучающиеся пытались понять мелкие детали, мало что понимали и больше обращали внимание на то, что не поняли. При этом общий смысл аудиотекста ускользал, а собеседование сводилось к тому, что они просто воспроизводили тот текст, который они смогли записать. Идея сконцентрироваться на том, что понятно, и сформулировать это пришла не сразу. Причина этого кроется в том, что студенты не привыкли к такого рода

работе. Между тем анализ результатов работы в течение этого года свидетельствует о явном прогрессе всех участников экспериментального обучения.

Использование данного вида работы способствовало также формированию умения избегать незнакомые слова и использовать все свои знания для объяснения, выражения своих мыслей, своего отношения и т.д.

Предлагаемая работа по прослушиванию и обсуждению аудиотекстов отличается от того, когда обучающиеся раскрывают на экзамене темы, которые они уже изучали на аудиторных занятиях. При выполнении заданий предлагаются тексты, лексика которых зачастую является специфичной.

Анализ полученных результатов позволяет нам сделать некоторые выводы о том, какие изменения необходимо было бы внести в методику работы с тем, чтобы повысить ее эффективность.

Первое изменение касается необходимости ознакомления обучающихся с речевыми клише, которые бы позволяли им выражать и отстаивать свое мнение.

Во-вторых, необходимо, чтобы эта работа имела свое продолжение. После работы в аудитории студенты должны иметь возможность вернуться к тексту: попытаться полностью понять его содержание, проработать незнакомые лексические единицы и грамматические структуры. Недостаточно дать просто текст, т.к. это воспринимается как дополнительная и необязательная работа, которую они выполняют после всех других заданий. Между тем речь идет о наиболее продуктивном виде работы. Один из способов решения этой проблемы видится в том, чтобы к итоговому занятию студенты подготовили содержание всех текстов, с которыми работали в течение семестра. Недостатком этого подхода является то, что эта работа не регулярна. Таким образом, задача заключается в том, чтобы сделать работу по детальной работе с текстами регулярной и целенаправленной при помощи соответствующих упражнений, которые заставили бы студентов осмысленно перечитывать тексты, обращая внимание на лексические и грамматические особенности.

Кроме того, обучающиеся должны иметь возможность прослушивать тексты дома, видя печатный вариант. Это, безусловно, является важным фактором для формирования навыков восприятия звучащей иноязычной речи.

Конечно, описанный подход зачастую и во многом был интуитивным, но он принес свои плоды не только студентам, но и преподавателям. Для студентов – это полученные знания и опыт спонтанного общения на изучаемом иностранном языке, для преподавателей – поиск путей совершенствования методики преподавания иностранных языков.

G. GUÉRIN
(Chateau-Thierry, France)
O. KAZENAS
(Kurgan, Russia)

LISTENING AS A WAY TO DEVELOP COMMUNICATION SKILLS IN A FOREIGN LANGUAGE (A POSTERIORI)

Abstract: Speaking a foreign language is impossible without the development of skills of audition of speech speaking of another language. This article examines listening as means of formation of speech skills. The proposed approach is based on observation and personal experience.

Keywords: methods of teaching foreign languages, listening, speaking, evaluation.

Г. ГЕРЭН
(Шато-Тьерри Франция)
О.А. КАЗЕНАС
(Курган, Россия)

ПРЕПОДАВАНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗА: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Аннотация: В статье формулируется ряд проблемных вопросов преподавания иностранного языка студентам неязыковых специальностей вузов и предлагаются способы их решения. Описываемый подход базируется на формировании навыков аудирования и устной речи.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, неязыковые специальности, аудирование, устная речь.

Работа по преподаванию иностранного языка студентам неязыковых факультетов вуза коренным образом отличается от работы со студентами, которые изучают иностранные языки на языковых факультетах прежде всего потому, что за 2 часа в неделю (одно занятие) в течение 2-3 лет обучения (в зависимости от направления подготовки) невозможно достичь тех же результатов, что и на языковом факультете. Поэтому представляется особенно важным определить цель преподавания иностранного языка на неязыковом факультете и те результаты, которые планируется достичь. В настоящее время цель состоит в том, чтобы научить студентов работать с текстами по специальности на иностранном языке и поэтому вся работа сконцентрирована на работе с текстами, языковое содержание которых иногда является достаточно сложным. При этом студенты испытывают значительные затруднения в коммуникации на иностранном языке. Наша задача заключается в том, чтобы разработать такую методику преподавания иностранного языка на неязыковых факультетах, которая способствовала бы развитию навыков восприятия устной иноязычной речи и коммуникации. Некоторые моменты были частично

апробированы в ходе работы на технологическом, педагогическом, экономическом и др. факультетах Курганского государственного университета.

Почему именно методика, которая способствовала бы развитию навыков восприятия устной иноязычной речи и коммуникации? На наш взгляд, цель изучения иностранного языка заключается в том, чтобы иметь возможность общаться с представителями иноязычной культуры. Конечно, понимание специальных текстов на иностранном языке является достаточно важным и этот аспект обучения нельзя исключать. Однако переориентация изучения иностранного языка в сторону развития навыков аудирования и устной речи не нанесет вреда. Напротив, то, что свойственно использованию иностранного языка в устной форме, может способствовать освоению синтаксических структур и тем самым выработке достаточно устойчивых автоматизмов. Кроме того, у студента может возникнуть желание создавать письменные тексты на иностранном языке.

Для того, чтобы студенты смогли говорить на иностранном языке, важны следующие моменты.

Одна из основных проблем – это боязнь ошибиться, что сопровождается отсутствием инициативы. Очевидно, что отсутствие мотивации вызвано тем, что студенты не всегда видят практическую значимость изучения хотя бы одного иностранного языка и недооценивают свои способности в овладении иностранным языком.

Для решения этой проблемы представляется необходимым изменить эти настроения посредством изменения организации самих занятий по иностранному языку.

Во-первых, несмотря на все трудности, занятие должно вестись только на иностранном языке независимо от уровня языковой подготовки студентов (речь идет об этом в связи с тем, что на первом курсе студентам предлагается изучение второго иностранного языка). Даже если на первых порах такое обилие иностранного языка может показаться сложным для студентов, в дальнейшем это должно позволить им овладеть первыми автоматизмами на иностранном языке и способствовать развитию их навыков восприятия устной речи, равно как и преодолению робости и боязни ошибиться. Безусловно, студенты будут делать много ошибок, но важно, чтобы они понимали, что это тоже неплохо и они не будут за это наказываться. Напротив, необходимо поощрять тех студентов, которые желают высказаться, составляя фразы на иностранном языке.

Речь не о том, чтобы все занятие проводилось только в форме дискуссии. Изучение грамматики иностранного языка остается необходимым компонентом для того, чтобы студенты могли овладеть базовыми грамматическими моделями для дальнейшей работы. Однако при этом объяснение грамматического материала должно иметь практическую направленность и использоваться в речи.

Преподавание иностранного языка один раз в неделю на неязыковых факультетах предполагает большой объем домашней подготовки с тем, чтобы достичь какого значительного результата. С другой стороны, поскольку

иностранный язык не является для них специальной дисциплиной, подходы к выполнению домашних заданий тоже должны быть скорректированы.

Как сделать выполнение домашних заданий по иностранному языку более эффективным? На сегодняшний день домашняя работа предполагает, главным образом, выполнение письменных упражнений. Однако составить текст на иностранном языке под силу только тем, кто достаточно хорошо владеет иностранным языком. В большинстве случаев текст составляется на русском языке и переводится с использованием электронных переводчиков. Такой легкий путь не дает изучающим иностранный язык ничего хорошего. Письменные задания следовало бы давать, будучи уверенными, что это не составит для них особого труда, как продолжение того, что они уже в состоянии выразить в процессе говорения. Домашние задания – достаточно важны при изучении иностранного языка, т.к. изучение иностранных языков в целом требует постоянного повторения. Поэтому представляется необходимым сделать так, чтобы домашняя работа была основана на повторении, на прослушивании, которое готовило бы студентов к занятию на иностранном языке, формировало бы автоматизмы. Для этой цели следует использовать аудиозаписи, которые преподаватель может сделать самостоятельно в соответствии с тем языковым материалом, с которым предполагается работать. Современные технические средства позволяют делать качественные аудиозаписи, равно как и прослушивать их. Такие аудиозаписи являются средством, облегчающим запоминание языкового материала, а так же способствуют формированию слухо-произносительных и ритмико-интонационных навыков. Кроме этого, это средство соединения устной речи с письменной. Таким образом, использование аудиозаписей в преподавании иностранного языка для студентов неязыковых факультетов вузов рассматривается нами как основное положение нашего подхода.

Можно ли обойтись без письменных заданий? Можно ли их заменить? Как сделать работу студентов эффективной?

Методика, которую хотелось бы реализовать, направлена на формирование навыков коммуникации, иначе говоря, умений понимать устную речь и говорить. Для этого необходимо, чтобы студенты овладели некоторыми синтаксическими конструкциями иностранного языка и выучили достаточное количество лексических единиц. Таким образом, предлагаемая методика основана на необходимости дать обучающимся как можно быстрее основы изучаемого иностранного языка, чтобы они могли на нем говорить.

У студентов всегда есть тенденция привязываться к своему родному языку, поэтому они просто переводят. Быть привязанным к родному языку неплохо, но обучающиеся должны понимать, как выразить на иностранном языке то, что они хотят сказать на своем родном языке. И все наши занятия построены по этому принципу: выразить на иностранном языке то, что хочешь сказать по-русски. Поэтому изучение синтаксиса иностранного языка, в нашем случае французского, является очень важным, т.к. синтаксис русского языка существенно отличается от французского. В нашем случае для введения грамматических конструкций мы использовали тексты. Однако тексты должны

составляться таким образом, чтобы постепенно вводить новые грамматические структуры.

Другим важным аспектом предлагаемого подхода является необходимость изучения тематических блоков лексики. Поэтому на каждом занятии предлагается для запоминания около 50 лексических единиц или выражений, контроль знания которых проводится регулярно. Эти списки слов также следует предлагать студентам в виде аудио-файлов.

Насколько важно начинать изучение иностранного языка с обучения чтению и посвящать этому большую часть времени занятия? На наш взгляд, чтение является одним из самых сложных аспектов обучения иностранным языкам, особенно это касается студентов неязыковых специальностей, которые не владеют международной системой фонетического письма и испытывают значительные трудности при овладении системой произношения иностранного языка. Чаще всего для этой цели они используют символы родного русского языка для обозначения близких звуков французского языка. Такой подход не дает им возможности овладеть в полной мере фонетической системой французского языка.

С другой стороны, наблюдения показывают, что через два года изучения французского языка студенты по-прежнему испытывают трудности в чтении. Основные трудности в овладении навыками чтения связаны не только с различиями фонетических систем, но и с большим количеством омонимов во французском языке. В качестве подтверждения можно привести хотя бы эту фразу: Unververtvaversunverrevert. И таких примеров много.

В связи с этим и возникают вопросы: «А почему начинать обучение надо именно с чтения?», «Почему бы не начинать с формирования навыков аудирования и устной речи?», «Можно ли найти такой способ обучения, при котором бы различные бы аспекты изучения языка дополняли бы друг друга?»

Начинать обучение, на наш взгляд, целесообразно с чтения и *многократного повторения текста с опорой на аудиоматериал*. Таким образом, обучающийся будет повторять и запоминать звуки иностранного языка такими, какие они есть. Одновременно с прослушиванием слов он будет читать тексты и запоминать, как эти звуки обозначаются графически. Отдельное занятие по правилам чтения и орфографии возможно несколько позднее, когда уже будут получены основные знания об изучаемом иностранном языке, для того, чтобы их систематизировать.

G. GUÉRIN
(Chateau-Thierry, France)
O. KAZENAS
(Kurgan, Russia)

TEACHING FOREIGN LANGUAGE TO UNIVERSITY STUDENTS OF NON-LINGUISTIC MAJORS: QUESTIONS AND ANSWERS

Abstract: The article discusses the problems associated with the teaching foreign languages

to students of non-language courses at universities and aims to propose ways to resolve them. The listening exercise and oral expression are the basis of the approach outlined.

Keywords: methods of teaching foreign languages, nonspecialists, listening, speaking.

М.А. ПОМАНИСОЧКА
(Курган, Россия)

ТОПОСЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭССЕ

Аннотация: Предмет исследования – обучение письменной иноязычной речи на факультете иностранных языков. Цель статьи – описать конкретные методические рекомендации для поиска идей, которые составили бы аргументирующую часть современного академического эссе гуманитарного плана. Статья также содержит свидетельства о том, что современный академический жанр во многом унаследовал традиции классической риторики.

Ключевые слова: академическое эссе, классическая риторика, топосы, аргументация, персвазивность.

Всякий топос, вводящий в раскрытие темы новый аспект,
объективно ведет к расширению речи.

Г.Г. Хазагеров¹

Культура академического эссе остается одним из важных методологических аспектов образовательной деятельности во многих странах. Для того, чтобы эта культура прижилась на нашей почве, российское научное сообщество прилагает немалые усилия. И приложение этих усилий совершенно оправдано, поскольку академическое эссе или, если воспользоваться термином В.Д. Аракина и его коллег, сочинение-рассуждение, обладает особым общеобразовательным потенциалом.

Одним из начал, благодаря которому в современном образовании сложилась культура академического эссе, является, безусловно, риторика, наука об искусстве красноречивой и убедительной речи, поэтому естественным кажется обращение к элементам риторики в обучении написанию этих композиций.

Наше понимание культуры академического эссе, заимствуемой, как и многое другое, с запада, обретет новые границы, если обратиться к книге «Теория риторики» видного отечественного ученого Ю.В. Рождественского; книга доступна в интернете по адресу: <http://evartist.narod.ru/text7/29.htm>. Ю.В. Рождественский утверждает, что на сегодняшний день правильно учитывать три всеобъемлющих направления в развитии и применении риторики. Во-первых, это современная гомилетика и риторика профессионального сотрудничества, которую, исходя из этоса и географии развития, следует именовать протестантской риторикой. Во-вторых, это

¹ Хазагеров Г. Г. «Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс» <http://www.khazagerov.com>

рациональная риторика, норма и узус научного дискурса; данное наименование этот вид риторики заслужил, потому что философия рационализма – один из главных источников современной науки. И, в-третьих, это, наконец, обучение «искусству слова» или учебная риторика.

Интересным и полезным явится изложенный в этой книге краткий экскурс в историю развития научной и учебной риторики в США. Ю.В. Рождественский предлагает считать началом североамериканской научной риторики появление и развитие метода и теории контент-анализа в начале XX века. Использованный изначально для определения авторских прав во время судебных тяжб, этот метод давал возможность исследовать «общий смысл речевых произведений» одного или ряда авторов благодаря определению «статистических корреляций частот встречаемости разных слов в определенном тексте или группе текстов». Со временем, будучи «инструментом направленного исследования движения содержания в больших массивах текстов», этот вид анализа эмпирического материала нашел применение при обследовании потребностей потребителя на рынке товаров и услуг, на нем строятся опросы общественного мнения.

Следующим шагом в развитии научной риторики стали исследования о воздействии речи на аудиторию, что, в свою очередь, привело к формированию нового научного направления, теории коммуникации. Ее предназначение Ю.В. Рождественский видит в изучении особенностей восприятия речи рецептором и исследовании путей достижения ее доступности, а одним из верных способов в обретении эмпирических данных следует считать факторный анализ, позволяющий преодолеть трудности в коммуникации и придать речи «смысловую доходчивость». Этот вид анализа призван также помочь в адаптации плана выражения и плана содержания, исходя из готовности аудитории к рецепции.

На фундаментальный принцип современности, на право на выбор ориентирована этика сотрудничества говорящего или пишущего со своей аудиторией в трактовке северо-американской риторики. За автором признается право на выбор, о чем говорить или писать, кому адресовать свою рассчитанную на понимание речь, а также «честное представление альтернатив своему предложению (в условиях совещательной речи)». В равной степени за аудиторией сохраняется право выбора, считать ли эту речь заслуживающей восприятия и доверия.

Эта диалогичность отношений автора речи и аудитории стала частью прикладной педагогики в школе и университете. Стремление обучить умению составлять членораздельную речь, насыщенную размышлениями и разумной аргументацией этих размышлений, воплотилось в школьных программах в виде таких предметов как «Speech» – «Речь», в уроках композиции и рецитации. Составным аспектом этой практики является формирование умений дискутировать и организовывать дискуссии. Программы старших классов средних школ включают дисциплину «Speech communication». Курсы теоретической и практической риторики, подчиненные уже предполагаемым

профессиям вместе с риторикой научной речи – неотъемлемая часть университетского образования в США.

Хотя учебная риторика возвращается в практику преподавания в российских школах и вузах [3], полноценное обучение основам этого искусства остается у нас благим желанием. Как следствие, для школьников и студентов пространственный монологический дискурс с логической и риторической аргументацией, да и еще в виде письменной композиции, оказывается культурным шоком, а для тех, кто пишет академические эссе на иностранном языке, этот шок обостряется кросс-культурной его природой. Поэтому обучение написанию этих сочинений необходимо считать дидактической проблемой, заслуживающей основательной подготовки. Обзор научной и методической литературы далеко не всякий раз дает готовые рецепты о том, как создать условия для успешного развития этой особой и весьма полезной учебной деятельности.

Традиционная композиционная схема академического эссе, предлагаемая в пособиях и рекомендуемая преподавателями, строго регламентирована. Второй этап написания (первый достаточно подробно описан в статье «Методика подготовки к написанию академического эссе» [5]), предполагает создание чернового текста. В ходе его выполнения автор размещает в нем найденные и сформулированные идеи, снабжает их логически и содержательно подобранной аргументацией, дополняет вступлением и заключением. Он ищет способы придать своему тексту доступность восприятия и связанность между отдельными высказываниями, чаще именуемые в наше время когерентностью и когезией.

Пособие «New Directions. An Integrated Approach to Reading, Writing, and Critical Thinking» П. Гарднера советует начать вступление к эссе с создания эффекта ожидания [8]. Автору предлагается задуматься над тем, как привлечь внимание читателя, как его заинтриговать читателя. В его распоряжении даются подсказки, как это сделать:

- 1 Задать провокационный вопрос, связанный с темой эссе;
- 2 Начать с привлекающей внимание цитаты;
- 3 Написать противоречивое утверждение;
- 4 Дать свое определение одному из основных понятий эссе;
- 5 Привести небольшой рассказ или шутку, желательно из собственного опыта;
- 6 Описать общее распространенное убеждение и опровергнуть его неожиданным образом;
- 7 Представить неожиданный факт или статистические данные;
- 8 Начать с аналогии, то есть привести неожиданное сравнение.

Авторы пособий единодушны в том, что завершить вступление должна постановка проблемы, часто ее называют тезисом, поскольку привычное английское наименование этого предложения – *thesis statement*. Это должно быть «одно предложение, сообщающее вашему читателю основную идею вашего эссе, ваше отношение и вашу цель» [8].

Необходимо заметить, наши студенты не склоны создавать развернутых вступлений и стремятся поскорее перейти к тезису. Вместе с тем, преподаватель может рекомендовать внести в введение справочную информацию исторического или научно-популярного характера, обозначить полезность и/или важность своего сочинения. Очень важным представляется не ограничить в данном случае пишущего какими-то рамками, а посоветовать ему сделать свое вступление одновременно интересным для читателя и выигрышным для автора. Для того, чтобы автор воспользовался приведенными выше подсказками, мы составили из них проверочный лист, немного дополнив его:

Checklist

Introduction	Tick here if it is true
Make sure you have used one of the following ways to engage your readers' attention: Have you asked a provocative question that relates to your main idea? Have you used an engaging quotation? Have you made a controversial statement? Have you defined in your own words an important term in the essay? Have you stated a common belief and then declare a contrary view? Have you provided an unusual fact or statistic?	
Have you laid down a brief background describing social/economic/cultural/historical significance of the subject you chose to study? Have you included a short story involving personal experience?	
Have you included a thesis statement at the end of your introduction that tells your reader what you are going to prove to your reader?	

У автора к этому времени работы над эссе уже ряд имеется суждений, которые станут заглавными высказываниями его абзацев. Правильность или правдоподобие этих высказываний он призван доказательно аргументировать, каждое в своем абзаце. Соблюдая академическую традицию, равно как и риторическую традицию публичных выступлений в англоязычной культуре, именно с них рекомендуется начать новый абзац. Номинация этих предложений неизменна, их именуют *topic sentences*, а мы позволим себе назвать их зачином.

Вопрос, как доказать правоту приведенных в заглавных суждениях идей, заслуживает особого внимания, потому что эвристика этих частей эссе и являет основную трудность в написании эссе.

В пособиях предложения, составляющие доказательную аргументацию, чаще всего обозначаются как «support sentences»¹; считается, что этих предложений в каждом абзаце должно быть несколько.

Один из подходов к написанию полноценного абзаца предполагает создание несложной иерархии из доводов нескольких уровней. Доводы первого уровня есть высказывания, непосредственно поддерживающие зачин. Те предложения, которые послужат доказательством и развитием доводов первого уровня, соответственно, составляют второй уровень аргументов, и так далее [7].

Скажем, абзац посвящается трудностями, переживаемым семьями с одним родителем. Уместно отметить, что идея этого абзаца позаимствована у П. Комаровой, студентки группы 421 филологического факультета, приводится и развивается с ее разрешения. Зачин: чаще, чем семьи, где имеются оба родителя, семьи с одним отцом или одной матерью располагают меньшим достатком, и дети из этих семей в полной мере ощущают это.

Предложение-опора первого уровня: Дети в этих семьях не могут похвастаться одеждой из дорогих бутиков.

Предложение-опора второго уровня: Они вынуждены довольствоваться изделиями от производителей с труднопроизносимыми названиями из Китайской народной республики.

Предложение-опора первого уровня: Даже поход или поездка в школу свидетельствует об отсутствии социальной справедливости.

Предложение-опора второго уровня: В то время, когда их сверстников утром доставляют в школу на дорогих внедорожниках, кроссоверах и паркетниках, они прибывают к началу уроков в небольших авто семейного класса, или занимают свободное пространство в транспортном средстве общего пользования, или совершают столь полезную для здоровья утреннюю прогулку.

Этот простой способ организовать содержание абзаца не исключает возможности сделать это иным образом. Пособия по развитию письменной речи рекомендуют следующие модели аргументации: распространное определение, классификация, сравнение и/или противопоставление, описание процесса и рассмотрение причинно-следственных связей исследуемого феномена² [10]. Каждый из этих шаблонов может составить основу содержания абзаца, однако это не исключает употребления их элементов в разных абзацах.

Для каждой из этих моделей имеется набор из стандартных шаблонных предложений и вводных слов и сочетаний, облегчающих демонстрацию логической связанности текста. То, какой шаблон автор эссе выберет, зависит от целей и задач, которые он ставит перед собой, от того, для кого он создает свою композицию, и от того, что за средства имеются в его распоряжении.

Каждая из этих моделей предъявления аргументов обладает своим особым планом содержания. Так, модель «распространное определение» предполагает упоминание и описание видовых и родовых качеств

¹ support sentence – предложение-опора, таким может быть перевод этого словосочетания, если стремиться передать его семантику почти дословно. «Support» – лексема многозначная, наиболее востребованным соответствием оказывается «поддержка», другие вероятные соответствия – «опора», «помощь», «обеспечение».

² Английские соответствия этих видов организации плана содержания имеют следующую номинацию: extended definition, classification, comparison and/or contrast, process description, causes and effects.

рассматриваемого феномена, оценочные рассуждения о нем с позиций общепринятого или собственного восприятия, его месте в иерархии ценностных сущностей, извлечение практической пользы при его применении.

И.Н. Минеева в статье «Академическое эссе: теория и практика жанра» дает следующее определение: «Академическое эссе является одним из научных жанров наравне с курсовым и дипломным (квалификационным) проектами, статьей, рефератом, конспектом, аннотацией к статье, рецензией, докладом. Работа над научным эссе заставляет обучающегося «систематически порождать связные тексты по изучаемому предмету»; <...> помогает освоить язык данной предметной области и выработать навыки академической «грамотности»; <...> развивает межпредметные и междисциплинарные связи, исследовательские и коммуникативные компетенции ...» [2].

Эти модели аргументации по своей сути – наследие классической риторики, не что иное как топосы или топы, описанные Аристотелем [1]. В нашей литературе топосы часто вслед за М.В. Ломоносовым называются общими местами, потому что «в <...> риторике речь (речевое произведение) представляла как «карта местности», на которой каждая идея, каждое подразделение темы имело свое положение ...». «Общими эти смысловые модели названы по причине их «модельной», а значит обобщающей природы». У Аристотеля в «Риторике» исследователи находят 38 топов, включающих 28 силлогизмов и 10 энтимем. У М.В. Ломоносова топов 16. У Н.Ф. Кошанского – 24 способа изобретений: (1) причина, (2) сравнение, (3) подобие, (4) пример, (5) свидетельство, (6) обстоятельства, (7) уступление, (8) условие, (9) противное, (10) время, (11) место, (12) признаки, (13) качества, (14) принадлежности, (15) свойства лиц, (16) свойства бездушного предмета, (17) действие и страдание, (18) имя, (19) целое, (20) части, (21) род, (22) вид, (23) определение, (24) следствие [4].

Предлагаемые в современных изданиях модели выгодно отличаются от моделей своих предшественников тем, что объединяют ряд топосов с более простым планом содержания в более крупные логические конструкты. Именно им следует отдать предпочтение для применения в учебном процессе. К примеру, в учебном пособии для обучения письменной речи Лори Дж. Кирзнер и Стивен Р. Мэнделл рекомендуют научиться в доказательной части письменных работ прибегать к созданию нарративов, описания, приведению дефиниций и примеров, характеристике развития, указанию причин и следствий, созданию классификаций и категоризации [9].

Плановая работа по обучению написанию академического эссе видится чрезвычайно полезной; она поддается проектированию, располагает к использованию разнообразных и уместных методик, процедур и приемов. Ее ценность, если речь идет об иностранных языках, многократно повышается, поскольку она создает хорошие предпосылки для лучшего освоения изучаемого языка и культуры, достижения многих общих и специфических компетенций, подробно описанных в наших рабочих программах.

На первый взгляд может показаться, что применение шаблона, как в нашем случае, и инвенция или изобретение, а именно так трактуется эта фаза риторического канона, не имеют между собой ничего общего. На деле, описываемые процедуры поиска и обретения доказательств к тезису во многом повторяют алгоритмы познавательных процессов, составляя неотъемлемую часть эвристических методов упорядоченного научного изучения и освоения мира. К несомненным достоинствам этого вида учебной работы следует отнести то обстоятельство, что создание полноценного очерка-рассуждения есть научное исследование в миниатюре. Следует отметить также, что многие из наших коллег видят свои задачи далеко за пределами нашей скромной цели научить студентов грамотно писать эти композиции. Они способствуют разумному перенесению этих традиций, видя в этом один из залогов успешного участия отечественных ученых в мировой науке.

Список литературы

- 1 Аристотель Поэтика. Риторика. – Азбука, СПб. – 2014. – С. 75.
- 2 Минеева И. Н. Академическое эссе: теория и практика жанра. – 2015. URL: <http://cyberleninka.ru> (дата обращения: 3.03.2016 г.).
- 3 Ипполитова Н. А. Методика преподавания риторики. – М. – 2014. – С. 51.
- 4 Архипова Л. В. Риторика монолога. – СПб. : Химера. – 2002. – С. 126.
- 5 Поманисочка М. А. Методика подготовки к написанию академического эссе // Язык. Коммуникация. Методика преподавания : сб. научных трудов. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – С. 58-65.
- 6 Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика. – Ростов-на Дону, 2008.
- 7 Hacker Diana Rules for Writers // Bedford Books of St. Martin's Press Boston. – P. 80.
- 8 Gardner Peter S. New Directions. An Integrated Approach to Reading, Writing, and Critical Thinking. – Cambridge University Press. – 1998. – P. 234-240.
- 9 Kirszner Laurie G., Mandell Stephen R. Patterns for College Writing. Bedford / St. Martin's. Boston, New York. – 2012. – P. 52.
- 10 Reid, Joy M. The Process of Composition. Longman. Third Edition. – P. 79.

M. POMANISOCHKA
(Kurgan, Russia)

ΤΟΠΟΙ IN ACADEMIC ESSAY

Abstract: The framework of the research is teaching writing to the students who major in foreign languages. The purpose of writing this article was to present specific recommendations that would facilitate the process of finding solid arguments for academic essays so that students' discourse would be properly persuasive. Another purpose was to articulate that the heuristics of modern academic essay is deeply rooted in the classical rhetorical tradition of Europe.

Keywords: academic essay, classical rhetoric, topos (pl. topoi), persuasion, arguments.

Е.И. ПОРУНЦОВА
(Санкт-Петербург, Россия)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И КОРРЕКТИРОВКА ТИПИЧНЫХ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ОШИБОК МОНГОЛОГОВОРЯЩИХ УЧАЩИХСЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ НА УРОВНЕ ТРКИ-1

Аннотация: В статье перечислены типичные ошибки монгологоворящих учащихся при усвоении ими базового уровня владения русским языком, указаны причины этих ошибок и намечены некоторые возможные пути их предупреждения и корректировки. Грамматические системы двух языков имеют свои сходства и различия, порождающие явления интерференции и транспозиции. Их учёт может помочь правильно распределить учебное время и уделить больше внимания тем языковым трудностям, которые встречаются вследствие явлений интерференции.

Ключевые слова: монгологоворящие учащиеся, интерференция, транспозиция, базовый уровень, типичные ошибки, сопоставительное исследование, монгольский язык, русский язык, падежи.

Монгологоворящие учащиеся, приезжающие в Россию и изучающие русский язык на подготовительных факультетах вузов России, встречаются с одними и теми же языковыми трудностями вследствие того, что их родной монгольский язык оказывает влияние на восприятие и усвоение русского языка и порождает явления интерференции. Под интерференцией в методике преподавания русского языка как иностранного понимается отрицательный перенос явлений родного языка на изучаемый язык [2, с. 29]. Следствием подобного переноса является возникновение типичных ошибок, встречающихся в процессе обучения русскому языку у большинства монгологоворящих учащихся. Цель данной статьи – кратко охарактеризовать типичные ошибки монгологоворящих при усвоении ими базового уровня владения русским языком, указать на причины этих ошибок и наметить возможные пути их предупреждения и корректировки.

Как показали результаты зачёта, проведенного после прохождения учащимися базового уровня обучения, самыми типичными ошибками монгологоворящих учащихся оказываются следующие:

- 1) ошибки в склонении имён прилагательных, местоимений и имён существительных (*наулица, мне зовут, о театр*);
- 2) ошибки в согласовании рода имён существительных и прилагательных, стоящих в одном словосочетании (*свободный время, маленький семья*);
- 3) опущение предлогов (*играть шахматы, играем баскетбол*).

Для лучшего понимания причин возникновения ошибок необходимо обратиться к грамматике монгольского языка в ее сопоставлении с русской грамматикой и кратко охарактеризовать ее особенности. В 1975 году монгольский лингвист С. Галсан провел сопоставительное исследование грамматических и фонетических систем русского и монгольского языков. В своём труде учёный отмечает, что категория склонения имён существительных в русском языке значительно сложнее, чем в монгольском. В русском языке она

связана с категориями рода, числа или только числа. Ошибки в согласовании рода существительного и прилагательного в одном словосочетании объясняются тем, что в монгольском языке отсутствует категория грамматического рода. Когда учащиеся расширяют свой словарный запас, они вместе с существительным должны запомнить его род, тренироваться в согласовании существительных и прилагательных и продолжать эту работу на протяжении всего процесса обучения на базовом уровне владения языком.

Семантическое содержание падежных форм русского и монгольского языков имеет сходства и отличия. В процессе преподавания можно опираться на сходства для облегчения усвоения материала, затрачивая меньше времени, и больше внимания уделять тому материалу, который связан с отличиями в языках, то есть учитывать явления интерференции и транспозиции. Сходства и явления транспозиции – это наши помощники в преподавании. Различия и явления интерференции – это источники трудностей.

Интерференции не будет наблюдаться при усвоении учащимися форм родительного падежа, связанных со значением притяжательности. Эти формы и их значения эквиваленты в обоих языках.

Трудностей будет немного и при изучении творительного падежа в значении инструмента. Между орудным падежом монгольского языка и творительным падежом русского языка наблюдается полная аналогия, когда обозначается орудие действия.

При введении дательного падежа может быть транспозиция. В процессе преподавания можно опираться на глаголы: писать, помогать, показывать, советовать, давать, мешать, завещать. В монгольском языке с этими глаголами тоже используются имена существительные в форме дательного падежа.

Труднее обстоит дело с формами дательного падежа в конструкциях с безличными глаголами и модальными словами (мне нравится гулять, ему холодно). В таких конструкциях монгологоворящие учащиеся могут написать «он нравится играть», «они можно отдохнуть». Эти ошибки связаны с тем, что в монгольском языке в подобных конструкциях используется именительный или родительный падеж.

Сильное расхождение и сопутствующая ему интерференция будут в том случае, когда русский творительный падеж встречается в страдательных конструкциях. В монгольском языке нет похожих аналогий.

Большую работу придётся провести при введении и закреплении форм и значений винительного падежа, так как в монгольском языке различие одушевленности/неодушевленности не выражается грамматически.

Такая ошибка, как опущение предлогов перед именами существительными и словосочетаниями, объясняется тем, что в монгольском языке редко используются предлоги. Основное грамматическое значение берёт на себя суффикс, стоящий в конце слова. Учащимся следует выполнять большое количество упражнений, в которых основной фокус внимания сосредоточен на работе по вставке и активному использованию, а также различению предлогов, используемых с именными словами и словосочетаниями в разных падежах.

Склонение прилагательных у монгологоворящих учащихся вызывает много трудностей в связи с тем, что имена прилагательные при существительных в монгольском языке являются независимой и неизменяемой частью речи [1, с. 116-152].

Таковы основные типичные ошибки монгологоворящих учащихся при усвоении ими базового уровня владения русским языком, их причины и некоторые возможные пути предупреждения и корректировки. Материалы сопоставления русского и монгольского языков редко используются современной методикой, несмотря на то, что учёт особенностей грамматической и фонетической систем языков, явлений интерференции и транспозиции очень помогает в процессе преподавания русского языка как иностранного монгологоворящим учащимся.

Список литературы

- 1 Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков (Фонетика и морфология). – Улан-Батор, 1975.
- 2 Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 2003.
- 3 Kullman R., Tserenpil D. Mongolian Grammar. – Ulaanbaatar, 2008.

E. PORUNTSOVA
(Saint-Petersburg, Russia)

PREVENTION AND CORRECTION OF COMMON LEXICAL AND GRAMMATICAL MISTAKES OF MONGOLESE- SPEAKING STUDENTS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO TRKI-1 LEVEL.

Abstract: The paper puts the case for common mistakes being made by Mongol-speaking students during their study on the Elementary level of Russian as a foreign language. The reasons for making the mistakes are shown and an outline of their anticipating and correction is provided. Grammar systems of the both languages have similarities and differences, which in turn generate phenomena of interference and transposition. Consideration of those can help the teacher adjust the curriculum and pay more attention to the trouble students have due to the interference.

Keywords: mongol-speaking students, interference, transposition, Elementary level, Russian as a foreign language, common mistakes, comparative study, the Mongol language, the Russian language, cases.

Л.Н. ШИХАРДИНА
(Курган, Россия)

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ЛИЧНОСТНОГО КАЧЕСТВА

Аннотация: В статье рассматривается модель формирования межкультурной толерантности как личностного качества. Предложенная модель подтверждает гипотезу о том, что культура межнационального общения формируется на стыке этничности и толерантности. Осуществлен анализ особенностей формирования межкультурной компетенции.

Ключевые слова: межкультурный диалог, национальная культура, межкультурная толерантность, аксиологический потенциал.

Проблемы межкультурного диалога в процессе изучения иностранных языков в последние десятилетия активно обсуждаются лингвистами, представителями педагогической науки, преподавателями высшей и средней школы. Различные аспекты формирования межкультурной компетентности (аксиологические, гносеологические, содержательные, методические) представлены в работах Е.М. Верещагина, В.С. Библера, Е.И. Пассова, В.В. Воробьева, Р.К. Миньяр-Белоручева, С.Г. Тер-Минасовой, Г.В. Елизаровой, Э.П. Шубина, И.А. Зимней, В.В. Сафоновой, И.С. Соловьевой и других. Позитивный опыт адаптации молодежи к жизни в мультикультурной среде обобщен в литературе, издаваемой французским методическим центром BELG. Всё это создает теоретический и эмпирический фундамент для построения предлагаемой модели формирования межкультурной толерантности как личностного качества.

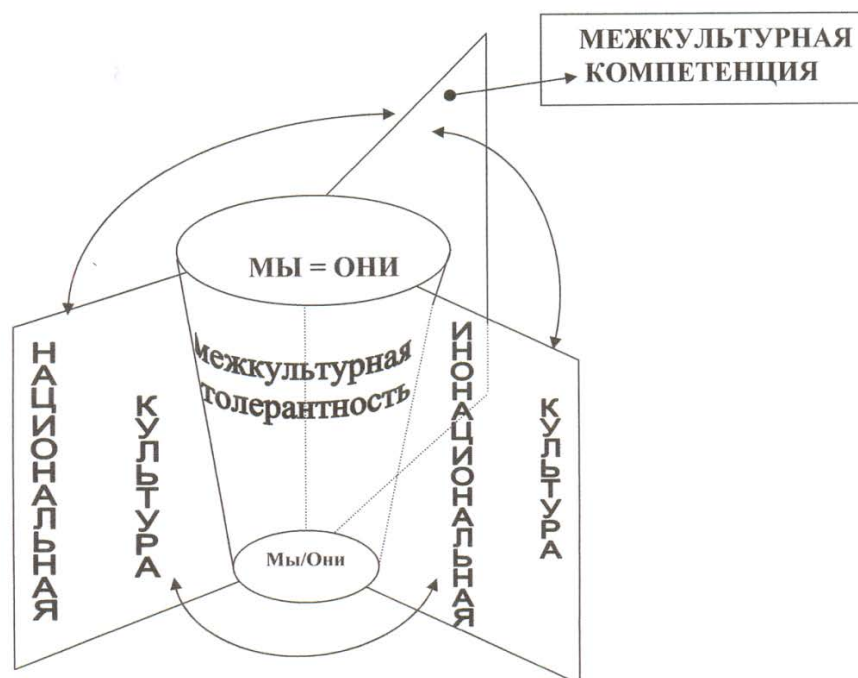

Рисунок 1 – Модель формирования межкультурной толерантности

Моделирование как метод познания находит широкое применение в различных науках. В логике и методологии модель понимается как «аналог (схема, структура, знаковая система) определенного фрагмента природной или социальной реальности, порождения человеческой культуры, концептуально-теоретического образования и т.п. – оригинала» [1, с. 382].

Представленная теоретико-методологическая, структурная и графическая модель (рисунок 1) обладает достаточной информативностью в силу своей адекватности отображаемой теоретической концепции. Поскольку всякая модель упрощает оригинал, выделяя конечное количество его связей и отношений, данный объект исследования может быть представлен и иными моделями. Какие стороны и свойства объекта переносятся на его модель, а какие остаются вне пределов внимания, зависит от целей моделирования.

Данная модель имеет своей целью определить то пространство межкультурного диалога, на котором возможно органично соединить достоинство этнического самосознания, отказ от этностереотипов, знание и уважение самобытности иной языковой культуры.

Под культурой в предложенной модели понимается социокультурный феномен, маркированный теми или иными акцентами в системе ценностных ориентиров [2], что позволяет вписать процесс изучения иностранного языка в парадигму личностно-ориентированного обучения. Интериоризация объективного аксиологического потенциала культуры превращает его в субъективный личностный потенциал. Аксиологический потенциал личности – это совокупность её ценностных ориентаций, реализованных возможностей в саморазвитии, самореализации, системообразующий элемент в структуре личности [3].

На линии демаркации двух культур страноведение, лингвострановедение, лингвокультурология в диалектическом единстве их контекстных компонентов и методических функций, выступая в качестве пространства диалога в процессе изучения языка иной культуры, открывают шлюзы, сооружают мосты для взаимопонимания, задают вектор, характеризующий не только направленность данного процесса, но и динамику его целей.

Данная модель (рисунок 1) демонстрирует, что межкультурный диалог может быть эффективно использован в формировании собственной этнической принадлежности и одновременно уважения ценности этнической и культурной принадлежности носителей чужого языка, иными словами, национальной идентичности и толерантности, открытости другим культурам.

Эти ценности в сознании личности взаимопредполагают и взаимоисключают друг друга. Национальная идентификация с позиции социологического анализа выступает как единство приобщения и обособления. Пробуждение, развитие, сохранение национального самосознания невозможно без осознания отношения «мы» и «они». Национальное самосознание постоянно подпитывается непохожестью «своего» и «чужого». Характер этого сопоставления может различаться соотношением иррационального, эмоционального и рационального.

В чужой культуре может быть обнаружено нечто привычное, знакомое, но в ином национальном облики. Эмоционально это создает чувство уверенности, обыденности, причастности к общечеловеческим ценностям. В этом случае «свое» и «чужое» поддерживают друг друга. Чем больше таких совпадений, тем выше уровень взаимопонимания и плодотворнее диалог.

Существуют ситуации, когда «чужое» не похоже на своё, что продуцирует настороженное, опасливое отношение к нему. В процессе обучения иностранному языку как средству вхождения в «чужую» культуру существует весьма эффективный методический приём, направленный на преодоление взаимного непонимания и недоверия. Владение говорящими на разных языках фоновыми знаниями является обязательным условием реализации любого коммуникативного акта.

Собственно страноведческими фоновыми знаниями в лингвострановедении считаются те, что связаны с национальной культурой и отсутствуют у иностранцев [4, с. 210]. Например, в русском языке выражение «целую тебя», сказанное при прощании, по сути, есть пожелание целостности, невредимости. Во французском «baiser» (поцелуй) и «embrasser» (целовать) не имеют ничего общего со значением цел и невредим, зато в разговорном языке приобретают значение «облапошить», «обдурить», скорее всего, как напоминание о поцелуе Иуды. Заполнение лакун (безэквивалентных лексических единиц) облегчает взаимопонимание, снимает языковые барьеры, позволяет судить о степени проницательности языковой культуры для инокультурных влияний. Так в современной Франции на официальном уровне существуют преграды для использования англоязычных синонимов собственно французских понятий. Прежде всего, регламентируется лексика публичных общественных деятелей, журналистов, телеведущих.

Может иметь место категорически отрицательное, негативное отношение, при котором исключается вероятность и целесообразность общения с носителями чужой культуры. Эмоциональным фоном подобного отношения становится подозрительность, враждебность. Стремление уничтожить «чужое» ради «своего» с необходимостью влечет за собой обоюдоеопасное разрушение и другого, и самого себя. Межкультурный диалог при изучении иностранных языков следует использовать как инструмент формирования ценностной установки на равноправный диалог языков и культур. Эта ориентация выполняет интегрирующую функцию по отношению к сознанию и поведению культурной личности. Академик Д.С. Лихачев писал, что «национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны» [5, с. 118].

Насыщение преподавания иностранного языка лингвокультурологическим контентом с очевидной аксиологической составляющей представляет возможность становления не только когнитивного аспекта межкультурной компетенции, но и её психологического и этического содержания.

Предложенная модель (рисунок 1) подтверждает гипотезу о том, что именно на стыке этничности как результата самоидентификации и толерантности как отношения к другим обнаруживается и формируется культура межнационального общения [6, с. 14]. В случае столкновения, противоречия этих двух ценностей её уровень снижается и соответственно повышается вследствие их позитивного взаимовлияния. Ни обнаружить, ни сформировать эффективную межкультурную компетентность внутри собственно национального невозможно: всякий человек является культурным, только если открыт ценностям иных культур. Этот тезис В. Франкл сформулировал следующим образом: «Если человек хочет прийти к себе, его путь лежит через мир» [7, с. 120].

Пространство межкультурного диалога может быть расширено, а его эффективность усилена за счет аксиологизации его содержания на основе

приоритетности аксиологического критерия при отборе лингвострановедческой учебной информации. В этом случае межкультурная компетенция реализуется как высшее проявление компетенции языковой. Данный вывод свидетельствует об эвристической ценности предлагаемой модели, её способности не только адекватно отображать, замещать объект исследования, но и давать о нем новую информацию.

Вместе с тем, следует признать, что моделирование – непрерывный процесс, как правило, не исчерпывающийся единственной, обособленной моделью. Это, скорее, последовательная разработка серии дополняющих друг друга моделей, что гарантирует возрастающее приближение модели к лежащему в её основе оригиналу.

Список литературы

- 1 Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983.
- 2 Гуревич Т. М., Изотова Н. Н. Лингвокультурология. Модуль 5. – М. : МГИМО-университет, 2013.
- 3 Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М. : Политиздат, 1988.
- 4 Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М. : Русский язык, 1990.
- 5 Лихачев Д. С. Избранные работы. – Л. : Художественная литература, 1987.
- 6 Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. – Братислава, 1999.
- 7 Франкл В. Человек в поисках смысла. – М. : Прогресс, 1990.

L. SHIHARDINA
(Kurgan, Russia)

MODEL OF BUILDING INTERCULTURAL TOLERANCE AS A PERSONAL QUALITY

Abstract: The article discusses the model of intercultural tolerance formation as the personality trait. This model confirms a hypothesis that the culture of interethnic communication is formed at the interface of ethnicity and tolerance. The author analyses the characteristics of the development of the intercultural competence.

Keywords: intercultural dialog, ethnic culture, intercultural tolerance, axiological potential.

ОБ ОТБОРЕ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБЩЕНИЮ

Аннотация: Проблема отбора текстов для обучения профессионально ориентированному общению является актуальной при обучении языку для специальных целей. В центре внимания – жанр медицинских текстов.

Ключевые слова: профессионально ориентированное общение, язык для специальных целей, жанр.

Вопрос об отборе текстов на иностранном языке для обучения профессиональному общению в медицинском вузе стоит особенно остро.

К сожалению, обучение языку для специальных целей до сих пор остаётся не совсем удовлетворительным. Об этом свидетельствует дефицит медицинских специалистов, владеющих определённым регистром иностранного языка, необходимым для профессионального общения. Эту сложную проблему можно решить только в совокупности с учётом всего комплекса теоретических и практических задач.

Как известно, ключевыми аспектами при отборе текстов для обучения профессионально ориентированному общению являются понятия «профессиональная ориентация» и «жанр», связанные с коммуникативно-прагматическим употреблением языковых средств.

Жанровые формы представляют собой относительно устойчивые темы высказываний [1].

Систематизацией жанров с профессиональной точки зрения занимались как отечественные, так и зарубежные учёные. Мы придерживаемся мнения, что жанр может поддержать процесс структурирования информации и организовывать коммуникативное пространство. Кроме того, жанр связан с образцами речевого поведения.

Жанроцентрический подход делает возможным выделить профессионально ориентированные жанры, обеспечить коммуникацию как между специалистами, так и между специалистами / неспециалистами. Выделение профессионально ориентированных жанров делает возможным обучение медицинской терминологии с целевым указанием сфер применения: 1) медицинские работники используют в межличностном взаимодействии узкоспециальную терминологию и профессионализмы, которые известны только данным участникам профессионального взаимодействия (gastritis – гастрит, nephritis – нефрит, biopsy – биопсия, cardiogram – кардиограмма); 2) при общении специалист/неспециалист используется в основном общеупотребительная лексика (pain – боль, patient – пациент, laboratory – лаборатория, grippe – грипп).

При отборе текстов для обучения профессионально ориентированному общению важно опираться на коммуникативно-прагматические критерии. Коммуникативно-прагматические критерии несут в себе информацию: а) о возможностях разнообразия медицинских текстов с учётом большой аргументиро-

ванности; б) о характеристике аудитории (специалисты: хирурги, терапевты, акушеры, неспециалисты); в) о канале получения информации: инновационные масс-медиа, печатные издания.

При комплектации медицинских текстов аргументированного характера необходимо отбирать оценочную лексику, специфические синтаксические конструкции, а при использовании текстов, которые репрезентируют медицинский дискурс, – клишированные устойчивые словосочетания. Продуктивные единицы должны включать: 1) заимствования; 2) интернациональную лексику; 3) языковые единицы, принадлежащие разным структурам (лексемы, фразеологизмы); 4) единицы, требующие дополнительного комментария и поиска в интернете. Жанроцентрический подход способствует разработке такой системы критериев, которые соответствуют целям профессионально ориентированного общения.

Коммуникативный аспект данного подхода обеспечивает соответствие обучения реальной и виртуальной ситуациям общения, а прагматический аспект стимулирует отбор адекватных языковых средств, необходимых для решения практических задач, учитывая специфику и разнопрофильность коммуникативной ситуации.

Список литературы

1 Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» // М. М. Бахтин «Собрание сочинений». – М. : Русские словари, 1997. – Т. 5. – С.159-206.

T. SHMELEVA
(Astrakhan, Russia)

ON THE SELECTION OF TEXTS FOR TEACHING PROFESSIONAL COMMUNICATION

Abstract: The problem of choice of material for professional communication language training is one of the urgent problems. Medical text genre is in the focus of attention.

Keywords: professional communication, language for specific purposes, genre.

Л.Н. ЮРКЕВИЧ
(Курган, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ АКМЕТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ МЕДИАКОМПЕТЕНТНОСТИ

Аннотация: В статье обосновывается необходимость оптимизации процесса обучения иностранному языку. В качестве средства оптимизации предлагается использовать акмеологический подход. В статье представлена технология формирования иноязычной медиакомпетентности в контексте акмеологического подхода.

Ключевые слова: оптимизация, акмеологический подход, акметехнология, иноязычная коммуникативная компетентность, иноязычная медиакомпетентность.

В постиндустриальном обществе по-новому встает вопрос об активном, мобильном субъекте деятельности, способном продвигаться к вершинам своего личностно-профессионального развития, осуществлять непосредственное и опосредованное (с помощью информационных технологий) профессиональное общение с носителями разных языков и культур. В процессе обучения иностранному языку (ИЯ) будущих субъектов деятельности возникает противоречие между современными требованиями к субъекту деятельности и дефицитом учебного времени. В этой связи одной из задач высшего профессионального образования становится оптимизация дидактического процесса, которая подразумевает определение путей достижения цели при минимальных затратах времени и наибольшей результативности обучения.

Для оптимизации процесса обучения студентов университета ИЯ необходимо опираться на закономерности, выявленные психологической наукой с тем, чтобы развитие личности осуществлялось не стихийно-эмпирически, а целенаправленно. За основу нашего исследования взят подход к личности Б.Г. Ананьева и представителей его научной школы.

Комплексный подход к человеку Б.Г. Ананьева отличается акцентом на проблеме взрослой личности, достижении ею вершин своего развития – «акме», раскрытии индивидуальности как высшего уровня развития. Идеи Б.Г. Ананьева о личности взрослого легли в основу современной научной дисциплины *акмеологии*, в рамках которой разработан методический инструментарий по изменению наличного состояния личности с целью его оптимизации либо самой личностью, либо с помощью акмеологической поддержки (акмеологический метод). Исследованиями научной школы Б.Г. Ананьева показано, что психофизиологические функции человека (восприятие, внимание, память, мышление, общий интеллект и др.) развиваются гетерохронно и достигают своего максимального развития в возрасте 19 лет, что соответствует возрасту студентов II курса университета. По мнению Б.Г. Ананьева, данный период жизни человека является оптимумом «сплетения органического и социального рядов», и он наиболее благоприятен для педагогического воздействия [1, с.18].

Данное положение было учтено нами при разработке структурно-функциональной модели формирования *иноязычной медиакомпетентности* студентов университетов в контексте акмеологического подхода [2]. По первоначальному замыслу вышеупомянутая модель должна была содействовать совершенствованию личности будущих субъектов медиасферы (журналистов), ведь именно в этой деятельности медиакомпетентность является высшим уровнем. Однако, учитывая процесс массовой информатизации общества, огромный объем иноязычного медиаконтента и важность осмысленного оперирования поступающей на ИЯ информацией, мы пришли к выводу, что владение иноязычной медиакомпетентностью, под которой понимается совокупность мотивов, лингвистических и экстралингвистических ЗУН, способствующих восприятию, анализу и интерпретации иноязычных медиатекстов, продуцированию собственных сообщений и передаче их на ИЯ в

различных формах и жанрах, выходит за рамки медиасферы и является метапредметной компетентностью.

В данной статье рассмотрим технологический компонент модели. Акметехнология формирования иноязычной медиакомпетентности студентов университета, рассматриваемая как комплексная личностно-ориентированная психолого-педагогическая технология в контексте акмеологического подхода, представлена на рисунке 1.

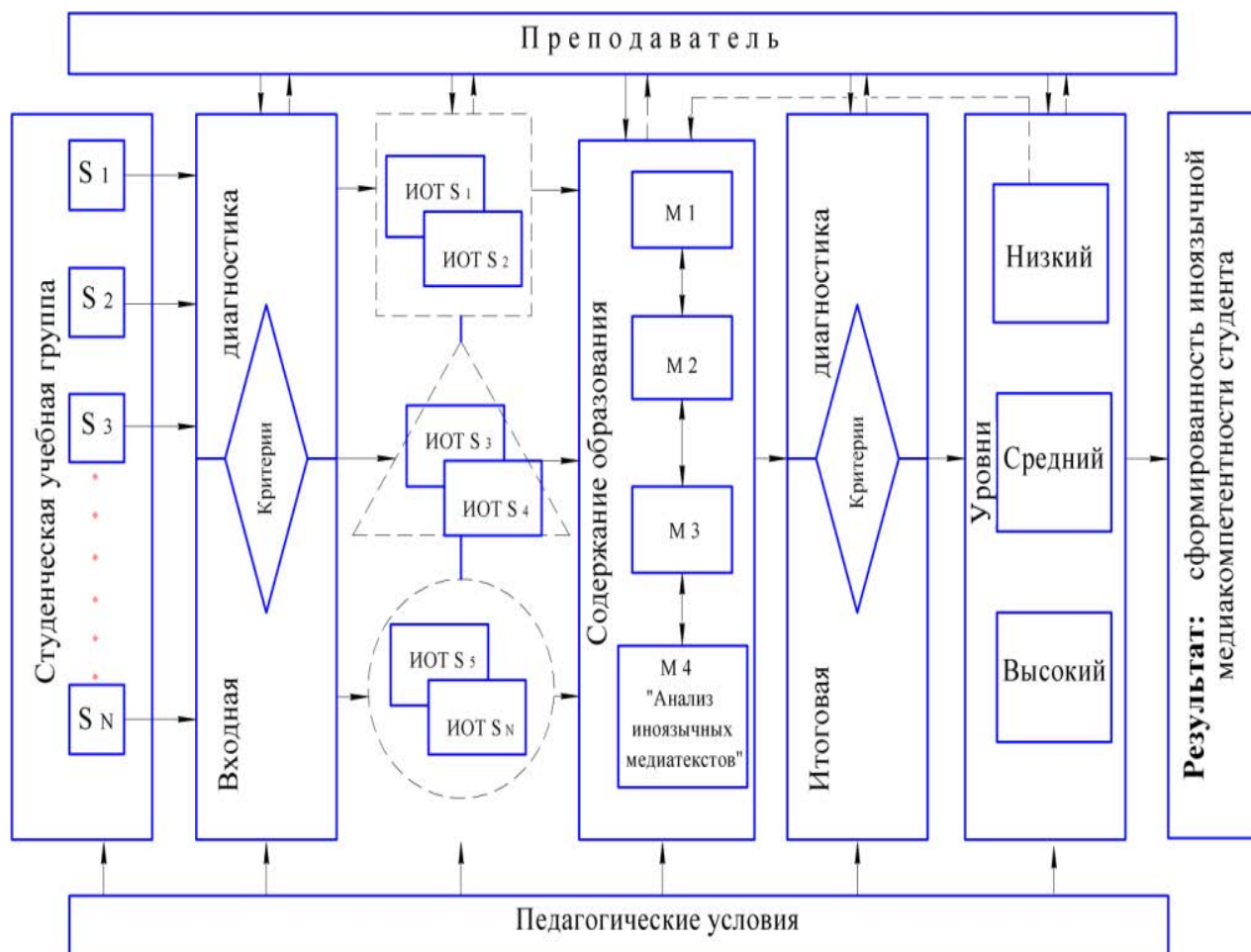

Рисунок 1 – Акметехнология формирования иноязычной медиакомпетентности студентов университета

На начальном этапе диагностическим исследованием выявляется наличное («стартовое» по Б.Г. Ананьеву) состояние личности: уровень владения ИЯ, особенности развития психологических процессов, коммуникативные и организаторские склонности, мотивация и др.

Выявленные в ходе диагностики индивидуально-психологические особенности студентов позволяют сформировать типологические микрогруппы на основании типобразующих признаков, среди которых выделяются существенные и несущественные признаки. В качестве существенных признаков нами отмечены мотивация учебной деятельности и тип интеллекта.

Эффективность процесса овладения ИЯ во многом зависит от мотивации. Согласно И.А. Зимней, мотивация – это «стержень личности, к которому

“стягиваются” такие ее свойства, как направленность, ценностные ориентации, установки, социальные ожидания, притязания, эмоции, волевые качества и другие социально-психологические характеристики» [3, с. 219]. Учебная мотивация, т.е. мотивация, включенная в учебную деятельность, бывает внутренней (ориентированной на процесс учения и результат) и внешней (обусловленной социальными мотивами – например, мотивом личностного роста, долга и др.). Учет мотивации важен в дидактическом процессе, поскольку мотивация – источник активности, являющейся главной функциональной особенностью субъекта деятельности.

Исследованиями Б.Г. Ананьева доказана корреляционная зависимость между умственным развитием и успешностью обучения [4, с. 224]. Особо выделяется роль восприятия, мышления, памяти и внимания при успешном осуществлении учебной деятельности. Все вышеперечисленное входит в понятие «общий интеллект». В предметной области «Иностранный язык» важным условием успешности является преобладание вербального типа интеллекта, необходимого для изучения предметов гуманитарного цикла, в том числе иностранных языков. Субъекту с достаточно развитым вербальным интеллектом свойственно умение грамотно оформлять содержание своих мыслей; самостоятельность, обстоятельность мышления; способность комбинировать, абстрагировать, понимать отношения; высокая способность к запоминанию, сохранению и логическому воспроизведению; хорошая сосредоточенность внимания. О преобладании вербального интеллекта над невербальным свидетельствуют высокие результаты по комплексу вербальных субтестов теста Амтхауэра.

Стартовая диагностика уровней владения ИЯ необходима для того, чтобы определить в дальнейшем программу саморазвития, а по окончании обучения выявить уровень освоения программы. На этапе «микрогрупп» его можно отнести к несущественным признакам.

Диагностируя коммуникативные и организаторские склонности, мы выявляем потенциального лидера микрогруппы, умеющего устанавливать контакт с людьми, отстаивать мнение и принимать самостоятельные решения. Согласно Б.Г. Ананьеву, черты общительности имеют значение в групповом взаимодействии, однако в ходе групповой деятельности происходит сближение индивидуальных свойств – медленности /быстроты установления контакта (характерных для нейродинамической инертности /подвижности) [5, с. 298]. Исходя из этого, общительность мы относим к несущественным признакам.

Распределение студентов по типологическим микрогруппам проводится с целью повышения эффективности учебного взаимодействия. Исследованиями Б.Г. Ананьева подтверждается «особое значение психофизиологических характеристик ... для обеспечения оптимальной совместимости индивидов в групповой работе» [там же]. Кроме того, диагностические данные помогают определить операционально-практический способ самосовершенствования личности студента и характер акмеологической поддержки для достижения им оптимального состояния.

Выделенные существенные признаки позволили определить 4 типа студентов (и, следовательно, микрогрупп):

- 1) студенты, имеющие высокий уровень вербального интеллекта и высокую мотивацию;
- 2) студенты, имеющие высокий уровень вербального интеллекта и низкую мотивацию;
- 3) студенты, имеющие низкий уровень вербального интеллекта и высокую мотивацию;
- 4) студенты, имеющие низкий уровень вербального интеллекта и низкую мотивацию.

Малые группы численностью по 3-4 человека идеально подходят для обучения в сотрудничестве (learning together), для активной совместной деятельности студентов в разных учебных ситуациях. По идее разработчиков метода Д. Джонсон и Р. Джонсон, каждая микрогруппа получает одно задание, которое является частью модуля, над которым работает вся студенческая группа. В процессе работы члены микрогруппы общаются между собой, уточняя детали, предлагая варианты выполнения задания. Группа оценивается в зависимости от достижений каждого студента, таким образом, каждый ответственен не только за результат своей работы, но и разделяет ответственность за общий результат. Задания в группах дифференцированы по сложности и объему, так как уровень владения ИЯ у всех разный. Менее подготовленные студенты консультируются у более подготовленных, стараясь ликвидировать пробелы в знаниях. По окончании работы группа презентует выполненное задание. Акмеологическая поддержка на микрогрупповом уровне заключается в консультировании, даче рекомендаций по развитию психологических особенностей, например, памяти или внимания.

Помимо этого, педагог инициирует выстраивание индивидуальных образовательных траекторий (ИОТ) студентов с целью достижения студентами пиков самореализации и совместно с ними разрабатывает индивидуальные программы саморазвития, куда включаются все темы, не освоенные на предыдущем этапе овладения ИЯ и конкретные сроки их освоения. Акмеологическая поддержка на индивидуальном уровне направлена на выявление и развитие образовательных мотивов и интересов студентов, формирование образовательной рефлексии, выявление затруднений студентов, возникающих в ходе самостоятельной работы, и консультационную помощь, контроль выполнения заданий и коррекцию ИОТ. Планируется, что начальный этап технологии, охватывающий по времени 1 и 2 семестры, должен завершиться «лингвистическим лифтом», т.е. ликвидацией пробелов в знаниях, предусмотренных основным уровнем освоения программы для неязыковых направлений подготовки.

Основной этап технологии непосредственно связан с освоением иноязычной медиакультуры и нацелен на формирование иноязычной медиакомпетентности студентов университета. На этом этапе осуществляется переход от учебной деятельности к квазипрофессиональной, происходит интенсивное освоение содержания обучающего модуля «Анализ

иноязычных медиатекстов». Интенсивное освоение содержания образования происходит за счет активизации психических процессов и межличностных отношений, повышения информативной емкости содержания иноязычного образования, разнообразия форм учебной деятельности, использования таких видов учебной деятельности, как динамичное чтение, переводческая скоропись, коммуникативные игры и коллективное творчество, за счет активизации самостоятельной учебной деятельности на основе современных акмеологических и информационных технологий. В задачи модуля входит формирование ЗУН поиска необходимой иноязычной информации; декодирования информации, содержащейся в иноязычном медиатексте с использованием техники «герменевтического круга», и достижение понимания позиции автора; ЗУН перевода и интерпретации текстов широкого медийного спектра; создания в процессе интерпретации новых смыслов и их представления в форме сообщений на иностранном языке, адекватной задачам и условиям коммуникации; развитие творческих способностей на материале иноязычных медиа и создание медиапродукта; освоение иноязычной медиакультуры. В модуль включены основы медиакультуры, представленные следующей тематикой: «Медиакультура как информационная система», «Функции медиакультуры», «История СМК», «Манипулятивное воздействие СМК», «Анализ иноязычных медиатекстов разных видов и жанров», «Печатная культура: новостной медиатекст, рекламный медиатекст, комментарий», «Аудиальная культура: радио/подкаст», «Визуальная культура: фотография, кинофильм, телесериал, видео» и «Интернет как смешанный тип медиакультуры». В модуль также включены упражнения на понимание эмоционально окрашенной лексики и развитие навыков аудиовизуального восприятия, перевода и интерпретации; предусматривается работа с текстами широкого медийного спектра.

На завершающем этапе проводится диагностика, рефлексивное осмысление результатов обучения, итоговая оценка и самооценка результатов, коррекция и самокоррекция плана действий на основе полученных результатов.

Уровни сформированности иноязычной медиакомпетентности, демонстрирующие различную степень полноты реализации ее критериев и показателей, описанных нами ранее [2], и индикаторы этих уровней представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Таблица сформированности иноязычной медиакомпетентности

Критерии	Уровни сформированности иноязычной медиакомпетентности		
	низкий	средний	высокий
<p>мотивационный</p> <ul style="list-style-type: none"> - иметь мотивацию достижения; - испытывать потребность в самообразовании, постоянном самосовершенствовании в сфере межкультурной коммуникации; - иметь позитивное отношение к формированию иноязычной медиакомпетентности; - проявлять интерес к получению знаний из иноязычного сегмента медиасферы; - положительная динамика развития мотивов и интересов 	<p>отсутствие мотивации достижения, позитивного отношения к формированию иноязычной медиакомпетентности;</p> <p>отсутствие потребности в самосовершенствовании в сфере межкультурной коммуникации, слабовыраженный интерес к получению знаний из иноязычного сегмента медиасферы;</p> <p>отсутствие динамики развития мотивов и интересов</p>	<p>наличие мотивации достижения, позитивного отношения к формированию иноязычной медиакомпетентности;</p> <p>не ярко выраженная потребность в самосовершенствовании в сфере межкультурной коммуникации, эпизодический интерес к получению знаний из иноязычного сегмента медиасферы;</p> <p>положительная динамика развития мотивов и интересов</p>	<p>наличие устойчивой мотивации достижения, позитивного отношения к формированию иноязычной медиакомпетентности;</p> <p>ярко выраженная потребность в постоянном самосовершенствовании в сфере межкультурной коммуникации, наличие устойчивого интереса к получению знаний из иноязычного сегмента медиасферы;</p> <p>ярко выраженная положительная динамика развития мотивов и интересов</p>
<p>когнитивный</p> <ul style="list-style-type: none"> - владеть четырьмя видами речевой деятельности на ИЯ; - знать основы медиакультуры; - проявлять интеллектуальную активность, выражающуюся в самостоятельном постижении медиакультуры 	<p>отрицательная динамика в овладении четырьмя видами речевой деятельности на ИЯ;</p> <p>низкий уровень знания основ медиакультуры;</p> <p>низкая интеллектуальная активность</p>	<p>положительная динамика в овладении четырьмя видами речевой деятельности на ИЯ;</p> <p>средний уровень знания основ медиакультуры;</p> <p>средняя интеллектуальная активность</p>	<p>ярко выраженная положительная динамика в овладении четырьмя видами речевой деятельности на ИЯ;</p> <p>высокий уровень знания основ медиакультуры,</p> <p>высокая интеллектуальная активность</p>
<p>технологический</p> <ul style="list-style-type: none"> - уметь осуществлять сбор иноязычной информации; - определять источники медиатекстов, их политические, социальные, коммерческие или культурные интересы; - воспринимать и анализировать иноязычные медиатексты разных видов и жанров; 	<p>отсутствие навыков переработки иноязычной информации;</p> <p>искаженное понимание процесса массовой коммуникации и медийных воздействий;</p> <p>неумение воспринимать и анализировать иноязычные</p>	<p>достаточно развитые навыки сбора и переработки иноязычной информации;</p> <p>адекватное понимание процесса массовой коммуникации и медийных воздействий;</p> <p>умение воспринимать и анализировать иноязычные медиатексты разных</p>	<p>высокоразвитые навыки сбора и переработки иноязычной информации;</p> <p>глубокое понимание процесса массовой коммуникации и медийных воздействий;</p> <p>владение навыками анализа медиатекста разных видов и жанров, создания собственного медиапродукта на ИЯ</p>

<ul style="list-style-type: none"> - интерпретировать медиатексты и ценности, распространяемые медиа; - создавать собственные медиатексты на ИЯ 	<p>медиатексты разных видов и жанров, создавать собственный медиапродукт на ИЯ</p>	<p>видов и жанров, создавать собственный медиапродукт на ИЯ</p>	
<p>рефлексивный</p> <ul style="list-style-type: none"> - уметь проводить самоанализ деятельности, в том числе самообразовательной; - уметь мотивированно выражать собственную позицию; - понимать пути самосовершенствования и самореализации; - развивать учебную автономию; - проецировать возможность применения предметных ЗУН в будущей профессиональной деятельности 	<p>отсутствие умения самоанализа, самообразования в медийной сфере; неумение выражать собственную позицию; неумение проектировать свое развитие, непонимание путей самосовершенствования и самореализации; выраженная учебная зависимость; отрицательное отношение к применению предметных ЗУН в будущей профессиональной деятельности</p>	<p>умения самоанализа, самообразования в медийной сфере; умение выражать собственную позицию; неосознанное проектирование личностью своего развития, неполное понимание путей самосовершенствования и самореализации; средняя степень автономности-зависимости личности; позитивное отношение к применению предметных ЗУН в будущей профессиональной деятельности</p>	<p>умения самоанализа, самообразования в медийной сфере; умение мотивированно выражать собственную позицию; осознанное проектирование личностью своего развития, понимание путей самосовершенствования и самореализации; высокая степень учебной автономии; умение проецировать приобретенные предметные ЗУН на будущую профессиональную деятельность</p>

В заключение необходимо отметить педагогические условия, способствующие успешному протеканию процесса обучения: применение акмеологического подхода с целью оптимизации и последующей интенсификации учебного процесса; применение широкого медийного спектра в процессе обучения; переход от учебной деятельности к квазипрофессиональной; введение в содержание образования обучающего модуля, направленного на формирование умений герменевтического анализа медиатекстов; внедрение акметехнологии формирования иноязычной медиакомпетентности с целью профессионально-личностной самореализации студентов университета.

Список литературы

1 Ананьев Б. Г., Дворяшина М. Д. и др. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия. – М. : Просвещение, 1968.

- 2 Юркевич Л. Н. Структурно-функциональная модель формирования иноязычной медиакомпетентности //Политематический журнал научных публикаций «Дискуссия». – 2014. – № 6 (47). – С. 124-130.
- 3 Зимняя И. А. Педагогическая психология : учебник для вузов. – Изд. 2-е, доп., испр. и переработ. – М. : Издательская корпорация «Логос», 2000.
- 4 Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. Т. II / под ред. А. А. Бодалева и др. – М. : Педагогика, 1980.
- 5 Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1968.

L. YURKEVICH
(Kurgan, Russia)

IMPLEMENTATION OF ACME TECHNOLOGY TO DEVELOP FOREIGN LANGUAGE MEDIA COMPETENCE

Abstract: The article substantiates the necessity of optimization of foreign language teaching. It is suggested to use acmeological approach as a tool of optimization. The technology of foreign language media competence developing in the context of acmeological approach is presented.

Keywords: Optimization, acmeological approach, acme technology, foreign language media competence.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бочегова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, декан филологического факультета Курганского государственного университета; e-mail: nbochegova1@yandex.ru.

Бочкарёва Нина Станиславна – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: nsbochk@mail.ru.

Галичкина Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Астраханского государственного университета; e-mail: elenagalich@rambler.ru.

Герэн Гийом – ст. преподаватель кафедры французской филологии Курганского государственного университета; e-mail: af@kgsu.ru.

Денисова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина; e-mail: denisovaea72@mail.ru.

Драгунова Ольга Сергеевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: osdragunova@mail.ru.

Ежова Наталья Семеновна – учитель гимназии № 122 им. Ж.А. Зайцевой Московского района г. Казани Республики Татарстан; e-mail: natalyaezhowa@yandex.ru.

Жукова Ирина Максимовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой истории литературы и фольклора Курганского государственного университета; e-mail: kafedrailif@rambler.ru.

Закирова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, профессор Глазовского государственного педагогического института им. В.Г. Короленко; e-mail: natnik50@rambler.ru.

Иванова Оксана Иннокентьевна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; e-mail: oxanaiva@mail.ru.

Иванова Юлия Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры немецкой филологии Курганского государственного университета; e-mail: julwell@mail.ru.

Кабыш Виктория Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Курганского государственного университета; e-mail: kabysh.v.i@yandex.ru.

Казенас Оксана Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой французской филологии Курганского государственного университета; e-mail: oxana.kazenas@yandex.ru.

Казенас Евгений Владимирович – ученик 7 В класса гимназии № 27; e-mail: eugenekazen@mail.ru.

Казенас Герман Владимирович – ученик 10 А класса гимназии № 27; e-mail: german.kazenas@mail.ru.

Какзанова Евгения Михайловна – доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; e-mail: kakzanova@post.ru.

Калачёва Елена Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: af@kgsu.ru.

Каликова Анна Михайловна – аспирант Астраханского государственного университета, ассистент кафедры английского языка для ФСК и ЮФ; e-mail: sircat@yandex.ru.

Кириллова Татьяна Сергеевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Киселёва Светлана Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: svkiseljeva@bk.ru.

Клейменова Виктория Юрьевна – доктор филологических наук, доцент кафедры английского языка Псковского государственного университета; e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru.

Кошелева Ольга Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Кривоногов Алексей Валерьевич – аспирант Курганского государственного университета; e-mail: alex-45rus@yandex.ru.

Кувалина Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета; e-mail: oya@kgsu.ru

Лазарева Татьяна Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: af@kgsu.ru.

Лапина Юлия Ивановна – студентка 4 курса факультета иностранных языков Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина; e-mail: denisovaea72@mail.ru.

Майшева Кристина Андреевна – магистр, учитель английского языка, предметно-языковой школы «Дуплекс» г. Перми; e-mail: maishik@bk.ru.

Марал Ольга (Maral O.) – студентка педагогического факультета Венского университета; e-mail: olgapredeina@gmail.com.

Миронова Марина Юрьевна – ст. преподаватель кафедры экономического английского языка Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: mkprg@yandex.ru.

Мирский Роман Владимирович – аспирант Курганского государственного университета; e-mail: mirsky_roman@mail.ru.

Назарова Тамара Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: tamara_nazarova@mail.ru.

Носенко Гульсания Нуртыновна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Одишелашвили Инеса Рафаеловна – ассистент кафедры иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Патов Николай Андреевич – аспирант Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: Silencec11@rambler.ru.

Поманисочка Михаил Александрович – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: romanis@mail.ru.

Портнягин Дмитрий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: portdim73@mail.ru.

Порунцова Екатерина Ильинична – преподаватель русского языка Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского; e-mail: ekaterina-andreeva-89@mail.ru.

Росянова Татьяна Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления РАНХиГС; e-mail: rosyanova@mail.ru.

Садомская Наталья Дмитриевна – доктор филологических наук, зав. кафедрой мировой литературы филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета; e-mail: nashsad53@mail.ru.

Самойлова Галина Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории литературы и фольклора Курганского государственного университета; e-mail: samoylovaproff@gmail.com.

Сатина Дарья Дмитриевна – аспирант кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: dsatina@mail.ru.

Смакотина Тамара Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: af@kgsu.ru.

Солохина Ирина Сергеевна – старший лаборант, преподаватель кафедры иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Сысуева Раиса Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания Курганского государственного университета; e-mail: oya@kgsu.ru.

Тимофеева Татьяна Николаевна – переводчик, Курганский театр кукол «Гулливёр»; e-mail: venussss@mail.ru.

Украинцева Нина Ефимовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков Курганской государственной сельскохозяйственной академии им. Т.С. Мальцева; e-mail: yasnaya11@yandex.ru.

Ульянин Владимир Фёдорович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Курганского государственного университета; e-mail: uljaninw@rambler.ru.

Фёдорова Валентина Павловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории литературы и фольклора Курганского государственного университета; e-mail: ilif@kgsu.ru.

Фролова Татьяна Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории литературы и фольклора Курганского государственного университета; e-mail: kafedrailif@rambler.ru.

Цветков Юрий Леонидович – доктор филологических наук, зав. кафедрой зарубежной литературы Ивановского государственного университета; e-mail: Jzvetkow@mail.ru.

Черменина Екатерина Николаевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина; e-mail: aquamarrina@gmail.com.

Швед Инна Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры белорусского литературоведения Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина; e-mail: Shved_Inna@tut.by.

Шихардина Людмила Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: ardinaL@yandex.ru.

Шмелёва Татьяна Станиславовна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Астраханского государственного медицинского университета Минздрава России; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Юркевич Лариса Николаевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии Курганского государственного университета; e-mail: alisa_yurkevich@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bochegova Natalia N. – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Philological Faculty, Kurgan State University; e-mail: nbochegoval@yandex.ru.

Bochkareva Nina St. – Doctor of Philology, Professor of the Department of World Literature and Culture, Perm State National Research University; e-mail: nsbochk@mail.ru.

Chermenina Ekaterina N. – Senior Lecturer of the Department of English Philology, Leningrad State University named after A.S. Pushkin; e-mail: aquamarrina@gmail.com.

Denisova Elena A. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Leningrad State University named after A.S. Pushkin; e-mail: denisovaea72@mail.ru.

Dragunova Olga S. – Senior Lecturer of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: osdragunova@mail.ru.

Ezhova Natalia S. – Teacher of Gymnasium № 122 named after Z.A. Zaitseva, the Moscow district of Kazan, Republic of Tatarstan; e-mail: natalyaezhova@yandex.ru.

Fedorova Valentina P. – Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Literature and Folklore, Kurgan State University; e-mail: ilif@kgsu.ru.

Frolova Tatiana O. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History of Literature and Folklore, Kurgan State University; e-mail: kafedrailif@rambler.ru.

Galichkina Elena N. – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology, Astrakhan State University; e-mail: elenagalich@rambler.ru.

Guérin Guillaume – Senior Lecturer of the Department of French Philology, Kurgan State University; e-mail: af@kgsu.ru.

Ivanova Oksana I. – Candidate of Philology, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; e-mail: oxanaiva@mail.ru.

Ivanova Yuliya N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology, Kurgan State University; e-mail: julwell@mail.ru.

Kabysh Victoria I. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department, Kurgan State University; e-mail: kabysh.v.i@yandex.ru.

Kalacheva Elena V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: af@kgsu.ru.

Kazenas Oksana A. – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of French Philology, Kurgan State University; e-mail: oxana.kazenas@yandex.ru.

Kazenas German V. – Student of the 10th form, Gymnasium № 27, Kurgan; e-mail: german.kazenas@mail.ru

Kazenas Yevgeny V. – Student of the 7th form, Gymnasium № 27, Kurgan; e-mail: eugenekazen@mail.ru.

Kakzanova Evgenia M. – Doctor of Philology, Professor, The Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: kakzanova@post.ru.

Kalikova Anna M. – Assistant Lecturer of the Department of English for FSK and LF, Post-graduate student, Astrakhan State University; e-mail: sircat@yandex.ru.

Kirillova Tatyana S. – Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Kiseleva Svetlana V. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and Translation Studies, Saint-Petersburg State University of Economics; e-mail: svkiseljeva@bk.ru.

Kosheleva Olga N. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Kleimenova Victoria Yu. – Doctor of Philology, Professor of the English Language Department, Pskov State University; e-mail: victoria.kleimenova@yandex.ru.

Krivonogov Alexey V. – Post-graduate student, Kurgan State University; e-mail: alex-45rus@yandex.ru.

Kuvalina Svetlana S. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Kurgan State University; e-mail: oya@kgsu.ru.

Lapina Yulia I. – Student of the Foreign Languages Faculty, Leningrad State University named after A.S. Pushkin; e-mail: denisovaea72@mail.ru.

Lazareva Tatiana G. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: af@kgsu.ru.

Maral Olga – Student of the Pedagogical Faculty of the University of Vienna.

Micheva Kristina A. – Teacher of English, CLIL School «Duplex», Perm; e-mail: maishik@bk.ru.

Mironova Marina Yu. – Senior Lecturer of the English Language Department № 2, Saint-Petersburg State University of Economics; e-mail: mkpr@yandex.ru.

Mirsky Roman V. – Post-graduate student, Kurgan State University; e-mail: mirsky_roman@mail.ru.

Nazarova Tamara B. – Doctor of Philology, Professor of the Department of English Linguistics, the Faculty of Philology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; e-mail: tamara_nazarova@mail.ru.

Nosenko Gulsania N. – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Odishelashvili Inessa R. – Lecturer of the Foreign Languages Department, Astrakhan State Medical University; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Patov Nikolai A. – Post-graduate student, Saint Petersburg State University of Economics; e-mail: Silencec11@rambler.ru.

Pomanisochka Mikhail A. – Senior Lecturer of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: pomanis@mail.ru.

Portnyagin Dmitry V. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: portdim73@mail.ru.

Poruntsova Ekaterina I. – Lecturer, Mozhaysky Military-Space Academy; e-mail: ekaterina-andreeva-89@mail.ru.

Rosyanova Tatiana S. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, the North-West Institute of Management of the Russian Federation Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: rosyanova@mail.ru.

Sadomskaya Natalya D. – Doctor of Philology, Professor of the Department of the Russian Language and Literature, Orenburg State Pedagogical Institute; e-mail: nashsad53@mail.ru.

Samoilova Galina M. – Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Literature and Folklore, Kurgan State University; e-mail: samoylovaproff@gmail.com.

Satina Darya D. – Post-graduate student, Kurgan State University; e-mail: dsatina@mail.ru.

Shihardina Lyudmila N. – Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: ardinaL@yandex.ru.

Shmeleva Tatyana St. – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Shved Inna A. – Doctor of Philology, Professor of the Department of Belarusian Literature, Brest State University named after A.S. Pushkin; e-mail: Shved_Inna@tut.by.

Smakotina Tamara M. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: af@kgsu.ru.

Solokhina Irina S. – Lecturer of the Department of Foreign Languages, Astrakhan State Medical University; e-mail: Kirillova-ASMA@yandex.ru.

Sysueva Raisa P. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of General Linguistics, Kurgan State University; e-mail: oya@kgsu.ru.

Timofeeva Tatiana N. – Translator, Kurgan State Puppet Theatre «Gulliver»; e-mail: venussss@mail.ru.

Tsvetkov Yuri L. – Doctor of Philology, Head of the Department of Foreign Literatures, Ivanovo State University; e-mail: Jzvetkow@mail.ru.

Ukrainitseva Nina E. – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Kurgan State Agricultural Academy named after T.S. Maltsev; e-mail: yasnaya11@yandex.ru.

Ulyanin Vladimir F. – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German Philology, Kurgan State University; e-mail: uljaninw@rambler.ru.

Yurkevich Larisa N. – Senior Lecturer of the Department of English Philology, Kurgan State University; e-mail: alisa_yurkevich@mail.ru.

Zakirova Natalia N. – Candidate of Philology, Professor, Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko; e-mail: natnik50@rambler.ru.

Zhukova Irina M. – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of History of Literature and Folklore, Kurgan State University; e-mail: kafedrailif@rambler.ru.

Научное издание

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНОЕ
В ЯЗЫКАХ И ЛИТЕРАТУРАХ**

Сборник материалов 3-й международной научной конференции

23 марта 2016 года

Редактор Н.Л. Борисова

Подписано в печать 19.01.2017
Печать цифровая
Заказ № 001

Формат 60 × 84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,75
Тираж 100

Бумага 65 г/м²
Уч.-изд. л. 17,75

БИЦ Курганского государственного университета.
640020, Курган, ул. Советская, 63/4.
Курганский государственный университет.